ТАК ЭТО БЫЛО

Б

НАСИЛЬСТВЕННОЙ ТОТАЛЬНОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ДЕПОРТАЦИИ БЫЛИ ПОДВЕРГНУТЫ:

КОРЕЙЦЫ
- 1935, август 1937 гг. с Дальнего Востока

КУРДЫ
- ноябрь 1937, ноябрь 1944 гг. из Азербайджана, Армении, Грузии

НЕМЦЫ
- 28 августа 1941 г. из Поволжья и других районов СССР

КАРАЧАЕВЦЫ
- 2 ноября 1943 г. из Карачаевской автономной области

КАЛМЫКИ
- 28 декабря 1943 г. из Калмыцкой АССР

ИНГУШИ
- 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР

ЧЕЧЕНЦЫ
- 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР

БАЛКАРЦЫ
- 8 марта 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ
- 18 мая 1944 г. из Крымской АССР

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ
- 14 ноября 1944 г. из Грузии

ХЕМШИДЫ
- ноябрь 1944 г. из Грузии

ГРЕКИ
- 27 июня 1944 г. из Крыма, июнь 1949 г. из Грузии

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ, начиная с 1919 г.

ДОКУМЕНТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ФОЛЬКЛОР

ПУБЛИЦИСТИКА

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ДРАМАТУРГИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕПРЕССИИ В СССР
1919 - 1952 ГОДЫ

В 3-Х ТОМАХ

ТОМ II

Российский Международный фонд культуры
Москва «Инсан», 1993

ББК 94.3:84 А/Я
Т15

Составитель, редактор, автор предисловия, послесловия примечаний и комментариев Светлана АЛИЕВА

Художник Зарема ТРАСИНОВА

Так это было: Национальные репрессии в СССР.
Т15 1919 - 1952 годы: Худож. - док.сб./ Ред. - сост. С.У.Алиева:
В 3-х т. Т. 2. - Москва: "Инсан". 1993. - 336 с.
ISBN 5-85840-263-1 (т.2)
ISBN 5-85840-261-5

Т $\frac{0902020000-003}{4Г4(03)-93}$ Без объявл. ББК 94.3:84 А/Я

ISBN 5-85840-263-1 (т.2)
ISBN 5-85840-261-5

ЗАБЫТЬ, ЗАБЫТЬ
ВЕЛЯТ БЕЗМОЛВНО,
ХОТЯТ В ЗАБВЕНЬЕ УТОПИТЬ
ЖИВУЮ БОЛЬ

А. Твардовский

ТОМ ВТОРОЙ

КАРАЧАЕВЦЫ

КАЛМЫКИ

ИНГУШИ

ЧЕЧЕНЦЫ

БАЛКАРЦЫ

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

КАРАЧАЕВЦЫ

Исмаил Алиев

ШЛЕЙФ БЕД И СТРАДАНИЙ

Заметки о "карачаевском вопросе"

Каждый раз, когда говорится о сталинской "мудрой национальной политике", когда перечисляются народы, подвергшиеся беспрецендентному переселению с родных мест, сжимается сердце: это и о твоем народе говорят. О твоем отце, о твоей матери, о твоей непреходящей боли. За этими народами по необыкновенно емкому и точному определению Чингиза Айтматова и доныне тянется горестный "шлейф бед и страданий".

Что же это за шлейф? Где его истоки? Из чего соткан и чем питается в наши дни? Что сегодня волнует меня, человека вполне благополучной судьбы, родившегося после войны, выросшего в куда как спокойное "застойное" время, не видевшего и сотой доли тех тягот, испытаний и унижений, которые выпали на долю отцов и дедов? Этот шлейф, который тянется едва ли не от начала века и уже успел обвить не только наши шеи, но шеи наших детишек - внуков наших победоносных и униженных отцов, ветеранов войны и труда, инвалидов, старейших коммунистов. Об этом шлейфе - речь.

Я - сын карачаевского народа, того самого, который Лев Толстой в свое время выделил как народ, "отличающийся своей верностью, красотой и храбростью", того самого, о котором в начале века парижский журнал "Мусульманин" писал: "Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, зато у них в высшей мере развит культ воспитания, между тем, как к этому важнейшему вопросу только-только приближается наикультурнейшая Европа..." Забегая вперед, скажу , что от этого института воспитания цельного человека ныне остались жалкие крохи.

Испокон веков карачаевцы живут в красивейших горах Северо-Западного великого кавказского хребта. Их отчие земли - Теберда, Домбай, Архыз, Махар, Западное Приэльбрусье всемирно известны. И думается иногда: не эта ли красота гор и их природные богатства стали причиной тех неисчислимых бедствий, которые выпали на долю народа?

В самом деле, еще в 1915 году в журнале "Природа", обсуждался вопрос о необходимости "очистить" эти прекрасные места от "диких туземцев" и соорудить здесь дачи и санатории для российской "белой косточки".Еще раньше, как известно, российские цари сулили своим грузинским братьям весь Северный Кавказ до Ростова-на-Дону. Не здесь ли коренится болевой и сегодня для карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей вопрос "За что?!"?

Но прежде совершим небольшой исторический экскурс, ведь в сущности широкому читателю ничего или почти ничего неизвестно о моем народе.

Свой в высшей степени интересный, написанный с огромной симпатией, этнографический портрет карачаевского народа выдающийся русский ученый-ориенталист прошлого века, академик Г.Ю.Клапрот заключает словами: "Вообще можно с полным правом сказать, что карачаевцы - самый культурный народ Кавказа, и что по мягкости нравов они превосходят своих соседей". "В целом можно сказать с полным основанием, что они (карачаевцы)относятся к числу наиболее цивилизованных народов Кавказа, и что, благодаря своему мягкому нраву, они оказывают цивилизующее действие на своих соседей...", - вторит академику генерал русской армии И.Ф.Бларамберг. "Однажды присягнув русскому царю, карачаевцы были вполне верны данной присяге... В награду за верность карачаевцам высочайше была дарована земля в пределах теперешнего Карачая...", - пишет русский исследователь В.М.Сысоев. "Под влиянием таких героев, как Карча и Камгут, карачаевцы прослыли честнейшими из всех горских племен . Основной закон их нравственного кодекса - уважение к старшим". Это - из статьи русского этнографа Г.Рукавишникова, опубликованной в 1901 году. Такова всеобщая позитивная тональность суждений о народе всех зарубежных и русских исследователей Кавказа, знакомых с дореволюционным Карачаем.

Военный администратор Карачая (1860 - 1880) генерал Николай Григорьевич Петрусевич, член Русского Географического общества, в совершенстве изучил язык, знал обычаи и традиции народа. К Петрусевичу горцы шли как к высшему авторитету - не по положению, по признанию. Это он построил первую в наших краях больницу (она и ныне работает), светскую школу, виртуозно провел среди народа реформу по отмене крепостного права, "выбил" новые земли и дал возможность безземельным крестьянам основать новые аулы. Когда в 1880 году он был убит в Туркестане за тысячи километров от Карачая, карачаевцы по собственной инициативе и на собственные деньги совместно с казаками организовали экспедицию в Туркестан, привезли прах Петрусевича и похоронили его на своей земле. Имя Н.Г.Петрусевича (Зукгу-Прустоп) и поныне популярно в народе. Завидная

участь русского дворянина, интеллигента, ученого. Так вот Н.Петрусевич не раз говаривал о том, что красота и богатство гор Карачая были и долго будут источником бед народных...

Что же после революции, которую Карачай принял как свою? Если и были колебания, то спровоцированные либо неумными действиями советских руководителей, либо прямым давлением и террором контрреволюции.

Известный советский поэт Николай Асеев писал : "Карачаевцы полны внутреннего благородства, сосредоточенной сдержанности. Это прекрасные сильные люди, пасущие свои стада на склонах альпийских лугов, умеющие видеть и наблюдать, сравнивать и оценивать". Невозможно без глубокого волнения читать письмо известного советского врача-окулиста, профессора С.В.Очаповского, почетного гражданина Карачая (и такое было) жителям аула Учкулан, опубликованное в газете "Горская жизнь" в 1926 году. Вот последние строки этого письма: "Перед отъездом из Карачая, перед разлукой, может быть, на долгое время, мне так хотелось внутренне поклониться ему. У подножья Эльбруса я ощутил все величие чуткой души Карачаевского народа..." (В письме слово "Карачаевского" - с большой буквы ...).

Карачаевцы как народ стали известны европейскому читателю сравнительно поздно - начиная с 16 века, благодаря запискам и публикациям русских и зарубежных ученых, путешественников, писателей, государственных деятелей. И вот что поразительно: за почти полтысячелетие до наших дней негативных высказываний об этом народе - ничтожное количество и почти все они принадлежат... партийным и советским функционерам позднейшего времени. Причем, в зависимости от конъюктуры, их высказывания занимают весь диапазон характеристик от "истинных патриотов своей страны" до "врагов", "изменников", "тунеядцев", "дебоширов" и т.д.

На бочку меда, как известно, достаточно ложки дегтя. И дегтем этим мое поколение по горло сыто...

Итак, ко времени Октябрьской революции Карачай имел более чем похвальную репутацию. Во всех, без исключения, источниках подчеркивается удивительное трудолюбие карачаевцев. Они дали миру кефир, айран, карачаевскую царственную овцу (и ныне в Париже существует ресторан "Карачаевская овца"), карачаевскую породу лошадей - незаменимых в горах, карачаевские бурки, числившиеся среди лучших на Кавказе...

Первые политические беды Карачая начались в конце августа 1920 года с так называемой экспедиции Черемухина, исчерпывающие сведения о которой приводит Умар Алиев в своей книге "Карачай" (1927 год). Черемухин, особо уполномоченный реввоенсовета 9-ой армии решил "проучить" контрреволюционные казачьи станицы и прежде

всего - Кардоникскую и осетинское село Георгие-Осетинское (ныне Коста- Хетагурово). В приказе-воззвании, подписанном Черемухиным, говорилось о необходимости выселения жителей станицы и села в степи Ставрополья. Для реализации этой задачи, а также активизации борьбы с бандами белогвардейского полковника Хвостикова, орудовавшими и на территории Карачая, Черемухин направился с небольшим отрядом и обозом оружия в Карачай, где намеревался создать отряды. Карачаевцы не возражали против создания отрядов, однако к идее поголовного выселения казаков и осетин отнеслись без всякого энтузиазма. Эта медлительность взбесила особоуполномоченного. Человек, не знакомый с горскими обычаями и традициями, он в совсем выступлении публично оскорбил стариков, публично расстрелял двух ни в чем не повинных осетин, гостивших в карачаевских семьях. Это вызвало недовольство населения. Ошибки Черемухина были тотчас и весьма умело использованы белогвардейцами. Их лазутчики информировали Черемухина о приближении якобы крупных белогвардейских сил. Не утруждая себя проверкой сведений, Черемухин спешно покинул ущелья Большого Карачая. Тотчас провокаторы пустили слух, что Черемухин по пути расстрелял карачаевских парней, ушедших сним. Воспользовавшись всеобщим волнением белогвардейцы подняли мятеж и, бросившись вслед за отрядом Черемухина, состоявшим из 30 всадников и стольких же пехотинцев, разгромили его. Черемухин и группа бойцов, уцелевших после боя, бежали в сторону станицы Баталпашинской, ныне Черкесск. Этот горе-военачальник был, вероятно, первым, кто от лица советской власти "заклеймил" карачаевский народ, как "народ-изменник". Так впервые политическая, профессиональная несостоятельность одного человека принесла страдание целому народу, набросила тень на его доброе имя. Но с каким грустным постоянством это повторялось в дальнейшим и повторяется доныне! Кстати, позднее незадачливый "полководец", который успел-таки "в отместку" сжечь аул Джегуту, был по решению военного трибунала расстрелян как паникер и дезертир.

"Черемухинский инцидент" был вскоре улажен. Более того, вопрос об экономическом и политическом положении в Карачае по инициативе В.И.Ленина был обсужден в Политбюро, было принято решение об оказании Карачаю всесторонней помощи.

Карачай тоже не остался в стороне от забот страны. Так, только в голодном 1921 году трудящиеся Карачая организовали "Обоз жизни", отправив в Поволжье 1500 пудов хлеба, 2000 пудов кукурузы, более 400 голов крупного рогатого скота и 13000 овец. Сегодня мало кому известно, что в лютую зиму этого года знаменитый парк в Кисловодске - центре Карачаевского национального округа, был спасен от пол-

ной вырубки на дрова именно карачаевцами по инициативе их лидера Умара Алиева.

Вскоре, опять же по инициативе и при поддержке Ленина, была установлена Карачаевская автономия с центром в Кисловодске. Народ с энтузиазмом - неподдельным и небывалым - стал строить новую жизнь. Разорительный плуг коллективизации жестоко прошелся по карачаевским аулам. Молва о тогдашнем произволе и бесчинствах поныне живет в народе. Прав Ю.Черниченко, но не до конца: выселенные в 1943 году карачаевцы ехали не только по следам раскулаченных русских крестьян - они ехали также по следам своих ранее высланных соплеменников-"лишенцев". Нам трудно судить в какой мере коллективизация подорвала экономику Карачая и ее главную отрасль - животноводство. Как бы там ни было, благодаря именно трудовому героизму людей (карачаевцы извечно пасли и пасут свои стада, косят сено там, где совершают свои спортивные подвиги туристы и альпинисты) в предвоенные годы в маленькой автономной области поголовье скота превышало поголовье нынешней КЧАО в "застойные" годы.

Именно на предвоенные годы приходятся вершины расцвета карачаевской национальной культуры, литературы, искусства, не превзойденные поныне. В 1937-38 годы беспощадно был вырублен цвет народа - его молодая интеллигенция.

Когда грянула война, 80-тысячный народ послал на нее 15 тысяч своих сыновей, еще 2 тысячи работали в трудармиях. По свидетельству инструктора orготдела ЦК КПСС т.Михайлова, "с ненавистным врагом воевал каждый пятый карачаевец..." 9 тысяч парней не вернулись с войны, до конца выполнив свой воинский долг. Невосполнимая для маленького народа потеря. О работе в тылу можно судить хотя бы по тому , что только трудящиеся Малокарачаевского района собрали на строительство двух авиаэскадрилий - "Красный Карачай" и "Колхозник Карачая" 2,5 млн. рублей, что было отмечено Сталиным в специальном приветствии. Миллионы рублей были внесены безвозмездно в фонд обороны, сотни тысяч теплых вещей и других подарков бойцам отправлено на фронт. Выступая на 8-ой краевой партконференции, первый секретарь Ставропольского крайкома М.Суслов до небес возносил патриотизм карачаевцев.

Но фашисты пришли на Кавказ. В задачу Суслова, как первого секретаря Ставропольского крайкома, входили как эвакуация населения и материальных ресурсов, так и организация партизанского движения. По публикациям, материалам местных архивов нетрудно увидеть, что секретарь крайкома ни с одной из этих задач не справился.

Угроза оккупации Ставрополья была очевидной уже в июле 1942 года: перед фашистами практически не было боеспособных армейских

частей. 27 июля было принято постановление бюро крайкома об эвакуации материальных средств и скота. 1 августа - очередное постановление об эвакуации из "некоторых районов края населения, продовольствия, оборудования, сырья, материалов". Ни Карачаевская, ни Черкесская автономные области в число "некоторых районов" не входили. 3 августа гитлеровцы заняли Ставрополь. Авиация врага парализовала дороги. Крайком крепко опоздал с эвакуацией народного хозяйства, что до эвакуации населения, то она фактически не была организована, зато был эвакуирован в Хасавюрт аппарат крайкома, сам же Суслов предпочел перебраться подальше, в г.Кизляр.

Теперь о наиболее для "карачаевского вопроса" важном - о партизанском движении. План организации партизанского движения в крае был разработан и утвержден крайкомом 22 июля 1942 года. Однако, если допустить, что в условиях всеобщей суматохи в течение двух недель можно было подготовить организацию отрядов, то подготовить материально-продовольственные базы, продумать систему снабжения партизан было нереально. Наиболее целесообразным представлялось действие партизан в лесах и ущельях Карачая, ибо в степи не особенно развернешься. Уже в первые дни вторжения фашистов практически все партизанские базы, устроенные в горах вблизи дорог, оказались в руках врага. Движение было раздроблено, связи между отдельными частями и руководством - краевым штабом, расположенном в ... Кизляре, отстоящем на 500 км от наших мест, не было, а самое главное - не было боеприпасов, продуктов питания - главным образом хлеба. Трагедия партизан состояла еще в том, что они действовали не в глубоком тылу врага, а практически на передовой, каковой была линия Главного Кавказского Хребта: шли упорные бои за перевалы. Кстати, краевой штаб партизанского движения во главе с Сусловым, роль которого до сих пор у нас превозносят, был создан 30 ноября 1942 года, накануне решительного наступления Красной Армии по всему Северному Кавказу. Как видим, будущий "серый кардинал" был виртуозом конъюнктуры: он вовремя умел "задвигаться" и "выдвигаться". Зажатые в мешки ущелий, изолированные друг от друга и от руководства, не имеющие боеприпасов и продовольствия, отсеченные от населенных пунктов и выдавленные неприятелем к самой передовой, ввиду наступающей, суровой в горах зимы, партизанские отряды оказались в бедственном положении. Партизанское движение держалось исключительно на личном мужестве партизан, их командиров и помощи местного населения. В сложившейся ситуации самое логичное было - пробиться к регулярным частям Красной Армии, что и было сделано.

Не имея понятия о том, как обстоят дела у Западной группы партизан (в горах Карачая), Суслов 31 декабря 1942 года издает "Приказ

начальника краевого штаба партизанского движения об активизации борьбы партизанских отрядов в Карачае и Черкесии". Увы, проявлять "присущую советским партизанам сметку, беззаветную смелость, отвагу и мужество" было некому. В Карачае уже месяц как не было ни одного партизанского отряда. Другая, Восточная группа партизан в степных районах края частью была уничтожена фашистами, а частью - слилась с Красной Армией. Суслов, однако, продолжал "руководить" партизанским движением: раз соадан аппарат, он должен работать...

Руководитель краевого штаба не любил искушать судьбу: если первый секретарь соседнего Краснодарского края с автоматом в руках освобождал свой город, то М.Суслов торжественно въехал в Ворошиловск (ныне - Ставрополь) 22 января 1943 года, спустя день после освобождения города. Надо отдать должное расторопности секретаря-начальника: ведь путь от Кизляра до Ставрополя не близкий - около 700 километров...

Партизанское движение в крае и области подвергнуто тщательному научному анализу по материалам краевого и областного архивов, книгам, газетным публикациям. Работа эта представляет самостоятельный интерес. Замечу только, что можно удивляться мажорно-муаровому тону авторов книги "Партизанский заслон" А.Попутько и В.Гнеушева. Особенно в части выпячивания "руководящей", "живительной" роли Суслова. Авторов даже немножко жаль: они писали и переписывали книгу при жизни, и, надо полагать, по назиданиям "серого кардинала".

На одном из первых же заседаний крайкома в освобожденной столице края Суслов стал декларировать мнимые успехи партизанского движения. На свое несчастье на этом заседании оказался бывший секретарь райкома, бывший руководитель разведгруппы Южного штаба Мудалиф Батчаев, в период оккупации находившийся непосредственно на Западном Кавказе в зоне драматически сложившегося партизанского движения. Он возразил Суслову в том духе, что успехи - мнимые, движение не было организовано, обеспечено материально и потому по существу, провалено. Это возражение стоило М.Батчаеву ареста и десяти лет тюрьмы - у Суслова была твердая рука, к тому же он с самого начала играл в лотерею беспроигрышную: состоялось движение - честь и хвала начальнику штаба, не состоялось - виновато местное население, оно не поддержало.

Судьба послала Суслову еще один "подарок". При попытке установить связь с соседним партизанским отрядом в Теберде в руки немцев попал начальник штаба Западной группы партизан, зам. начальника УНКВД края подполковник Унух Кочкаров - тоже карачаевец. После пыток (и ныне живы свидетели публичных истязаний привязанного колючей проволокой к столбу Кочкарова в ст. Зеленчукской), ничего

от него не добившись, немцы решили переправить его в Кисловодск. Однако по пути на горной лесной дороге У.Кочкарову удалось бежать. Он снова установил контакт с рассеяными по лесам партизанами (не могу не привести деталь: когда после многодневных скитаний по лесам он, наконец, смог тайно зайти к знакомым и попытался переобуться - то отслаивалась кожа на разбитых ногах. Унух, однако, боясь навлечь на друзей беду, меньше чем через час покинул приютивший его дом). После освобождения Карачая Кочкаров с группой сподвижников приступил к восстановлению органов советской власти на местах. Вскоре, однако, он был арестован сотрудниками НКВД, ему предъявили обвинение в измене и без долгих церемоний расстреляли.

Драматическая эта история с видимой целевой установкой утвердить именно версию измены Кочкарова и взвалить на него ответственность за провал партизанского движения в регионе изложена все в той же книге Попутько и Гнеушева. Авторы не утруждают себя даже элементарными логическими построениями, у них задача другая, и их моральные издержки вполне понятны: для обоснования измены подполковника НКВД, который отличался, как признают авторы, незаурядными личными качествами, отлично зная горы, организовывал успешные партизанские действия и - вдруг, незадолго до нашей победы на Кавказе решил перейти на сторону фашистов, - им пришлось перетасовать и переврать немало фактов. Один из них - А.Попутько - стал ныне признанным популяризатором бериевских фальсификаций и фабрикаций "нужных" документов. А дело Кочкарова, между тем, до сих пор закрыто, захоронено в архивах КГБ. С чего бы это?

Следующим "подарком", угодным и Суслову и Берии, был, несомненно, так называемый "карачаевский политический бандитизм", термин, отлитый в столь чеканную форму уже в 70-80 годы. Напомним, кстати: по Тухачевскому, политический бандитизм есть продолжение гражданской войны. Этот третий фактор был, вероятно, тем главным спасательным кругом, который удержал на плаву начавшего тонуть горе-руководителя краевого партизанского движения. Сталин шутить не любил, а в шутках проявлял известное однообразие... Весной 1943 года, спустя 4 месяца после освобождения Ставрополья, из Москвы прибыла "генеральская комиссия" во главе с заместителем Берия Серовым, целью которой было, в частности, изучение причин неэффективного партизанского движения в крае. Причина была изобретена: многочисленные банды в Карачае.

Почему в Карачае, а не в Черкесии, например?

Потому что именно в горах Карачая дислоцировались партизанские отряды и края, и Черкесии, и самого Карачая. Надо сказать, мы имеем здесь любопытную ситуацию: сошлись, соединились воедино интересы Суслова (спасти живот), Берии и Сталина. У последних, как

теперь известно, были более "благородные" намерения - расширить Грузию за счет Северного Кавказа. Когда "расширение" произошло и был издан Указ Президиума Верховного Совета ГССР от 4 ноября 1944 года об аннексии Карачая, газета "Гантиади" - орган Тебердинского райкома КП(б) Грузии писала: "К Грузинской Советской Социалистической Республике присоединен вновь образованный Тебердинский район с центром в г. Микояни... За освобождение от фашисткой тирании и господства мы обязаны великому Сталину и его лучшему боевому соратнику т. Л.П.Берия..." Что же, благодарить было за что...

Но вернемся к "бандитизму". Увы, как это ни больно признавать, нашлись и среди карачаевского народа отщепенцы и предатели. "Интерес" к ним определенных кругов в последние два десятка лет столь велик, что мы знаем их теперь едва ли не поименно, чего, кстати, не скажешь о предателях из числа других народов области. Но факт есть факт: предатели были. Вопрос, однако, вот в чем: много ли их было? Много ли навоевали они, эти бандиты? В апреле 1943 года, спустя четыре месяца после освобождения Карачая, карачаевским областным судом за различную антисоветскую деятельность было осуждено 270 человек, из которых только 60 были карачаевцы. Справка об этом, подписанная прокурором области С.Медведевым, доныне существует в архиве. Поныне живы те, кто сопровождал выселенные из области после ее освобождения семьи пособников фашистов. Их было 112-113, из них только 6 были карачаевскими.

На территории Карачая в период оккупации (август - декабрь, первые числа января) и месяц-два спустя после нее, существовали три банды. Одна из них числом до 60 человек, уже после ухода фашистов, 10 февраля 1943 года, навязав бой отряду особого назначения численностью до роты, убила 38 бойцов, в том числе и карачаевской национальности. Однако в феврале же эта банда была ликвидирована частями Красной Армии. Главари банды Дудов и Магаяев были убиты своим же сообщником, который сдал их трупы в НКВД и был за это помилован. Другая "интернациональная" банда, состоявшая из кабардинцев, карачаевцев (до 20 человек), русских, балкарцев под руководством бывшего офицера Красной Армии Попова, орудовала на границе между Кабардино-Балкарией и Карачаем. Она была разгромлена к апрелю 1943 года. Третья банда во главе с Хетагом Хетагуровым числом до 20 человек состояла из осетин - жителей селения Коста-Хетагурово и также весной 1943 года была ликвидирована. Мелкие шайки дезертиров и одиночные бандиты к моменту выселения карачаевского народа были при участии карачаевцев изловлены или уничтожены.

Всего, повторим, было осуждено 270 человек, из которых 60 были карачаевцы. Такова фактическая и юридическая сторона "карачаевского политического бандитизма". Оговоримся: по самым завышен-

ным данным, которые приводит профессор истории, ветеран войны К.Т.Лайпанов, досконально изучивший этот вопрос, карачаевцев - изменников и пособников всех мастей было не более 25О-300 человек. Это 0,4% всех карачаевцев.

Всякому ясно, что приведенных цифр для заклеймения целого народа, как "народа-изменника", "народа-врага", явно недостаточно. Их не могли пустить в дело даже такие бессовестные фальсификаторы, как Берия и Суслов, при всей общности их интересов.

Тогда-то и стали являться на свет божий подготовленные бериевской командой "компроматы" на карачаевский (и не только) народ. Картина получилась внушительная: массовый бандитизм, с одной стороны, измена одного из руководителей партизанского движения в Карачае Кочкарова и связанный с этим провал движения - с другой...

Что же в этих компроматах? Они сегодня тоже общеизвестны стараниями их популяризаторов А.Попутько, Ю.Христинина, В.Гнеушева, Х.О.Лайпанова и др. И общезаметны по ослиным ушам, украшающим бериевские фальсификации.

Приведем их краткое изложение. В Учкулане (тогда крупном районном центре) банда численностью до 120 человек (на деле - три человека) за неделю (!) до прихода фашистов захватила в плен отряд Красной Армии численностью до 400 бойцов (по другим данным до 600 - неувязка вышла), часть их расстреляна, а часть сдана пришедшим немцам. Эта же или другая банда (опять туман и неувязки) разгромила в том же районе отряд красноармейцев числом до 600 (!) человек... красноармейцев числом до 600 (!) человек...

Мы понимаем, когда на элементарное уважение к живым бойцам и на память погибших плевали бериевские приспешники. Но когда за ними и вместе с ними их память оскверняют, выставляя солдат и командиров Красной Армии в дурацком, несостоятельном виде, нынешние перепевалы бериевских фальшивок, вышеперечисленные и иже с ними, тут уж задумаешься: с чего бы это? Спрашивается, если в горах в пределах одного населенного пункта - деревни! - от рук бандитов погибло до 1000 обученных бойцов Красной Армии, то, может быть, хотя бы сегодня кто-нибудь из авторов: Попутько, Христинин, Гнеушев, Лайпанов, Авксентьев и прочие - назовет хоть одну фамилию солдата или офицера, или укажет место их захоронения. Сотни ведь человек погребены, по утверждениям этих авторов, в одной яме! Мы, кажется, насмотрелись в эпоху "застоя" на приписки всех сортов. Но можно ли вообразить более циничную приписку, чем приписка якобы убитых собственных солдат?

Но какова же здесь истина? Она отражена в архивах МО СССР, публикациях Х.М.Ибрагим-Бейли, О.Л.Опрышко, свидетельствах очевидцев: через Учкулан за весь период отступления Красной Армии

прошло около 200 воинов. Ни один из них не пострадал, более того, местное население позаботилось об их пище, экипировке, выделило вьючных животных и проводников. Отряд благополучно дошел до Махарского перевала, который защищал совместно с подошедшими из Грузии частями. Повторяю: до сих пор живы те, кто все это видел собственными глазами и так или иначе помогал бойцам.

По другим бериевским материалам можно "узнать", что на территории Карачая орудовало до 65 (!) политических банд, общей численностью до 4000 человек, много вооружения. Это, конечно, уже нечто. Это вполне дает повод заговорить о народе-изменнике. Вранье? Фальшивка? Но кто станет перепроверять вранье бериевского ведомства? Ведь, казалось, все бренно и ничтожно в мире, и только Берия и его ведомство всесильны и вечны. Ведь и сегодня наши "перепевалы" тычут пальцем в бериевские "компроматы"...

И вот ведь что поражает: на почвенной карте Северного Кавказа, подготовленной АН СССР в Ленинграде до войны и изданной в Казани в 1942 году - город Микоян-Шахар - областной центр Карачаевской автономной области уже обозначен Клухори. Так официально он стал называться с 1945 по 1957 год. Еще удивительнее: в изданной АН СССР в 1988 году "Истории народов Северного Кавказа..." на всех картах стоит: Клухори... Что это? Издевка или головотяпство со взломом?

Еще одно, не сработавшее тогда, в 1943-м, но самое, пожалуй, гнусное обвинение в убийстве группы эвакуированных детей в районе аула Нижняя Теберда. Дети, по свидетельству чекиста М.Тарасенко, работавшего тогда старшим оперполномоченным НКВД Карачаевской области, были уничтожены фашистами, о чем Тарасенко опубликовал в 1967 году очерк в областной газете КЧАО "Ленинское знамя" ("ЛЗ"). Но возникла в 1943-м необходимость приписать это злодейство местным жителям. Задумано - сделано. 12 жителей аула были арестованы, вывезены за 200 км в Ставрополь и с пристрастием допрошены. Методы, использовавшиеся тогда в НКВД для "выбивания" показаний, сегодня общеизвестны. Но только двое, не выдержав пыток, "признались" в убийстве детей. Версия, однако, не прошла. Даже сталинский суд не решился осудить арестованных по предъявленному обвинению. Не прошла тогда, но выплыла спустя тридцать лет. Выплыла и... заработала. В Нижней Теберде был установлен памятник, обвиняющий местных жителей в убийстве детей. Люди, спасшие от фашистов сотни коммунистов, красноармейцев, евреев, обеспечившие выживание эвакуирооованных из Ленинграда и других оккупированных фашистами городов страны детей (только в Теберде, по свидетельству ленинградского писателя Ю.Логинова, более тысячи детей выжили в период оккупации исключительно благодаря помощи

местных жителей: Ю.Логинов был в числе этих детей), люди эти были обвинены в предательстве и детоубийстве. Они и поныне не могут смыть с себя позор этого лжеобвинения.

Между тем массовая самоотверженность карачаевцев в деле спасения попавших в беду людей поразительна, и только сегодня раз за разом мы открываем все новые ее страницы. Пряча от фашистов евреев и коммунистов, детей и взрослых, изобретая для них "легенды" (сестра, брат, племянник и т.д.), давая им карачаевские имена, усыновляя и удочеряя их, люди использовали самые невероятные приемы. Так, ныне здравствующий в г. Усть-Джегуте Мусса Узденов, объявив еврейского юношу своим родственником, для вящей убедительности, научил его читать Коран и совершать религиозные обряды.

Весной 1943-го в аул Архыз к старику Боташеву, спасшему еврейскую семью, приехал военный летчик - отец семьи. Он сказал: "Мне нечем сейчас отблагодарить Вас за спасение моей семьи. Прошу Вас считать меня своим сыном. Если останусь жив, обязательно приеду к Вам..." Приезжал ли тот летчик в Архыз? Может быть... Но его взору мог предстать полуразрушенный аул с одичавшими воющими собаками.

Сегодня о судьбе 13 детей из так называемого ленинградского эшелона, которых приютили и воспитали в черкесском селе Бесленей, широко известно. Об этом дважды писали в "Правде" (9 марта и 24 мая 1983 г.) В.Панкратов и В.Чертков. Но мало кому известно, что 64 детей из этого эшелона, директора ленинградского детдома А.Н.Одинцову, 4 воспитателей и чекиста, сопровождавшего их, приютили все те же архызцы. 46 детей, двух воспитателей и чекиста перевел через перевалы в Абхазию чабан Хусей Лайпанов. Когда же он вернулся за остальными детьми, то попал в руки фашистов и вместе с Одинцовой, 18 детьми и двумя воспитателями был расстрелян. Об этой трагической истории повествует книга "Свет погасших звезд", изданная в 1977 году в Ставрополе. Однако оба упомянутых выше журналиста, прославляя бесленеевцев, пишут в "Правде" о другом, не имеющем никаких подтверждений лживом факте убийства детей карачаевцами в Нижней Теберде. Так проводится безнравственное, начатое в 70-е годы, противопоставление народов уже на уровне "Правды".

Если уж мы заговорили о противопоставлении, то отметим: из местных же публикаций следует, что в период оккупации из казаков станиц области был сформирован карательный батальон, который, кстати, и довершил уничтожение партизан в регионе. Именно эти молодцы схватили Унуха Кочкарова и передали его фашистам. Отметим также - предатели и бандиты из числа черкесов вместе с фашистами расстреляли в Черкесске в сентябре 1943 года около 3 тысяч коммунистов и лиц еврейской национальности. Это в 4-5 раз больше

жертв так называемого "карачаевского бандитизма". Но вот беда: в области уже полтора десятилетия "актуален" именно "карачаевский бандитизм". Именно и только нам тычут в лицо "позорным" прошлым. И сегодня в Нижней Теберде стоит памятник погибшим детям с надписью, обвиняющей в их смерти нижнетебердинцев. И сегодня здесь останавливаются туристские автобусы и десяткам тысяч людей со всех концов страны рассказывают о местных жителях - "людоедах" и "детоубийцах".

Вот что писал об этом в письме секретарю обкома в 1988 г. ленинградский писатель Юрий Логинов: "Мне больно было вспоминать о перенесенных здесь детских страданиях, сейчас мне больно глядеть в глаза прекрасным и мужественным людям, живущим в атмосфере кем-то нагнетаемых и распаляемых обывательским воображением легенд, порочащих их национальное достоинство. Считаю незаконное установление этого памятника преступно спланированной идеологической диверсией..."

Но вернемся, однако, к нашему повествованию. Итак, 1943 год. С января по ноябрь народ, вышедший из оккупации, озабочен одним: как и чем помочь фронту. Люди пасли скот, выращивали хлеб, добывали уголь, изготовляли теплые вещи, оплакивали, получив очередную похоронку, погибших. Шестеро сыновей Умара Ижаева из с. Учкекен, пятеро сыновей Гитче Эбзеевой из Нижней Теберды, четверо сыновей Чотчаева из Верхней Мары, четверо сыновей Блимготовой из того же аула, пятеро сыновей Батдыева из аула Тереза, пятеро сыновей Каракетовой Нани погибли на фронтах. Но родителей этих воинов ждала куда более горькая участь: они умерли от голода и холода в Средней Азии с позорным клеймом "изменник".

12 октября 1943 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении карачаевцев, а затем принято и постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО). 2 ноября 1943 года - роковой день для моего народа. В этот день в одночасье (на сборы давалось до получаса) ничего не подозревавший народ был погружен в "студебеккеры", затем в товарные вагоны и под усиленным конвоем - под дулами автоматов - вывезен из родных мест.

Людей забирали с полевых работ, животноводческих точек в горах, с пути следования, без одежды, без провианта, часто без минимальных средств к существованию. Действия офицеров и солдат войск НКВД были уверенными и отработанными, сказался, видать, долгий - с 30-х годов - жестокий опыт. Впрочем, был, до сих пор рассказывают в Карачае, один сбой: в одном из аулов офицер, отдав команду о начале депортации, вытащил пистолет и пустил себе пулю в висок. Так проявилось отношение чистой совести русского советского офицера к пре-

ступной, "самим" Сталиным санкционированной акции. Жаль, ни имя, ни звание его нам до сих пор не известны.

От станции Баталпашинская потянулись в различные концы Средней Азии и Казахстана многочисленные эшелоны товарняков, битком набитые людьми, с наглухо задраенными дверями, тщательно охраняемые солдатами. С кем же "воевали" эти "защитники" отечества? Сегодня мы достоверно знаем: 18% всех спецпереселенцев составляли мужчины всех возрастов, большей частью старики, инвалиды войны; 30% - женщины и 52% - дети.

В первые же два года до 40% карачаевцев умерло от холода, голода, болезней. Жизни 22 тысяч детей стоила Карачаю преступная акция Сталина-Берии-Суслова и их приспешников.

Тогда же Суслов, выступая на совещании редакторов газет края, с удовлетворением заявил: "Мы выжили карачаевцев из горных ущелий. Теперь нам надо выжить оттуда их дух!". Началось "выживание духа" путем перекраивания Карачая, заселения его территории "колонистами". Этот апологет геноцида станет во времена застоя главным "марксистом-идеологом" партии. Я не раз расспрашивал стариков-карачаевцев о корнях столь звериной неприязни Суслова к народу. Почти все вспоминали один случай. Однажды он приехал в горы в пору сенокоса. Навстречу ему бросился ряженый (один из косарей - наиболее выносливый, остроумный, в обязанность которого входило развлекать бригаду, скрашивая однообразный и очень тяжелый в горах труд косаря), предложил выбор: либо выкуп заплатить, либо бороться, и обхватил его. Суслов, увы, обычаев не знал и, видно, перепугавшись, схватился за пистолет, который ряженый без труда отобрал и, кажется, дал пришельцу по шее. Местное начальство, опомнившись, кое-как уладило конфликт, но Суслов уехал взбешенный... Может, он тогда обиделся... Наивные прекраснодушные старики, даже сегодня не допускающие мысли о чудовищном эгоизме лидеров командно-бюрократической системы, для которых не то, что отдельные люди, целые народы и нации - ничто. Стоит обратить внимание, сколько цинизма в такой вполне "патриотической" с виду телеграмме: "Телеграмма. 9 октября 1943 года. Правительственная. Микоян-Шахар. Секретарь облпарткома. Годовщине Октябрьской революции приступите сбору подарков фронтовикам. Посылай их Южному фронту до **2 ноября** (выделено мной. - И.А.). Телеграфируйте потребность вагонов, станцию отправления. Секретарь крайкома Суслов". Народ уже был обречен, приговорен, день казни известен, но пока...

Итак, народ, который все лучшее, ценное, что было у него, положил на алтарь войны и будущей победы, был объявлен "народом-бандитом", в варварских условиях вывезен с родных мест и рассеян по всей

Средней Азии. "Бандитами" были все: и старики, и малые дети, и женщины, и те, кто искалеченными вернулся или возвращался с войны. "Бандитами" были даже те, кто был в чреве матери, и те, кто родился, спустя годы, в изгнании.

Народ не только был репрессирован. Народ был ограблен в самом прямом, буквальном смысле этого слова - ведь люди оставили дома, имущество, скот. Около миллиона голов карачаевских овец, несколько сот тысяч голов крупного рогатого скота - главного богатства горцев - осталось в горах в распоряжении властей.

В самом деле, где еще в мировой практике можно встретить такого рода документ, как Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, превращающий советских граждан только по "вине" национальной принадлежности в бесправных рабов, крепостных? Что это как не откровенный расизм? Что это если не геноцид? И это в стране, провозгласившей свободу, равенство, гуманизм и справедливость всех народов...

Кстати, именно в 1948 году была принята Конвенция ООН о геноциде, осуждающая его как преступление против человечества. Конвенция, однако, не была ратифицирована правительством Сталина. Принята она СССР только в 1954 году. Зато уже при Сталине ее ратифицировали своими действиями и сердцами не имевшие о ней представления народы нашей страны.

Да, немало было случаев жестокого обращения местных жителей со спецпереселенцами. Еще бы, ведь привезенные под конвоем были представлены властями как изменники, враги, преступники. Но именно в эти трагические годы проявились мудрость и природное милосердие киргизов и русских, казахов и узбеков, всех, кто жил на землях выселения, им - глубокий поклон признательности. Особенное участие в судьбе "выселенцев", по рассказам стариков, приняли русские люди - сами переселенцы, раскулаченные в 30-х годах, высланные сюда со всех концов России и успевшие здесь более или менее обжиться. Поклон и им.

Правительство же преуспело в другом. Молниеносно, на другой день после выселения балкарцев (8.03.44) в "Правде" (за 9.03.44) был опубликован Указ о награждении "За успешное выполнение специального задания правительства" большой группы лиц (более 700 человек) орденами и медалями. Возглавлял список, разумеется, генеральный комиссар НКВД Л.Берия (орден Суворова 1 степени), затем - комиссары 2 ранга З.Кобулов, И.Серов (руководивший выселением карачаевцев), генерал-полковник С.Круглов (орден Кутузова 1 степени). Можно ли представить большее глумление над именами великих русских полководцев, чем награждение орденами, носящими их имена, палачей и вершителей геноцида? Не забыто было и краевое

УНКВД: зам. начальника управления полковник Балбасенко получил орден Красного Знамени. Свой орденок получил, разумеется, и Суслов. Нет, не порохом пахнут ордена и медали, которые, может быть, доныне носят эти "вояки". Они в слезах и крови сотен тысяч безвинных детей, женщин, стариков, инвалидов войны, грудь которых украшали те же ордена, только пропахшие войной...

Свирепость комендантского спецрежима в местах поселения была такова, что люди, разбросанные по огромному региону и приезжавшие с фронта, годами искали свои семьи, своих близких. Над народом нависла угроза полной ассимиляции и исчезновения. Чтобы не дать семье умереть от голода, ради куска хлеба прекрасные гордые горянки жертвовали собой, выходя замуж за стариков из числа местных жителей. За горсть зерен люди продавали последние памятные семейные реликвии. "Вот этими руками, - рассказывал мне знатный наш чабан Герой Социалистического Труда Магомет Черкесов, показывая мозолистые крепкие руки, - я в один день похоронил пять детишек из соседской семьи". И сегодня, спустя многие десятилетия, я не видел ни одного очевидца, который рассказывал бы о тех годах без глубокого волнения, и сегодня в глазах их слезы...

Геноцид этот имел еще одну, неожиданную сторону: карачаевских парней, беззаветно дравшихся на фронтах с гитлеровцами, без всяких церемоний снимали с передовой и отправляли в глубокий тыл, как правило, на лесоповал. На фронте остались те, за кого решительно вступалось фронтовое начальство. Но, как известно, не каждый командир решался на конфликт с "особистами", проводившими "чистку" в армии. Между тем, по сведениям карачаевского совета ветеранов, более пятнадцати воинов-карачаевцев были представлены к званию Героя Советского Союза, причем двое из них - дважды. Но только двое - полковник Харун Богатырев, командир танковой бригады, одним из первых форсировавший Днепр, и капитан Осман Касаев - легендарный в Белоруссии создатель и командир партизанского полка на Могилевщине - получили (посмертно) высокие звания Героев.

Полк О.Касаева разгромил 27 гарнизонов врага, уничтожил до 4 тысяч фашистов, провел более 100 других крупных операций и диверсий. 34 эшелона врага, 379 вагонов, было пущено под откос. По плану, предложенному О.Касаевым и скоординированному с "Большой землей", массированным бомбовым ударом советских летчиков была уничтожена танковая дивизия врага, направлявшаяся на фронт. Мать же Героя была выслана как "предательница родины" в Казахстан.

Партизанскими отрядами в Белоруссии, на Смоленщине, на Брянщине командовали Ю.Каракетов, К.Хаиркизов, А.Бархозов. Подвиг Матросова повторил североморец Х.Хачиров. Среди бесчисленных боевых наград гвардии полковника М.Деккушева только орденов Крас-

ного Знамени - четыре. Троих карачаевских парней - участников Парада Победы, прямо с Красной площади отправили в ссылку. Мать одного из них - полного Кавалера орденов Славы Сулеймена Узденова - умерла от истощения и болезней, не дождавшись сына. Узденов ненадолго пережил мать - скоротечная чахотка сожгла его. Та же участь постигла бабушку пишущего эти строки, двое сыновей которой сражались на фронте. Наивная бабушка - она положила их фотографии перед офицером НКВД: "Я никуда не поеду, я буду ждать сыновей..." НКВДэшник смягчился: он приказал солдатам помочь отобрать одинокой женщине наиболее нужные вещи...

Мой будущий искалеченный отец, списанный "подчистую", приехал в родной аул Хурзук под Эльбрусом. Лишь в некоторых - на выбор - домах большого аула жили "колонисты" - грузины и сваны (кстати, со Сванетией на протяжении всей своей истории Карачай имел дружеские отношения). "Ненужные" дома разбирались, а бревна продавались или шли на дрова. (Испокон веков карачаевцы рубили свои дома из толстых сосновых бревен.) Отсюда потрясенный отец направился в неведомую, огромную Среднюю Азию. Ему повезло: на Кавказе многих воинов, приехавших, ничего не подозревая, на родину, местные жители, приютив на ночь, убивали, и переодев во всяческий хлам, наутро выдавали властям как бандитов, за что полагался солидный гонорар. Отцу повезло, но, увы, нашел он свою мать слишком поздно...

Так мой отец и его поколение, ценой собственной крови и жизни отстаивавшие советскую власть, защищавшие страну от жестокого, беспощадного врага, от имени этой власти и этой страны с неменьшей жестокостью и цинизмом были объявлены врагами, изменниками и целиком попали под власть спецкомендатур и комендантов, никогда, может быть, не нюхавших пороха на войне, но зато отличавшихся особыми полицейско-псовскими качествами. Можно ли понять, осмыслить всю меру унижения вчерашних бесстрашных воинов, грудь которых украшали созвездия орденов и медалей, судьба которых целиком зависела от прихоти комендантов. Вообразите, читатель, ситуацию: ваша корова или овечка (появилась-таки живность у тех, кто выжил в первые годы) перешла ручей, разделяющий два района. Ваша попытка без разрешения коменданта перегнать ее обратно, ступив за ручей, грозила Вам каторжными работами (за попытку побега).

Раны, кровь, заслуги, ордена - все это превратилось в насмешку. Впрочем, за орден тогда можно было выменять хорошего барана, а это даже для большой семьи пропитание на месяц.

Страшно слушать иные были. Мать и четверых ее детей, вывозя, рассовали по отдельным вагонам, а потом развезли в разные места. Мать умерла. Детишек поместили в какой-то полупогреб-полуземлянку. Когда о них вспомнили и пришли, то обнаружили сбившихся в

угол окоченелых от холода малышей, прижимавших к себе самого маленького, уже мертвого брата: "Тише, он спит..." - едва прошептал старший... Где, в какую атаку шел в это время их отец, грудью защищая палачей своих малышей?

Можно бесконечно множить число личных трагедий, слившихся в трагедию всего народа. И боль этой трагедии вошла в генетическую память народа. Но вот что поразительно: в условиях, когда впору было озвереть и озлобиться на весь белый свет, поколение наших отцов не озлобилось, в нем сформировались, выкристаллизовались поразительная доброта и жизнелюбие. Эти качества души, ставшие национальными, - доброта, жизнелюбие - выверены неслыханными испытаниями войны и геноцида.

Народ, обреченный на ассимиляцию и уничтожение, не только не исчез, но благодаря своему исключительному трудолюбию и доброжелательности к XX съезду КПСС сохранил свое этническое лицо, нашел признание и друзей среди народов Средней Азии. Именно в пору особого свирепствования спецкомендатур две карачаевские девушки Нузула Курджиева и Патия Шидакова, побив все мыслимые рекорды в свекловодстве - совсем новом для них деле, несмотря на все мыслимые препоны и ущемления прав, стали Героями Социалистического Труда. Не случайно, когда был поставлен вопрос о возвращении карачаевцев на Кавказ, местные власти попросили их остаться, предлагали выделение их в советскую автономию в любом желаемом районе Казахстана. Это подтвердил и Н.С.Хрущев в сердечной беседе с представителями карачаевского народа. Но родина есть родина. Мы, тогдашние десятилетние мальчишки, отлично помним обратную дорогу. Радостную и тревожную. Что ждет нас там, в легендарном для нас краю предков, который мы никогда не видели? Как примет Кавказ детей своих после 14-летней ссылки?..

Шел 1956 год. Оставалось несколько месяцев до появления 9 января 1957 года Указа Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении автономии карачаевского народа, а значит, и о его политической реабилитации. Но именно в эти дни Суслов на просьбу представителей карачаевской делегации в Москве помочь в деле возвращения на родину грубо бросил: "Освобождайтесь от ваших иллюзий! Никогда не будет восстановлена ваша автономия!.." С завидным, достойным лучшего применения постоянством этот функционер проявлял неприязнь к карачаевцам до конца своих дней. Тем более, что вскоре смена руководства и постепенная, но неуклонная реанимация сталинизма вполне этому способствовали. Именно по настоянию Суслова в 1981 году, в период махрового расцвета застоя за его подписью было приня-

то специальное закрытое постановление ЦК по Карачаево-Черкесской автономной области.

Этому предшествовал ряд событий, которые явились новыми перлами "мудрой", якобы "ленинской национальной политики", проводимой "на местах".

Возвращение народа в родные места в целом происходило благополучно, если, конечно, сбросить со счетов такие "мелочи", как необходимость выкупать собственные дома, доставшиеся "хозяевам" бесплатно вместе с имуществом, как отдельные стычки между вернувшимися и "хозяевами" и на этой почве, и на почве оскорблений ("Вот, вернулись бандиты, на нашу голову..."), как случаи непринятия на работу и т.д.

Народу была оказана государством помощь: выделялись стройматериалы (которые, как сегодня стало известно, на 70% "уплыли" на сторону), выдавались ссуды под сравнительно низкие проценты. Синдром страха и недоверия властям был, однако, настолько велик, что даже ссуду многие семьи брать не стали: неизвестно, во что это еще потом выльется.

Как бы там ни было, 50-70-е годы вполне отчетливо остаются в памяти народа как годы созидания, годы безусловного реального укрепления дружбы народов области. Это не могло не сказаться и на развитии экономики. Руководители области в 1968 году даже поставили перед центром вопрос о преобразовании КЧАО в автономную республику. Инициатива эта была одобрена во всех инстанциях, как в крае, так и в Москве, но встретила непреодолимое препятствие в лице Суслова. В магазинах области долго еще потом продавались отличные конфеты, выпущенные Нальчикской кондитерской фабрикой специально по случаю ожидаемого образования Карачаево-Черкесской АССР.

Эпоха застоя набирала силу. В том числе и в области, в которой произошла смена руководства. Неспособное решать конкретные политические, экономические, социальные задачи, оно решило для реабилитации собственной несостоятельности прибегнуть к испытанному приему: обострить межнациональные отношения, создать проблему, а затем, "героически" усмирив "бурю в стакане воды", сымитировать тем самым активную деятельность " в сложных условиях многонациональной области". С подачи тогдашнего первого секретаря обкома Ф.Бурмистрова и секретаря обкома по идеологии У.Темирова прошел в 1974 году 1У пленум обкома КПСС, посвященный идеологической работе. На нем впервые открыто была сделана попытка путем подмены понятий и подтасовок ревизовать решения XX съезда КПСС. Сделал это, в расчете на личную карьеру, карачаевец Курман Кипкеев. Он был одним из очень немногих функционеров и первым среди карача-

евцев, кто решился на публичное шельмование народа. С трибуны пленума он заявил: "Проявление национализма, национального чванства и эгоизма, пренебрежительное отношение к людям других национальностей чаще и больше всего проявляется в среде карачаевского населения..." "Особый национализм" карачаевцев К.Кипкеев объяснял тем, что они-де неправильно трактуют причины выселения и возвращения народа. Кипкеев взялся растолковать народу эти причины: "Наша партия осудила акт выселения, как акт неправильный, порожденный культом личности. Но при этом нельзя забывать о том, что определенная часть карачаевского населения дала повод для такого акта.., а возвращение народа в свои родные места явилось не только исправлением ошибки, но прежде всего гуманным шагом со стороны Коммунистической партии и Советского правительства... Карачаевский народ своим честным трудом... обязан ответить на эту гуманность, великодушие" ("ЛЗ" 13.12.1974). Итак, не кучка отщепенцев народа - а ведь на этом этапе истории и сам Курман Кипкеев не представитель, а именно отщепенец, предатель своего народа и его национальных интересов, - а определенная часть, не исправление грубого произвола и беззакония, а "гуманный шаг", помилование. Выступивший с той же трибуны У.Темиров (и поныне, по его словам уже 25 лет!), бессменный секретарь обкома КПСС КЧАО заявил: "Мелкобуржуазная потребительская психология и страсть к стяжательству, проявляющаяся главным образом среди части горского населения, вносят разлад в интернациональную семью народов области, порождают межнациональные трения, вызывают справедливое возмущение честных тружеников других национальностей".

На этом печальной памяти Пленуме был создан новый облик народа, "значительной части" которого якобы присущи национализм, эгоизм, стяжательство и мелкобуржуазная психология. Вывод следовал сам собой: горцы, т.е. карачаевцы,- главные и единственные виновники межнациональных проблем и трений в области. Так была сочинена и пущена в жизнь концепция национальной травли карачаевцев. Но буря, подготовленная и "закрученная в стакане воды" аппаратчиками, вышла из-под их контроля и привела к реальному обострению этих проблем.

Массовое закономерное недовольство людей столь бесстыдной трактовкой нерешаемых социальных и экономических проблем и расстановкой политических акцентов привело к тому, что Ф.Бурмистров был снят с поста первого секретаря (как говорили, без права партийной работы). Но У.Темирова "пощадили": он был "переброшен" с идеологии "на сельское хозяйство". Застой еще не набрал силу. Народ начал успокаиваться.

Начало, однако, было положено. В областную парторганизацию было "спущено" постановление ЦК по Карачаево-Черкесии, подписанное 22 апреля 1981 г. Сусловым. Оно было секретным, но местные чиновники, стараясь, вероятно, услужить верхам, довели его содержание до каждого коммуниста. Суть его была в том, что Суслов находил экономику, культуру и прочие отрасли в области совершенно разваленными и, разумеется, по вине карачаевцев.

Курьез, однако, заключался в том, что именно в это время было принято решение за достижения в тех же отраслях наградить область переходящим Красным Знаменем ЦК, Совмина, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Соответственно орденами самой высокой пробы были награждены и руководители области. Карачаевцы шутили: Знамя и Постановление привезли в одном вагоне, только в разных купе. Но... постановление есть постановление. Знамя и ордена были вручены без большого шума: предстояло "реагировать" на Постановление.

Курьез курьезом, но вывод напрашивается один: либо необъективно постановление ЦК, кстати, до сих пор не "снятое с контроля", либо неправомерно вручение Знамени.

Как бы там ни было, 17 июня 1981 года, надо полагать, как реакция на Постановление, состоялся Ш пленум обкома КПСС. Он в основном получил поддержку всей общественности за постановку вопроса о негативных явлениях в различных сферах жизни области. Однако здесь, видимо, нужны были другие акценты - мнимые и реальные трудности вновь списать на "счет" карачаевцев. Выступивший и на этом Пленуме теперь уже сложившийся "сверхинтернационалист" Курман Кипкеев (успевший сделать молниеносную карьеру от школьного учителя истории до ректора пединститута, депутата ВС СССР, члена обкома) решил дорисовать "новый" портрет карачаевского народа, а заодно утвердить свою безнравственную попытку "обосновать", т.е. оправдать его депортацию: "Значительной его (народа) части, как это ни больно признавать, присущи национальное чванство, кичливость, стяжательство, мелкобуржуазные замашки. Слово "карачаевец" начинает все чаще ассоциироваться с представлением о спекулянте, тунеядце... Очень важно, чтобы все карачаевцы поняли, что их выселение было связано не только с нарушением соцзаконности в период культа личности, но и с тем, что определенная часть карачаевского населения действительно перешла на сторону врага и тем дала повод к такому акту" ("ЛЗ" от 23.06.81).

Так карачаевцы были вновь, без разбора, с новыми ярлыками "пригвождены" к позорному столбу. Тунеядцами, спекулянтами был назван народ, трудом которого обеспечивается треть всего экономического потенциала области, две трети сельского хозяйства, три четверти животноводства. Разумеется, К.Кипкеев был поддержан

первым секретарем обкома Инжиевским и первым секретарем крайкома Мураховским. За "интернационализм" и "принципиальность", а точнее сказать, за новое предательство народа, за новую клевету на него, Курману Кипкееву дали (заплатили!) орден "Дружбы народов".

Так, благодаря усилиям функционеров "самый цивилизованный народ Кавказа", по Клапроту, превратился последовательно в "народ-изменник", в народ-носитель мелкобуржуазной и националистической психологии, а потом и вовсе - в спекулянта, тунеядца и дебошира. К сожалению, и тунеядцы, и спекулянты есть у любого народа, в том числе и у карачаевского, но у него подобных преступных элементов ничуть не больше, чем у других. Но обратите внимание, во всех высказываниях, по сути говоря, во всей идеологической политике в области, - ни намека на дифференцирование, ни малейшей попытки отделить национальное (народ) от социального (преступные элементы). "Значительная часть" - и все дела. Намеренно и постоянно противопоставляя карачаевцев остальным народам области, наши политические функционеры - обком КПСС и их приспешники на всех уровнях - хлопочут таким образом о дружбе народов.

Ответственные работники, пропагандисты открыто высказывались в антикарачаевском духе, а бывший секретарь обкома по идеологии, новый отщепенец-карачаевец Семенов даже пригрозил жителям Теберды выселением народа. Теперь наши малыши, прибегая со двора со слезами на глазах спрашивали нас: "Говорят, карачаевцы режут детей и пьют их кровь. Правда ли это?.." Грязный шлейф клеветы обвил шеи уже наших детей - сегодняшних дошкольников и школьников.

В стремлении унизить, идеологически обезоружить народ, подавлялись любые попытки несогласия или протеста. Дело доходило до исключения из партии коммунистов, пытавшихся в уставном порядке, открыто опротестовать антинародные выступления. Газета "ЛЗ" регулярно с 1974 года печатала антикарачаевские материалы.

Вся эта нечистоплотная возня сталинистов и сусловцев не могла не повлиять на умонастроения людей. Дело дошло до того, что после пленума 1981 года в станице Преградной прошла массовая манифестация жителей с антикарачаевскими лозунгами - характерный и наиболее уродливый пример "перевода" явления социального в межнациональное. Суть истории, вполне заслуживающей внимания, в следующем.

Пьяный житель станицы Степанов, мчавшийся на мотоцикле в магазин за новой дозой водки для собутыльников, сбил карачаевского мальчишку, игравшего возле дома. Ребенок скончался на месте. Собрались люди. Дядя мальчика в приступе гнева едва не задушил Степанова. Но вмешался дед ребенка, коммунист и ветеран Калабеков. Он приказал остановить попутную машину и доставить пьяного в мили-

цию - подальше от разгневанных людей. По пути Степанов сбежал, углубился в лесок и в состоянии аффекта повесился. Найдя повесившегося, казаки тут же решили, что это дело рук карачаевцев, и тотчас затеяли смуту. В ЦК полетели телеграммы о бандитах-карачаевцах, от которых житья не стало и которых надо выселить. Гроб с телом "пострадавшего" был установлен на площади перед райкомом. Собралась огромная толпа. Был пущен слух о предстоящей резне казаков с карачаевцами. Из г. Орджоникидзе (Владикавказ) спешно были переброшены войсковые части, введен комендантский час.

Появление войск карачаевская часть населения станицы расценила как начало повторения геноцида 1943 года, а иные казаки открыто стали присматривать себе карачаевские дома.

Местное руководство оказалось не в состоянии повлиять на ситуацию. Наконец, из Москвы приехала следственная комиссия МВД, руководимая т.Дежевым. Без большого труда она установила истинное течение событий. Шестеро казаков за организацию смуты были арестованы, многие исключены из партии, войска выведены, инцидент исчерпан.

Однако, ни в обкоме, ни в печати, обсуждавшей даже обычные потасовки между двумя подростками разных национальностей, история эта не получила никакого освещения, и, полагаю, не без умысла: вновь поползли слухи о "бандитах", поднимающих головы, которые пора рубить.

Ничего удивительного: преградненские события были лишь стихийным продолжением провокации, спланированной краевым и областным руководством на Ш пленуме. Остается радоваться, что карачаевский народ на эту провокацию не поддался. Он оказался мудрее руководства.

Хочу здесь подчеркнуть: на манифестацию в Преградной вышли те самые казаки и их потомки, с которыми карачаевцы, живущие бок о бок, имели теснейшие и весьма дружественные хозяйственные, культурные, личные контакты. Многим из них сегодня стыдно за те дни. Но как легко, оказывается, повторить геноцид!

В Ставропольском книжном издательстве в 1982 году вышла книга "Именем ВЧК" Попутько и Христинина, в которой путем привлечения бериевских "компроматов" грубо фальсифицировалась история карачаевского народа. Книга вызвала возмущение самых широких слоев населения и справедливую открытую критику ученых и специалистов. Казалось бы, сегодня, в условиях перестройки и гласности все это можно объяснить и отнести за счет застойных времен вообще и пристрастного отношения Суслова в частности. Но невозможно понять и объяснить факт переиздания той же книги с теми же грубыми передержками в самом конце 1988 года. Ведь о многочисленных бериевских,

можно сказать, сусловско-бериевско-серовских "липах" авторы книги, областное и краевое руководство неоднократно и в разных формах были уведомлены. Заметим здесь, что Серов - тот самый, что выселял карачаевцев, возглавлял правительственную комиссию по проверке партизанского движения в крае и намеревался арестовать Суслова, о чем свидетельствуют С.Медведев, А.Кубанов и другие. Ареста, однако, не последовало. Суслов с готовностью выдал индульгенцию на выселение карачаевцев и передачу части их земель Грузии, получив "взамен" степные просторы ликвидированной следом за карачаевцами, в декабре 1943 года, Калмыкии, а в 1944 году - пост председателя бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. Берия, Серов и Суслов отлично понимали друг друга.

За год до переиздания этой клеветнической книги была создана комиссия крайкома по многим из задетых в ней вопросам. О результатах работы этой комиссии общественности области ничего не известно. И книга с предисловием генерала Теплинского - начальника УКГБ края - вышла. Таков у нас уровень гласности.

Мало того, создается впечатление особой пристрастной изощренности в поиске все новых и новых компрометаций народа. Так, раскопали старый спор о классах и сословиях. До революции в Карачае существовали сословия биев (князей), узденей (свободных людей) и кулов (холопов). В 20-е годы кое-кем была предпринята попытка протащить вместо понятия "классовых" противоречий "сословные". Тогда же передовыми деятелями Карачая была показана несостоятельность и вредность такой попытки. Это, естественно, не могло не консолидировать народ. Теперь идею противопоставления узденей и кулов реанимировало руководство нашей области, и "ЛЗ" как орган обкома КПСС начал активно и бестактно муссировать эту тему. Идея проста до примитивности и поражает своим цинизмом: на руководящие должности назначать преимущественно потомков кулов, оттеснив узденей и биев, и таким образом изнутри деформировать, изломать народ. Определенные успехи в этой гнусной затее достигнуты: в Карачае вновь (100 лет спустя!) стали говорить о сословном происхождении. Это дало местной бюрократии повод бросить в лицо народу новое обвинение в реакционности.

Еще вчера житель Учкулана, выращивавший вместе с сыном овец на бросовых землях в доступном только для вьючных животных ущелье, сверх плана сдававший мясо государству, на страницах неистовой "ЛЗ" в статье под броским названием "Фермер из Учкулана", был заклеймен как чуждый социализму элемент. Сегодня же он - едва ли не идеал хозяйствования. Но поверит ли теперь этот горец новым веяниям: его столько раз уже клеймили и экспроприировали? Его и других. И все - именем партии, именем страны, во имя лучшего буду-

щего. Поверит ли он хотя бы в идею правового государства, если еще вчера в его дом бесцеремонно. без всяких санкций входили милиционеры, выясняя поштучно: откуда ковер, диван, мебель и т.д., и т.п.? Когда при тогдашней почти 93-процентной трудозанятости людей в области-победительнице (около 86% по Союзу) в среде карачаевцев выискивали тунеядцев, проводя силами приглашенных из других областей милиционеров так называемые операции "фильтр". Все перечисленные акции имели цель довести народ до состояния перманентного страха, связать инициативу, сковать предприимчивость, связать руки.

Велика ли мера достигнутой цели? Судите сами. Года два назад в Большом Карачае сотрудники областного музея беседовали с местными жительницами. Пожилые женщины охотно рассказывали о своей жизни до войны, о высылке, о теперешней жизни. Но стоило одному из сотрудников нажать клавишу магнитофона, как женщины смущенно замолчали и, ссылаясь на дела, потихоньку разошлись... Страх. Сегодня значительная часть мужественного народа, веками успешно боровшегося за свое место под солнцем с внешними и внутренними врагами, пребывает под гнетом страха перед слишком часто по отношению к нему репрессивным государственным аппаратом. А страх, недоверие - не лучший путь к любви и симпатии. Это, пожалуй, одно из наиболее "значительных" у нас достижений застойного периода, когда стало правилом без приведения конкретных фактов толковать о национализме, а ныне - экстремизме. За всю историю Карачая не было, к примеру, манифестации типа преградненской. Хотя, надо сказать, что отдельные срывы отдельных людей, носящие националистический характер, были, есть и, разумеется, еще будут. Ничего удивительного в этом нет: народ унижен, издерган до крайности, он нуждается в признании его достоинств, в уважении, и если этого не случится, трудно сказать, чем кончится затянувшаяся и крайне неприглядная возня Ставропольского крайкома и местного обкома КПСС вокруг доброго имени народа. Возня, спровоцированная и ведомая политическими проходимцами разных мастей и рангов. И если в Карачаево-Черкесии нет эксцессов типа Карабаха, то исключительная и великая заслуга в этом - терпеливого и мудрого народа, но никак не партийных и советских функционеров. Уж эти последние сделали, кажется, все возможное и даже невозможное, чтобы отравить межнациональный климать в регионе.

Народ, второй по численности в крае, хуже всех представлен в руководстве области и края. Тут национально-пропорциональным представительством и не пахнет. Те же, что представлены, большей частью работают по принципу "не сметь свое суждение иметь". Их можно при желании понять: всякая попытка высказать суждения, не

совпадающие с официальными, вступиться за национальное достоинство народа, расценивалась здесь как националистическая, незрелая, местническая и пр. Набор ярлыков в отличие от набора мыслей не был скуден. Лишь 26 из 215 ответственных работников аппаратов облгор-, райисполкомов КЧАО, их управлений были карачаевцы, лишь 6 из более чем сотни - в аппарате обкома КПСС.

Под предлогом ротации кадров, прохождения "школы работы в многонациональном регионе" в область присылают из края руководителей практически всех узловых областных звеньев, кроме, разумеется, "штатных" национальных. Кем же нас "укрепляют"? Народу ничего, ни худого - ни доброго, не известно о начальнике УВД области т.Волкодаве, только коммунисты управления (более 70% из которых русские) дважды отказали ему в доверии, не избрав его в партийный комитет управления.

Из... Петропавлоска-на-Камчатке "выписали" на должность директора облдрамтеатра некоего т.Шендрика. Сей доблестный Хлестаков от культуры получил квартиру, довел театр до полного развала, проворовался и преспокойно уехал, предоставив местным городничим самим разбираться в хаосе - в уделах Мельпомены.

Некий Мышечкин из Москвы, сменивший на посту руководителя крупнейшего в Европе тепличного комбината "Южный" М.Байрамукова, построившего этот комбинат, но, увы, "подвернувшегося" в горячую пору под горячую руку начальства, дошел до того, что организовал покушение на... себя самого, побещав "покушавшемуся" квартиру. Цель - обличение "кровожадных" карачаевцев. Мышечкину не повезло: не "тому" следователю поручили дело. Скандал был успешно замят, а следователь Чеобиев отстранен от дела путем повышения.

В Новосибирске "присмотрели" заведующего кафедрой философии и научного коммунизма местного филиала Политехнического института доцента Скоробогатова, не сочтя возможным "доверить" эту кафедру доценту-карачаевцу. Разумеется, все притязания "импортного" доцента, в том числе трехкомнатная квартира, были удовлетворены. Увы, сей муж оказался хроническим алкоголиком, разведенным с семьей, давно разуверившимся в... научном коммунизме. "Надо воспитывать людей", рекомендовали руководству филиала в обкоме...

Впервые в истории области в 1988 году и первый, и второй секретари горкома КПСС областного центра "привезены" из Ставрополя. О первых секретарях обкома и не говорим - тут само собой. Область, сто лет назад выдвинувшая одного из руководителей Российской социал-демократии - Михаила Бруснева, не может породить "коренного" русского первого секретаря. То, что "первый" непременно должен быть русским (хотя это здесь никто пока не оспаривает), взялся недавно

страстно доказывать на страницах "ЛЗ", манипулируя при этом понятиями сталинской поры и поры застоя, местный "профессор" М.Бекижев, новый наш "сверхинтернационалист", и тут наблюдается закономерное обстоятельство: вопрос о национальности руководителя любого ранга возникает, как правило, лишь в связи с его несостоятельностью. Никого не смущает, что "первые" в области, став первыми, весь свой "срок" живут в обкомовской гостинице в ожидании нового назначения. Никого при этом не волнует, что почти все эти временщики заканчивали свое пребывание на посту "первого" громким или тихим скандалом. Невозможно здесь не вспомнить суждения так называемой Абрамовской комиссии дореволюционной поры. Одну из причин бедственного положения горного края она видела в том, что администраторами сюда назначают никчемных, ненужных в России людей, так сказать, отбросы российского административного аппарата. Конечно, это было при царе; конечно, такие сравнения сегодня неправомерны, но. увы, сегодня в народе большими симпатиями пользуется ушедший из Карачая 100Фет назад Николай Петрусевич, чем ушедший в 1988 году - "в связи с переходом на другую работу" - первый серктарь обкома А.Инжиевский. Никто до сей поры не задумается, как важно, чтобы первое лицо области обладало как минимум двумя качествами: глубокой компетенцией руководителя и человеческой порядочностью.

Выше упоминалось о традиционном у карачаевцев народном воспитании, включавшем в себя (как неразрывные звенья) трудовое, нравственное, эстетическое, экологическое, патриотическое воспитание. В этой веками сложившейся этической системе широко и органично использовались народные обычаи, обряды, традиции, легенды. Не надо, разумеется, идеализации, но вот пример: в карачаевском языке есть слово - понятие-характеристика человека "адамлыкъ". Оно не имеет точного перевода, объединяя одновременно такие качества, как гуманность, самоотверженность, воля, доброта, сила, хотя каждое из них имеет в языке свои обозначения. Так вот под видом борьбы с пережитками прошлого сегодня национальная система воспитания почти начисто разрушена. Ничего взамен кроме формальных поверхностных сентенций командно-бюрократическая сфера, разумеется, не дала. Результат? Сегодня семидесятилетний старик с начальным об-

разованием, выросший в лоне национального воспитания несравненно культурнее молодого человека. закончившего институт.

Сегодня мы стоим на грани потери родного языка, несмотря на выход (раз в три дня) газеты, книг, учебников на карачаевском: многие родители не разрешают своим детям посещать уроки родного языка, введенные в области, и сами его толком не знают. Причина? И следствие пережитого геноцида в годы депортации, и воздействие уже скрытого геноцида - вытеснения карачаевского языка как националистической приверженности из жизненной практики, и сужение его функционирования в культурной сфере народа, и закономерный вывод: если родной язык за пределами области не нужен. так зачем утруждаться в его изучении... Так культивировалась психология потребительства и приспособленчества, ведущая к бездуховности...

Это позорно для страны, когда народ в течение жизни одного поколения может потерять язык, обычаи, традиции, культуру; потерять свое, веками сложившиеся этническое лицо, не перейдя в новую, более высокую ипостась. Но угроза эта существует - и не только для карачаевского народа.

Перестройка вселила в нас большие надежды и более всего - по части ликвидации позорного шлейфа бед и обид. Можно сказать, весь народ на память воспроизводит те места из книги М.С.Горбачева "Перестройка и новое мышление для страны, для всего мира", где с теплотой говорится, в частности, о карачаевцах. Но вот беда, местное руководство взяло на вооружение ту часть его высказываний, где говорится о дружбе народов области, начисто игнорируя ту, где речь ведется о проблемах в этой сфере и причинах их порождающих. М.С.Горбачев без обиняков называет их, в частности, командно-бюрократический стиль руководства. Кредо нашего руководства до сих пор простое: посмотрите, как высоко оценил М.С.Горбачев ситуацию в области и крае. А раз так, то и проблем никаких. Ни в прошлом, ни в настоящем. Эдакий заказник межнациональной гармонии. Значит, не существует и проблемы карачаевцев. А те, кто ее "вытаскивает", - "экстремисты и незрелые элементы". До сих пор, как в прорву, проваливаются бесследно все обращения людей по этим вопросам в областные и краевые органы.

В октябре 1988 года группа ветеранов войны и труда обратилась в исполком г.Карачаевска с просьбой разрешить провести траурный митинг, посвященный 45-летию выселения народа. Цели митинга -

осуждение произвола и насилия, общественный суд над сталинизмом, обсуждение вопроса о сооружении памятника жертвам спецпереселения.

Местным руководством было сделано все, чтобы не допустить митинг. Был, как водится, создан штаб, включивший членов обкома, облисполкома, УВД в лице полковника Волкодава. Уговорили ветеранов "отозвать" заявление, наобещав решить все поднимаемые ими по части полной реабилитации вопросы. Заблокировали все въезды в город милицейскими патрулями. вывезли в поле якобы на сельскохозяйственные работы студентов пединститута ("очага нестабильности"), напичкали городок милицией, собрав ее едва ли не со всего края и, наконец, обложили... подходы к площади у Дома Советов железобетонными плитами...

Население знало, что митинг не разрешен, потому в Карачаевск из соседних аулов приехало человек 40-50. Зато ажиотаж вокруг него был поднят невероятный. Надо было, полагаю, любой ценой показать, что если бы не чрезвычайные меры, не "героические" усилия руководства, то был бы второй Карабах или что-то в этом роде. А люди хотели лишь выразить скорбь, помянуть безвинно ушедших, как это и было потом сделано в Грозном (куда более "напряженном" городе) и в Нальчике, при участии партийных и советских органов. Но... там - можно, здесь - нельзя.

Без провокаций действительно не обошлось: некто изготовил и распространял листовки с призывом резать русских. Компетентные товарищи без большого труда разыскали автора. Им оказался... русский. Широкой общественности об этом осталось неизвестным, зато до сих пор по области ползут самые невероятные слухи: мол, карачаевцы хотели затеять забастовку, чуть ли не Карабах, учинить резню и т.д.

И вот что удручает: за без малого два десятка лет антикарачаевских гонений ни один представитель другой национальности не выступил публично против этой дикости. Таковы плоды местного интернационального воспитания.

Но вернемся к несостоявшемуся митингу. Одно обещание местное руководство все-таки выполнило: в "ЛЗ" (за 29 октября 1988 года) была опубликована редакционная статья, в которой впервые за 45 лет выселение карачаевцев было без околичностей названо актом грубого произвола, насилия и беззакония, но при скрупулезном подсчете голов

скота, потерянного в период оккупации, газета ни словом не обмолвилась о числе жертв антикарачаевского геноцида.

Вполне понятно: сегодня куда проще и, если угодно, безопасней клеймить любого партийного или государственного деятеля эпохи Сталина, чем подвергнуть критике ошибки функционирующего секретаря райкома или обкома. Но пора вернуть народу его очищенное от инсинуаций этой системы доброе имя. Что для этого нужно? Усилиями сталинского режима, а затем сталинщины и ее функционеров в нашей области и за ее пределами создан отрицательный стереотип карачаевского народа. Он должен быть разрушен публичным, на самом высоком уровне осуждением антинародных акций. Должны быть названы и наказаны те, кто проводил их в жизнь. Только таким путем можно уничтожить тот наслоившийся за полвека синдром страха, сковавший психологию значительной части карачаевского народа, да и других, подвергнутых той же репрессии народов. Только так можно осуществить полную морально-психологическую реабилитацию народа.

Далее, народу нужна юридическаая реабилитация.

Всякий юридический документ считается действующим до тех пор, пока не отменен новым документом. Людоедские указы образца 1943 и 1948 годов и другие должны быть уничтожены соответствующими указами СССР. Если это сделано, то их нужно довести до сведения широкой общественности. Юридическая реабилитация предполагает компенсацию всех потерь, которые понесли люди в результате национальных репрессий. Да, сегодня ничтожно мало число тех, кто может предъявить юридический иск о такой компенсации. Да и среди живущих едва ли найдется человек, который захочет этим правом воспользоваться.

Тем не менее народу сегодня абсолютно нужна полная юридическая реабилитация, ибо только она может защитить его от новых провокаций проституирующих в сфере межнациональной политики функционеров. Только она обеспечит право на судебную защиту народа от подобных акций и лиц, их совершающих...

1989

КАЛМЫКИ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР

Учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население, - Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР наделить калмыков в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Образовать в составе РСФСР Астраханскую область с центром в гор. Астрахани.

Включить в состав Астраханской области районы бывшей Калмыцкой АССР /.../ и гор. Элиста; районы Астраханского округа /.../ и гор. Астрахань.

Астраханский округ Сталинградской области ликвидировать.

3. Районы бывшей Калмыцкой АССР /.../ включить в состав Сталинградской области; /.../ включить в состав Ростовской области; Приютинский - в состав Ставропольского края.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.ГОРКИН
Москва, Кремль. 27 декабря 1943 г.

* * *

Калмыки - едва ли не единственный народ, который депортировался крайне рассредоточенно: от Новосибирска до Заполярья. В Новосибирской области они жили в 11 районах и нескольких городах. В 128 районах краев и областей Сибири было расселено 28 612 калмыцких семей, что составляло 79 487 человек, из них более 60 процентов дети до 16 лет. В Новосибирской области на тяжелых работах в леспромхозах, рудниках и шахтах было занято 511 воинов, сражавшихся на фронте и отозванных для депортации в трудармии. Многие из них были награждены боевыми орденами и медалями. Герой Советского Союза Л.И.Манджиев был отправлен в Сибирь на общих основаниях уже после сообщения о его награждении. В лагере на станции Половинка нынешней Пермской области, куда он попал вместе с другими фронтовиками-калмыками, более половины погибли от голода, холода, унижений. Жестокая судьба ожидала их семьи. Степняки не выдерживали непривычного климата и незнакомого труда на лесоразработках...

Из интервью Х.-М. ИБРАГИМБЕЙЛИ
Комсомолец Калмыкии. 1988. 24 сент.

* * *

11 марта 1944 г. Совнарком СССР издал новое постановление-распоряжение N 5475 о высылке калмыков, проживающих в Ростовской-на-Дону области в Омскую. Оно подтверждено Приказом Наркома внутренних дел СССР N 00272 от 14 марта 1944 г.

20 марта 1944 г. в Омскую область прибыла партия высланных калмыков из Астраханской области в составе 89 человек.

24 марта 1944 г. зам.наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышов уведомил Управление НКВД Новосибирской области в том, что туда из Ростовской-на-Дону области направлено 2400 калмыков.

8 апреля 1944 г. в Новосибирскую область вместо 2400 калмыков прибыло 2536 человек (753 семьи) из Ростова-на-Дону, из них 1116 детей. В пути умерло 12 человек.

По приказу Берии от 15 апреля 1944 г. по стране проводилась работа по розыску и отправке тех калмыков, которые проживали вне республики. Окончательное их выселение намечалось на 5 - 10 мая, для чего Наркомтранс запланировал 232 вагона. Затем срок полной депортации калмыков перенесен на июнь 1944 г.

Операция по окончательному очищению европейской части страны от калмыков была проведена с 6 часов 2 июня до 4 часов

4 июня 1944 г. - 1178 калмыков (362 семьи), среди которых было 534 ребенка до 16 лет отправлено в Свердловскую область на станцию Тавда. 242 калмыка было демобилизовано из Красной Армии, в их числе поэт Давид Кугультинов. Им было разрешено следовать в места, где находились семьи.

Калмыков распорядились использовать на строительстве ГЭС, лесоповале, лесозаготовках.

Калмыков-поселенцев перераспределяли между областями и краями по запросам на рабочую силу. Так, в июле 1944 г. часть спецпоселенцев-калмыков (1000 семей) была переправлена из Красноярского края и Омской области в Иркутскую область и Якутскую АССР. Их предполагали использовать в рудной промышленности.

С трудоустройством калмыков были сложности. Тяжелые бытовые условия, безработица, вызывающие протест, учащались побеги из мест насильственного поселения. В ответ ужесточался режим, усиливались формы надзора.

Материальное и продовольственное положение калмыков в местах поселения было катастрофическим. Начальник управления НКВД Красноярского края Семенов (ф. 1944 г.) сообщал, что среди работающих калмыков "нормы выработки не выполняются не только в лесной, но и золотодобывающей промышленности".

Отмечались эпидемии, в основном сыпно-тифозная, и дистрофия.

Жилищные условия были нечеловеческими. В бараке Тимирязевского механизаторского пункта с жилплощадью 34 кв.м. размещалось 148 человек на нарах в три яруса, на площади 28 кв.м. проживало 131 человек.

Смертность катастрофическая.

Территория упраздненной Калмыцкой республики вошла в административное подчинение соседних областей и Ставропольского края. Вместе с территорией эти области и край получили 23 641 налаженное хозяйство, 120 622 голов скота, из числа личного скота - 173 000 голов скота.

Из статьи Н.Ф.БУГАЯ
"О депортации калмыцкого народа"
Свет в степи. 1990.

* * *

На фронтах Великой Отечественной войны находилось более 20 тысяч калмыков - солдат и офицеров, из них более 25% были коммунистами, многие из них дошли до Берлина.

27 декабря 1943 г. издан Указ Президиума Верховного Совета СССР N 115/144; 28 декабря 1943 г. - Постановление Совета Народных Комиссаров N 142/425 (за подписью В.Молотова).

Оба извещали о ликвидации Калмыцкой АССР и о выселении калмыков в Алтайскую область и Красноярский край, в Омскую и Новосибирскую области.

ЦГАОР СССР. Коллекция документов

* * *

Депортации подверглись 91 919 калмыков, в основном старики и дети из Калмыцкой АССР. Из Ставропольского края - 382 семьи (1014 человек).

Эшелоны зачастую прибывали не в те районы, куда планировались. Отмечалась особенно высокая смертность. На начало февраля 1944 г. калмыки были расселены:

в Новосибирской области - 5435 семей (16 436 человек, детей - 7252)

в Томской области - 660 семей (1848 человек)

в Красноярском крае - 7525 семей (24 998 человек, детей - 11 705)

в Алтайском крае - 7167 семей (22 212 человек, из них - 10 411 детей)

в Казахской ССР - 648 семей (2268 человек, из них 979 детей)

в Омской области - 8353 семьи (27 069 человек, из них 9810 детей)

Там же

* * *

Докладная записка Берии - Сталину, Молотову

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы...

Всего погружено в 46 эшелонов 26 359 семей, или 93 139 переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую обл. Во время проведения операций происшествий и эксцессов не было. Л.БЕРИЯ

2 апреля 1944 г.
"Особая папка Сталина"
Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

Семен ЛИПКИН

ТЫ ВИНОВАТ

Из поэмы

- За Родину! За Сталина! -
Это навстречу бронемашинам ринулся в степь
Командир обескровленного эскадрона,
Стоявшего насмерть в вишневых садах.
Ты вспомнил его: Церен Пюрбеев,
Гордость политработников, образцовый кавалерист,
У которого самое смуглое в дивизии лицо,
У которого самые белые зубы и подворотнички,
У которого под пленкой загара
Круглятся скулы и движутся желваки.
Маленький, в твердой бурке, он ладно сидит верхом,
Хотя у него неуклюжей формы
Противотанковое ружье.
Он стреляет в бортовую часть бронемашин.
Ему стыдно за нас, за себя, за свое племя,
За то материнское молоко,
Которое он пил из потной груди,
Он хочет верить, что поднимет бойцов,
Но все бегут, бегут.
И только ты, как зачарованный, смотришь,
ты видишь:
Голова Пюрбеева в желтой пилотке
Отскакивает от черной бурки,
Лошадь вздрагивает, а бурка
Еще продолжает сидеть в седле...

Время! Что ты есть - мгновение или вечность?
Племя! Что ты есть - целое или часть?
Грамотная его сестра в это утро
Читает отцу в улусной кибитке
Полученный от Церена треугольник.
Безнадежно больной чабан с выщипанной бородкой
Кивает в лад
Учтиво, хорошо составленным словам сына,
А голова сына катится по донской траве.
Настанет ночь под новый, сорок четвертый год.

Его сестру, и весь улус,
и все калмыцкое племя
Увезут на машинах,
а потом в теплушках в Сибирь.
Но разве может жить без него степная трава,
Но разве может жить на земле человечество,
Если оно не досчитается хотя бы одного,
Даже самого малого племени?..

Ты останешься жить, ты будешь стоять
Не так, как теперь, в безумии бегства,
А в напряженном, деловом ожидании,
Сырым, грязным, зимним утром
На сгоревшей станции под Сталинградом.
Ты увидишь непонятный состав, конвойных,
Из узкого, тюремного окна теплушки,
Остановившейся против крана с кипятком,
На тебя посмотрят косого разреза глаза,
Цвета подточенной напильником стали.
Такими глазами смотрят породистые кони,
Когда их в трехтонках, за ненадобностью,
увозят на мясокомбинат.
Такими глазами смотрит сама печаль земли,
Бесконечная, как время,
Или как степь.
Быть может, это смотрит сестра Церена,
Образованная Нина Пюрбеева,
Всегда аккуратная учительница,
Такая длиннокосая и такая тоненькая,
С твердыми понятиями о любви,
О синтаксисе, о культурности.
В ее чемодане -
А им разрешили взять
По одному чемодану на человека -
Справка о геройской звезде
Посмертно награжденного брата,
Книга народного, буддийского эпоса,
Иллюстрированная знаменитым русским
художником,
Кое-что из белья и одежды,
Пачка плиточного чая
И ни кусочка хлеба,
чтобы обмануть голодный желудок,

Ни травинки, ни суслика.
А бывало,
Покойные родители
и суслика бросали в казан.
В той же самой теплушке -
Круглая, крепкая, с налитыми ягодицами -
Золотозубая Тегряш Бимбаева,
Еще недавно видный профсоюзный деятель,
Мать четырех детей и жена предателя,
Полицая, удравшего вместе с немцами.
Она-то понимала, что ее непременно вышлют,
Она-то к этому заранее подготовилась.
В ее пяти чемоданах
полно союзнических консервов,
Есть колбаса, есть концентраты.
От всего сердца
Она предлагает одну банку своей подруге,
Она предлагает одну банку сестре героя,
Но та не берет.
- Бери! Бери! - кричат старухи. -
Мы же одного племени, одной крови! -
Но та не берет.
- Бери! Бери! - кричат плоскогрудые
молодые женщины, -
Разве она отвечает за мужа?

Что же ты стоишь, техник-интендант?
(Впрочем, ты уже будешь тогда капитаном.)
Видишь ты эту теплушку?
Слышишь ты эти крики?
Останови состав с высланным племенем:
Поголовная смерть одного,
даже малого племени
Есть бесславный конец всего человечества!
Останови, состав, останови!
Иначе - ты виноват, ты, ты, ты виноват!..

ШЕЛ ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ...

Рассказ старой калмычки

Ботха Содыковна Шоваева - ровесница века. По жизни ее прокатилась жестокая история нашей страны. У нее было семь детей. Голод, болезни, война, высылка унесли шестерых. Муж пропал на фронте без вести... Видела и пережила все мыслимое и немыслимое, а рассказывает об этом просто... Вспоминает без горечи и слез - все выплакала, а к горю привыкла: не одна она страдала, у иных, вспоминает она, жизнь была еще страшнее...

- 28 декабря 1943 года... Этот день я хорошо помню, да и не только я, память о нем вошла в кровь каждого калмыка и рождающиеся сегодня тоже помнят этот день.

С вечера все было спокойно, никто ни о чем не тревожился. А наутро у каждой двери стоял солдат. На улицу никого не пускали. В комнате сварили чай, попили. Начали убираться в доме. Обычные хлопоты... Ближе к обеду нам велели быстро-быстро собираться. Куда, зачем - ничего не говорили.

Мы ничего не знаем, ни о чем не догадываемся, что случилось - в толк не возьмем. Ясный день на дворе, а людей силком из домов выгоняют - побыстрей, побыстрей. Солдаты ничего не говорят. Правда, те, что к нам зашли, посоветовали взять с собой побольше вещей и еды. А что, куда, зачем - молчат.

Вместе с нами в то время жил младший брат моего мужа, Сергей Шоваев. Он был ранен где-то на Кавказе, из госпиталя приехал на побывку. Сергея и его сверстников призвали в армию после оккупации и сразу отправили на фронт. Из всех призванных в живых только он остался. Так вот он, когда стали всех на улицу выгонять, надел шинель, вышел во двор и стал доказывать солдатам, что он фронтовик, что вернулся после ранения в отпуск, что найдет на них управу. Оставили солдаты нас в покое, пошли к соседям. А я тороплюсь, собираюсь в неведомую дорогу, все из рук валится, то за одно хватаешься, то за другое - никогда не приходилось уезжать из дома. Но все-таки кое-что собрать успела, другим даже еды не удалось захватить, не говоря уже о теплых вещах, а ведь на дворе зима - канун Нового года и впереди нас ждали морозы, и какие морозы!

Всех жителей улицы собрали в одном доме, на краю. Дом маленький, люди едва уместились, вещи пришлось оставить под открытым небом. Кучи мешков, сумок, наспех связанных узлов. Сидим, кто на полу, кто на лавках. На руках дети - мал-мала меньше. Из мужчин самые старшие - Сергей, ему восемнадцать исполнилось, и Давид

Бюрчинов, племянник, пятнадцатилетний мальчик. Сидим, потихоньку переговариваемся, вдруг вспомнила, что забыла и оставила дома чигян (кислое молоко) и табак...

- Ой, да что ты переживаешь? - говорит мне знакомый старик. - Вечер же скоро, домой, наверное, пойдем. Вот и возьмешь свой чигян...

Да, до последнего момента мы думали, что вернемся домой. Этот чигян и табак долго потом снились мне, уже в Сибири. Там ведь молока вообще не было, а стакан махорки можно было купить, если повезет, за 30 - 40 рублей, не меньше.

А потом услышали шум машин, из окна увидели три больших грузовика. "Студебеккеры" - так называли эти американские машины, - помощь союзников во время войны. Подогнали их прямо к дому.

Загружались спешно. Из-за недостатка места, выкидывали вещи. Нам пришлось оставить громоздкий узел с валенками.

Ох, село ты наше! Плохо ли, хорошо ли жили - мы там родились. В тридцатом году колхоз создали. "Чик хаалх" ("Правильный путь") назывался. Работали, зарабатывали свои трудодни, шли по этому пути. И в оккупации были. Фашисты последнее отбирали, да мы и сами готовы были последнее отдать, лишь бы не приставали. Ничего, яйца возьмут и уедут. Однажды остановился у нас эскадрон. Одни калмыки, а во главе их немец. Чужие калмыки, не наши. Людей они не тронули, но забрали с собой нашего лучшего скакуна. Хороший был скакун, до войны выставляли мы его на скачки от всего села. Холили его, берегли. От немцев бы уберегли, а от калмыков этих немецких разве убережешь!

К ночи привезли нас в Дивное. Остановились. Места более-менее знакомые. Начали успокаиваться. Но опять взревели моторы, тронулись дальше. Подъехали к железнодорожной станции. Под скупым светом станционных фонарей темнел длинный состав - товарняк, и густые цепи немногословных солдат. "Студебеккер" развернулся и задом подался к раскрытому вагону. Прямо с кузова грузовика мы перешли в затхло пахнущее нутро "теплушки". В углу под окном стояла печка. Потихоньку стали размещаться, укладывать детей. Было не до разговоров. А моторы шумели неумолчно. Двое суток грузовики привозили все новых и новых людей. Состав постепенно наполнился. Здесь я и услышала впервые слово "спецпереселенцы".

Долго ли, коротко ли ехали мы в этом вагоне, обжились. Научились на "буржуйке" готовить еду. Варили на этой печке, держа кастрюлю в руках. На ходу-то ведь не отпустишь - упадет. Куда везут, - не знаем. Так и ехали.

Привезли в какое-то татарское село и оставили там, рассовав в первые попавшиеся дома. Почти три месяца прожили мы там. Меткость русской пословицы про непрошенного гостя ощутили на собст-

венной шкуре. И клеймо "врагов народа" впервые обожгло там. По весне повезли нас дальше. Уже было ясно, что везут в Сибирь, в неведомую землю. Среди нас была одна женщина - Гага Сахылова, так она с самого начала догадывалась, куда держит путь наш эшелон.

- Чует мое сердце, в Сибирь нас везут, - говорила она.

С детства довелось Гаге хлебнуть горя под самую завязку. Сирота. Рано вышла замуж, да в скором времени овдовела. Второй раз вышла замуж за богатого. Только справили свадьбу, как раскулачили их семью в зиму двадцать девятого и выселили в Сибирь. Там все ее новые родственники вместе с мужем погибли. Холод и голод свое дело сделали. Уж не знаю, как она выжила, как выбралась оттуда, русского языка не зная, в дороге не разбираясь, только через год-два вернулась в родные места. Ожила. Снова вышла замуж за парня Сахылова, сироту, чабаном работал в колхозе. Зажили счастливо, две дочки народились, в тридцать втором году, когда смерть косила направо-налево, сумели выстоять. А тут война, оккупация. Когда фашистов из Калмыкии выгнали, радовались мы, думали - все, теперь за работу... Все-таки, как крепок человек, сколько тягостей приходится на его долю, а все равно терпит, живет. Люди говорили, что Гага Сахылова и во второй раз в Сибири выжила, и дочек вырастила. Где она, что делала, не знаю, пути наши там разошлись. Последний раз с ней в "теплушке" встречалась.

В Омске прожили мы несколько дней в тесном маленьком клубе. Ждали парохода. В первую партию не попали. Может, и к счастью. Тех калмыков, что на первом пароходе отправили, говорят, поселили на Ямале. Не знаю, выжил ли кто из них. Старшим в той партии был калмык Боктаев из Ульдючин. А нас на втором пароходе повезли за Ханты-Мансийск. За все время, что шли по Иртышу и Оби, на палубу не разрешили выйти, держали в трюме как какой-то опасный груз. Кипяток выпьешь и плывешь дальше. Ни стула, ни стола. Багаж свалили в кучу и рядом примостились. Народу было много. В трюме темно. Ни лечь, ни встать, мест свободных не было. Приходилось сидеть прямо на полу. У дверей милиционеры стояли, пропускали только по одному человеку.

Сколько воды утекло с тех пор? Думала, когда забуду такое? А теперь вспоминаешь то время - что-то уже и забылось. Сорок пять лет прошло.

Сколько дней шли по реке, - не помню. Высадили нас на пустом берегу. Рядом тайга, кругом - ни души. Потом узнали, что в нескольких километрах ниже по течению есть деревня. Неприютным было наше новое место жительства. Не раз с тоской вспоминали об оставленных домах, продуктах, теплых вещах, которые в суматохе да спешке не смогли захватить с собой. Могли и помереть: от холода, с

голодухи - если бы не работа. А работа была простая - лес рубить. Потом нужно было срубленные деревья тащить к станции, загружать в вагоны - и все на своей спине. А вагон-то какой высокий - и бросить сил нет и отпустить бревно боишься. Стволы-то сибирские, толстые: упадут - придавят. За работу давали хлеб - 700 граммов. У неработающих норма была меньше - 300 граммов. На это и жили. Охотиться и ловить рыбу нам, спецпереселенцам, запрещалось.

Там, на берегу Оби встретила я знакомую - русскую женщину Олю. Ее родителей в 1929 году раскулачили и выслали сюда. Ей тогда еще и десяти не было.

- Вам еще хорошо живется, - говорила мне Оля. - Бараки теплые, норму хлеба в 700 граммов дают. А нас лютой зимой высадили на этот берег посреди снега. Хочешь - строй дом какой-нибудь, хочешь - помирай. Я маленькая была, но помню. А муки давали - по 50 граммов на работающего. Так мы на лесопилке опилок наберем, с мукой перемешаем, чтобы теста побольше было.

Много полезных советов дала нам Оля. Может, благодаря ей, мы и к суровой зиме быстрее привыкли, и с постоянным чувством голода свыклись.

Как-то раз состоялся в бараке после работы такой разговор. Один старик уверял всех, что когда-нибудь и для калмыков настанут лучшие времена, что мы вернемся в родные степи. Верил он сильно в это. А другой ему в ответ смеялся и говорил, что этому не бывать.

- Все мы погибнем здесь, - кричал он.

Отчего-то запал мне в душу этот разговор. И вот что интересно: тот, что не верил в лучшую долю, действительно так и погиб там, в Сибири. А тот, который уверял всех, что мы вернемся, до сих пор жив, моего возраста он или чуть старше.

О тех временах есть у калмыков хорошая песня - "Бар сарии хорн нэмми" ("Двадцать восьмое декабря") называется. Сколько слышала ее - всегда плакала. Автор ее - народ. Вот ведь штука какая: живот пустой, холодно, голодно, одна мысль в голове - выжить, и не до песен, кажется, - а пели. Душа рвалась... До сих пор снятся мне те холодные зимы. Все думаю. Почему выселили нас? Не знаю. Не понимаю. Жили мы в Калмыкии хоть и не очень богато, но с достатком. План выполняли. Выселили нас, - мы вконец обеднели. А если люди бедные, государство от этого разве станет богаче? Нет, государству от насильного выселения калмыков никакого доходу не прибавилось,

Сейчас уже все говорят, что Сталина эта работа. А тогда, весной пятьдесят третьего, когда вождь народа умер, все плакали. И я плакала и дети мои. Кто-то, помню, рассмеялся, так его чуть не побили. Вот такие времена были: ничего не знали. только верили - в справедливость, в родину, в Сталина...

Запись Э.ШАМАКОВА
Комсомолец Калмыкии. 1988. 21 июля

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ДЕКАБРЯ

Слова и музыка народные

Это было двадцать восьмого
Злополучного декабря -
Весь народ наш выслать надумали,
Нам ни слова не говоря.

Всю республику благодатную
Окружили тайно войска,
Дали час - собраться в дорогу,
А дорога была далека.

Тайно подняли с мест насиженных,
Без вины обвинили народ.
Всех загнали в зеленый поезд,
Паровоз потянул вперед.

Без скота, без крова оставили...
Сохрани, судьба, пощади!
Благодатная степь просторная -
Осиротевшая - позади.

В ледяную Сибирь отправили.
Как родные края далеки!
Здесь от холода и от голода
Гибнут дети и старики.

Здесь кругом, куда ни посмотришь, -
Вековая стоит тайга.
Лучезарную степь мы помним -
Как душе она дорога!

Серый гусь - знакомая птица,
Он в родные летит места.
Когда думаем мы о доме,
Слезы катятся неспроста.

И отцы и братья - на фронте,
Защищают страну от врагов,
А их жены и дети в Сибири
Умирают среди снегов,

Лес дремучий, непроходимый, -
В снег проваливаешься по грудь.
А калмыки - на лесоповале,
Горемычный у ссыльных путь.

Зверь лесной, озорная белка,
Ты у нас красива всегда.
Лихо, пережитое в Сибири,
Не забудется никогда.

Запись А.БАЛАКАЕВА
Перевод с калмыцкого Марка ВАТАГИНА

Ференц НАДЬ
ПОМНИТ ЗЕМЛЯ СИБИРСКАЯ
Воспоминания

Осенью 1942 года нас, измученных, истощенных, эвакуировали из блокадного Ленинграда в глубокий тыл, в Сибирь.

Поселились на станции Исилькуль, в 138 км от Омска. Поначалу пришлось очень трудно: жили в абсолютно неприспособленном помещении. Было холодно, а топить нечем. Мы перебивались с топливом, как могли. На железной дороге в специальном месте чистили топки котлов паровозов от шлака. Мы там находили несгоревшие кусочки угля, и это нас спасало.

Таково было нам, просто эвакуированным. Но позже сюда, в Сибирь привезли спецпереселенцев. Я был этому свидетель.

В начале 1944 года я работал на элеваторе помощником машиниста, хотя занятий в школе не прерывал. А мать работала в клубе станции. Однажды вечером мама сказала, что в клубе будут размещены приезжие, кто такие, - не известно. Думали - эвакуированные.

Зима стояла очень холодная, даже по сибирским меркам. В помещении клуба в тот день было очень много сотрудников НКВД и милиции. Это настораживало.

Вечером я, как обычно, пришел к маме на работу, чтобы помочь ей. И тогда-то из разговоров работников НКВД услышал слово "калмыки". Один из милиционеров - его отец работал со мной на элеваторе - предложил мне: "Пошли с нами встречать калмыков". Я говорю: "А чего их встречать?" Тут он меня начал "просвещать" и такого наговорил оскорбительного о калмыцком народе!

Кинотеатр был недалеко от железнодорожной станции, мы вскоре пришли к местному вокзальчику. Территория, прилегающая к желез-

нодорожным путям, была оцеплена комсомольцами со станции. Невдалеке стояли наготове сани и три полуторки.

Было очень холодно, я замерз и хотел уйти домой, но милиционер предложил погреться в здании вокзала. Там ждали поезда руководители района и НКВД. Наконец, подошел товарный состав. Его встречали на тормозных площадках одетые в тулупы солдаты войск НКВД. Офицер НКВД, по-видимому, начальник эшелона или конвоя, стал передавать документы, работники НКВД о чем-то переговаривались, ругались. И вот открылись двери вагона: там стояли люди, притопывая ногами от холода. Один из солдат влез в вагон и стал выталкивать людей. Высаженных завели в помещение вокзала, но я видел, что на полу вагона остались лежать мертвые...

После сверки документов приехавших рассаживали по саням. Я обратил внимание на то, что у них почти совсем не было багажа. Одеты они были по-разному: кто в городской одежде, кто - в типично сельской, были и в солдатских и милицейских шинелях, некоторые - на костылях, тяжело опирались на палку...

Кинотеатр, занятый спецпереселенцами, не работал несколько дней. Наконец, кое-как всех разместили в домах частного сектора. Из калмыков я хорошо запомнил нескольких. В клубе стал работать разъездным киномехаником мужчина в милицейской шинели. Он сильно хромал на одну ногу, а звали его то ли Эрдингоря, то ли Эрендженом, - точно уже не помню. Но хорошо помню, что он воевал, был ранен и находился дома после госпиталя, когда его вывезли...

На элеваторе у нас работала очень красивая женщина, она резко выделялась среди окружающих своими манерами, умением выглядеть элегатно. Я не помню сейчас, кем она была до Сибири, но что была хорошо образованной женщиной, - это точно. Она разговаривала с казахами, татарами на их родном языке, хорошо, без акцента говорила по-русски. Как-то, когда не требовалась электроэнергия и машины стояли, я сидел и готовил уроки, мне тяжело давались геометрия и алгебра. Женщина эта как раз зашла к нам в машинное отделение. Спросила меня, над чем я мучаюсь, и легко и просто объяснила мне теоремы. Потом я не раз просил ее помочь мне в решении задач.

На элеваторе работал грузчиком калмык средних лет, у него было прозвище - "Пушкин". Когда наши двигатели стояли, этот пожилой калмык читал нам вслух стихи - Пушкина, Лермонтова... За это и за курчавые волосы его и прозвали "Пушкиным". Наше машинное отделение было ответственно за стенгазету. "Пушкина" мы попросили ее редактировать, и кроме этого он писал в стенгазету шуточные стихи.

У нас, в машинном отделении бывали все, кто работал на элеваторе. Объяснялось это просто: от дизелей из машинного отделения шли трубы к глушителю, размером с бочку. На глушителе мы жарили

пшеницу, была у нас и мельничка припрятана, на которой мы мололи зерно, а из муки пекли пресные лепешки. Все это мы делали с большой осторожностью, прятались - надо было выжить. По карточкам мы получали только хлеб, да и то нерегулярно. Крупу, мясо, масло и прочее нам не выдавали, - считалось, что мы живем в сельской местности. Но если наша семья, как эвакуированная из Ленинграда, получала дополнительный паек, что давало возможность хоть как-то питаться, то как жили спецпереселенцы, что ели и чем топили, - осталось для меня по сей день тайной. Вещей для обмена у них почти не было.

Как относились к переселенцам-калмыкам? В рабочем поселке Исилькуль, где я жил в 42 - 44-м годах какой-либо вражды, упреков, издевательств, презрения к ним я не помню. Рабочие люди оказывали им посильную помощь топливом, продуктами, особенно жалели детей. Но власти... Среди переселенных были коммунисты, комсомольцы. Вскоре после приезда они пошли в Исилькульский комитет ВЛКСМ стать на учет. На них там накричали, отобрали комсомольские билеты...Судьба свела нас в тот же год с одним интересным человеком, коммунистом калмыком. Как-то зимой в конце 43-го или начале 44-го, точно не помню, в кинотеатре, после вечернего сеанса мама обнаружила за печкой пожилого калмыка, небритого, в измятой одежде. На вопрос, почему он здесь сидит, ответил, что ему все равно, где сидеть, он хочет умереть. Мы с мамой повели его к себе. По дороге я сводил его на элеватор в душ, в машинном отделении напоили его чаем, дали лепешку. Живя у нас, этот человек постепенно пришел в себя, разговорился. Так мы узнали, что до переселения он жил в Элисте, у него была большая семья, с которой его разлучили при депортации. Коммунист с 1918 года, красный командир, хорошо знал О.И.Городовикова, С.М.Буденного, служил под их началом. У него с собой был большой портфель. В нем хранился портрет сына, погибшего на фронте, пожелтевший листок с обращением Ленина к калмыцкому народу. Он рассказывал, что был на похоронах Ленина. По-русски говорил чисто, грамотно, судя по всему был человеком нерядовым на своей родине... Он не мог смириться с происходящим, писал письма Сталину, Калинину, Молотову, Городовикову, еще кому-то, ходил в райком партии. И однажды не пришел ночевать. Через несколько дней к нам пришли из НКВД, забрали портфель нашего постояльца, учинили нам допрос и оштрафовали за содержание спецпереселенца без прописки. Больше я никогда не видел и не слышал об этом человеке.

Тяжело было смотреть на калмыков в ту зиму, позже они - кто выжил - с помощью местного населения обжились - никто не верил, что целый народ пошел против государства....

Омск

Комсомолец Калмыкии. 1988. 13 авг.

СУРОВЫЙ ДЕКАБРЬ

Слова и музыка народные

В декабре в суровое время,
Нас согнали с родимых мест.
С автоматами шли солдаты -
Весь народ попал под арест.

Загоняли в вагоны скотские,
А вагонов тех - без числа!
Без вины погнали калмыков,
Ночь на землю нашу пришла.

Наступила пора лихая,
Воду пьем из Урал-реки,
А в вагонах у нас замерзают
Дети малые и старики.

Осторожна лиса степная,
Озорна она и хитра.
Все добро, что скопили предки,
В эти дни обратилось в прах.

Скот калмыцкий - он красномастный -
По казахским степям бредет.
Если встретятся два калмыка -
Разговор о доме идет.

Лишь тайга меня окружает -
Ледяные чужие края.
Когда думаю я о родине,
Разрывается печень моя.

Как до наших степей добраться?
Исстрадались наши сердца!
Неужели в землях сибирских
Будем дни влачить до конца?

Запись А.БАЛАКАЕВА
Перевод с калмыцкого Марка ВАТАГИНА

Олег ВОЛКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КАЛМЫЧКА

В Соловецкий лагерь в конце двадцатых годов привезли как-то партию якутов - человек триста. Эти крепкие смуглые люди в оленьих доспехах были нагружены вышитыми сумками и торбасами, ходили в легких пыжиковых парках и унтах, словно только что вышли из тундры.

Странно и жутко было видеть этих выросших у полюса холода людей, одетых с ног до головы в меха, чахнущих и пропадающих среди снежной зимы почти на той же параллели, что и Якутск, на острове, освещенном теми же сполохами, что их стылая лиственничная тайга!

На Енисее та же участь постигла калмыков.

Я не знаю, какова была численность этого народа, но из приастраханских степей вывезли всех калмыков до единого - от мала до велика. Их целыми семьями грузили в вагоны и отправляли на восток. Массовая эта операция была произведена, если не ошибаюсь, в 44-м году, под гром победных салютов.

Часть калмыков была отправлена на Енисей, - их расселяли по реке вплоть до Туруханска и ниже; несколько сот человек попали в Ярцево. Трудоспособных угоняли на лесозаготовки, отдавали в колхозы, преимущественно на работы, связанные с конями. Калмыки умело с ними обращались, но во всем остальном оказались трагически неспособными применяться к новым условиям, пище, климату, укладу жизни...

Бойкими смуглыми бесенятами носились первоначально отчаянные калмыцкие мальчуганы на неоседланных и необратанных лошаденках, пригоняя их с пастбища и водопоя: со свистом, гортанными степными криками, так что только завидовали и дивились местные подростки, сами убежденные, лихие конники. А вовсе маленькие калмычата с живыми черными, как у куликов, глазами и плоскими лицами выжидательно смотрели на матерей, - когда они пойдут доить кобылиц и принесут пенистого, с острым запахом молока. Однако - не дождались... Кто скажет, отчего стали чахнуть и помирать в приенисейских селах калмыцкие дети? Или и впрямь нельзя было обойтись без привычного кумыса? Или не хватало им по весне свежих цветущих лощин в тюльпанах, жаркого душистого лета, напоенного пряными ароматами высушенных солнцем степных трав?.. Все больше детей, а потом и взрослых калмыков стало попадать в больницу. Ни внимательные русские врачи, ни ласковые сестры в белых косынках, сами заброшенные на чужбину, а потому старавшиеся помочь от всего сер-

дца, ничего не могли сделать... Калмыки лежали на больничных койках тихие, ужасно далекие со своим малоподвижным лицом и чужим языком, горели в сильном жару и помирали. Одного за другим их всех - малышей и подростков, девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, стариков поперeносили на голые сибирские кладбища, позакапывали в землю, так и не признавшую их за своих детей.

Когда меня в 1951 году привезли в Ярцево, трагедия калмыков подходила к концу. В селе их оставалось наперечет. Вскоре узналось, что и по другим деревням перемерли все степняки. И настал день, когда в нашем Ярцеве уцелела одна женщина - Последняя Калмычка. Все ее знали, жалели, но помочь ей уже было нельзя.

Мы с ней вместе караулили на берегу плоты, - она от рыбкоопа, я от другой организации. Калмычка приходила на дежурство с опозданием, неряшливая, разгоряченная и недружественная. Мы были одни меж бревен, устилавших прибрежный песок, против пустынной реки и чуть видных за гребнем яра коньков крыш села. Она меня словно не замечала, усаживалась где-нибудь на плоту и понуро сидела с засунутыми в рукава телогрейки руками, потом задремывала, свесив голову, обвязанную платком не по-нашему. Так было под утро. С вечера она обыкновенно скороговоркой непрерывно бормотала что-то на своем языке. Наш она совсем не знала, выучила всего несколько слов. Калмычка иногда негромко и на одной заунывно-пронзительной ноте пела, долго и тоскливо, и это походило на безответную жалобу.

Моя напарница много курила, свертывала себе нескладные цигарки из газетной бумаги, просыпая при этом махорку, глубоко, не по-женски, затягивалась. А когда кончался табак, подходила ко мне и хрипло выговаривала: "Курить дай!"

Прежде она никогда не пила и исправно ухаживала за овцами на скотном дворе. Поначалу будто бы и не очень тревожилась, когда умирали ее соплеменники, редко навещала больных и тем более не ходила на кладбище. Ее привезли в Ярцево со стариками - родителями убитого на войне мужа. Из замкнутой отчужденности - в деревне всегда все известно, а потому знали, что она безутешна после потери мужа, - вывела, однако, вдову не утрата родных, а болезнь чужого мальчика, матери которого она стала помогать за ним ходить. Носила ему парное овечье молоко, доставала, что могла, из лавки. Мальчуган помер. И тогда Последняя Калмычка впервые прибегла к спирту по наущению сердобольных соседок, давно зарившихся на доставшиеся ей от свекра со свекровью сундуки с шелковыми одеялами и пуховыми шалями. Одинокая калмычка скоро сбилась с круга, забросила работу и с каким-то ожесточением стала прогуливать, что только попадало ей под руку. И за короткое время спустила все свое добро.

И в рыбкоопе Последняя Калмычка продержалась недолго, - не могли держать сторожиху, постоянно пропускавшую дежурства и уходившую с них когда вздумается. У нее уже ничего не осталось, она обносилась, бедствовала. Хозяйки неохотно пускали ее к себе жить...

Мне однажды пришлось видеть, как вырвалось у Последней Калмычки наружу сильное чувство, страстная тоска, на миг поборовшая всегдашнюю угрюмую замкнутость. Это было на восходе, когда должно было вот-вот показаться из-за лесов правобережья солнце. Перезябшая за ночь Калмычка забралась на угор повыше, в полгоры, караулила первые лучи. И когда они наконец хлынули, ласковые и яркие, она внезапно оживилась, стала подставлять им, не жмурясь, лицо, запрокидывая голову, словно устремлялась навстречу их жару и свету.

Я стоял внизу, на песке, в тени.

- Иди, иди! - поманила меня к себе Последняя Калмычка и быстро-быстро залопотала на своем языке, с живостью показывала на солнце и куда-то вверх по Енисею.

Не понимая слов, я знал, что она рассказывает о своем юге, о своем жарком щедром солнце, прокалившем душистый простор ее степей и давшем жизнь ее народу. Глаза калмычки блестели, на смуглом бескровном лице скупо показалась краска.

- Это плохо, плохо! - вдруг горько по-русски заключила она и сразу потускнела. Глаза ее угасли, и резко обозначились ранние морщины на облитом утренним солнцем лице.

Последняя Калмычка внезапно покинула Ярцево. Ходили слухи, будто ей разрешили переехать в Енисейск, где еще были живы несколько ее земляков. Ничего достоверного о ее дальнейшей судьбе так и не узналось...

Отрывок из повести "ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ"
Роман-газета. 1990. N 6.

О ЖИЗНИ В СИБИРИ

Слова и музыка народные

На снежных просторах Сибири
Большие деревья растут,
И высланные калмыки
Страдают от холода тут.

Проваливаясь по пояс
В снега, они валят лес
И степь вспоминают родную
С глазами, полными слез.

В деревне Тухта, в глухомани,
В несчастьи калмыки живут.
Хоронишь грудного младенца, -
И волосы дыбом встают.

От тяжкой мучительной жизни
Мрут дети и старики, -
Закапываешь невинных
И слезы глотаешь - горьки!

Кому ты об этом расскажешь?
Пожалуешься куда?
Повсюду одни лишь страданья,
Повсюду одна лишь беда.

Запись А.БАЛАКАЕВА
Перевод с калмыцкого Марка ВАТАГИНА

Не для печати

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-калмыков и членов их семей, выселенных в 1943 - 1944 годах из бывшей Калмыцкой АССР и Ростовской области, в дальнейшем не вызывается необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД калмыков и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К.ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.ПЕГОВ
Москва, Кремль. 17 марта 1956 г.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Ушла зима. Достигнув торжества,
Весна опять земле явила милость.
И степь, тучнея, травами покрылась,
Она жива! По-прежнему жива!

А травы слиты с яркой синевой,
И я вдыхаю дня великолепье.
Моя душа легко парит над степью.
Я здесь рожден. Я здесь навеки свой.

И мнится мне: как небо, как трава,
Судьбою приобщен к земному чуду,
Всегда, во всем существовать я буду.
Была бы только степь моя жива.

Была бы только степь моя жива!
1956
Перевод с калмыцкого Якова ХЕЛЕМСКОГО

Копия

Судья -
докладчик Гришина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ N 44-611

Судебная коллегия по уголовным делам
Верховного суда Казахской ССР
В составе: Председательствующего - Сакбаева
и членов: Гришина и Харламова

Рассмотрев в заседании от 20 марта 1959 года уголовное дело по протесту Прокурора Казахской ССР на постановление быв.особого совещания при МВД СССР от 17/У1-1949 года, которым: МАНЖИЕВА МАРИЯ ПАПИШЕВНА, 1897 года рождения, уроженка Ростовской области, калмычка, беспартийная, малограмотная, осуждена по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года к 20 годам каторжных работ.

Манжиева признана виновной в том, что являясь спецпереселенкой, проживающей в г. Новосибирске, в августе 1948 года совершила побег с места поселения и, приехав в Алма-Ату, уклонилась от учета спецпоселения.

В протесте ставится вопрос об отмене постановления особого совещания в прекращении дела производством за отсутствием в действиях осужденной состава преступления.

Заслушав доклад члена суда Гришиной и заключение пом.прокурора Каз.ССР Орлова, поддерживающего протест, судебная коллегия:

Н А Х О Д И Т:

протест Прокурора Казахской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям: материалами дела не установлено, что Манжиева прибыла на жительство в гор. Новосибирск как спецпоселенка. Никаких доказательств о том, что Манжиева из Ростовской области выселена с обязательным поселением в гор. Новосибирске нет.

В качестве доказательства вины осужденной представлена карточка семейного учета, однако эта карточка не может служить доказательством, что она стояла на спецучете, так как в ней не указана дата заполнения, отчество заполнено "Булгуновна", тогда как отчество Манжиевой - "Папишевна". Сын у Манжиевой 1933 года рождения по имени Александр, в карточке семейного учета указано - Петр.

Признавая, что Манжиева по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26/Х1-1948 года осуждена неправильно, судебная коллегия, руководствуясь ст. 444 п.418 УПК РСФСР

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Постановление быв. особого совещания при МВД СССР от 17/У1-49 г. в отношении Манжиевой Марии Папишевны отменить и за отсутствием в ее действиях состава преступления дело производством прекратить.

Из семейного архива МАНЖИЕВЫХ

Но 10 лет каторжных работ Мария Папишевна Манжиева пережила. - Примеч.ред.-сост.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

ОТ ПРАВДЫ Я НЕ ОТРЕКАЛСЯ

За то, что я посмел в крутое время
Судить в стихах жестокий произвол, -
Ни денег я не получил, ни премий,
Широкой славы я не приобрел...
Да это, может статься, и не надо.
Иною - высшей - счастлив я наградой.

В то время гнев несправедливый, дикий
Нас подавил...И свет для нас потух.
И даже слово самое - "калмыки" -
Произносить боялись люди вслух.

Тогда, слезами рифмы закрепляя,
Я для друзей писал, я утешал
Тех, кто был изгнан из родного края...
Я говорил им: прекратится шквал,
Исчезнет все, что наши души гложет, -
Померкнуть солнце Ленина не может!

Давал я клятву фактам вопреки:
Не то, что дети, даже старики -
Весь наш народ калмыцкий возвратится
К могилам предков, к дорогой земле...

И видел я, как молодеют лица,
Как просветленная слеза катится
По бронзовой, обветренной скуле...
Добрели лица, о добре заслыша,
И это было мне наградой высшей.

За то, что я посмел хотя б отчасти
Судить в стихах жестокий произвол,
Не только славы я не приобрел,
Но на меня посыпались напасти.

Из-за стихов, по их живому следу,
Ко мне ворвался ветер ледяной,
И праздник мой, желанную Победу
Я встретил за тюремною стеной.

В тот день весенний, счастье возвещавший
Деревьям, птицам, людям, всей стране, -
Я Родину, как сердце защищавший,
Отчаясь,
грыз решетку на окне...
Не слышал, что кричат мне снизу грубо,
Не замечал я, что крошатся зубы,
Что штукатурка сыплется... Пока
(Еще не в голову, еще без злобы)
Стреляли в стену часовые, чтобы
Поглубже в камеру загнать "зека"...

Из-за стихов цветок полураскрытый,
Недолгой юности моей рассвет
Отравлен клеветою ядовитой...
Близ океана в стуже ледовитой
Провел я десять бесконечных лет
За проволокой частой и колючей,
Похожей на тенета паука,
Где холодно и жадно - по-паучьи -
Высасывала сердце мне тоска,
Где только в снах цветных скользило мимо
То, что когда-то наполняло стих:
И образ нецелованной любимой,
И степь моя - в тюльпанах золотых...
В те злые годы леденящей стужи
Что не бывало?..
Страхом сражена,
Иная - даже верная жена -
Писала отречение от мужа.
И, выбраться стремясь из липкой сети
(Ведь надо ж как-то жить в конце концов!),
Иные - даже любящие - дети,
Рыдая, отрекались от отцов.

А те, кого считали храбрецами,
Друзей и правду предали, дрожа...
Бесценной шкурой, что ли, дорожа,
Хоть голубыми не были песцами!.
Но как бы круг порочный ни смыкался,
Как ночь над нами ни была глуха, -
От правды я своей не отрекался,
Не отступал от своего стиха!..

Не потерял я совести от страха,
Не позабыл природный свой язык,
Под именем бурята иль казаха
Не прятался... Я был и есть калмык!
Ни под каким нажимом и допросом
Не осквернил души своей доносом!
И эта непричастность к силе зла
Наградой высшей для меня была.

Я был душой с народом, втайне веря, -
Как весь хороший, честный мой народ, -
Что к подлым слугам кровожадных Берий
Расплата - рано ль, поздно - а придет!
Пусть их разгул, - так думал я, -
неистов, -
От них очистится, воспрянет вновь
Россия Пушкина и декабристов,
Россия Ленина, его любовь!
Я знал, что мой народ в лесах Сибири
Нашел друзей и вновь душой окреп
Средь лучших русских, средь щедрейших в мире,
Деливших с нами и судьбу и хлеб.
Я жил и верил:
сгинет мрак проклятый,
И хоть сгущалась мгла со всех сторон,
Калмыцким сердцем верил в Съезд Двадцатый,
Не думая, как будет зваться он...
И вот теперь, когда прозрачны зори
И все дороги - чище и прямей,
Я счастлив тем, что даже в годы горя
Не поступился правдою своей...
Ни денег я не приобрел, ни славы,
Но высшею наградой дорожил
И рад, что в многотрудной жизни право
На эти строки честно заслужил.

1956
Перевод с калмыцкого
Юлии НЕЙМАН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О снятии ограничений по спецпоселению с калмыков и членов их семей

"___" марта 1956 г.

ЦК постановляет:

1. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР "О снятии ограничений по спецпоселению с калмыков, выселенных из бывшей Калмыцкой АССР и Ростовской области".

2. Обязать ЦК КП Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Алтайский и Красноярский крайкомы КПСС, Сахалинский, Кемеровский, Свердловский, Новосибирский, Томский, Омский и Тюменский обкомы КПСС провести необходимую работу по закреплению калмыков в местах их настоящего жительства, исключив возможность их массового выезда из мест поселения.

Н.Ф.БУГАЙ. "Операция "Улусы"
Элиста, 1991, с.86

ГЕНОЦИД

В результате депортации резко снизилась численность калмыков в СССР.

Точного и поименного подсчета числа жертв нет и сделать это практически невозможно. Воспоминания отдельных лиц не дают общей картины погибших и умерших. Однако их рассказы - это свидетельства очевидцев.

Балинова Александра Нарановна рассказывает, что в пос. Андреевка Алтайского края привезли 15 семей калмыков, из них уцелела одна семья.

Н.Менкеев свидетельствует, что калмыки умирали от голода и холода. Варили кашу из веток и трав, не зная их свойств,и умирали от отравления. Варили картофельную шелуху, откапывали падаль, старые, пожелтевшие от времени кости животных - кто не умирал, превращался в хронического больного.

По свидетельствам узников Широклага в Пермской области: фронтовикам калмыцкой национальности, снятым с фронтов Великой Отечественной войны, за выполнение нормы выработки на каменных и бетонных работах на строительстве ГЭС выдавалось 700 граммов "хлеба" плюс похлебка из соленой, а зачастую тухлой рыбы. Невыполнившим нормы давали пятую часть пайка. Значительная часть калмыков в Широклаге была "актирована" ("отгружена" в братские могилы). Работали в основном на каменоломне и бетонировали основание станции на реке Косьве. Бетон спускали на тачках под углом в 45 градусов на расстояние 300 метров, затем поднимались наверх. Жили в бараках с 3-х ярусными нарами. От недоедания и непосильной работы люди умирали сотнями. Так погиб Пюрвя Джалхаев, представленный к званию Героя Советского Союза...

Не легче приходилось семьям фронтовиков-калмыков - в вину женам-некалмычкам ставился брак с представителем "преступной" национальности. Пишет Степуренко Анна Павловна, ветеран войны: "В войну моего мужа-офицера отозвали из действующей армии, потому что он калмык. Я русская, жена его, поэтому и меня отправили... на Урал.., в Новосибирскую область... и на Сахалин. Находилась на спецучете. На Сахалине мы жили и работали в Тамаринском районе. Комендант у нас был зверь-зверем, а то и хуже - страшнее. Особо жестокие издевательства от коменданта доставались мне, потому что я русская. Часто вызывал меня к себе в комендатуру, сразу бил меня по голове пистолетом, кричал, как бешеный, обзывал нецензурной бранью, что я русская, а муж - калмык...

Однажды я везла свою больную дочь к врачу, комендант остановил поезд, вырвал у меня из рук девочку и выкинул из вагона на кучу камней. От удара о камни у нее сломались позвоночник и правая рука. Сейчас дочь взрослая, инвалид 1-й группы. Это только один случай я описала, а случаев было так много, что их трудно все перечислить..."

К моменту снятия со спецучета калмыки были рассеяны по 15 краям и областям РСФСР, по 13 областям Казахстана, а также в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В Алтайском крае проживало 19866 калмыков, в Красноярском - 16983, в Новосибирской области - 15846, в Тюменской области - 9364, в Омской - 9283... Всего в районах Сибири к началу 1956 года было 75836 калмыков. Они составляли в этих областях менее одного процента ко всему населению и проживали в основном в сельской местности. Рождаемость и смертность калмыцкого народа характеризовались следующими данными: за первые десять лет в районах Сибири родилось 13724 человека, умерло 25626. Смертность среди калмыков была в два раза выше, чем у прочего населения. К примеру, в Алтайском крае смертность от туберкулеза среди всего населения составила 3,1% к числу умерших, а среди калмыков - 48%.

Следует отметить большую распыленность калмыков в депортации. Подоплека такого расселения понятна: были поставлены цели:

1) лишить калмыков взаимного общения, возможности взаимовыручки и создания калмыцких семей;

2) так было легче управлять, контролировать и применять к народу насилие;

3) легче искоренить все национально-этническое - язык, культуру, духовность, превратить народ в бессловесных рабов. Такова была официальная установка.

Все эти репрессированые меры повлекли за собой огромные человеческие жертвы. По состоянию на 1 декабря 1939 года в СССР насчитывалось 134,3 тыс. калмыков. Если учесть, что в начале 40-х годов прирост населения в Калмыкии составлял 26,4 на 1000 человек населения (по калмыцкому населению прирост был гораздо выше), то нетрудно подсчитать, сколько бы лиц коренной национальности было к периоду выселения в декабре 1943 года - 179,3 тыс. с учетом снижения естественного прироста в 1942 года-1948 годах до 5 и потери 15% численности мужчин на фронте. Но в 1959 году согласно переписи численности калмыцкого населения составила в СССР 106,1 тыс. человек. Если за исходное брать 1887 год и возможные приросты, то к 1959 году численность калмыков должна была до-

стичь 690,8 тыс. человек, а если за исходное - перепись населения 1926 года, то соответственно - 255 тысяч человек.

Каковы прямые потери за время насильственного переселения 1943 года и последующих репрессивных акций?

В декабре 1943 года было депортировано 98,6 тысяч мирных граждан. В начале 1944 года было снято с фронтов Великой Отечественной войны около 10 тысяч солдат и офицеров калмыцкой национальности. В ходе выселения было арестовано 750 человек. Итого было депортировано 109,3 тысячи человек. По расчетным данным с 1944 по 1948 год в местах спецпоселения родилось около 5 тысяч детей. По данным МВД СССР, по состоянию на 15 июля 1949 года числилось на спецучете 73,3 тысячи человек. Следовательно, людские потери за 5 лет составили 114,3 тысячи минус 73,3 тысячи = 41 тысяча человек. Но в связи с тем, что период выселения охватывает с декабря 1943 года по январь 1957 года, расчеты требуют дополнения.

По расчетным данным за 1949-1958 годы родилось 34,7 тысяч детей калмыков, к ним следует прибавить детей, родившихся в 1944-1948 годы. Всего на спецпоселении было 149 тысяч человек. А численность по всесоюзной переписи 1959 года - 106,1 тыс. калмыков, то есть прямые потери составили 43 тысячи человек.

Цифры говорят о многом. Но геноцид имел и другие последствия.

Калмыки подвергались геноциду до и после депортации в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е годы. Об этом свидетельствуют следующие данные:

1. Всероссийская перепись 1887 года - 190,6 тыс. чел.
2. Всесоюзная перепись 1926 года - 132,0 тыс. чел.
3. Всесоюзная перепись 1939 года - 134,3 тыс. чел.
4. Всесоюзная перепись 1959 года - 106,1 тыс.чел.
5. Всесоюзная перепись 1970 года - 137,2 тыс.чел.
6. Всесоюзная перепись 1979 года - 146,6 тыс. чел.
7. Всесоюзная перепись 1989 года - 174,5 тыс. чел.

Тринадцать лет ссылки, дискриминация всего национального до ссылки и после восстановления автономии породили кризис в языке, культуре калмыцкого народа. Тоталитарная система привела к уничтожению всех культурных построек ламаистской церкви (а их было более 100). Они были не только религиозными центрами, но и средоточием культурной жизни. В них готовились лекари, астрологи, живописцы, создавались библиотеки. Да и сами они представляли огромную ценность как памятники национального зодчества.

Уничтожение хурулов, насильственное переселение калмыков сопровождалось потерей исторических ценностей. Часть их безвозмездно пропала, часть сохраняется в запасниках музеев и других

учреждений страны. В родной Калмыкии калмыки составляют меньшинство и возникла проблема языка...

Преступление против народа было совершено в одночасье, веками построенное разрушено в одни сутки - чтобы восстановить, возродить народ и его культуру потребуются десятилетия...

Из книги П.Д.Бакаева
"Размышления о геноциде"
г.Элиста, 1992 г.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

* * *

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: "Бабушка родная!"
Хотелось петь, кричать "ура!",
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

Перевод с калмыцкого
Н.МАТВЕЕВОЙ

ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

Вынужденному[1] переселению в 40-е годы по так называемому "государственному заданию" были подвергнуты 3 011 108 представителей различных национальностей, среди которых были целые народы: ингуши, чеченцы, немцы, калмыки, балкарцы и др.

Кроме них 215 242 человека прибыли на места поселения самостоятельно, т.е. не в специальных эшелонах. Общая цифра переселенных составила 3 226 340 человек.

Н.Ф.БУГАЙ. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах
История СССР. 1989. N 6

* * *

... Народ был в те годы "перемолот". Одних усылали в северные дали, других из жарких краев переселяли к нам. Тасовали судьбы людей почем зря. Так вот у нас появилась целая улица немцев, переселенцев с Поволжья. Есть калмыки, литовцы, кого только нет, даже финны есть, - на десяти языках говорит деревня... Так вот, перемещали людей - в порошок стерли души.

Виктор АСТАФЬЕВ. Моя земная деревушка. Рассказ.

---

[1] Согласно официальной (государственной) исторической концепции, которую поддерживал до 1991 года доктор исторических наук Н.Ф.Бугай, все национальные депортации в СССР были "вынужденными", т.е. обстоятельства якобы "вынуждали" Сталина совершать над этносами насилие. - Прим. ред. - сост.

* * *

...Те методы, которыми руководствовались при выселении калмыков, татар, отрабатывались много раньше и на жителях российских земель - на казачестве, на немцах Поволжья, а до этого на китайцах и корейцах... С Дальнего Востока выселено три- три с половиной миллиона человек. Значительная часть отправлена в полярные края, в Якутию. Руководили операцией Дерибас и Никишов, знаменитый потом начальник Дальстроя.

Из архива Гувера, США
Публикация Натана ЭЙДЕЛЬМАНА
Огонек. 1990. N 28.

А.НЕКРИЧ

О РУКОВОДСТВЕ ДЕПОРТАЦИЕЙ

Общее руководство депортацией всех народов осуществлял член Политбюро ЦК ВКП(б), член Государственного Комитета Обороны, нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия. Непосредственными руководителями операцией по насильственному переселению были его заместители Б.Кобулов и И.Серов. У Кобулова и Серова был накоплен немалый опыт по депортации народов Кавказа, Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики. За выдающиеся "заслуги" в деле депортации и, надо полагать, большое "полководческое искусство", проявленное при операции "Депортация", Серов был награжден высшим полководческим орденом - Суворова 1 -ой степени. Таким образом награждались военачальники за успешное проведение операций масштаба не меньше фронта. Кобулов был расстрелян вместе с Берия. Серов же, благодаря своему участию в аресте Берии и покровительству Хрущева, стал во главе госбезопасности страны, а позднее был назначен заместителем начальника Генштаба. Он достиг звания генерала армии и стал Героем Советского Союза...

Операции по выселению готовились весьма тщательно. Их основным принципом была... внезапность!... Заблаговременно подведены войска, собран транспорт, утверждены маршруты движения автоколонн. Операции осуществлялись войсками НКВД, т.е. внутренними, конвойными и пограничными. Во время войны, несмотря на колоссальные потери и острую нужду в людях на фронте, в тылу находилось немало войск особого назначения.

Однако помимо войск НКВД в Чечено-Ингушетии уже за несколько месяцев до выселения дислоцировались три армии, одна из них танковая. Операцию намечалось осуществить в максимально сжатые сроки. Войска были готовы воспрепятствовать сопротивлению или немедленно подавить его, если такое возникнет. Реализация задачи облегчалась тем, что подавляющая часть мужского населения находилась вне территории, где происходила депортация, в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах или частично в немецком плену. Эти люди, разумеется, и не подозревали, какая участь уготована их семьям и тем из них самих, кто останется жив.

При переселении никаких исключений не допускалось. Незадолго до выселения на места были отправлены ответственные работники партийного аппарата Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) для оказания помощи в осуществлении депортации своих земляков. Они были предупреждены, что за разглашение тайны готовящейся операции будут привлечены к самой суровой ответственности...

Александр НЕКРИЧ. Наказанные народы
Нью-Йорк: Изд-во "Хроника", 1978.

Заместителю наркома внутренних дел СССР
Б.З.КОБУЛОВУ

На основе опыта перевозок карачаевцев и калмыков нами были проведены некоторые мероприятия,давшие возможность значительно сократить потребность в подвижном составе и уменьшить количество потребных поездов[1].

Так, по расчету численности спецконтингента требовалось для перевозки их 15 207 вагонов (272 состава), считая как прежде по 56 вагонов в каждом эшелоне. Фактически же было отправлено 12 525 вагонов, или 194 состава по 65 вагонов в каждом. Потребность вагонов была сокращена на 2 652 вагона, или 41 состав (по 65 вагонов в каждом).

Уплотнение погрузки спецконтингента с 40 чел. до 45 чел. в вагоне, при наличии 40 - 50 % детей в составе спецконтингента, вполне целесообразно.

Упразднением в эшелонах вагонов для багажа было сэкономлено значительное количество вагонов, оборудования (ведер, досок, печей и т.д.)

К недостаткам перевозок спецконтингентов следует отнести невозможность проведения санобработки их, в результате чего в дороге имели место случаи заболевания сыпным тифом. Однако в результате принятых мер эпидемия была предотвращена.

Для оперативного состава и войск НКВД потребность составила 4711 крытых вагонов, 1984 платформы.

Начальника Управления Орджоникидзевской железной дороги Х.Т.Восканова и заместителя начальника дороги К.В.Ильченко необходимо представить к правительственной награде, как и других отличившихся служащих железной дороги.

Начальник 3 Управления народного комиссариата госбезопасности СССР
МИЛЬШТЕЙН
18 марта 1944 г.

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

---

[1] Для выселения чеченцев, ингушей, балкарцев. - Прим. ред.-сост.

НЕ МОГУ ПРОСТИТЬ!

Не надо называть мое имя - я не боюсь, я уверен, что моя история типична. Я не один такой.

Первое мое детское воспоминание. Мне около четырех.Я с мамой и старшими братом и сестрой шести и восьми лет вместе с другими тетями с детьми нахожусь в темном душном помещении. Время от времени одна стена куда-то девается и сквозь железные палки я вижу свет. Меня неудержимо тянет туда, к свету и солнцу, и я проползаю и протискиваюсь через эти железные палки. Но там, на просторе меня ждет дядя с винтовкой. Я уже знаю, это - "часовой". Он ловит меня и толкает, пихает обратно. Слышу умоляющий голос мамы: "Товарищ часовой, пусть мальчик погуляет". И слышу злой окрик в ответ: "Я тебе не товарищ..." - следует, как я уже тогда понимаю, какое-то очень плохое слово и "Забери свое отродье!" Я выворачиваюсь из-под толкающей меня руки и бью по твердой ноге часового. "Не ругай мою маму! - кричу яростно. - Она хорошая!" Меня отшвыривают и втискивают в железо и тьму...

Так что не надо говорить мне о милосердии, о ненасилии, убеждать меня забыть, простить... Это я не могу забыть! За это, я считаю, кто-то должен ответить. Персонально! Поименно! Тем более что сегодня я сплошь и рядом встречаю "строителей коммунизма", которые гордо вспоминают о том, как они расправлялись с преступными народами, и сожалеют, что не добили они нас, не прикончили. Нас, кто уже в пеленках попал за решетку, под стражу с ярлыком бандита, преступника, предателя...Я уж не говорю о растоптанных, поруганных судьбах наших отцов и матерей, виновных только в "преступной национальности". Это же надо придумать - "преступная национальность"!

Не верю, что в стране, правительство которой столько лет воюет с собственным народом, преследует за национальную принадлежность, можно говорить о свободе, прогрессе, справедливости, гуманизме! И не верю, что в нашей стране что-нибудь изменится, если новое правительство не выстроит иного отношения к этим оскорбленным народам. Мне не надо ихней реабилитации, меня не за что реабилитировать! У меня, обвиненного в пеленках, у моих родителей, у всех погибших-уничтоженных - у всех нас, не сотен, не тысяч и даже не сотен тысяч, а у миллионов - у каждого в отдельности и у всех вместе, преданных геноциду народов, правительство должно просить прощения во всех возможных формах, а не дарить нам реабилитацию за невиновность!

Иначе не могу простить! И со мной все случайно выжившие и оставшиеся людьми.

Запись Светланы АЛИЕВОЙ

ИНГУШИ*)

* * *

Чечено-Ингушетия

По архивным документам НКВД СССР, в итоге проведенных трех мобилизаций в республике ушли на фронт 17 413 человек.

По сведениям отдела спецпоселений НКВД СССР, за период с 1944 по 1948 год умерли 144 704 человека, в том числе:

в Казахстане - 101 036 человек,

в Узбекистане - за шесть месяцев 1944 года 16 052 человека,

в 1945 году 13 883 человека.

Вопросы истории. 1990. N 7.

* * *

В 1937 году в республике были репрессированы:

30 из 75 кандидатов в члены Обкома ВКП(б),

20 из 28 секретарей райкомов,

17 парторгов,

77 членов райисполкомов,

192 работника сельских организаций (учреждений), не считая рядовых тружеников.

Там же.

*) *Прим. ред.-сост.*: Чеченцы и ингуши - два разных народа, говорящих на родственных языках. Приговорены к репрессиям вместе, подвергнуты насилию одновременно и без разбора. Разделение их в этой книге условно. Сделана попытка все-таки обозначить неповторимый национальный характер каждого народа. "Ингуши" поставлены первыми по принципу алфавитного равенства.

ТЕЛЕГРАММА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ. ПОСЛЕ УТОЧНЕНИЯ ВЗЯТО НА УЧЕТ ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ 459 486 ЧЕЛОВЕК, ВКЛЮЧАЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ДАГЕСТАНА, ГРАНИЧАЩИХ С ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЕЙ, И В Г. .ВЛАДИКАВКАЗЕ.

УЧИТЫВАЯ МАСШТАБЫ ОПЕРАЦИИ И ОСОБЕННОСТЬ ГОРНЫХ РАЙОНОВ, РЕШЕНО ВЫСЕЛЕНИЕ ПРОВЕСТИ (ВКЛЮЧАЯ ПОСАДКУ ЛЮДЕЙ В ЭШЕЛОНЫ) В ТЕЧЕНИЕ 8 ДНЕЙ, В ПРЕДЕЛАХ КОТОРЫХ В ПЕРВЫЕ ТРИ ДНЯ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНА ОПЕРАЦИЯ ПО ВСЕЙ НИЗМЕННОСТИ И ПРЕДГОРНЫМ РАЙОНАМ, И ЧАСТИЧНО ПО НЕКОТОРЫМ ПОСЕЛЕНИЯМ ГОРНЫХ РАЙОНОВ, С ОХВАТОМ СВЫШЕ 300 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

В ОСТАЛЬНЫЕ ЧЕТЫРЕ ДНЯ БУДУТ ПРОВЕДЕНЫ ВЫСЕЛЕНИЯ ПО ВСЕМ ГОРНЫМ РАЙОНАМ С ОХВАТОМ ОСТАВШИХСЯ 150 ТЫС. ЧЕЛОВЕК.

...ГОРНЫЕ РАЙОНЫ БУДУТ БЛОКИРОВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО...
В ЧАСТНОСТИ, К ВЫСЕЛЕНИЮ БУДУТ ПРИВЛЕЧЕНЫ 6-7 ТЫС. ДАГЕСТАНЦЕВ, 3 ТЫС. ОСЕТИН ИЗ КОЛХОЗНОГО И СОВХОЗНОГО АКТИВА РАЙОНОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ, ПРИЛЕГАЮЩИХ К ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ, А ТАКЖЕ СЕЛЬСКИЕ АКТИВИСТЫ ИЗ ЧИСЛА РУССКИХ В ТЕХ РАЙОНАХ, ГДЕ ИМЕЕТСЯ РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ.

...УЧИТЫВАЯ СЕРЬЕЗНОСТЬ ОПЕРАЦИИ, ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ МНЕ ОСТАТЬСЯ НА МЕСТЕ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ОПЕРАЦИИ... Л.БЕРИЯ. 17.02.1944

Особая папка СТАЛИНА

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

ТЕЛЕГРАММА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ПОСЛЕ ВАШИХ УКАЗАНИЙ В ДОПОЛНЕНИЕ К ЧЕКИСТСКИМ 0-ВОЙСКОВЫМ МЕРОПРИЯТИЯМ ПРОВЕДЕНО СЛЕДУЮЩЕЕ:
...40 РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ НАМИ ПРИКРЕПЛЕНЫ К 24 РАЙОНАМ С ЗАДАЧЕЙ ПОДОБРАТЬ ИЗ МЕСТНОГО АКТИВА ПО КАЖДОМУ НАСЕЛЕННОМУ ПУНКТУ 2-3 ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ АГИТАЦИИ.

БЫЛА ПРОВЕДЕНА БЕСЕДА С НАИБОЛЕЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫМИ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ДУХОВНЫМИ ЛИЦАМИ Б.АРСАНОВЫМ, Г.ЯНДАРОВЫМ И А.ГАЙСУМОВЫМ. ОНИ ПРИЗЫВАЛИСЬ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ ЧЕРЕЗ МУЛЛ И ДРУГИХ МЕСТНЫХ АВТОРИТЕТОВ.

...ВЫСЕЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ С РАССВЕТА 23 ФЕВРАЛЯ СЕГО ГОДА, ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОЦЕПИТЬ РАЙОНЫ, ЧТОБЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ВЫХОДУ НАСЕЛЕНИЯ ЗА ТЕРРИТОРИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НАСЕЛЕНИЕ БУДЕТ ПРИГЛАШЕНО НА СХОД, ЧАСТЬ СХОДА БУДЕТ ОТПУЩЕНА ДЛЯ СБОРА ВЕЩЕЙ, А ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ БУДЕТ РАЗОРУЖЕНА И ДОСТАВЛЕНА К МЕСТАМ ПОГРУЗКИ. СЧИТАЮ, ЧТО ОПЕРАЦИЯ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ БУДЕТ ПРОВЕДЕНА УСПЕШНО. Л.БЕРИЯ. 22.02.1944.

Там же

Н.Ф.БУГАЙ

ПРАВДА О ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНСКОГО И ИНГУШСКОГО НАРОДОВ

В ноябре 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышов провел расширенное совещание начальников УНКВД Алтайского и Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей. Была сделана прикидка: сколько людей и куда переселять. Ориентировочно намечалось в Алтайский край, Омскую обл. и Красноярский край переселить по 35 - 40 тыс.человек, в Новосибирскую обл. - 200 тыс.человек.

Окончательно план принудительного переселения определился в середине декабря 1943 года. Он существенно отличался от ранее составленного, в частности изменилась география расселения. Для поддержания порядка в местах новых поселений намечалось открыть 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур с 1358 сотрудниками. Был решен и вопрос о транспортных средствах. В целях обеспечения перевозок Наркомату путей сообщения СССР предписывалось с 23 января по 13 марта 1944 г. поставлять по 350 крытых вагонов, с 24 по 28 февраля - по 400 вагонов, с 4 по 13 марта - по 100 вагонов ежедневно. Всего формировалось 152 маршрута по 100 вагонов в каждом, а в целом 14 200 вагонов и 1 тыс.платформ. Предусматривалось, что спецпоселенцы смогут брать по 500 кг груза (домашние вещи) на семью.

О готовящемся выселении чеченцев и ингушей знали руководящие работники на местах, и не только в Чечено-Ингушетии. Нарком внутренних дел Дагестанской АССР Р.Маркарян в докладной записке на имя Берии от 5 января 1944 г. сообщал, что еще в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги К.В.Ильченко на встрече с председателем Верховного Совета Дагестанской АССР Тахтаровым и сотрудниками обкома ВКП(б), состоявшейся в Беслане, уведомил их "о предстоящем выселении чеченцев и ингушей, назвав при этом, что для этой цели прибыли 40 эшелонов и 6000 автомашин". Аналогичные сведения содержатся в докладах наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР Бзиавы.

Операция намечалась на 23 февраля 1944 года. Ее проведению было посвящено специальное решение СНК и Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) "Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа (СКВО) в горных условиях" (Партархив. Ф.1. Оп.1. Д.1698. Л.34). В горные районы Чечено-Ингушской АССР были стянуты воинские формирования,

войска НКВД, курсанты военных училищ. В райкомах горных районов проводились заседания, на которых разрабатывались конкретные мероприятия для обеспечения операции. С той же целью проводились совещания работников исполкомов Советов и колхозников. Например, Галашкинский РК ВКП(б) принял постановление направить для выполнения работ 1200 лошадей, отремонтировать дорогу, протяженностью 35 верст, 5 мостов, заготовить 600 куб.м. гравия и др. (Там же. Л.49 - 50).

31 января 1944 г. Государственный комитет обороны утвердил постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал приказ НКВД СССР, а 7 марта 1944г. - Указ Президиума Верховного Совета СССР, как бы подводивший итог ликвидации Чечено-Ингушской республики. 20 февраля 1944 г. в специальном поезде в Грозный прибыли нарком внутренних дел СССР Берия и его заместители генералы Б.З.Кобулов, И.А.Серов, С.С.Мамулов (Мамульян). Через два дня, разумеется, не без их ведома на места были направлены дополнительные силы для обеспечения операции. По сообщению секретаря Грозненского горкома ВКП(б) Н.Музыченко, только 21 - 23 февраля 1944 г. в такие районы, как Ачхой-Мартановский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Шалинский, Шатоевский, Галашкинский, Курчалоевский, Гудермесский, прибыли 6778 человек (Там же. Д.1693. л.70).

Транспортный отдел НКВД СССР в назначенные сроки подготовил железнодорожные эшелоны. Для подвозки выселяемых были использованы машины, поставленные через Иран по лендлизу из США. Они как раз прибыли в Грозный. В так называемый период первых эшелонов, по данным Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР, выселение должно было затронуть 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей. Видимо, эти данные охватывают только тех из них, что проживали на равнинных и в относительно доступных горных районах республики. Более полные сведения о численности принудительно переселяемых чеченцев и ингушей содержатся в приводимых ниже телеграфных сообщениях Берии Сталину.

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ. ПОСЛЕ УТОЧНЕНИЯ ВЗЯТО НА УЧЕТ ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ 459 486 ЧЕЛ., ВКЛЮЧАЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ДАГЕСТАНА, ГРАНИЧАЩИХ С ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЕЙ, И В ГОР.ВЛАДИКАВКАЗЕ. Л.БЕРИЯ. 17.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

СЕГОДНЯ, 23 ФЕВРАЛЯ, НА РАССВЕТЕ НАЧАЛИ ОПЕРАЦИЮ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ. ВЫСЕЛЕНИЕ ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ ВНИМАНИЕ ПРОИСШЕСТВИЙ НЕТ ИМЕЛО МЕСТО 6 СЛУЧАЕВ ПОПЫТКИ К СОПРОТИВЛЕНИЮ СО СТОРОНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ, КОТОРЫЕ ПРЕСЕЧЕНЫ АРЕСТОМ ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ. ИЗ НАМЕЧЕННЫХ К ИЗЪЯТИЮ В СВЯЗИ С ОПЕРАЦИЕЙ ЛИЦ АРЕСТОВАНО 842 ЧЕЛОВЕКА. НА 11 ЧАСОВ УТРА ВЫВЕЗЕНО ИЗ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ 94 ТЫС.741 ЧЕЛ., Т.Е. СВЫШЕ 20 ПРОЦ., ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫСЕЛЕНИЮ, ПОГРУЖЕНЫ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ ИЗ ЭТОГО ЧИСЛА 20 ТЫС.23 ЧЕЛОВЕКА. БЕРИЯ. 23.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ.СТАЛИНУ.

ДОКЛАДЫВАЮ О ХОДЕ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ. НА УТРО 24.02 ВЫВЕЗЕНО ИЗ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ 333 ТЫС.739 ЧЕЛОВЕК, ИЗ ЭТОГО ЧИСЛА ПОГРУЖЕНО В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ 176 ТЫС.950 ЧЕЛОВЕК. ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ 23 ФЕВРАЛЯ ПОЧТИ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ВЫПАЛ ОБИЛЬНЫЙ СНЕГ, В СВЯЗИ С ЧЕМ СОЗДАЛИСЬ ЗАТРУДНЕНИЯ В ПЕРЕВОЗКЕ ЛЮДЕЙ, ОСОБЕННО В ГОРНЫХ РАЙОНАХ. БЕРИЯ. 24.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ.СТАЛИНУ.

ОПЕРАЦИЯ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. К ВЕЧЕРУ 25 ФЕВРАЛЯ ПОГРУЖЕНЫ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ 352 ТЫС. 647 ЧЕЛОВЕК. СО СТАНЦИИ ПОГРУЗКИ ОТПРАВЛЕНО К МЕСТУ НОВОГО РАССЕЛЕНИЯ 86 ЭШЕЛОНОВ. БЕРИЯ. 25.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

ПО 29 ФЕВРАЛЯ ВЫСЕЛЕНЫ И ПОГРУЖЕНЫ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ 478 479 ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ 91 250 ИНГУШЕЙ. ПОГРУЖЕНО 177 ЭШЕЛОНОВ, ИЗ КОТОРЫХ 157 ЭШЕЛОНОВ УЖЕ ОТПРАВЛЕНЫ К МЕСТУ НОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ... ИЗ НЕКОТОРЫХ ПУНКТОВ ВЫСОКОГОРНОГО ГАЛАНЧОЖСКОГО РАЙОНА ОСТАВАЛИСЬ НЕВЫСЕЛЕННЫМИ 6 ТЫС.ЧЕЧЕНЦЕВ В СИЛУ БОЛЬШОГО СНЕГОПАДА И БЕЗДОРОЖЬЯ, ВЫВОЗ И ПОГРУЗКА КОТОРЫХ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНА В ДВА ДНЯ. ОПЕРАЦИЯ ПРОИЗВОДИТСЯ ОРГАНИЗОВАННО И БЕЗ СЕРЬЕЗНЫХ СЛУЧАЕВ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ДРУГИХ ИНЦИДЕНТОВ...ЗА ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ АРЕСТОВАНО 1016 АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗ ЧИСЛА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ. ИЗЪЯТО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ 20 072 ЕДИНИЦЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ ВИНТОВОК 4868, ПУЛЕМЕТОВ И АВТОМАТОВ 479. Л.БЕРИЯ. 1.03.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ.СТАЛИНУ.

В ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАЦИИ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ 19 ТЫС. ОФИЦЕРОВ И БОЙЦОВ ВОЙСК НКВД,СТЯНУТЫЕ С РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ, ЗНАЧИ-

ТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ КОТОРЫХ ДО ЭТОГО УЧАСТВОВАЛА В ОПЕРАЦИЯХ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ КАРАЧАЕВЦЕВ И КАЛМЫКОВ И, КРОМЕ ТОГО, БУДЕТ УЧАСТВОВАТЬ В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ БАЛКАРЦЕВ ..В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОВЕДЕННЫХ ТРЕХ ОПЕРАЦИЙ ВЫСЕЛЕНЫ В ВОСТОЧНЫЕ РАЙОНЫ СССР 650 ТЫС. ЧЕЧЕНЦЕВ, ИНГУШЕЙ, КАЛМЫКОВ И КАРАЧАЕВЦЕВ. БЕРИЯ. 7.03.1944".

(Текст воспроизводится по копиям телеграмм, передававшихся по спецсвязи, откладывавшимся в специальной папке для докладов И.В.Сталину.)

... Переселенцы направлялись и Казахскую, Узбекскую, Таджикскую и Киргизскую ССР. В своих воспоминаниях заведующий отделом Северо-Осетинского обкома КПСС ингуш Х.Арапиев пишет: "Это было в феврале 1944 года. В переполненных до предела "телячьих" вагонах, без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... Пошел гулять тиф. Лечения никакого...Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше, чем на пять метров, грозил смертью на месте)" (Социалистическая Осетия. 10.У1.1988).

В середине марта 1944 г. на места назначения прибыли первые эшелоны с переселенцами. Начальник ОСП НКВД СССР П.И.Мальцев докладывал, что из отправленных 180 эшелонов 152 прибыли и разгружены в Казахстане и Киргизии. В Казахстан из запланированных 147 эшелонов прибыло 124 (344 589 человек), в Киргизию из 33 эшелонов - 28 (75 342 человека). Более подробные сведения содержатся в справке о ходе перевозок спецконтингента с Орджоникидзевской железной дороги на 11 марта 1944 г., подготовленной заместителем начальника 3-го Управления НКГБ СССР Д.В.Аркадьевым. В этом документе отмечалось, что "было погружено 180 эшелонов, прибыли 171, в пути -9. За отчетное время прибыли к месту назначения и разгрузки 468 583 человека: в Джалал- Абадскую обл. - 24 281 чел., в Джамбульскую обл. - 16 565 чел., в Алма-Атинскую обл. - 29 089 чел., в Восточно-Казахстанскую обл. - 34 167 чел., в Южно-Казахстанскую обл. - 20 808 чел., в Северо-Казахстанскую обл. - 39 542 чел., в Актюбинскую обл. - 20 309 чел., Семипалатинскую обл. - 31 236 чел., Павлодарскую обл. - 41 230 чел., Карагандинскую обл.- 37 938 чел.".

Переселению подлежали даже те из чеченцев и ингушей, кто находился в местных лагерях НКВД СССР. В конце июля 1944 г. И.И.Чернышов доложил Берии, что НКВД Северо-Осетинской АССР отправляет в Карагандинский лагерь всех осужденных чеченской и ингушской национальностей. Эта мера предпринималась и относительно карачаевцев и балкарцев. Спецпоселенцы передавались для

трудоустройства в ведение наркоматов СССР: в распоряжение Наркомзема - 214 764 человека, других наркоматов - 133 883 человека. Таков был итог "периода первых эшелонов".

В апреле 1944 г. на одном из закрытых заседаний сессии Верховного Совета СССР было оглашено решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении калмыков, чеченцев и ингушей как о совершившемся факте. Однако акция эта продолжалась. Она охватила чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной Армии (после февраля 1944г.). По фронтам были изданы специальные приказы. В распоряжении, адресованном председателям фильтрационных комиссий, подписанном начальником войск НКВД 3-го Украинского фронта И.Павловым, предлагалось "всех карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселений НКВД Казахской ССР - в Алма-Ату".

19 мая 1944 г. Чернышов получил сообщение из Главного управления формированиями Красной Армии, что к 10 июня в 33-й запасной стрелковой бригаде (г.Муром) будет сосредоточена 1 тыс. военнослужащих (сержантов и рядовых) чеченцев, ингушей и карачаевцев. Все они подлежали увольнению из армии. В Костромской области в Галичском и Буйском леспромхозах находились 1183 чеченца, ингуша и карачаевца, из которых, как сообщалось в октябре 1944 г. в докладной записке начальника ОСП НКВД СССР Мальцева на имя Чернышова, 955 человек были демобилизованы из Красной Армии.

Всего, по данным ОСП НКВД СССР, среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было: офицеров - 710, сержантов -1696, рядовых - 6488. А в целом в рядах спецпоселенцев (с учетом представителей всех переселяемых народов) оказались 5943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовой. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия. Операция по переселению продолжалась и в 1945 году. В начале 1945 г. в Ивановскую область прибыли на поселение 585 чеченцев и 79 карачаевцев. Предпринимались акции по выявлению оставшихся на местах прежнего проживания чеченцев и ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев. Эти меры касались не только Северного Кавказа. Еще в мае 1944 г. Берия дал указание местным упрвлениям НКВД провести в срочном порядке операции по выявлению лиц, принадлежащих к переселяемым "по государственному заданию" национальностям в рамках всего Кавказа, "не утаивая ни одного", и выслать их в Казахскую и Узбекскую ССР. 4146 чеченцев , ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев, проживающих в Дагестанской АССР, Азербайджанской и Грузинской ССР, в Краснодарском крае, Ростовской и Астраханской областях, были насильственно депортированы. Как сообщал 15 апреля

1945 г. Мамулов Берии, чеченцев было выселено 2741 человек из Грузинской ССР, 21 - из Азербайджанской ССР, 121 - из Краснодарского края, ингушей - 52 человека.

В сентябре 1945 г. начальники проверочно-фильтрационных пунктов получили указание Отдела проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ) НКВД СССР всех калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, крымских татар, греков, армян, болгар, (тех,которые пребывали в лагерях, расположенных в Европейской части РСФСР), за исключением лиц, находящихся в армии, направить в Новосибирск в распоряжение отделов спецпоселений и областного управления НКВД, а оттуда чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев - в Алма-Ату, крымских татар - в Ташкент, крымских греков, болгар - в Свердловскую область.

Варварская акция по переселению народов подходила к концу. По данным архивов НКВД СССР, на начало октября 1945 г. на спецпоселении числилось 405 900 чеченцев и ингушей.(Из спецпоселенцев в Казахской ССР проживали 138 788 чеченцев, 43 810 ингушей; в Киргизской ССР - 39 663 чеченца, 1389 ингушей; в Узбекской ССР - 120 чеченцев,108 ингушей. Остальные были расселены по другим районам страны.) В сводке движения спецпоселенцев с момента их расселения и до июня 1948 г. отмечалось, что в 1943 - 1949 гг. было расселено чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев 608 749 человек, прибыло самостоятельно 27 530 человек, убыло по разным причинам 184 556 человек.

Свое отношение к принудительному переселению представители затронутых им народов высказывали в обращениях к Сталину. "Я написал на имя Сталина письмо,- сообщал С.Ш.Измаилов (уроженец с.Назрань),- и напомнил ему о том, что история человечества не знает такого бесчеловечного отношения к целым народам". Однако эти послания вряд ли доходили до "отца народов". Свою оценку варварской акции давали и уже известные в то время представители интеллигенции переселенных народов. Д.Кугультинов, участвуя вместе с другими калмыками А.У.Бадмаевым и Сусеевым (они проживали тогда в г.Бийске) в обсуждении доклада Сталина в связи с очередной годовщиной Великого Октября, заявил: "Сейчас происходит уничтожение ингушей, чеченцев, татар, калмыков и монголов. Сталинская конституция - это фикция". Сусеев, в свою очередь, говорил: "Мне совершенно непонятно, как это Сталин может говорить о единстве народов СССР, тогда как по его же воле многие малые народности, как калмыки, чеченцы, ингуши и т.д., разбросаны и преследуются. Неужели после этого еще могут быть едиными народы и прочным интернационализм?"

Положение спецпоселенцев было черезвычайно трудным. В письме начальника ОСП НКВД СССР М.Кузнецова на имя УНКВД Костромской области говорилось "о плохом состоянии жизненных условий чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар, переселенных для работы в лесозаготовительные организации Наркомлеса СССР". Особенно острой была нужда в жилье. По данным Х.Бокова, в Акмолинской области к июлю 1946 г. были построены только 28 из запланированной 1 тысячи домов. В Талды-Курганской обл. возвели лишь 23 дома из предусмотренных 1400. В Джамбульской, Карагандинской областях к строительству жилья для спецпоселенцев вообще не приступали. В Киргизии на начало сентября 1946 г. из 31 тыс.семей спецпоселенцев только 4973 были обеспечены постоянным жильем. Многие из них ютились под навесами во дворах (Боков Х. Эхо невозвратного прошлого // Москва. 1989. С 161). И на новых местах расселения продолжались преследования. За подписью Берии 2 декабря 1945 г. появилась директива N 224 с требованием об усилении агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев, которые, по его мнению, "активизируют действия, направленные на срыв мероприятий по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР"...

После выселения коренного населения Чечено-Ингушской республики она перестала существовать.

Вопросы истории. 1990. N 7.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории[1]

В связи с тем, что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в ряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против Советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а так же в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать.

Совнаркому СССР наделить чеченцев и ингушей в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Образовать в составе Ставропольского края РСФСР Грозненский округ с центром в городе Грозном. Включить в состав Грозненского округа... (список районов - сокр. здесь и далее ред.-сост.).

3. Включить в состав Дагестанской АССР следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: ...

4. Включить в состав Северо-Осетинской АССР гор.Малгобек и следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР:... Пригородный район.., а также восточную часть Курпского района Кабардино- Балкарской АССР...

5. Включить в состав Грузинской ССР следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР:... В связи с этим внести следующие изменения в существующую государственную границу между РСФСР и Грузинской ССР:...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М.КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.ГОРКИН
Москва, Кремль. 7 марта 1944 года

---

[1] Указы, постановления и другие государственные документы, не имеющие ссылки на источник, представлены в сборник соответствующими национальными Обществами и публикуются под ответственность редактора-составителя.

Саид ЧАХКИЕВ
ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ОГОНЬ
Рассказ

Угуз сидел угрюмый, злой. Беспомощно вздыхала рядом жена Луба. В окна, двери, через печную трубу доносилось волчье завыванье вьюги. В комнате было неуютно и холодно. Все в этом чужом доме, не доме даже - летней времянке - нагоняло глухую, саднящую тоску. Маленькая печка горела с натугой, крохотные оконца покрылись толстым наплывом льда, а низкая щелястая дверь была сплошь седа от мохнатого инея.

Дети Угуза и Лубы - все шестеро - одетые кто во что, лежали на невысоком дощатом настиле, тесно, как щенята, прижимаясь друг к другу и кутаясь в наброшенное на них тряпье. Родители не разрешали им бегать по глиняному ледяному полу. Да и сами дети не хотели слезать с нар. Теплой обуви у них никакой, кроме тапочек и калош. Только у отца с матерью - бурки, две пары. Если надо кому выбежать по нужде, надевают их по очереди. Малыши ковыляют в них смешно и неуклюже, спотыкаясь и падая.

Вот уже месяц, как Угуза и Лубу выселили сюда, в холодную казахскую степь. Ни зерна, никакой скотины, даже вещей, которые можно было бы обменять на хлеб, взять не позволили. Так, кто в чем был, с детьми малыми на руках, и влезли, подгоняемые солдатами, в грузовик. Да не одни же они! Выселяли все село подчистую: и больных немощных стариков, и детишек малых, и беременных женщин - никого не пожалели, никого не оставили. И разве только их село? Всех ингушей, всех чеченцев объявили изменниками, предателями, врагами, сорвали с родной земли, где с незапамятных времен жили и умирали их деды и прадеды. В одни сутки целый народ лишили родины, чести, святых отцовских могил, лишили всех человеческих прав. За что?!

Везли сюда, как скотину, в просвистанных ледяным ветром вагонах. Три недели тянулась страшная дорога. От стужи и голода умирали, не выдержав, старики и дети. На каждой остановке торопились выдолбить в мерзлом грунте ямы, чтобы хоть как-то схоронить родных своих - пусть чужая, а все же земля. Но чаще даже этого не успевали, поезд трогался, и трупы оставались лежать прямо у насыпи. Кричал паровоз, и разрывались сердца.

Хорошо еще Луба перед выселением не растерялась, на скорую руку натолкала в мешок картошку, тыкву, кукурузную муку. Знала: как там ни обернись дело, а дети будут просить кушать. И вот теперь-

экономь не экономь, но восемь ртов - это восемь ртов, да еще и Эзи, двоюродная сестра Угуза, прибилась в пути - мешок с каждым днем все худеет, а вместе с ним на глазах тают и слабеют дети.

Одна надежда: скоро весна, ведь к концу идет март. У них на Кавказе давно вовсю ведутся огородные работы, и зелень уж есть, которой можно подкормиться. А здесь, в этой проклятой чужой степи, зима и не думает отступать, и снег на земле, как белый саван. Люди голодают, мерзнут, живут где попало: кто в старой школе, кто в конторе, кто в полуразрушенных магазинах, а кто и просто в сараях.

Одному Сурхо повезло. Живет у казахов, в теплом доме, в ус себе не дует. Все местные шарахаются от переселенцев, двери на засовы закрывают - как же, враги народа, бандиты, головорезы. А вот Сурхо, на удивленье всем, пригрели. И живет он безбедно, сумел прихватить из дома порядком и продуктов, и вещей. Не то солдаты, его выселявшие, были добрее, не то деньги свое дело сделали... А только всего полно у Сурхо: и пшеничной муки, и кукурузной, и картофеля, и масла.

- Жены вот нету, - жалуется он при встречах с Угузом и Лубой. - Все чепуха, если в доме нет женщины.

- Верно говоришь, - всегда поддерживают они разговор, стараясь угодить богатому соседу. - Рано покинула тебя твоя хозяйка! Хорошая была женщина!

Ехали они в одном вагоне. Жена его умерла на полпути, не вынесла лютой стужи. Сурхо ковер посулил русскому мужику на каком-то полустанке, лишь бы по-человечески похоронил покойницу. Мужик пообещал все сделать, как надо, ковра не взял, попросил лишь табачку и долго потом смотрел вслед уходящему поезду, сокрушенно качая головой.

Сегодня, в который уже раз взвесив на ладони мешочек с остатками кукурузной муки, Луба отправилась на поклон к Сурхо, просить у него картошки.

- Аллах вознаградит тебя за добро, - потупившись, сказала ему Луба. - А останемся живы, вернем!

- Да, у меня есть картошка. И мука, и еще кой-чего, - самодовольно улыбнулся Сурхо, поглаживая козлиную бородку. - Но я бы вот что тебе хотел предложить, Луба...

И Сурхо принялся внимательно рассматривать свои новенькие бурки. А Луба думала: "Не-ет, соседушка, не врасплох тебя застало выселение. Во всем новом, добротном, не то, что мы - совсем обезумели от неожиданности, в чем за скотиной ходили, в том и поехали. А ты, богатей, теперь поизмываешься надо мной, покуражишься..."

Вслух же сказала с почтением:

- Говори, Сурхо, я тебя слушаю. Я верю, что ты мне скажешь только хорошее.

- В этом ты права, Луба, - Сурхо приосанился, аккуратно оправил на себе черкеску. - Всегда я уважал и почитал ваш род. Особенно я уважаю хозяина твоего дома, Угуза. Если это не так, пусть заржавеет казан, что стоит на плите! Если в моих словах была бы хоть капля лжи, я бы не стал говорить тебе то, что хочу сейчас сказать, я бы даже и не намекнул никогда...

- Я верю, видит аллах, верю, Сурхо!

- Коли так, Луба, слушай. Хотя... - он побарабанил сухими, искривленными в суставах пальцами по коленям. - В общем, я не умею заходить издалека. Если же говорить прямо, то почему... почему бы вам не отдать за меня Эзи?

- Эзи?! - Луба так и села. - Но ведь она замужняя женщина.

- Замужняя?! - Сурхо усмехнулся, коротко глянув исподлобья на соседку. - Где он, ее муж? Разве не пришло сообщение с фронта, что он погиб?

- Сообщение-то пришло, - задумчиво протянула Луба. - Но она не верит. Все ждет.

- Ждать можно всю жизнь, Луба. Но вы с Угузом понимаете, что верь не верь, жди не жди, а человека нет в живых? Сколько времени она не получает писем от него? Два года? Третий пошел? На что тут можно надеяться? Ведь война идет. Война! Тысячи погибают.

- Не знаю, - растерянно пробормотала Луба.

- А я знаю! Эзи - вдова, - жестко рубанул воздух ладонью Сурхо. - И видишь ли, Луба, мне жалко вас. Детей у вас много. Кушать нечего. На дворе зима. А породнись мы, так я бы смог вам помогать, детей бы подкормил. Подумай!

- Не знаю, видит аллах, не знаю...

- А ты поди расскажи все Угузу. Вместе подумайте. Я вас не тороплю. Хотя зачем оттягивать, раз нечего ждать?

- Ладно. Подумаю... Посоветуемся.

- Вот-вот, посоветуйтесь! - согласно закивал головой Сурхо, а Лубе слышалось: "Куда вам деться!" - Ну а картошку, что ж, возьми. Будет ответ - дам больше.

Угуз не на шутку разгневался, когда Луба передала ему разговор с Сурхо.

- Смотри-ка, что надумал, старый пес, чтоб его аллах покарал! - ругался он. - Молоденькую ему захотелось, коту облезлому! И думать об этом не смей!

Луба не отвечала.

- Ты что? Почему молчишь? - рассердился на нее Угуз.

- Не знаю... Я считаю, что ты правильно говоришь.

Но через три дня, когда картошка Сурхо была уже съедена, разговор опять возобновился.

- Что же нам делать? Что?! - в отчаянии причитала Луба. - У нас осталась только горсточка муки. Один раз поесть - и все. А завтра? Лечь и умереть вместе с детьми? Или милостыню просить? У кого? В каждом доме такая же орава голодных!

- Что ты на меня кричишь? - огрызался раздраженно Угуз. - Наступит тепло, может, получу какую-никакую работу в колхозе, а пока, говорят, не нужны здесь никому мои руки. И уйти из аула - запрещено! Сама знаешь - двадцать пять лет за самовольный уход. Что я могу сделать? Как заработать кусок? И сменять-то нам нечего. Надо было не голосить, когда выгоняли из дому, а хватать с собой все ценное!

- У меня не сто рук! - обливаясь слезами, кричала в ответ Луба. - Я и так в зубах волокла мешок с едой! Только поэтому мы еще живы! А самую ценность я не забыла ухватить - вот она!

Ценность в двенадцать черненьких глазенок испуганно таращилась на кричащих родителей. Двое из них лежали в жару, а значит, скоро затемпературят и остальные. Луба вытерла платком слезы, потом мокрые носы всем подряд и прижала к груди плачущего малыша.

- Снова за милостыней к Сурхо я не пойду! - с твердой решимостью заявила она. - Он нам поставил свое условие. И за так уже ничего не даст.

- Пойди, сядь, - Угуз усадил жену на нары, сам присел около нее. - Я много думал о том разговоре...

- И у меня он тоже не выходит из головы, - тут же подхватила Луба.

- Муж Эзи убит на фронте. Это ясно всем, кроме Эзи. И что бы ни говорила она, Ляча уже не оживет. Ждать, конечно, можно хоть сто лет, только толку от этого никакого.

- Никакого! В том-то и дело, - с готовностью закивала головой Луба. - Если бы какой толк...

- Жили бы мы, как прежде, в родном краю - куда ни шло. А здесь пропадем или умрем - ни у кого за нас сердце болеть не станет. Свезли, как баранов, в эту чертову пустыню: выживайте, как хотите. А издохнете - так беда не велика. Раньше мы жили по совести и чести, а теперь нам по по совести и чести остается только умереть. Но я не хочу умирать! И не хочу, чтоб умерли мои дети и кончился на том мой род!

Луба сидела, понурившись, со всех сторон окруженная детьми, слушавшими отца очень внимательно.

- Что будет дальше - знает один аллах, - положил Угуз тяжелую руку на плечо жены. - Самое главное - суметь выжить. Поэтому... - он вздохнул и встал, - будет правильно, если Эзи выйдет за Сурхо. Это единственное спасение. И для нее, и для нас.

- Говори, Сурхо, я тебя слушаю. Я верю, что ты мне скажешь только хорошее.

- В этом ты права, Луба, - Сурхо приосанился, аккуратно оправил на себе черкеску. - Всегда я уважал и почитал ваш род. Особенно я уважаю хозяина твоего дома, Угуза. Если это не так, пусть заржавеет казан, что стоит на плите! Если в моих словах была бы хоть капля лжи, я бы не стал говорить тебе то, что хочу сейчас сказать, я бы даже и не намекнул никогда...

- Я верю, видит аллах, верю, Сурхо!

- Коли так, Луба, слушай. Хотя... - он побарабанил сухими, искривленными в суставах пальцами по коленям. - В общем, я не умею заходить издалека. Если же говорить прямо, то почему... почему бы вам не отдать за меня Эзи?

- Эзи?! - Луба так и села. - Но ведь она замужняя женщина.

- Замужняя?! - Сурхо усмехнулся, коротко глянув исподлобья на соседку. - Где он, ее муж? Разве не пришло сообщение с фронта, что он погиб?

- Сообщение-то пришло, - задумчиво протянула Луба. - Но она не верит. Все ждет.

- Ждать можно всю жизнь, Луба. Но вы с Угузом понимаете, что верь не верь, жди не жди, а человека нет в живых? Сколько времени она не получает писем от него? Два года? Третий пошел? На что тут можно надеяться? Ведь война идет. Война! Тысячи погибают.

- Не знаю, - растерянно пробормотала Луба.

- А я знаю! Эзи - вдова, - жестко рубанул воздух ладонью Сурхо. - И видишь ли, Луба, мне жалко вас. Детей у вас много. Кушать нечего. На дворе зима. А породнись мы, так я бы смог вам помогать, детей бы подкормил. Подумай!

- Не знаю, видит аллах, не знаю...

- А ты поди расскажи все Угузу. Вместе подумайте. Я вас не тороплю. Хотя зачем оттягивать, раз нечего ждать?

- Ладно. Подумаю... Посоветуемся.

- Вот-вот, посоветуйтесь! - согласно закивал головой Сурхо, а Лубе слышалось: "Куда вам деться!" - Ну а картошку, что ж, возьми. Будет ответ - дам больше.

Угуз не на шутку разгневался, когда Луба передала ему разговор с Сурхо.

- Смотри-ка, что надумал, старый пес, чтоб его аллах покарал! - ругался он. - Молоденькую ему захотелось, коту облезлому! И думать об этом не смей!

Луба не отвечала.

- Ты что? Почему молчишь? - рассердился на нее Угуз.

- Не знаю... Я считаю, что ты правильно говоришь.

Но через три дня, когда картошка Сурхо была уже съедена, разговор опять возобновился.

- Что же нам делать? Что?! - в отчаянии причитала Луба. - У нас осталась только горсточка муки. Один раз поесть - и все. А завтра? Лечь и умереть вместе с детьми? Или милостыню просить? У кого? В каждом доме такая же орава голодных!

- Что ты на меня кричишь? - огрызался раздраженно Угуз. - Наступит тепло, может, получу какую-никакую работу в колхозе, а пока, говорят, не нужны здесь никому мои руки. И уйти из аула - запрещено! Сама знаешь - двадцатъ пять лет за самовольный уход. Что я могу сделать? Как заработать кусок? И сменять-то нам нечего. Надо было не голосить, когда выгоняли из дому, а хватать с собой все ценное!

- У меня не сто рук! - обливаясь слезами, кричала в ответ Луба. - Я и так в зубах волокла мешок с едой! Только поэтому мы еще живы! А самую ценность я не забыла ухватить - вот она!

Ценность в двенадцать черненьких глазенок испуганно таращилась на кричащих родителей. Двое из них лежали в жару, а значит, скоро затемпературят и остальные. Луба вытерла платком слезы, потом мокрые носы всем подряд и прижала к груди плачущего малыша.

- Снова за милостыней к Сурхо я не пойду! - с твердой решимостью заявила она. - Он нам поставил свое условие. И за так уже ничего не даст.

- Пойди, сядь, - Угуз усадил жену на нары, сам присел около нее. - Я много думал о том разговоре...

- И у меня он тоже не выходит из головы, - тут же подхватила Луба.

- Муж Эзи убит на фронте. Это ясно всем, кроме Эзи. И что бы ни говорила она, Ляча уже не оживет. Ждать, конечно, можно хоть сто лет, только толку от этого никакого.

- Никакого! В том-то и дело, - с готовностью закивала головой Луба. - Если бы какой толк...

- Жили бы мы, как прежде, в родном краю - куда ни шло. А здесь пропадем или умрем - ни у кого за нас сердце болеть не станет. Свезли, как баранов, в эту чертову пустыню: выживайте, как хотите. А издохнете - так беда не велика. Раньше мы жили по совести и чести, а теперь нам по по совести и чести остается только умереть. Но я не хочу умирать! И не хочу, чтоб умерли мои дети и кончился на том мой род!

Луба сидела, понурившись, со всех сторон окруженная детьми, слушавшими отца очень внимательно.

- Что будет дальше - знает один аллах, - положил Угуз тяжелую руку на плечо жены. - Самое главное - суметь выжить. Поэтому... - он вздохнул и встал, - будет правильно, если Эзи выйдет за Сурхо. Это единственное спасение. И для нее, и для нас.

- Верно говоришь, Угуз! - лицо Лубы сразу просветлело. - Вот только как ты скажешь об этом Эзи? Ведь она твердит день и ночь: Ляча не убит, Ляча вернется.

- Ляча не вернется! - веско проговорил Угуз. - Эзи вдова, детей у нее нет. И она должна выйти замуж, чтобы сохранить род наших отцов. Так ей и надо сказать.

- Так кто же это будет говорить? Я что ли? - растерялась Луба. - Она ведь дочь брата твоего отца.

- Лучше будет, если скажешь ты. Женщинам легче договориться. Скажи ей, что у Сурхо есть, что обуть-одеть, что кушать. И себя спасет, и всех нас. Пусть подумает о детях, они ведь ей не чужие. А коли объявится когда отец ее, Дидиг, думаю, он не станет осуждать меня.

- Уж слишком он стар, я о нем, о Сурхо, - вздохнула по-женски Луба.

- Ну и что с того? Многие девушки выходили замуж и за более старых.

- Да, конечно. Особенно у нас, в Ингушетии. У наших женщин никаких прав. Как рабами были, так рабами и остались.

- Ну, ты на рабу не очень-то похожа, - недовольно остановил ее Угуз. - Значит, решено, сегодня же говоришь с Эзи.

Эзи, когда вникла в смысл того, что предлагает Луба, зарыдала.

- Подожди, родная, подожди, не плачь! - Луба гладила ее по спине, по голове.

- Мой муж жив! Он вернется! Понимаешь? Он скоро вернется! Я знаю! Я чувствую! - худенькие плечи Эзи сотрясались от рыданий.

- Милая, не мучь себя, не обманывай, - уговаривала Луба. - Не вернется он. Мертвые не возвращаются.

- Он не мертвый. Я знаю, он жив! Может, раненый где лежит.

- Был бы просто раненый - весточку бы прислал. А ведь больше двух лет от него нет писем.

- Нет писем потому, что он не знает, что со всеми нами случилось. Не знает, где я. Может, разыскивает уже.

- Эзи, о чем ты говоришь? - всплеснула руками Луба. - Мы тут месяц, а писем нет два года. Тебе ж писали, что погиб он!

Эзи выпрямилась, полыхнула черным огнем глаз:

- Даже если Ляча погиб, я не выйду второй раз замуж! Слышишь? Никогда!

Когда у Лубы ровным счетом ничего не вышло, Угуз попробовал сам поговорить с Эзи. Но та твердила лишь одно: "Замуж не пойду!" И сколько ни убеждал ее Угуз, сколько ни упрашивала Луба, стоя на коленях, Эзи оставалась непреклонной.

- Был бы здесь мой отец, вы бы не предлагали этого, - горько упрекнула она.

- Теперь я тебе за отца, - разозлился Угуз. - И ты должна подчиниться воле старшего. Будет так, как я сказал!

Угуз не ожидал, что встретит такое яростное сопротивление со стороны двадцатилетней Эзи. Он еще несколько раз попытался договориться с ней добром, но упрямство девчонки и голодный желудок довели его до бешенства, и, не помня себя, он набросился на нее с кулаками. Луба с испугом смотрела на рассвирепевшего мужа. И Эзи ей было жалко. Но в следующий разговор, закончившийся снова побоями, она ринулась бить Эзи уже вместе с мужем.

- Ты хочешь, чтобы умерли и мы с детьми, и ты сама, дрянь такая, чтоб тебе в огне гореть!

Распалясь, Луба сорвала с гвоздя пальто и платок Эзи, швырнула их в сени и вытолкала ее туда же.

- Вот посиди, подумай, может, умнее станешь! - Луба захлопнула дверь, накинула крючок.

Избитая Эзи со стоном опустилась на заледенелый пол, с трудом натянула на себя одежду. В сенях была темнота и промозглый лютый холод. Наощупь она подгребла к себе охапку соломы, которую притащила сегодня: ведь поиски топлива были ее каждодневной заботой. Свернулась клубочком, чтоб хоть как-то сохранить свое тепло, прикрыла глаза и... так ясно предстали перед ней и отец Дидиг, и бабушка Фаржет, и вся прежняя жизнь, беззаботная и счастливая.

- Видать, отец смеялся в твой день рожденья, - говорили люди Эзи.

У ингушей есть поверье, если у ребенка ямочки на щеках, значит, в час рождения отец весело смеялся. У Эзи, когда она улыбалась, будто два маленьких золотых солнышка лучились на щеках. Такой сияющей и радостной была улыбка Эзи. Удивительными были ее глаза, огромные, агатово-черные, опушенные длинными густыми ресницами. Смотрели они всегда открыто, ласково, доверчиво. Густые каштановые косы доходили до самых щиколоток. А стан? Гибкий, легкий. Нет, не обделил ее аллах красотой! Да и по характеру Эзи была ровная, общительная, дружелюбная.

- Вся в мать, - любуясь дочерью, с затаенной грустью говорил отец.

В день, когда родилась Эзи, Дидиг остался без жены.

- Прости меня, - сказала жена в свою последнюю минуту. - Я хотела родить тебе много детей, но не в моей это оказалось воле...

И она закрыла глаза навсегда. А Дидиг остался наедине с только что родившимся младенцем, заходившимся от крика. Чугунная тоска придавила его, казалось, вот-вот лопнет, разорвется сердце. Сгорбившись, он вышел из комнаты. Какая-то непонятная сила привела его в сарай.

Там, сидящим в углу со вздрагивающими плечами, обнаружила его Фаржет. Она опустилась на корточки около сына. Мягко положила руку на плечо.

- Ничего, - сказала она. - Ничего, что мужчина плачет. Если никто не видит...

Дидиг торопливо рукавом бешмета стал утирать слезы. Мать его презирала любое слабоволие. Он даже удивился, что она не отругала его.

- Иди, там во дворе собрались люди, - сказала Фаржет спокойно и твердо. - Тебе надо быть на виду.

- Девочка... Она же умрет!

- Не умрет. На все воля аллаха. А я послала уже человека в Ляжги, к моей дальней родственнице. Сначала девочку отдадим ей, она будет кормить ее грудью.

Время течет. Человек переживает многое. Болезни уходят, горе забывается. Но Дидиг не забыл того черного дня. Как Фаржет ни старалась, ни уговаривала его - он не согласился еще раз жениться. Перед ним всегда стоял облик любимой жены. И Эзи, так похожая на мать, подрастала, переполняя сердце Дидига живой радостью.

Дидиг и года не дал дочке прожить у кормилицы, забрал домой. Девчушка, только научившаяся ходить, крутилась у его ног, обхватывала ручонками колени, просилась на руки, лукаво заглядывала в глаза, и так заразительно смеялась, показывая на щеках глубокие ямочки, что окоченелое сердце Дидига постепенно начинало оттаивать. И Фаржет, бывало, совсем уже без печали поглядывала на внучку. А девчушка, как будто в мире не существует ни горя, ни печали, бегала по дому, подпрыгивала, хлопая в ладошки, и, если случалось, что отец или бабушка рассердятся на нее, сразу же бросалась к ним, обеими руками обвивала шею, нежно целовала.

- Ну вы посмотрите! - растроганно улыбалась суровая Фаржет. - Как умеет подластиться!

Дидиг мало бывал дома: он охранял лес. Все время Эзи проводила с бабушкой. Всегда у них находились и общие дела, и общие разговоры. Когда подошло время идти в школу, Эзи очень не понравилось на целых полдня разлучаться с любимой нани. И уж вернувшись с уроков, она ни на шаг не отходила от нее. Бабушка знала множество интереснейших вещей, все умела делать, и о чем ее ни спроси - могла ответить на любой вопрос. И все, что знала, все, что умела, щедро передавала дочери своего сына.

Особую радость принес Эзи день, когда бабушка вытащила из сундука гармошку.

- Ой, нани! Это гармошка? - Эзи от счастья захлопала в ладошки. - Это наша?

- Не наша, - улыбнулась Фаржет, - а твоя.

- Моя?! - Эзи осторожно подошла к инструменту, тихонько его погладила.

Гармошка была не новая, на ней Фаржет играла еще девушкой. После замужества она ни разу уже не брала ее в руки: не было для этого ни времени, ни желания. Мужа вскоре после их свадьбы забрали на японскую войну и там он погиб. Она одна вырастила сына. Сколько ни уговаривали родственники выйти снова замуж - не согласилась. А теперь вот и Дидиг повторяет ее судьбу. Видно, такая уж у них кровь, что поделаешь?!

- Она моя? - все еще не смея верить, переспросила Эзи.

- Твоя. Кому я еще отдам? - Фаржет взяла гармонику в руки, далеко отвела ее от себя, озорно, по-молодому улыбнулась и широким, вольным движением развела меха. И хоть прошли годы и годы, а пальцы ее все помнили и попадали именно на те кнопочки, какие были нужны, и музыка лилась легко: то нежная, то веселая, то грустная.

- Как хорошо ты играешь, нани! - восторженно глядя на бабушку, прошептала Эзи. - Но я ведь совсем не умею.

- Так что же? Пусть тебя это не волнует, - успокоила внучку Фаржет. - Я тебя научу, да так, что никто не сравнится с тобой в игре.

И жизнь Эзи с той поры потекла совсем по-другому. Куда бы она ни шла, что бы ни делала - все мысли ее были о гармонике. Вернувшись из школы, она торопилась сделать поскорее уроки, чтобы спокойно сесть за музыку. Она не уставала заниматься, а Фаржет не уставала ее учить. Бабушка не могла нарадоваться, что подарок так пришелся по душе любимой внучке.

Однажды во время занятий у Эзи никак не выходило трудное место, и в досаде на себя она воскликнула:

- Чтоб мне сгореть в огне, если у меня не получится!

- Поставь гармошку!- вдруг сердито приказала Фаржет.

Эзи удивленно взглянула на бабушку и послушно поставила гармонику на стол.

- Больше никогда не произноси такое проклятье! Слышишь? Никогда!

- Хорошо, нани. Но почему? Кудас, с которой я сижу за партой. говорит так десять раз на дню.

- И очень плохо. Говорит потому, что взрослые ей не объяснили. Нельзя проклинать огнем!

- Нани, а почему нельзя?

- Почему, спрашиваешь? - Фаржет села напротив внучки. - Вся наша жизнь связана с огнем, пусть никогда не лишимся мы его добра! Деды и прадеды наши превыше всего почитали огонь, молились огню. При огне не смели говорить плохих слов, никогда не ругались. Выходя

замуж, девушки на прощание трижды обходили очаг в своем доме, кланялись огню до земли. В старые времена огню в очаге не давали погаснуть ни на минуту.

- Нани, и в нашей печке огонь никогда не гаснет, даже летом! - радостно воскликнула Эзи.

- Не гаснет, потому что я не даю ему погаснуть. Он горит уже тридцать лет, со дня моего замужества, когда я принесла его с собой в этот дом.

- Как принесла? - удивилась Эзи. - Да разве можно принести огонь?

- Можно, - улыбнулась Фаржет. - Открой-ка сундук!

С недоумением подняла Эзи тяжелую, окованную железом крышку. Пахнуло нафталином, табаком и еще чем-то незнакомым, но очень приятным. Сверху лежали новые отцовские сапоги и черкеска, под ними бабушкины платья, шали, праздничные пояса. Из дальнего угла Фаржет достала две небольшие глиняные плошки, протянула внучке.

- Вот в чем принесла я огонь из родительского очага. В одну насыпала золу, на золу положила горящие угольки, а сверху прикрыла другой плошкой - вот так! И принесла с собой. С тех самых пор и горит тот огонь в нашей печке. А я слежу, чтобы он не угасал ни днем, ни ночью.

Фаржет снова бережно уложила плошки на дно сундука, аккуратно расправила вещи, опустила крышку. Потом подошла к печке и подкинула в нее сухого хвороста.

Эзи смотрела на бабушку с таким удивлением, будто видела ее впервые.

- Понимаешь, как много значит для человека огонь? Это - живая душа дома, недаром в нашем языке слова "дом" и "огонь" имеют один корень "ци".

- Нани, я вырасту и тоже буду беречь твой огонь, правда-правда! - Эзи бросилась к бабушке и порывисто обняла ее.

Фаржет растроганно прижала внучку к себе, ласково погладила ее по головке:

- Умница! Женщина обязательно должна быть хранительницей домашнего очага. Это самое главное, самое святое в нашей женской доле. Ингуши всегда особо почитали огонь. Бывали в стране времена, девушки выходили замуж за огонь.

- Замуж за огонь?! Ты шутишь, нани! - у Эзи глаза округлились от изумления. - Как это можно выйти замуж за огонь?!

- Слушай, я расскажу тебе, - Фаржет сняла со стола гармонику, села к окну и стала тихо наигрывать.

Эзи на низенькой скамеечке примостилась у ее ног.

- Это случилось в горах много сотен лет назад. Предки наши были гордые, мужественные и благородные люди. Уважали младших, почи-

тали старших, не враждовали с соседями, пахали землю, пасли скот, охотились. Старики были наделены мудростью, мужчины - смелостью, девушки - красотой.

Но однажды грянула великая беда. Нежданно-негаданно на мирных людей напали лютые враги. Их было много, очень много, словно листьев на деревьях. Они заполнили все дороги, тропы, косогоры и ущелья. Как звери ненасытные, ринулись в аул. Ударами кинжалов, стрелами из луков безжалостно разили, убивали горцев. Аул бесстрашно принял смертельный бой. И старики, и женщины, и дети сражались наряду с мужчинами. Но враги обступали со всех сторон. И уже их было больше, чем листьев на деревьях.

Последнюю крепость окружили черные полчища, лезли на стены, приставляя высокие лестницы. И воскликнул тогда старец, единственный живой мужчина, поглядев с тоской на юных девушек:

- Несчастные мои! Всех вас угонят в плен и станете вы ублажать злодеев, этих диких и грязных зверей!

- Не надо нас жалеть! - выступила вперед самая красивая и самая умная девушка по имени Бетта Лир, что значит - Лунное Сияние. - Жалеть нужно мужчин; они отдали свои молодые жизни, так и не успев познать ни наши ласки, ни любовь. Они называли нас невестами и лишь мечтали о нежных девичьих объятиях. Их любовь к нам была чиста, как родниковая вода, и мы в такой же чистоте сохраним свою любовь к ним. Правильно я говорю, подруги?

- Правильно, Бетта Лир! - откликнулись стоящие за нею девушки.

- Тогда зажигайте огонь!

И четверо девушек, взяв горящие факелы, подожгли у подножья башни заготовленный на зиму хворост.

Было время сумерек. Огонь вспыхнул, осветив все вокруг, высоко в небо ударило горячее пламя.

Бетта Лир шагнула в башню, по каменным ступеням поспешила вверх. Следом шли ее подруги. Лестница закончилась ровной площадкой, до уровня которой поднимались обжигающие языки костра.

Бетта Лир сорвала с головы курхарс[1], расплела тяжелые косы. И то же сделали подруги.

В это время в крепость дико крича, тяжело дыша, размахивая кинжалами и копьями, ворвались враги. И вдруг озверевшие от крови, они остановились, словно вкопанные, увидев на площадке башни, объятой пламенем, девушек с распущенными волосами, в белых одеяниях. Спокойный и невозмутимый вид их поразил врагов.

- Тот, кого я любила, был смел, как огонь, чист, как огонь, красив, как огонь! - воскликнула одна из девушек, это была Бетта Лир. И голос

[1] Курхарс - женский головной убор.

ее услышали в каждом уголке притихшей крепости.

- Тот, кого я любила, был смел, как огонь, чист, как огонь, красив, как огонь! - повторили за ней остальные.

Бетта Лир шагнула к краю площадки и, взметнув руки, будто собираясь взлететь, звонко крикнула:

- Я хочу, чтобы душа и тело мои остались чистыми! Поэтому я выхожу замуж за огонь!

И она прыгнула вниз, прямо в костер, и трепетное пламя, раскинув ей свои страстные объятия, взметнулось еще выше.

- Я хочу, чтобы душа и тело мои остались чистыми! Поэтому я выхожу замуж за огонь! - с этими словами вслед за бесстрашной подругой все девушки бросились с башни в огонь.

Увидев такое, враги опустили кинжалы.

- Это удивительный народ, - пораженно сказали они. - И нам его никогда не победить!

Не поднимаясь выше в горы, они повернули назад.

Эзи слушала Фаржет со слезами на глазах.

- Нани, это в самом деле было? Или это сказка?

- Это было. И было не один раз, - серьезно посмотрев на внучку, ответила Фаржет. - В минуты большой опасности, когда нет надежды на спасение, ингушские девушки поступали именно так. Теперь ты поняла, Эзи, почему в нашем народе огонь почитают священным? И почему я сказала тебе: никогда и никого не проклинай огнем?

Шло время, Эзи подросла, превратилась в девушку. Не только отец и бабушка, все любовались юной красавицей, никто не мог удержаться, чтоб не посмотреть ей вслед. А кроме того, о ней шла слава, как о лучшей гармонистке во всей округе. Ни одна вечеринка не обходилась без Эзи.

Однажды на соседской свадьбе Эзи заметила незнакомого юношу. Кто-то сказал, что приехал он из Грозного, учится там в нефтяном институте. И вот что интересно: незнакомец вовсе не смотрел в ее сторону, но Эзи чувствовала, что он следит за каждым ее движением. Она старалась не обращать на него внимания, вся сосредоточилась на игре. И когда вдруг ее начали уговаривать потанцевать с городским гостем, она, не робевшая ни перед кем, смутилась. Однако виду не подала. Лихо растянув гармонику и далеко отведя от себя, словно собираясь выпустить ее, как птицу, Эзи вступила в круг легко и стремительно. Она знала, что танцует лучше всех, и люди всегда восхищались ею. А тут все смотрели не на нее, а на Лячу, так звали юношу. Надо признать, что танцевал он очень искусно, в их селе не было такого танцора. Кровь прилила к щекам девушки, она заторопилась, заиграла еще жарче, закружилась, будто вихрь.

И вдруг Ляча неожиданно оказался в кольце ее рук, между нею и гармоникой. Все кто был на свадьбе, замерли. Перестала играть и Эзи. "Что теперь будет?" - со страхом подумал каждый. Обычай суров: если прикоснешься случайно к чужой девушке, прольется твоя кровь. Но Ляча ни ногой, ни рукой, ни плечом не задевал девушку. Тоненький, стройный, туго подпоясанный ремнем, он, высоко вскинув руки, стоял на месте на носочках, мягко и быстро перебирая ногами. Оценив искусство юноши, люди оживились, бурно захлопали ему. Кто-то восторженно крикнул:

- Мужчина! Молодец!

- Играй! Эзи! Играй! Чего ты испугалась! - неслись со всех сторон подбадривающие крики.

Эзи вновь заиграла, но очень осторожно, стараясь не коснуться парня. Ляча немного потанцевал лицо в лицо, глаза в глаза с девушкой, и легко выскочил из круга ее рук. И в тот же миг Эзи резко оборвала музыку. Передала гармонику подружке, умевшей играть, и бросилась домой, плакать.

Но не потому она плакала, что обиделась на парня. Нет, сказать по правде, ей было приятно, что такое случилось. Просто... просто все произошло так неожиданно!

С этого дня Ляча и Эзи уже не могли друг без друга. И кто ответит, как решилась нежная дочь и любящая внучка сбежать из дома, ничего не сказав родным? У молодых решения скорые. Убежать, ну а домашние коль любят - поймут и простят.

Фаржет была убита тем, что ее девочка, ее любимица Эзи, шагу не отходившая от своей нани, вдруг, ни словом не обмолвившись, тайком сбежала замуж. Но еще больше огорчил ее Дидиг. И слушать не хотел ничего в оправдание Эзи.

- Никогда не прощу! - не находил он себе места от боли и гнева. - С этого дня нет у меня дочери!

А через месяц после бегства и замужества Эзи началась война.

Ляча в первые же дни добровольцем ушел на фронт. И Эзи осталась в небольшом домике Лячи, в незнакомом по сути городе совсем-совсем одна.

Соседка ее, Евдокия Платоновна, женщина лет шестидесяти, работала кондуктором трамвая. Как-то вечерком она заглянула к Эзи.

- Если будешь без дела сидеть и все время плакать, от этого не будет пользы ни тебе, ни твоему мужу, и никому. Надо идти работать!

- Где работать? Кем? - сокрушенно вздохнула Эзи. - Ведь я же ничего не умею городского.

- Будешь уметь, если захочешь. У нас открываются курсы водителей трамваев. Там как раз нужны девушки, такие молодые, как ты.

- Ой, да разве я смогу водить трамвай?! - испуганно всплеснула руками Эзи.

- Сможешь! - улыбнувшись, твердо сказала Евдокия Платоновна. - Если человек захочет, он все сможет!

Эзи захотела, и потому - смогла. Теперь она работала, получала зарплату, да и время ожидания любимого пошло как будто быстрее. Со смены она бегом бежала домой - не пришел ли заветный треугольничек от Лячи, нетерпеливо распечатывала его прямо у почтового ящика.

Первый год письма с фронта приходили довольно часто. Ляча писал, что любит ее больше жизни, просил не волноваться за него, беречь себя. Писал, что Эзи может им гордиться, что никогда не шел он в атаку сзади всех, что не бросал друзей в беде и что командование представило его к ордену.

А Эзи делилась с мужем своими успехами: она теперь ударница, работает в две смены, вступила в комсомол и выбрали ее комсоргом трамвайного парка. Писала, что очень его любит и очень-очень-очень ждет.

Когда письма от Лячи перестали приходить, Эзи не могла найти себе места, бегала за утешением к Евдокии Платоновне. А когда получила похоронку - свет померк для нее, и земля ушла из-под ног. Евдокия Платоновна, приведя Эзи в сознание, сказала:

- Бывают ошибки. Может, ранили только, может, без вести пропал, может, в плену где мается. Там такое творится, ни приведи господь! А ты жди! Глядишь и вернется!

Эзи поверила.

Однажды, после трех лет разлуки, неожиданно к Эзи приехал отец.

Причиной этому послужило то, что Фаржет, перебирая вещи в сундуке, не обнаружила там двух глиняных плошек. Подумав, она поняла, что взяла их внучка в день побега,понесла в свой новый дом огонь родного очага. Волна горячей любви, благодарности и острой жалости захлестнула сердце истосковавшейся по внучке бабушки.

- Не надо больше сердиться на Эзи, - сказала Фаржет сыну. - Она ушла, взяв с собой счастье нашего дома. Но и ей нелегко.

Дидиг, нахмурясь, слушал мать с замиранием сердца. Тревога за Эзи давно уже переборола обиду на нее, но он боялся осуждения матери и всех соседей, если простит непутевую дочь.

- Никогда не угасал огонь нашего очага, ты это знаешь, Дидиг. А теперь он горит и в очаге твоей дочери. И он не должен погаснуть. Сейчас время тяжелое. Поезжай в Грозный, узнай что да как. Может, надо чем помочь...

Сердце Дидига сжало острой болью, когда он увидел Эзи, повзрослевшую, похудевшую, с тревожным блеском глаз.

- Поехали... к нам, - прерывающимся голосом еле выговорил Дидиг. - Бабушка очень за тебя переживает.

- Вы простили меня?! - Эзи со слезами бросилась на грудь отцу. - И нани простила?!

- Не плачь, - одной рукой Дидиг гладил шелковые волосы дочери, другой вытирал свои глаза. - Что ты, что ты... Не заставляй людей смотреть на нас.

Долго говорили отец и дочь, счастливые, что стена, стоявшая между ними, рухнула. Но поехать обратно Эзи наотрез отказалась.

- Теперь здесь мой дом. Я должна хранить свой очаг. И дома дожидаться мужа. А к нани я приеду скоро в гости.

Но не суждено ей уже было увидеть бабушку. И отца, и отчий дом. Наступил страшный, скорбный день - двадцать третье февраля сорок четвертого года, день, когда ингушей и чеченцев объявили врагами народа и приказали в двадцать четыре часа покинуть родную землю.

Эзи металась по комнате, из угла в угол, не зная, что взять, что предпринять, когда в дом вбежала Евдокия Платоновна.

- Идут за тобой, девочка!

- Тетя Дуся! Как же это? - Эзи беспомощно ухватилась за нее. - Что я сделала? Какой я враг народа? Тетя Дуся, разве ты в это веришь?!

В дверь без стука вошли военные.

- Прекратить разговоры! - приказал молоденький офицер. - Почему еще не на улице? Быстро одевайся и к грузовикам на площадь! И никаких с собой чемоданов!

Евдокия Платоновна порывисто прижала к себе Эзи:

- Не верю, не верю, бедняжка ты моя! Все образуется, не бойся! Как Сталин узнает, так все и образуется!

Быстро, но без суеты, Евдокия Платоновна переложила из своей объемистой сумки в Эзин мешок кое-какие кульки, пакеты, свертки.

- Пригодится! Ну, с богом!

Только благодаря этой доброй русской женщине, у Эзи оказались с собой четыре буханки хлеба, крупа, фасоль да увесистый полотняный мешочек с мукой. Сама же Эзи впопыхах ухватила только самое дорогое - бабушкины плошки с угольками и золой. А больше не взяла и нитки, верила, что очень скоро все изменится и снова она будет дома. Произошла чудовищная ошибка или даже вредительство. Ведь не может же быть врагом народа сам народ! За что ее, комсомолку, ударницу труда, жену фронтовика заклеймили позором и лишили крова? Нет, это просто недоразумение, и все наладится!

На вокзале, в голосящей толпе испуганных, ошеломленных, оглушенных горем людей Эзи заметила двоюродного брата Угуза с женой и целой оравой детворы мал мала меньше, но пробиться к ним сквозь давку не смогла. Когда пришел состав и началась погрузка, творилось что-то невообразимое. Солдаты и милиция силком заталкивали в вагоны сопротивлявшихся людей, не разбирая кто, чей, с кем. Истошно кричали женщины, потерявшие детей, надрывно плакали дети, поте-

рявшие родителей. Многие семьи оказались разлученными, при этом никто не знал, куда и зачем их повезут.

Случайно Эзи оказалась в одном вагоне с семьей Угуза. Стало немного легче на душе - с родными не так страшно.

Не было даже нар, пришлось садиться прямо на пол. В старом товарном вагоне было промозгло и грязно. Хорошо, кто-то умудрился притащить железную печурку, и Эзи, к всеобщей радости, зажгла в ней огонь. Но только когда поезд набрал скорость, все оценили, что это такое. Вагон продувался насквозь ледяным февральским ветром, согреть его печурка не могла. Однако люди грелись около нее по очереди, по очереди кипятили чайники и казанки. До самого конца дороги, все три недели Эзи старательно следила, чтоб не погасла эта единственная отрада на тернистом пути обездоленных людей.

Эзи щедро делилась съестным с семьей Угуза, поэтому хлеб, крупа и фасоль кончились у нее еще в поезде. Луба, вольно распоряжавшаяся продуктами Эзи, когда дело доходило до ее собственных припасов, сразу становилась очень бережливой, если не сказать скупой. Тогда Эзи старалась не обращать на это внимание: ведь шестеро детей - не шутка. Но теперь ей многое стало ясно. К сожалению, слишком поздно...

Утром Луба и Угуз вышли в сени к замерзшей, окоченевшей Эзи.

- Ну что? Поостыла немного? - толкнула ее Луба в бок. - Согласна теперь, дуреха?

Эзи от холода не могла вымолвить ни слова, зубы выбивали мелкую мучительную дробь. Она только молча покачала головой.

- Вот ведь мерзавка! - разозлилась Луба. - Упрямей ишака. И чего мы ее упрашиваем, унижаемся перед ней? Идем к Сурхо, пусть забирает ее к себе. И все!

- Верно говоришь! - мрачно кивнул Угуз. - Куда ей деться? Я старший, я даю за нее согласие. Пошли к Сурхо, Луба!

После их ухода, Эзи с трудом поднялась с соломы, и, еле переставляя одеревеневшие ноги, вошла в дом. Дети удивленно разглядывали ее синяки и кровоподтеки. Но ни один не пожалел. Еще чего! Ведь из-за Эзи, из-за ее упрямства им так хочется кушать!

- Посмотрите, посмотрите, - зло хихикали они. - На обезьяну похожа. На побитую обезьяну.

- Эй, сегодня тебя выдадут замуж! За старика Сурхо во-от с такой длиннющей бородой, как у козла! - и дети, дурачась, принялись это повторять на все лады.

Эзи ни разу не взглянула в их сторону. Она долго возилась в своем углу, что-то искала, потом с двумя глиняными плошками подошла к печке, присела около нее. Дети, притихнув, с любопытством наблюдали, как она насыпала золу в одну из плошек, осторожно положила горящие угольки, сверху еще присыпала золой, и накрыла все второй плошкой. Потом аккуратно сунула их к себе под пальто, поправила на голове платок и молча вышла.

- Ты что, Эзи! - крикнул ей вслед Зайг, самый старший. - Ты что надумала? Вернись!

Но Эзи уже была на улице. Ветер ударил в лицо, колючим снегом залепил глаза. Куда бежать? Кто ей поможет? В любом доме найдут Угуз и Луба. Уйти из аула? Да куда ж уйти? Ведь она ссыльная, бесправная, враг народа... Горечью заломило сердце. Эзи беспомощно застонала, сиротливо прислонившись к стене.

Вдруг сквозь свист метели ей послышались голоса Угуза, Лубы и ненавистный голос Сурхо. Эзи метнулась за угол дома - здесь не увидят, и, проваливаясь по колено в сугробы, побрела прочь.

- Нет! Нет! Нет! - исступленно твердила она. - Никогда! Никогда! Только Ляча, только Ляча!

Вот и последние строения остались позади. Бездомный ветер в поле был еще сильнее, он пригоршнями кидал снег в лицо, рвал полы легкого пальтишка, продувал насквозь, словно заставляя вернуться назад. Нет-нет, назад нельзя! Впереди сквозь метель увидела чернеющий стог сена. Эзи бросилась к нему, спотыкаясь, увязая на бездорожье, падая, снова вставая. Добравшись до стога, она, как подкошенная, опустилась на колени в снег.

- Ляча! Ляча! - рвался на ветру ее тоненький молящий голосок. - Где же ты, мой любимый?!

Но только ветер свистел вокруг, да еще где-то неподалеку раздавался леденящий душу протяжный волчий вой. Эзи в страхе вскочила на ноги, и, лихорадочно отгребая снег, стала вырывать клочки сена из стога. Волчье завыванье слышалось совсем близко. Спиной загораживаясь от ветра, Эзи вытащила из-под пальто глиняные плошки, которые все время старательно прижимала к себе. Приподняв одну, вторую сунула поглубже в сено. Ей не пришлось дуть, разжигать огонь, это сделал ветер.

Почти рядом она с ужасом увидела волка, поодаль другого, и тут спасительный огонь с треском охватил стог. Волки, взвизгнув, отскочили.

Как зачарованная, смотрела Эзи на яркое, чистое и веселое пламя, ласково согревающее ее измученное, продрогшее до костей тело, и вселяющее в душу тихую веру, что все обиды, вся боль, горечь, беспросветность, одиночество - все кончится.

- Ляча! - прошептала она пересохшими губами. - Ты был самый смелый, самый красивый, самый чистый! Ты был, как этот огонь. Ля-а-а-ча!

Весной один казах на месте сгоревшего стога нашел две глиняные закопченые плошки. Повертев их в руках, он решил, что находка вполне сгодится для кормления собак.

Эти плошки случайно увидел Зайг, старший сын Угуза и Лубы. И тогда люди поняли, куда исчезла Эзи и как оборвалась ее жизнь...

Перевод с ингушского Татьяны САРТАКОВОЙ

* * *

- А вы из каких? - спросил почему-то я.

Он, не отвечая, достал книжку участника войны.

- Вот, - сказал, - Я всю войну от корки до корки.

Выпили. Он глотнул из банки рассольчик и, заедая корочкой, добавил:

- Начиная от парада в сорок первом...А потом везде... Я автоматчиком был... Вот на Кавказе... Мы там этих, черных, вывозили. Они Гитлеру продались! Их республиканский прокурор был назначен генералом против нас...

Он опять налил. И мы выпили.

- В феврале, в двадцатых числах, помню, привезли нас под праздник в селение, вроде как на отдых. А председателю сельсовета сказали: мол, в шесть утра митинг, чтоб все мужчины около твово сельсовета собрались. Скажем и отпустим. Ну, собрались они на площади, а мы уже с темноты вокруг оцепили и сразу, не дав опомниться, в машины да под конвой! И по домам тогда уж... Десять минут на сборы, и в погрузку! За три часа всю операцию провели. Ну, а те, что сбежали... Ох, и лютовали они... Мы их по горам стреляли... Ну, и они, конечно... Помню, по Аргуни шли... Речка такая... На ишачках, значит, одиннадцать ишачков, я второй... Он как полоснет с горки из пулемета! Двое упали, а мы, остальные,отползли за выступ. Настроили миномет, и по той горке, где он засел, как дали...

Горку ту срезали, ни пулеметчика, ни пулемета! Клочка одежды не нашли. А у нас ведь как положено: голову тащишь в штаб, а там кто-нибудь из ихних опознает и вычеркивает из списков: Ахмет или еще кто... Ну, там до весны, орден дали, а потом татар переселял... Больше не тот все... Калмыков, литовцев... Тоже злодеи-фашисты, сволочи такие...

И вдруг я услыхал что-то уже знакомое, слышанное давным-давно. Наверное, там же на Кавказе.

- Всех, всех их надо к стенке! Не добили мы их тогда, вот теперь хлебаем...

К Виктору Ивановичу притянулись двое, сморщенные, в длиннополых старого покроя пальто из черного драпа. Мне их представили как "наших ребят", завсегдатаев.

- Вот они повоевали... - хвалил их Виктор Иванович. - Мы в одних войсках были, хоть и не встречались... Да тут наших много!

Он повел рукой, и я невольно оглянулся. И правда, не считая студентов, которых не трудно было выделить по возрасту и одежде, другие все или почти все были вровень с нашим Виктором Ивановичем

чем... Не такие моложавые, но уж точно, спокойные, благостные, что ли. И хоть без погон, но чувствовалась в них старая выучка... Школа. Какая школа!

Виктор Иванович кричал своим дружкам, похрустывая солененькой бараночкой, крошки от нее летели на пол: - Я этих гадов как сейчас помню... У меня грамота лично от товарища Сталина! Да!

Его мирные улыбчивые дружки кивали и протягивали с мутным пивом кружки, соединив их в едином толчке.

А ведь, не скрою, приходила, не могла не прийти такая мысль, что живы, где-то существуют все те люди, которые от Его имени волю его творили.

Живы, но как живы?

Не мучают ли их кошмары, не приходят ли в полночь тени убиенных, чтобы о себе напомнить?

Нет, не приходят.

Поиграв с внучатами, они собираются, узнавая друг друга по незримым, но очевидным приметам. Печать, наложенная их профессией, видать, устойчива.

И сплачиваясь в банях ли, в пивных ли, они соединяют с глухим звоном немытые кружки и пьют за свое здоровье и свое будущее.

Они верят, что не все у них позади...

А.И.ПРИСТАВКИН. Ночевала тучка золотая
М.: Книжная палата, 1988

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами и медалями работников Наркомата Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности от 8 марта 1944 года[1]

За образцовое выполнение специальных заданий Правительства Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены:

Орденом Суворова 1-й степени - генеральный Комиссар госбезопасности Л.П.БЕРИЯ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга Б.З.КОБУЛОВ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга С.Н.КРУГЛОВ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга И.А.СЕРОВ.

Орденом Кутузова 1-й степени - генерал-полковник А.Н.АПОЛЛОНОВ, Комиссар госбезопасности 1-го ранга В.Н.МЕРКУЛОВ, генерал- майор И.И.ПИЯШЕВ.

Орденом Суворова 2-й степени - Комиссар госбезопасности 2-го ранга В.С.АБАКУМОВ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга милиции Е.С.ГРУШКО, генерал-лейтенант Н.П.СТАХАНОВ и другие, всего 13 человек.

Орденом Кутузова 2-й степени - 17 человек, орденом Красного Знамени - 79 человек, орденом Отечественной войны 2-й степени - 61 человек, орденом Красной Звезды - 120 человек, медалью "За отвагу" - 258 человек, медалью "За боевые заслуги" - 111 человек...

Грозненский рабочий. 1944. 10 марта

---

[1] Указ был издан в день, когда выполнялось очередное спецзадание Правительства - таким же способом выселялся балкарский народ.

Аза БАЗОРКИНА

ТЕРПЕНИЕ

Мимо группы парней проезжал пьяный всадник. Поравнялся с ними и начал их оскорблять. Парни хотели образумить наглеца, но старик, видевший всю сцену, велел им отпустить его. Сжали зубы и кулаки разъяренные парни, подчинились старику и лишь посмотрели вслед оскорбителю. А тот доехал до следующей группы людей и повторил то же самое. Но там его стащили с лошади и хорошенько отлупили. "Смотрите, - сказал старик молодым, - его бьет ваше терпение".

Ингушская притча

... В начале 1944 года в каждой ингушской и чеченской семье были помещены на постой солдаты. Никогда раньше в городе не было такого количества военных грузовиков - они стояли во дворах, на улицах. Говорили, что это передислокация войск, и население старалось обогреть солдат, накормить домашним перед отправкой на фронт.

Разговоры о выселении ингушей и чеченцев возникли незаметно и велись по секрету. Я спрашиваю, что такое "выселять". Папа и мама цыкают на меня, чтобы я не лезла в разговоры старших и молчала. Но слова "войска", "передислокация" и "выселение" повторяются все чаще. Каждый день к нам приходят папин брат дядя Мурад, папины друзья дядя Султан Плиев, Джемалдин Яндиев, Хамзат Осмиев, еще кто-нибудь. Все так и сяк обсуждают, возможно ли выселение целого народа? Решают, что невозможно. Но карачаевцев уже выслали, значит, не исключено, что вышлют и нас. Но за что? Как?

Каждое утро дядя Мурад приходил к нам, либо папа шел к нему в соседний подъезд. В это утро папа пошел к дяде Мураду и очень скоро бледный и растревоженный вернулся: "Сегодня ночью вывезли Мурада со всей семьей, - сказал он. - Из нашего дома вывезли все ингушские и чеченские семьи".

Мураду не позволили проститься с братом, который жил в том же доме. Вывезли темной ночью, быстро и тихо, мы даже и не слышали.

Это случилось в ночь с 22 на 23 февраля.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ФЕВРАЛЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО ГОДА.

ТРАГЕДИЯ МОЕГО НАРОДА...

Потом, через десять - пятнадцать лет я узнала, как это делалось. В селениях собрали мужчин, начиная с четырнадцати лет, на митинг в честь Дня Красной Армии. И эта же Красная Армия, которая якобы находилась на передислокации и которая родными детьми жила в чеченских и ингушских гостеприимных семьях, кощунственно была приобщена к трагедии народа.

По приказу солдаты окружали собравшихся на митинг мужчин и под прицелом вынуждали садиться в подъехавшие студебеккеры.

В то же время под дулами автоматов "гостей" растерянные женщины и старухи неумело собирались "через пятнадцать минут" в дорогу. Разрешено было брать на семью не более ста килограмм багажа.

Что надо? Куда и зачем в феврале их везут? Надолго? Что происходит? Где главы семей - отцы,сыновья, братья? Тревога, слезы, страх, недоумение, растерянность объяли людей. Со всех сторон их свозили к оцепленной железнодорожной станции, к товарным вагонам с надписями "Враги народа", "Людоеды" и грузили в них. Здоровые и тифозные, старые и малые, мужчины и женщины загружались в эти вагоны, двери задвигались и запирались снаружи - эшелон арестованных готовился к отправке.

Очевидцы рассказывали ужасы, о которых много лет боялись говорить вслух. Да и шепотом - только самым близким. Молчали. А было,говорят, и было так: немощных старух и больных, которых некому было нести, расстреливали на месте или попросту сбрасывали в пропасть. Бывало, сжигали живьем.

Существовала личная инструкция Берии - остающихся на местах УНИЧТОЖАТЬ как врагов народа.

Сегодня в селении Гули живет Маас Чахкиев. Его слепого отца Лерали Чахкиева при выходе из Шоанского ущелья, около "Бийтмар венна моттиг" расстреляли и сбросили в пропасть.

С ним вместе расстреляли мать Гетагазова Исропила - Хани. Она была старенькой. Ее тоже там сбросили в пропасть.Внуки ее сегодня живут в селении Ольгетты. Там же в пропасть сбросили Берда Хаутиева.

Это в Чечне, в горном селении Хайбах из-за бездорожья в колхозную конюшню согнали стариков, слепых, беременных - всего семьсот человек под предлогом формирования колонны. Закрыли двери, обложили конюшню соломой и подожгли. Когда же под натиском обезумевших людей двери рухнули - выбегавших людей косили автоматными очередями. Приказы Берии выполнялись беспрекословно.

В селении Цхаралты оказались забытыми старик с внуком Оздоевы. В момент выселения они пасли скот в горах и ничего не знали. Обнаружив обезлюдевшее село, они пришли к солдатам с просьбой отправить их к своим, но эшелон был отправлен и их расстреляли на месте. А в доказательство выполнения приказа - отрубили им, седобородому старику и мальчику, головы и отвезли их в НКВД.

Оставшиеся в горах пастухи наблюдали за выселением в бинокли и рассказывают. Из селений Таргим и Хамхи людей выводили пешими, до дороги им предстояло пройти более 25 километров. Шли груженные вещами, иные несли на себе стариков, толкали ручные повозки. Когда все ушли, солдаты собрали в одно место немощных и одиноких стариков, больных и сожгли их заживо.

Живет в селении Черноreченское Цицкиев Магомет и его две сестры. На их глазах и на глазах соседей расстреляли их мать. Она хотела взять с собой вещи, приглянувшиеся офицеру-мародеру. Тело матери на глазах ее трех малолетних детей сбросили в погреб. А детей одних, без отца и матери свезли и сгрузили в товарный вагон с надписью "Враги народа".

До наших мест гитлеровские фашисты не дошли. Они изредка долетали до нас на самолетах. Но то, что творилось у нас - разве не фашизм?

Дети тех страшных дней, сегодняшние немолодые люди свидетельствуют. Они - живая память народа. И они помнят не только зло. Они помнят солдат, которые, не скрывая слез, помогали растерянным матерям собирать вещи. Иные из них сами подбирали необходимое, отбрасывая патефоны, ковры, и грузя кукурузу, муку, теплую одежду. Некоторые резали скотину, наскоро солили мясо, догадываясь, что путь выселенцам предстоит неблизкий и нелегкий.

Народ благодарит их за человечность.

По-разному провожали изгнанников остающиеся. В большинстве случаев плакали, тайком совали в руки детям и старикам свертки с наскоро собранной едой, просили сообщить адреса. Местные осетинские националисты - свидетельствуют Патиев Умар, Цицкиев Магомет, Хаматханова Хулимат, Алдаганова Сахират и другие, выселявшиеся из Пригорода и самого Орджоникидзе, - пели и танцевали от радости, швыряли камни в проезжающие студебеккеры и вагоны.

Так начиналось выселение. За пять дней на древней земле Ингушетии и Чечни не осталось ни одного ингуша и чеченца...

Полмиллиона человек погрузили в вагоны для перевозки скота, редкие с нарами, все - без печек. В щели задували злые февральские ветры. Там, где были нары, было куда положить стариков и больных. Женщины и дети сидели на полу. Молодежь ехала стоя, спали, под-

державая друг друга. Были семьи, поднятые прямо с постели, разутые, раздетые, без еды. Делились всем, что имели. Ехали восемнадцать суток с редкими остановками в голой степи. Двери открывались, людей выпускали по нужде. Под дулами солдат наш глубоко целомудренный народ, прикрывшись одеждой, мужчины, старики, женщины, девушки рядом, выстроившись вдоль вагона, оправлялись, как могли. Шаг в сторону воспринимался как побег, расстреливали без предупреждения.

Остановки использовались и для очищения вагонов от покойников. Узники прятали своих умерших родственников: самое страшное для ингушей и чеченцев не предать труп земле. Прятали их, надеясь похоронить на месте. Но солдаты автоматами заставляли вытаскивать из вагонов умерших, иногда за колечко или сережки позволяли присыпать покойника снегом. Вагоны трогались - умершие матери, отцы, братья, сестры, дети оставались на снегу.

Интеллигенцию выселяли напоследок двадцать восьмого февраля 1944 года. В последнем эшелоне в числе 207 руководящих работников республики и творческой интеллигенции ехала я с мамой, Тамарой Саговой, и папой, писателем Идрисом Базоркиным. С 23 февраля меня из дома не выпускали. Спали мы на тюках с вещами, каждую минуту ожидая солдат. Бабушка - мамина мама - ходила на базар за новостями и, возвращаясь, рассказывала, как бойко идет торговля вещами выселенных.

Бабушка все время плакала. От слез у нее на кончике носа вскочил красный прыщ и на нем всегда висела слеза.Родители решили, что бабушка, как гречанка, останется дома, чтобы позже помочь нам.

И вот пришел день. Серый. Солдаты помогли снести в студебеккер вещи. Мы погрузились, и машина медленно тронулась. В окнах, в дверях подъездов, во дворе стояли соседи и молча смотрели на нас. Бабушка шла за машиной, и с прыща на ее носу ручейком стекали слезы.

Мне стало страшно, я испугалась за бабушку, которую мне стало очень жалко, и я заплакала. И помню - жесткий, властный голос папы: "Не сметь плакать! Они не должны видеть наших слез!" Я тут же перестала плакать, повинуясь чему-то огромному, тяжелому, что понять была еще не в состоянии.

Потом мы долго не уезжали. Состав стоял на путях и не трогался. Вагоны у нас были обычные, жесткие, но не товарные.

Помню, как дрогнул и медленно двинулся поезд, как все прильнули к окнам и, не стесняясь, в голос заплакали женщины, как отвернулись, чтбы спрятать слезы, мужчины, и весь вагон тоскливо запел "Прощай, любимый город...".

Помню, как неторопливо катился наш вагон, как глаза отверженных, обреченных людей жадно цеплялись за каждый кустик, за каждую родную кочку. Вдруг кто-то воскликнул: "Смотрите, смотрите, Сорокин! Проститься пришел!"

Под насыпью лицом к проходящему поезду стоял простоволосый мужчина с фуражкой в руке. Голова его с развевающимися на ветру светлыми волосами была низко опущена. Сорокин, председатель горисполкома, хороший человек, провожал нас. Позже мы узнали - за сочувствие к "врагам народа" его расстреляли. Моя жизнь в пути делится на две части на фоне монотонного движения поезда. Очень нудно. Уже надоела мне вкусная таранка, от которой тетя Зина Тамбиева мне и своей дочке Томе отдирает вкусные спинки, а не менее вкусные хвостики и ребрышки выкидывает. Я удивляюсь, сколько у них этой рыбы. Это - детское.

Главное же - взрослые. Их объединяет общая беда, но и они разделены.

Женщины - мама, тетя Зина, а иногда еще кое-кто из соседних купе - с нами, с детьми.

Мужчины - отдельно. Они всегда вместе, группой, очень суровы, серьезны. Они куда-то уходят, приходят, о чем-то говорят - мало, сдержанно, негромко. Никто никогда не улыбается.

Слышу взволнованный разговор мамы, папы и тети Зины: в эшелоне есть случаи какой-то страшной болезни с высокой температурой. Там и сям звучит непонятное мне слово "тиф".

Вскоре я стала просить измерить мне температуру. Помню мамин безумный страх в глазах, когда термометр показал тридцать девять. Меня сразу положили на самую верхнюю полку, куда раньше не пускали. Тетя Зина уверяла маму, что это простуда, не больше. Папа заставил меня показать горло. Оно было с их слов очень красным, и мама в первый раз после отъезда радостно рассмеялась, что я так хорошо больна. И тут же ко мне потеряли всякий интерес - никому ни до меня, ни до моей болезни не было дела.

Помню, что на остановках мужчины выходили из вагона. Нам, детям, и женщинам было запрещено без нужды выходить из купе и передвигаться по вагону, не то, что выходить на улицу. Я всегда старалась увидеть папу из окна. Очень боялась, что поезд тронется, а папа останется. Он всегда вскакивал на подножку уже движущегося поезда, и я трепетала - а вдруг не успеет, и мы уедем без него. Как сейчас помню свое волнение, когда на очередной остановке мужчины быстро пошли к какому-то маленькому дому, который, как мне казалось, стоял очень далеко от железнодорожных путей. Я видела, как, нагнувшись, они прошли в дверь. Мне казалось, они там были вечность. Потом по одному вышли оттуда. И как-то отрешенно, медленно,

будто им и дела никакого не было до того, что поезд тронулся, шли обратно. Мама молча наблюдала за ними из окна. Она строго сказала мне: "Успокойся! Они сели в задние вагоны. Придут".

Поезд шел, а папы все не было. Я боялась, что мама ошиблась, что они не успели сесть в последний вагон, что, наверное, дверь там была закрыта и они остались...

Но вот пришел папа, и с ним еще кто-то из мужчин. Они молча сели к окну, ничего не говорили, смотрели, не мигая, в одну точку, будто продолжали видеть то, что увидели там, в маленьком домике. Потом сказали несколько слов маме, и у мамы широко распахнулись ее огромные зеленые глаза и заполнились ужасом и безысходностью.

В этом придорожном домике, как я узнала потом, были свалены в кучу перекрученные закаменевшие трупы людей из предыдущих эшелонов.

Много на пути нашего эшелона было подобных домиков. Помню, как по географической карте мужчины пытались определить, куда нас везут. Наконец, привезли в киргизский поселок под названием Токмак. Конечная остановка. Нас выгрузили.

Нас и еще несколько семей поместили в одном доме. Меня определили в школу, где детям давали сорокаграммовые булочки. После школы я бежала к мамочке на базар помогать продавать вещи. У других были какие-то запасы - деньги, ценности, продукты. В нашей семье, где папа считался "человеком, не приспособленным к жизни", никаких запасов не было. Единственное мамино колечко с бриллиантиком и рубином первым отправилось на базар. Следом пошли носильные вещи - мамино пальто, мамина юбка, папин костюм... Я очень гордилась, когда нашла покупателя на свой малюсенький детский коврик и гуттаперчевого Димку. Из всех игрушек мне позволили взять с собой только Димку, потому что он был раненый фронтовик. У него одна нога была тряпичная. У пожилого русского, купившего Димку, с очень добрым небритым лицом тоже была одна нога. Помню, как мама брала у него деньги. Ей было неудобно, она отводила глаза и словно извинялась. Димка в тот день хорошо нас накормил.

Частенько с нами на базар ходил дядя Джим - первый поэт Ингушетии Джемалдин Яндиев. Его жена Тамуся была нездорова. Пока дядя Джим, мама и я с ними искали на базаре покупателей на наши веши, папа и другие мужчины из нашей интеллигенции решали вопрос о том, знает ли о нашем выселении "отец родной", обсуждали, как быть и что делать. Составляли телеграммы и письма Сталину, в которых раскрывали ему глаза на подлеца Берия, выгнавшего народы из родных домов. Все были убеждены в том, что Сталин - святой, справедливый, доверчивый - просто не знает,что творит Берия за его спиной. Надо только, чтобы письма дошли до самого Сталина, чтобы

Берия не перехватил их. Когда Сталин все узнает, он вернет нас домой, а Берия накажет.

Пока шли эти разговоры, писания писем, пока Берия получал от Сталина орден Суворова первой степени за отличное выполнение особо важного задания партии и правительства, вещи наши кончились. Мама продала все. Она осталась в одном кремовом поплиновом платье, которое вечером стирала, а утром гладила и надевала. Продан был и папин фотоаппарат, в котором была пленка, запечатлевшая наше выселение и поездку, - эшелоны, придорожные домики, забитые трупами, все, что папа, заходя последним в вагон, обязательно фотографировал. Фотоаппарат пошел за четверть своей цены. Всю жизнь жалеет папа пленку, о которой никто, кроме него, не знал и которую новый владелец наверняка просто выбросил.

Никто нас возвращать домой не собирался. Надо было жить. Начали пытаться устроиться на работу. Никто никуда "врагов", "предателей родины", спецпоселенцев, каторжных не берет. Первому ингушскому профессору лингвисту Дашлако Мальсагову удалось устроиться директором бани. Все говорили, что банщик - тоже хлеб.

Нашу семью отправили из Токмака в деревню Ивановка. Здесь маме помог диплом зоотехника. Помню плачущую несчастную мамочку с огромным кровоподтеком на бедре. Это мамочка хотела сесть на лошадь, а та почему-то ударила ее копытом. Еще помню, как она со стоном слезает с лошади, на которую села впервые. Мама не может идти, и мы ищем марганцовку, чтобы промыть кровавое месиво, в которое превратились во время езды ее ноги. Зато потом - и это я тоже помню - киргизские старики с уважением и любовью назвали ее Тамара-аксакал, джакши-кыз, хорошая девушка. Она научилась ездить верхом лучше иного мужчины и, конечно, лучше папы.

Папа устроился работать кладовщиком в колхозе. Но это случилось не сразу. Пока мама и папа не работали, к нам пришел голод. Не было ничего вкуснее похлебки из листьев сахарной свеклы. Варилась она так: в четырехлитровую кастрюлю заливалась вода, закладывалась резаная ботва и соль. Если находилось пять рублей, то покупался плавающий на воде, как бумага, пятачок масла или полстакана муки. Все это кипело. Я ела этот "борщ" наравне с мужчинами по две большие железные миски.

Моей обязанностью было приносить из пекарни хлеб. Это было самое трудное. Пекарня находилась далеко, и донести домой пахнущую до головокружения буханку хлеба нетронутой было безумно, невероятно трудно. Всю дорогу я ее нюхала. Иногда не выдерживала и дотрагивалась до хлебушка кончиком языка. Но это казалось мне очень стыдным, и если честно, то признаюсь я в этом только сейчас. Дома папа точно по ниточке делил хлеб на пять частей, и каждый

получал свою порцию на день.Мама всегда старалась отказаться от своей порции, говоря, что ее кто-то угостил, что она сыта. Чем она жила тогда, я не знаю. Я не была такой мужественной, как мама, и однажды не удержалась. Целый день из пекарни не вывозили хлеб, и запах печеного теста, доносившийся оттуда, раздразнил меня вконец. Дорога домой была бесконечной, и я не выдержала. Отщипнула малюсенький кусочек от румяной корочки, положила в рот и сосала долго-долго, пока он не растаял. Потом еще кусочек... Когда я подошла к дому - половины моей порции как не бывало. Мне очень стыдно. До слез. Я отдаю папе хлеб и говорю, не глядя на него: "Когда будешь делить хлеб, меня не считай, я свою порцию уже съела". Ушла и, чтобы не видеть ничего, уткнулась в угол.Я сама себя наказала, но не могла не думать о том, как папа делит, неужели он не отрежет мне хлебушка? В глубине души живет уверенность, что отрежет, но страх, что, поступая по правилам, не отрежет, пронизывает мое существо. Папа, конечно, разделил хлебушек так, словно я ничего не отщипала... Еще помню: сидит папа на корточках. Перед ним три большущие плитки жмыха - то, что остается, когда из семечек выжмут масло. На вид этот жмых очень вкусный, а пахнет... Папа ножичком отковыривает по кусочку и ест. Очень вкусно ест. Я стою рядом и не прошу, просто жду, когда же и мне он даст кусочек. Но папа ест и меня будто не замечает. Я решаюсь преодолеть себя и очень робко говорю: "Папа, дай мне кусочек". Он отвечает коротко и беспрекословно "Нет!" Я думаю - "жадный". Слезы закипают у меня от обиды, я еще какое-то время стою в надежде, что он смилостивится и все-таки даст. Но он не дает. И я тихонько отхожу в сторону.

На второй день папа отдает мне целых две плитки и говорит: "Ешь, сколько хочешь. Я тебе, когда кончится, еще принесу".

Оказывается, к ним на склад завезли жмых для протравки грызунов в поле. Папа и завхоз не знали, протравлен уже этот жмых или еще нет. Вот папа на себе и проверял.

Наша улица состояла из трех домов, каждый из которых смотрел на свой огород. На огороде росла сахарная свекла. В среднем доме жили мы и тетя Паша-солдатка с дочкой Галей, моей ровесницей. В соседнем доме, ближе к нам - "кулачка" Маруся с коровами за забором. У нее тоже была дочка, наша ровесница. Ботвой от свеклы нас снабжала тетя Паша. Они ели свеклу, а нам отдавали ботву. Каждый день перед заходом солнца я шла к тете Паше и просила, как меня научили: " Тетя Паша, если можно и вам не очень нужно, дайте, пожалуйста, нам ботву, мы сварим борщ. Пожалуйста!"

Тетя Паша, сухая, высокая женщина, недовольно давала ботву. Я, счастливая, с этой ботвой прибегала домой. Мама спрашивала: "Как

она дала? Сразу? А какое у нее было лицо - злое или нет?" К тете Марусе-"кулачке" не ходили. Она скармливала ботву своим коровам.

Помню, я пришла к тете Паше, но не успела договорить до конца свою просьбу-молитву. Тетя Паша грубо меня оборвала: "Надоели вы мне со своим "пожалуйста". Нет у меня ботвы!"

В тот день мы ничего не ели. Нечего было есть. Мама тихо плакала.

Вскоре у меня начался кровавый - голодный - понос. Трава, которую я ела в поле, не насыщала.

Помню еще малярию. Она мучила по очереди всех нас - и маму, и папу, и меня, и двух наших родственников, живших с нами. Хорошо помню, как в полдень в сорокаградусную жару подкрадывается озноб. Я сажусь погреться на солнышке. Потом кутаюсь во все тряпки, что находятся в доме, а меня колотит от холода, крутит кости. Но вот отпускает холод и меня охватывает немыслимая жара и начинается головная боль до рвоты. Температура повышается до предела и начинает казаться, что вся комната - это моя голова, а язык разбухает и растет-растет, становится, как слон, и так трудно поворачивается этот язык-слон. Потом вся комната вместе с кроватью начинает крутиться, пока не становится темно и жутко... После приступов малярии не хочется есть. Помню, мама раздобыла одно яйцо, достала где-то ложечку сахара и взбила мне гоголь-моголь, который я очень любила. И как мне было стыдно, что я не смогла и ложки такой вкусноты проглотить. Помню, как она меня успокаивала. Глаза ее добрые, с непролитыми слезами помню. К нам ходила медсестра и по схеме поила акрихином. Она нас и спасла.

В Ивановке я пошла в школу во второй класс. Длинная шоссейная дорога соединяет один конец села, где мы живем, с центром, где школа. Вся жизнь в Ивановке связана с этим шоссе: по ней за хлебушком и обратно с хлебушком, по ней в школу и обратно, по ней приезжает из командировок мама, по ней я бегаю с детворой, обжигая босые ноги в придорожной пыли...

Жизнь наша понемногу начала налаживаться. Однажды мама привезла барана. Его зарезали, разделали, мама завернула ляжку в какую-то тряпку, дала мне и велела отнести тете Паше. Я возмутилась:

- Не пойду! Галка - подлая вруша, а тетка Паша нам не дает ботву.

Мама мягко, но как-то очень убедительно сказала:

- Доченька, она несчастная. Солдатка. Одна с девочкой. Надо быть доброй. Надо уметь прощать. Иди!

Я нехотя пошла. Тетя Паша, когда я дала ей мясо, заплакала:

- Какая добрая у тебя мама. Я ведь не забыла, что в ботве вам отказала. Маруське отнесла, она взамен молока обещала. А Тамара мне мяса - да сколько!

Я счастливая прибежала домой и слово в слово пересказала маме и папе услышанное. Они переглянулись и на глазах у них заблестели слезы. Не помню случая, чтобы мы не поделились с тетей Пашей тем, что имели. Жить стало легче и нам и солдатке Паше.

Вскоре колхоз выделил маме корову. Она давала нам по два литра молока в день. О голоде мы забыли. Потом приехала бабушка, а папа уехал жить во Фрунзе.

Во Фрунзе папе удалось устроиться на работу в хозяйственный отдел геологоуправления. Как член союза писателей он стал получать литерный паек. Люди начали списываться друг с другом, пытаться соединиться.

Положение было таково: все, начиная с шестнадцати лет, стояли на учете в спецкомендатурах по месту жительства. Еженедельно, в определенный день спецпереселенец обязан был явиться в комендатуру, чтобы отметиться. Неявка в назначенный день рассматривалась как побег и наказывалась ссылкой в Сибирь на основании Постановлений, подписанных Молотовым. Спецпереселенец не имел права перейти границу района, в котором он был прописан, без разрешения коменданта. Нарушение этого постановления рассматривалось как побег с места поселения и каралось - без суда и следствия - на двадцать пять лет каторжных работ с последующей ссылкой в Сибирь.

Рисковать было опасно - комендантам помогали так называемые "десятники". Они набирались из своих же спецпереселенцев. "Десятники" обязаны были отвечать за свою десятку семей - приходили каждый вечер в десять приписанных им семей проверять, все ли дома. За "покрытие" десятников наказывали как соучастников. Разрешения же выдавались в спецкомендатурах со скрипом.И все же люди соединялись.

Однажды к папе на работу пришел Руслан - старший сын дяди Мурада. Узнать его можно было только по голосу. Оборванный бродяжка, он был с ног до головы перемазан углем. Оказалось, он работал в паровозном депо, услышал от кого-то, что папа во Фрунзе. Машинисты подвезли его за то, что Руслан помогал им грузить уголь. Он рассказал, что дядя Мурад с детьми в Джамбуле умирает от голода. Надо было срочно что-то предпринимать, чтобы спасти брата с детьми.

Денег нет. Прав нет. Ничего нет. Но на коменданта произвел впечатление членский билет союза писателей ,и он выдал папе разрешение выехать и даже привезти брата. Деньгами помогли друзья, и папа поехал в Джамбул.

Шел 1945 год. Приближалась годовщина нашей высылки. Джамбул встретил папу пятидесятиградусным морозом, но ему в его демисезонном пальто нараспашку было жарко, по дороге его начала трясти малярия. В доме у дяди Мурада он застал страшную картину: окна и

стены покрыты инеем, в полу зияют дыры от вырванных на топку досок. Еды никакой - кипяченая вода.

Старшие дети бродят где-то вне дома. Руслан, работая в депо, вышел на папу. Фатима пошла за хлебом и пропала. Позже выяснилось, что у нее украли хлебные карточки на всю семью, и она решила, что спасение ее и семьи можно найти только на Кавказе, дома. Там родные, знакомые, там родной дом. Пятнадцатилетняя девочка сумела добраться до города Грозного, пришла в свое училище к учителям. Там-то ее и поймали. И без суда "за побег с места поселения" этапировали в Сибирь на двадцать пять лет каторжных работ.

Когда приехал папа, дядя Мурад с младшими дошколятами лежал в углу комнаты. Они уже не могли двигаться. Одежда их шевелилась от вшей...

Папа не мог увезти их сразу - они не могли от слабости двигаться. Пошел на базар прикупить для них одежду. И там встретил слепого ингушского певца Ахмета Хамхоева. Тот ходил с протянутой рукой (никогда у ингушей не было нищих, просящих подаяния!) и пел свой грозненский репертуар: "Ой ты, ноченька, ночка темная..." Но людям было не до песен и нечего было дать нищему. Погиб бы Ахмет, если бы не увидел его папа.

На этом же базаре папа увидел женщину - скелет, обтянутый кожей, протягивал людям трупик младенца и просил милостыню для спасения еще живых детей. Рассказывали, что участились случаи обмена детей на продукты. Казахи, очень любящие детей, усыновляли их, отдавая взамен продукты. Родители жертвовали одним, чтобы сохранить других.

Измывательствам комендантов, в полное распоряжение которых были отданы репрессированные народы, не было пределов. К потоку постановлений сверху, от Молотова, присоединялись распоряжения местных властей, одно другого унизительнее. К примеру: "Всех, до единого, спецпереселенцев уволить с работы". Выброшенные за борт люди остаются без средств к существованию и деваться некуда. Через два-три месяца - отмена приказа, разрешение давать работу и виноватым только за принадлежность к "преступной" национальности.

Особенно доставалось национальной интеллигенции, обосновавшейся в городах и районных центрах. Им прямо говорилось, что их не для того выслали, чтобы они в городах жили. В кишлаки! В аулы! На черную работу! И чтобы выжить, чтобы заработать копейку на кусок хлеба ученые и писатели работали сторожами, уборщицами, экспедиторами, разнорабочими... Папу то и дело выгоняли, чтобы принять и снова выгнать. В комендатурах висела инструкция ограничений для спецпереселенцев:

- В партию не принимать.

- В высшие учебные заведения не принимать.
- Использовать спецпереселенцев только как чернорабочих.
- На руководящие должности - не выдвигать.
- Общественную работу не поручать.
- Инициативу и всяческие начинания не поощрять.
- Никакими наградами и грамотами не награждать.
- В армию не призывать...

И главное - вдолбить! Вдолбить всем, что это не на срок! Это - пожизненно! Навсегда для вас, детей ваших, всех ваших потомков! Тогда же переменили "спецпереселенец" на "спецпоселенец". Уловили нюанс, что переселенец вроде может назад переселиться, а "поселенец" - это навечно.

Из Большой Советской энциклопедии исчезли названия переселенных народов. Их культура - искусство, фольклор, история, литература, музыка песни - упразднены.

На каждом шагу нам доказывали, что нас вообще на свете никогда не было. Не было! Сегодня нет! Нет! И никогда не будет!

Было издано очередное постановление. Всех женщин других национальностей, вышедших замуж за спецпоселенца, считать спецпоселенками независимо от места рождения. Всех женщин, вышедших замуж за представителей других национальностей, освободить от режима. Основание: Указ НКВД Киргизской ССР от 7 июня 1947 года.

Тогда мы не знали слова ГЕНОЦИД.

Вот тут на защиту нации встали наши мудрые старцы. До выселения обычаи нашего народа не были столь строгими. У нас женились и выходили замуж за представителей других национальностей, был бы избранник или избранница достойными. Теперь же старики ввели строжайший запрет на смешанные браки. Жениться, а особенно выйти замуж за человека другой национальности объявлено было недостойным.

Только за своих выходить замуж и жениться на своих.

Нас хотят рассеять, растворить в других - не выйдет!

Мы выживем! Мы должны выжить любой ценой!

Нас давят, уничтожают, превращают в ничто, убивают веру в будущее, лишают будущего, вышвыривают из жизни - что противопоставить этой душегубке?

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ВЫЖИВАНИЕ.

Все, что считалось у ингушей безнравственным вчера - воровство, ложь, хитрость, изворотливость, - сегодня допускалось. Ради цели ВЫЖИТЬ разрешалось все!

Выживали те, кто научился хитрить, изворачиваться, ловчить, "делать" деньги, лгать. Строили дома, приобретали скотину, делали все, чтобы разбогатеть. Сумели жить лучше старожилов.

Были сомнения: к чему приведет такое нравственное саморазрушение? Не погибнет ли народ, лишившись традиционных моральных устоев? Не превратится ли в безликую массу, набивающую брюхо? Необходимость выжить заставила разобраться в традициях и обычаях - от каких временно отказаться, какие усилить.

Окрепли обычаи старинной взаимопомощи слабым семьям, сиротам, больным, безмужним. Обычными стали "белхи" - когда всем миром в воскресный день делали что-то для нуждающегося, складывались - деньгами, трудом. Вечером после работы собирали хороший ужин, устраивали национальные танцы, игры. Обогащали каждого надеждой - ты не один, рядом с тобой всегда народ, который придет на выручку в трудный для тебя день.

Непререкаемым законом сделали обычай почитания старшего, его слова.

Священной стала почитаться семья: никаких разводов. Семья - лицо настоящего мужчины. Женщина - образец терпения, нравственной чистоты, верности. Нарушившая эти нормы - позор для семьи, фамилии,рода. И наказывают ее самые близкие - отец, брат.

Воспитывалась память о прошлом народа. Каждый знал генеалогию своего рода, близких, родных. Помнили все славные дела и вершителей тех дел в прошлом. Гордились уважаемыми людьми сегодня.

Ввели обычай поминания, очень сближавший людей.

Возродился старинный суд - "кхел", на котором старейшины родов разрешали все конфликтные ситуации, возникающие в текущей жизни. Соблюдались все правила ради примирения сторон, ради торжества справедливости, чести, достоинства...

Да, правы, мудры были старики, когда стали крепить обычаи, собирающие народ воедино, сохраняющие его национальную целостность. Они же ответили на панические вопросы - как жить без веры в будущее? Ведь отнята вера, отнята родина! Есть вера, сказали они. Вера во Всевышнего, в Аллаха! Нам не приходится ждать спасения от Сталина, значит спасение придет только от Аллаха. Верьте в Него! Молитесь Ему! Просите Аллаха о помощи и помощь будет! Просите, чтобы Он вернул нас домой, и Он вернет нас!

И молились, и верили. Верили неистово, всей душой. Все тринадцать лет без роста культуры, без роста интеллигенции, вне жизни, с моралью "выживания".

Эти тринадцать лет, в которые все народы вокруг разваливались, мы - сохранялись. Мы сопротивлялись насильственному уничтожению.

Тринадцать лет народ черпал энергию и веру в самом себе и в Аллахе.

Народ ни разу не усомнился, что вернется.

Люди, встречаясь друг с другом, сначала здоровались, потом привычно спрашивали: " Что нового о доме? Когда едем?" В том, что едем, никто не сомневался. Вопрос состоял лишь в том - когда едем. И вопрос этот объединял в родную семью ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских татар...

Старики, умирая, просили близких:

- Когда будете возвращаться домой, кости мои заберите с собою, тут не оставляйте.

Не было сомнений - "будете возвращаться".

Папа работал главным администратором оперного театра во Фрунзе. "Любым путем выжить" у папы не получалось. Он зарабатывал на "золотом"месте свои 76 рублей, весил при своем двухметровом росте 76 килограмм: зато, как он шутил, спокойно спал. "Шлемазал", что по-еврейски означает что-то вроде "раззява", дразнили его друзья-администраторы, получающие от своих должностей дополнительные доходы.

С мамой они разошлись, но остались близкими друзьями. Мама с бабушкой жила в районе, а я с папой, папиной женой Ириной и маленьким братиком Зурабом - во Фрунзе. Четверо в небольшой комнатке театрального общежития. Жили скудно. Мама под предлогом, что это для меня, умудрялась подбрасывать нам то муку, то мясо, то картошку.

Я училась в медучилище. Домашнее хозяйство лежало на мне. Утром папа и Ирина убегали на работу, я отводила Зураба в садик. Училище, базар, готовка обеда, уборка, уроки, сон. Папа был строгим. Все было расписано по часам. Иногда он разрешал после училища идти не домой, а к нему в театр. Я слушала оперу, смотрела балет. После спектакля мы с папой неторопливо шли по ночному затихшему Фрунзе. Фонари сказочно подсвечивали пирамидальные тополя. Мы говорили много, о разном. Я была счастлива, папа говорил со мной, как со взрослой, я гордилась - мой папа самый умный и самый хороший человек на свете, самый большой мой друг.

На каникулы я ездила к мамочке. Там мне было вольготно. В доме делала, что хотела, готовила, что хотела, училась ездить верхом на выделенной маме лошади. Все, что я делала, было маме в радость. Что мне, девчонке, стоило прополоть огород или окучить картошку, а мама счастлива. Она внушала мне уверенность, что я все могу.

Так в общем-то вполне счастливо я жила до шестнадцати лет. Пришла пора получать паспорт.

Мелковатый, мне по плечо, с крысиным лицом комендант выдаст мне паспорт, где только что поставил жирный штамп "спецпоселенец" и назначает мне двадцатое - двадцать первое - двадцать второе число - дни, когда я должна являться в комендатуру отмечаться. Он предупреждает, что я не имею права выходить за пределы города без его разрешения.

- А как же к маме на каникулы? - недоумеваю я.

Если ехать, то обязательно получить в комендатуре разрешение. Лучше совсем не ездить, что ты там забыла?

Домой я вернулась потерянной, подавленной. Подала отцу паспорт и пересказала весь разговор. Что-то во всем этом было оскорбительное, унизительное. Я едва сдерживала слезы. Папа внимательно посмотрел на меня, понимающе сказал:

- Да, Зюка, у тебя сегодня тяжелый день. Ты перестала быть ребенком, стала, как все мы...

Да, это был трудный день, но ребенком я быть не перестала. Пунктуально в назначенные дни я ходила отмечаться в комендатуре. Едва не вылетела из медучилища, когда всех студентов под страхом исключения обязали ехать в колхоз собирать хлопок, а мне разрешения на выезд не давала комендатура. Его добился папа, не я.

Я ненавидела коменданта. Его и всех, кто в комендатуре подхихикивал его идиотским шуточкам. Фамилия его словно в насмешку была Грозный, а росточек небольшой, лицо мелкое, крысиное, весь какой-то ущербный, но как он старался соответствовать фамилии. Он лютовал над всеми зависящими от него людьми, но особенно над рослыми, красивыми, мужественными. Он издевался, унижал, насколько хватало его фантазии, самодурствовал, как хотел. Это он не дал разрешения папиному другу перейти границу района, когда у того умерла жена. Мусульманское кладбище находилось за чертой города и проводить жену за эту черту он не позволил.

В дни когда кто-то умирал или женился, Грозный делал облавы. Он и его подчиненные являлись на место и, перекрыв все выходы, проверяли документы, вылавливая приехавших без разрешения. И шла потеха над людьми - либо унижайся беспредельно, вымаливая прощение, либо - получай двадцать пять лет лагерей. Выбирай. Чтобы не выбирать, люди пытались взять разрешение. И если разрешения не давали - а это было чаще, чем давали, то на "границу" посылался человек. Он кричал на "другую сторону":

- Э-эй! Люди! Сегодня к такому-то часу мы принесем покойника такого-то! Подготовьте могилу и людей!

К положенному часу родственники с двух сторон подходили к "границе" и с рук на руки передавали умершего. И те завершали похороны, счастье, что для покойника спецразрешения уже не требовалось.

Во Фрунзе удалось перебраться дедушке, маминому отцу. В 1939 году его по доносу "друга" Ярослава Цаллагова арестовали и по статье 58 выслали на пять лет в Северный Казахстан. За это Цаллагов получил в награду дедушкин дом.

Дедушка приехал тяжело больным человеком. Я делала ему уколы - моя первая практика. Зная, что болен безнадежно, большой жизнелюб, дедушка повторял:

- От смерти никуда не денешься, но как хотелось бы умереть хоть на день позже его - отца родного! Какое счастье перед смертью узнать, что он умер. Хоть на один час позже его, - повторял он как заклинание.

Уже к 50-м годам никто не обольщался насчет Сталина, никто уже не думал, что он ничего не знает, а все за его спиной совершает Берия. Оба были одинаковы, и кто хуже - неизвестно.

Дедушка умер 24 октября 1952 года, немного не дожив до желанного дня. Мы с папой были рядом с дедушкой до последнего дыхания. Я впервые видела смерть, да еще дедушкину. Конечно, потрясение. Потом похороны. Я забыла про дни своих отметок в комендатуре. А может, перед лицом такого горя они - эти обязательные дни - показались мне незначительными?

Двадцать седьмого я пошла отмечаться в комендатуре. Дежурил Грозный. Он говорит:

- Ты что, забыла, что у тебя числа 20, 21, 22 ?

- Нет, - отвечаю.

- Так что же ты явилась 27-го? В Сибирь хочешь?

- У меня дедушка умер, - говорю я.

- Ну и что, что умер? Большое дело - дедушка! А я вот тебя в Сибирь! На двадцать пять лет! А? Как? Хочешь? Да я тебя сейчас посажу!

Я потеряла голову от ярости и выкрикнула ему в лицо:

- Сажайте! Вы только и умеете что сажать! Вы не человек! - и с ревом выскочила из кабинета. Помчалась через город на работу к папе. Рассказала ему все. Папа стал зеленым. Он меня не ругал, только сказал " пойдем". И мы с ним тут же отправились в комендатуру. По дороге папа сдержанно рассказал мне, что в последнее воскресенье Грозный устроил облаву на чеченок. По воскресеньям простые крестьянские женщины ходили из пригорода в город на базар, конечно, без разрешения. Он их поймал, собрал в переполошенную толпу и плачущих, заискивающих, просящих погнал через весь город в комендатуру и запер. Держит взаперти и неизвестно, что устроит - отпустит или действительно отправит в Сибирь. Как арестовал старика чеченца, который перешел "границу" - сухую пойму реки. Старик не знает по-русски, не понимал, чего от него хотят, возмущался, сопротивлялся, когда его арестовывали. Ему всего лишь надо было вернуть корову,

забредшую пастись на неположенную сторону реки. Корову конфисковали, старика выслали без долгих разговоров.

Папа боялся Грозного. Боялся, что он сломает мне жизнь.

Он оставил меня за дверью, а сам зашел к Грозному. Я ненавижу весь мир, когда вспоминаю, как папа заискивал перед этим скотом! Каким униженным голосом он объяснял, что дед для меня был дороже отца с матерью, что я очень переживала, что я не в себе, что вы уж как интеллигентный (!!!) человек, должны понять и простить несдержанного ребенка, что он очень извиняется за меня, что он понимает, что так нельзя, и дает слово, что больше ничего подобного не повторится... А потом он очень-очень благодарил. Я не поднимала глаз, чтобы никто не увидел их выражения, расписалась - мне позволили расписаться! Мы с папой вышли из комендатуры, и тут я разрыдалась - от ненависти, от бессилия, от злости, от безысходности, от унижения. Лучше бы мне умереть, ведь папу - ПАПУ - самого умного, доброго, справедливого на земле человека унизили - УНИЗИЛИ!

Как можно жить после такого?

Что делать?

Что можно сделать?

Эти вопросы не давали мне жить.

Дома я бурлила. Говорила, что я бы этот паспорт сожгла, вышвырнула, а коменданта убила...

Тут и родилась у нас идея - отправить паспорт в Кремль. Папа схватился за эту мысль. Это была еще одна возможность "постучаться наверх" и получить какие-то знаки оттуда, по которым можно было бы судить, каково наше положение на сегодня.

Я взяла свой паспорт, вложила в конверт, туда же заложила сочинение на тему "Советский паспорт", где был и серпастый, и молоткастый, и почему для всех получение паспорта - день счастливый, а для меня - каторжный? Почему мои подруги едут учиться в Москву, в Ленинград, а я не имею права поехать к маме в село? Прошу вас, возьмите этот ненавистный паспорт и дайте мне чистый, без отметок, так как я ни в чем ни перед кем не виновата.

Вот такого содержания я отправила письмо с уведомлением в Москву, Кремль Климу Ворошилову.

К папе в администраторскую театра ежедневно приходит масса ингушей. Папу считали умным человеком, глубоко любящим свою родину и свой народ. Знакомы меж собой, мне кажется, были все. Все новости стекались к папе. За советом шли к нему. Театр стал почти ингушским центром.

Папа был партийцем. Партбилет он получил последним в республике - 24 февраля 1944 года, когда народ уже выслали. Секретарь

Молотовского райкома партии города Грозного товарищ Суманов, вручая ему партбилет и пожимая руку, сказал: "Ну что ж, Идрис, поздравляю тебя. Теперь езжай. Оправдывай. Партия везде есть".

Вот он и оправдывал. Оберегал ингушей советом, знаниями, не давал сорваться горячим, предостерегал незнающих, растолковывал распоряжения и указания, всячески помогал нуждающимся в большом и малом.

Такой факт, что кто-то что-то написал - обязательно обсуждался сообща.

Ждали ответа и на мое письмо. Содержание его было известно всем. Всем оно было близко. Дети подрастали у многих, судьба их не могла не тревожить. Какой вернут мне паспорт? Чистый или прежний? Кто? Как? Что при этом скажут? О! Сколько пищи для догадок и домыслов!

День смерти Сталина.

Немного не дождался дедушка.

Помню, когда объявили диагноз, я кинулась листать медицинский справочник. Даже мне, начинающему медику, стало ясно - не выживет.

Помню страх, который пронизал всех, а что же будет, когда он умрет? Помню, как Марья Алексеевна, мать моей подруги, спокойно сказала: "А ничего не будет. Как жили, так и будем жить".

В день смерти Сталина стоял всеобщий плач. Я не плакала. С трудом выдерживала на лице печальное выражение.

В этот день папа с утра был в театре. Там проходил городской траурный митинг. Ирина с ним, я с братиком дома. И тут приходят к папе два его друга - Созырко Бакаев и Топчиев, баритон из папиного театра. У Топчиева огромный, набитый чем-то красивый портфель. Они сели ждать папу, а я как хозяйка озаботилась угостить гостей. Заняла у соседей денег, сбегала в магазин за печеньем и накрыла стол - чай, сахар, печенье. Я их поила чаем часа три. Они у меня литров десять чаю выпили. Периодически они со смехом выходили во двор, потом снова пили чай.

Наконец, в одиннадцать часов ночи пришли папа с Ириной. Топчиев открыл портфель и - чего только в нем не было! Я такой вкусноты в жизни не видела: икра, крабы, балык, колбаса, белые булки, коньяк, шампанское... Откуда только они взяли все это?

И стали пить за помин души нашего ОТЦА РОДНОГО, ГЕНЕРАЛИССИМУСА. За то, чтобы его за усы из Мавзолея вытащили.

Я не знаю, почему нас не расстреляли за ту ночь. Ведь мы жили в общежитии, где все слышно. Как случилось, что никто на нас не "стукнул"? А, может, сочувствовали? А, может, потихоньку тоже праздновали до утра?

После смерти Сталина время бесконечных надежд заострилось. Всех ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев залихорадило: что теперь будет? Как изменится наше положение? Кто что слышал?..

К концу марта исполнилось два месяца, как я послала письмо с паспортом Ворошилову, и я получила повестку явиться в НКВД Киргизской ССР.

Вечером накануне моей явки в НКВД папа проводил со мной тщательный инструктаж: что именно мне надо спросить, на чем заострить внимание, что особенно важно... Просил не забыть ни одного слова, из того, что мне скажут. Волновался он больше меня - став матерью, я поняла тогдашнее его беспокойство. Но кроме отцовской тревоги была и озабоченность другого порядка: от того, что мне там скажут, должна была быть выражена дальнейшая политика относительно всех депортированных народов.

В десять часов утра я зашла к папе на работу, и он заставил меня повторить все вопросы, на которые надлежало получить ответы. Он обнял меня: "Ну, иди, девочка. Обратно ко мне сюда бегом".

Вестибюль НКВД Киргизской ССР показался мне огромным. Ко мне подошел милиционер. Я протянула ему повестку. На миг мелькнула мысль: "А вдруг он меня отсюда не выпустит, и меня посадят, как дедушку", - но он указал, к какому окошку я должна подойти и получить по паспорту пропуск. Я говорю:

- Но у меня нет паспорта.

Милиционер не удивился, только повторил, чтобы я подошла к окошку за пропуском.

Я подхожу и мне просто-напросто вместе с пропуском отдают мой спецпоселенческий паспорт и просят подняться наверх.

В прохладном кабинете с большим открытым окном меня встретил представитель НКВД СССР тов. Проскуряков и беседовал со мной два часа. Это был очень приятный, обходительный, интеллигентный человек, отличный психолог. Он прекрасно понимал, что за мной с моими вопросами стоят взрослые люди со своей болью и надеждами. Он ответил на все вопросы, интересовался всем, что нас касалось. Я была девочкой максималисткой и не осторожничала, на прямые вопросы отвечала так, как чувствовала. Со всей искренностью и бесстрашием юности нападала, требовала справедливости и ответа. Услышала то, что хотела:

- да, так, как сейчас - неправильно

- все изменится и, может быть, быстрее, чем я думаю

- я должна верить, что у меня и моих сверстников, детей спецпоселенцев обязательно есть будушее

- хорошее будущее

Он сердечно простился со мной и на прощание сказал, что хотел бы сам в этом кабинете сообщить о том, что все изменилось.

Так смело и так открыто, как говорил он, в тех местах и в те годы никто никогда не разговаривал.

Это, конечно же, были очень важные новости. На крыльях летела я к папе. В фойе театра было полно людей. Наших. Они ждали меня. Глаза всех впились в мое лицо. Папа сказал: "Рассказывай. Мы все ждем тебя". Тишина полная. Монолит внимания, направленный на меня.

Я стала рассказывать дословно. Сначала сдержанно, потом не могла удержать радость, бьющую из меня. В каких-то местах они меня останавливали, радостно переглядывались, обсуждали, домысливали. Потом: "повтори!" Я повторяла. Раз, другой, третий. Бесконечно. Родные мои. Детские радостные лица. Любимые.

После смерти Сталина и первых обнадеживающих признаков стремление к освобождению стало искать выход. Опять, как в первые дни после выселения, стала собираться интеллигенция и сообща думать, как достучаться до тех, кто правит судьбами народа.

Ночами папа сидел за нашим единственным - днем обеденным, а ночью письменным - столом и "хитрил" письмо ТУДА. Нужно было достучаться до забронированных властью сердец, но при этом не обозлить их. Надо было объяснить, что положение невыносимо, и убедить, что эту "просто ошибку" хорошо бы исправить.

Пока он "хитрил" письмо, пришла к нам вторая бесконечная радость - РАЗОБЛАЧИЛИ БЕРИЯ. Берия, который непосредственно руководил нашим выселением, который хохотал вслед последнему эшелону, увозившему ни в чем неповинных людей с родины. Разоблачили Берия, которому дали орден Суворова за эту бесчеловечную акцию.

Теперь задача у папы облегчилась. В Москве не стало нашего главного врага. Но ведь он не был одинок. Там, в Москве остались его люди. Они тоже могут навредить нашему делу. Кому адресовать письмо? Решил адресовать Политбюро ЦК партии. Кто-нибудь из членов Политбюро да прочтет, может, посочувствует, да вспомнит о нас. Письмо начиналось так: "От имени сотен тысяч выселенных горцев Кавказа, в положении которых смерть является благом свободы, избавлением от унизительного существования, от имени наших детей - будущих членов коммунистического общества, во имя справедливости - исполните Ваш долг - прочтите это обращение, которое могло быть написано слезами и кровью. Ведь от Вас зависит судьба народов!"

Это обращение вызывало в моей памяти послевоенных нищих - безногих и безруких вчерашних бойцов Красной армии, которые просили милостыню своим несчастьем.

Дальше в письме говорилось, что оно должно помочь разоблачению Берия, но "мы направляем к вам этот материал не столько против уже разоблаченного Берия, сколько для того, чтобы в конце концов до вас дошла правда о нашей жизни". И далее шел обвинительный акт - отчаянный по обнаженности. Папа с трудом удерживался в рамках допустимого в то время. Совершенно без прикрас, мужественно суммировал он все мытарства нашего народа. И тут же делал шаг назад мол, конечно же, все это происходило и происходит потому, что "Вы просто обо всем не знали, от вас скрывали правду местные власти. Вас неправильно информировали и Берия и бериевские прихвостни". И тут же с надеждой - "но теперь, когда Берия нет, а Вы все узнали, Вы, конечно же, наверное все исправите...".

Сталин умер, но ничего вокруг не изменилось. Никто не знал, пришло ли оно - новое, справедливое время, что можно, а чего нельзя. Это письмо могло оказаться самоубийством. Но как было молчать? Беседа моя с Проскуряковым внушала надежду. А вдруг это возможность изменить наше положение! Может, тот самый момент!

Папа шел на все. Близкие товарищи, прочитавшие письмо, трезво рассудили: "Зачем всем нам подставлять шеи? Подписи - это указатель, кого сажать первым. Будет дело - никто не откажется ни от одного слова, написанного здесь, а так... И письмо подписали так: "Если нужны подписи, их даст любой ингуш".

Папа заказал машинистке двенадцать экземпляров, отдав за это всю свою зарплату, и с нарочным переправил письмо в Москву.

Мама в Москве встретила посылку. С сумкой, в которой лежали письма с одним адресом "Москва, Кремль. Президиум ЦК КПСС" и фамилия члена Президиума (каждому по письму), она ходила по разным почтовым отделениям и отправляла каждое заказным. Порой ей казалось, что за ней следят, что ее схватят и арестуют. Потом она призналась, что очень боялась. Вдруг эти письма задержат, и в Кремль они не попадут? Все труды напрасны? С отчаяния, потеряв сон, моя маленькая мамочка набралась храбрости и пошла прямо в канцелярию Кремля узнать, получены ли письма. Оттуда прямиком на Центральный телеграф давать папе телеграмму: "Все хорошо дети благополучно разъехались отдыхать". Такая вот конспирация. Через два года узналось, что за ней следили и в органах сохранились копии всех отосланных ею квитанций и шифрованной телеграммы тоже.

Сыграли ли это письма какую-то роль? Хочется думать, что сыграли. Эти письма взывали, молили о помощи, и если верить в то, что люди остаются людьми, на какой бы ступеньке государственной иерархии они ни находились, письма должны были пробить бронь равнодушия.

Время тогда менялось очень быстро и очень заметно. В 1954 году был снят запрет на поступление в вузы. В 1955 - нас освободили от звания "спецпоселенец" и обязанности ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре. Сняли постановление за подписью Молотова о 25-летней высылке в Сибирь за нарушение спецрежима. Но комендатуры оставались на своих местах, и выехать в соседний район мы все еще могли лишь с разрешения коменданта.

Но я поступила в мединститут во Фрунзе.

В 1955 году летом маму за хорошую работу в районе премировали поездкой на сельскохозяйственную выставку в Москву. Она решила взять меня с собой. Я уверена, что в комендатуре разрешение мне не дадут и рискую ехать, не сообщив коменданту об этом: высылка в Сибирь ведь мне не грозит.

Только побывавший в заключении понимает, что такое свобода. Свобода! И я еду в Москву. Величайший город в мире!

О, как я ждала встречи с Москвой! А увидела энергичный промышленный задымленный город. Он не показался мне удивительным. Почему-то представился родной Грозный, и в моем воображении он сравнялся с Москвой.

Но это было вначале. Я вступаю в метро, и у меня как-то сильно екает сердце: ведь это все не в воображении, не во сне - наяву. Я с мамой в Москве. В Москве! Мы выходим из метро на площади Маяковского. Огромное здание рядом и в перспективе шпиль еще большего. Потрясающая нереальная реальность! До всего могу дотронуться! Мои ноги ступают по плитам Москвы! У меня кружилась голова, состояние нереальности сменилось безразличием и разрядилось бурными слезами.

Все семь счастливых дней, что мы провели в Москве, меня не покидало чувство, что этого со мною - не может быть! Я живу, говорю, дышу, хожу - в МОСКВЕ! Мамочка моя - это прекрасная добрая фея - хозяйка сказочных дворцов и фонтанов на сельхозвыставке. Театры, храмы, площади...

Мы с мамой встаем чуть свет, чтобы успеть увидеть побольше. Музей подарков Сталину. На фоне разных удивительных вещей меня потрясают шахматы, изготовленные из тысяч кусочков разных пород деревьев. Рисовое зернышко из Китая, исписанное поздравлением. Шляпа из огромных перьев из Индии и фотокарточка французской актрисы с автографом. Дрезденская галерея. И Мавзолей. Мне подумалось, что Сталина в Мавзолей к Ленину класть не следовало бы. Ну выстроили бы ему новый, что ли. Но Сталин и Ленин рядом - это кощунство! Это предательство по отношению к Ленину.

XX съезд партии.

Сенсация.

Всеобщий кумир,

- который нагло и подло пробрался к власти еще при жизни Ленина,

- который скомпрометировал идею социализма,

- который сгноил в тюрьмах миллионы лучших людей страны,

- по милости которого в годы войны погибли десятки миллионов,

- который выгнал из родных домов целые народы и подверг их геноциду,

- который оскорблял другие народы, сделав их дома местом ссылки,

- которого панически боялись в нашей єтране и во всем мире, наконец, развенчан.

Кумир больше не существует.

Но неизмеримое горе его дел продолжает жить.

И вот его вынесли из Мавзолея и захоронили у Кремлевской стены. Я думаю - тогда и сегодня - что и там ему не место. Ему вообще на всей Земле не должно быть места. Ввести бы наш обычай: в место захоронения проклятого людьми каждый проходящий мимо бросает камень. Вырастает гора камней проклятия - памятник изгою.

В 1956 году с нас снимают все ограничения. Мы свободно можем передвигаться по всей стране, кроме Кавказа.

Упорно держатся слухи, что наша автономия будет организована либо в степях Казахстана с центром в городе Кокчетав, либо в Киргизии с центром в городе Ош, либо называются самые разные другие варианты. Мотивируется это тем, что люди обжились здесь, на высылке, и там, приезжие, новоселы на месте нашей родины. Снова всех переселять? Целесообразно ли?

Горцы паникуют. Если республику будут организовывать здесь, то уж очень нескоро мы увидим свой родной дом. Опять собирается интеллигенция, опять организуется поток писем во все адреса с просьбой, мольбой, требованием, доводами - "верните нас домой! Мы согласны на все трудности, мы ничего не требуем ни от кого, только верните домой, на Кавказ, о котором не забываем уже тринадцать лет ни на минуту". "Если вы хотите восстановить справедливость, восстановить нашу республику - восстановите ее там, где она была раньше, до выселения!" Балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы, калмыки - все просят одного.

В Москву шел бесконечный поток писем - от каждого персонально и коллективные. Москва откликнулась указанием провести повсеместно собрания, дабы выявить истинное желание народов, депортированных из родных мест. Желание было одно - ДОМОЙ.

В эти дни ингуши собирались чаще всего в доме Жени Зязиковой, одной из первых коммунисток Северного Кавказа, члена партии с 1920 года, вдовы первого секретаря Ингушского обкома партии Идриса Зязикова, уничтоженного Сталиным перед упразднением Ингушской автономии. Сюда сходились все новости, которые обсуждались старшими. Мы, молодежь, были на подхвате, готовые выполнить все распоряжения и поручения.

Было решено - надо ехать в Москву. Добиваться встречи с кем-нибудь из членов ЦК, высказать желание народа тем, от кого непосредственно зависит решение вопроса. Решили в подтверждение везти документ-письмо с подписями желающих вернуться на родину.

Письмо написано, размножено, роздано. Каждый узнал его содержание и подписался. Подписываясь, кто мог, давал деньги - на дорогу и житье в Москве посланцам народа. Было собрано пять тысяч подписей. Поехало четырнадцать человек из Киргизии, Казахстана - представители горской интеллигенции, духовенства, рабочих, колхозников.

В Москве они были приняты Микояном. Он внимательно выслушал все просьбы, желания и доводы. Пообещал доложить и передать письмо с подписями членам ЦК. Сказал, что ЦК уже послал на места переселений 200 коммунистов для оценки обстановки, определения ситуации, ознакомления с настроениями людей. С тем делегация вернулась. У Жени Зязиковой, затаив дыхание слушали во всех подробностях рассказ, как добивались и ждали приема, где и когда произошла встреча с Микояном, о чем говорили, кто что сказал, кто на что ответил, как сидели, как смотрели, что видели, как расстались с Микояном. Все было интересно.

Не обошлось и без смешного.

В заключение встречи Микоян распорядился показать делегации территорию Кремля, Оружейную палату. Их тут же подхватила женщина-экскурсовод. Она старалась преподнести им все достопримечательности Кремля, рассказать историю, показать и указать на какие-то детали из жизни русских царей. Наши делегаты шли за ней, воспитанно, не перебивая слушали, а мысли были о другом - всем не терпелось поделиться впечатлениями и соображениями от встречи. Казалось, экскурсии не будет конца. Наконец, один из стариков не выдерживает и спрашивает у папы по-ингушски: "Скоро она закончит? Скажи ей, чтобы нас отсюда выпустили". Папа ему со смехом по-ингушски: "Разве тебе не интересно знать, как жили цари?" Тот с досадой отвечает: "Э! Если бы мы были царями, то жили бы еще лучше. Говорить надо! Молиться надо!"

Освободившись, старики первым делом помолились за успех дела, благословили Аллаха за удачно прошедшую встречу.

Не знаю, откуда узналось, что кто-то по нашему делу прилетел из Москвы, был встречен на аэродроме и увезен на правительственную дачу.

Нам, троим из молодых, поручили срочно узнать, правда ли это. А если правда, постараться попасть на дачу и сразу же поговорить с приезжим от имени молодежи. Юсуп Мержоев берет такси, и мы - он, я и Рая Далакова- едем на дачу. Дальше ворот нас не пускают, но говорят, что завтра, в 10 часов утра, в ЦК партии нас примет товарищ Капустин. "Он приехал специально по вашему вопросу. Будет разговаривать с народом..."

На том же такси мчимся к Жене Зязиковой.

Разговаривать с народом?

Надо оповестить народ, что с ним будет разговаривать представитель ЦК из самой Москвы. Хочет нас слушать - хотим мы домой, на родину, или предпочитаем остаться тут.

Нам, девушкам, велели нести Капустину письмо от молодежи. Письмо надо написать - короткое, толковое, о том, что мы хотим на родину. Собрать как можно больше подписей молодежи. Но пока мы ездили на дачу, пока принимались решения, писалось письмо, наступил вечер. Где искать молодежь для подписей? В институтах уже никого нет. По домам - долго и сложно. Юсуп уехал по заданию старших организовывать гонцов, а нам с Раей надо найти подписи. Придумали!

Летний вечер. Перед кинотеатром "Ала-тоо" - культурным центром города каждый вечер массовое гуляние. Там всегда много молодежи. Мы с Раей идем туда и вылавливаем "по носам" и по "физиономиям" своих, кавказцев.

- Ты - ингуш, чеченец, карачаевец, балкарец?

- Да.

- Читай. Согласен? Подписывайся!

Подписей собрали немало - никто не отказывался подписываться, все готовы были идти куда угодно и в любой час требовать возвращения на родину.

Утром нас снарядили. Нас - три девушки. Одна из нас - сдержанность и логическое мышление. Вторая - эмоции. Третья - молчит, но красавица с толстенной косой до пят. Парни нас проводили до места, вручили свежесрезанные букеты цветов.

Капустин нас принял сразу. Мы представились ему, вручили письмо и напористо стали убеждать его вернуть нас домой, на Кавказ. Это мнение не только молодежи, но и всех наших людей.

- Да вы сами убедитесь, - сказали мы. - Сейчас они все придут сюда поговорить с вами.

- Как придут? Куда? Почему? Кто им сказал, что я буду с ними разговаривать?

- Мы же знали, что вы приехали по нашему вопросу. Вот вам сразу со всем народом можно говорить!

Он - и мы за ним - выглянул в окно. Зеленый, с яркими клумбами сквер напротив Дома правительства шевелится каракулевыми папахами. Со всех сторон к нему двигались, двигались папахи. Близился час дня. Нам показалось, что товарищ Капустин встревожился. Он сказал:

- Мне нельзя разговаривать с ними как на митинге, я приеду ко всем на места. Сделайте так, чтобы они разошлись.

Мы пообещали сделать все, что от нас зависит, вручили ему цветы, сказали, что дома, на Кавказе подарим ему букеты еще лучше и ушли.

Конечно же, первым делом мы передали его просьбу старшим. И так же, как только что папахи стекались в сквер, они мгновенно исчезли в близлежащих улицах.

Удивительная это у нас черта: самый анархичный и независимый нрав в повседневности и самый организованный - в необходимости.

После прошедших собраний люди не стали дожидаться официального разрешения. "Пусть наверху думают, как на месте выселения или на Кавказе организовать республику, это их дело. Мы люди маленькие, ничего не решаем, наше дело - ехать ДОМОЙ".

Продав за бесценок скот, дома, скарб, около двадцати тысяч ингушей и чеченцев ринулись на Кавказ.

Партия и правительство Советского Союза заканчивала большую работу по исправлению грубых нарушений ленинской национальной политики. Автономии карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев, калмыков, депортированных в Киргизию ,Казахстан,Сибирь, восстанавливались на их родине.

Это было непросто. Грузия, Осетия, Дагестан, Кабарда,РСФСР должны были освободить занятые после выселения земли этих народов, разместить и благоустроить возвращавшихся домой. Нужно было время, но народы, истосковавшиеся по родному дому, ждать не могли. Пришлось вводить пропуска на выезд. Билеты на Кавказское направление продавались только по пропускам. Вновь организовались спецэшелоны.

На железнодорожной станции Пишпек, с которой отправлялись поезда из Фрунзе на Кавказ, скопилось огромное количество народа. Старухи, дети, мужчины, женщины, тюки, мешки, чемоданы,.. Кто-то натягивает палатку. Глядя на него, другой с юмором мостит навес из пленки. Старуха, согнувшись в три погибели, накачивает примус. Смех, брюзжание, шутки, хохот. Все в хаосе. Настроение у всех приподнятое. То тут, то там, взрываются гармошки, выносятся в бешеном

ритме пляски, застенчиво поводят руками девушки. Обжигают вскинутые на мгновения взгляды сверкающих очей - взвинчивают, сжигают танцоров. "Ворстох! Ворстох! Радость! Радость! Домой!!!"

Домой тронулись первые эшелоны счастливейших в мире людей. Многие везли в чемоданах кости близких, завещавших похоронить их на родном фамильном кладбище. Ехали, предвкушая радость встречи с земляками. Однако не все ожидания сбылись.

Руководство Осетии было против возвращения ингушей на родную землю.

Когда первые ингушские семьи стали возвращаться на Кавказ - еще до официального решения, многие осетины, живущие в их домах, без слов освобождали их законным владельцам. Некоторые обжились, вложили свой труд и свои средства в бывшие владения ингушей. У них вернувшиеся ингуши выкупали свои дома. Все шло мирно, люди сами бы разобрались в своих житейских делах. Но правительство Осетии смотрело на это дело иначе.

Председатель Совета министров Северо - Осетинской АССР Б. Зангиев 31 октября 1956 года посылает указание председателю Коста - Хетагуровского (ингушское название - Назрань) райисполкома С.Хадарцеву: "...Совет Министров СОАССР предлагает категорически запретить учреждениям и частным лицам продавать или сдавать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, аннулировать документы купли и продажи".

Хадарцев знакомит с этим письмом членов исполкома, те - в свою очередь проводят работу на уровне сельсоветов. Ингуши приезжают ДОМОЙ, а дом-то занят. И новые хозяева освобождать его не собираются. Что делать? Кто что может. Народ горячий. Битый. Обиженный. Домой приехал после стольких переживаний. Просит по-хорошему: "Пока меня не было, вы жили, моим пользовались. На здоровье! Теперь верните. Здесь мои отец, мать, дед, прадед жили. Они строили. Уходите откуда пришли." А они не уходят. Указание власти - не уходи, ничего не отдавай, не продавай.

Нарастает обида: "Наконец, вернулись, землю видим, родной дом - вот он, видим, трогаем его, а войти не дают...Закипает возмущение, протест, злость. А кто не закипит, если после всех мытарств надо довольствоваться землянкой, вырытой в родном огороде. Из этой землянки смотреть, как в твоем родном доме распоряжается, живет другой, видеть порой даже вещи, запомнившиеся с детства, видеть, как памятниками с родовых кладбищ вымощены мостовые, построены ГЭС, выложена ванна на даче Берия, в которой он блудил в молоке с женщинами, построены свинарники. Старики повторяли - терпение,

терпение, вот вернутся все, организуется республика, тогда все изменится.

В конце 1956 года на станцию Беслан прибыл первый эшелон из Кустанайской области с ингушскими семьями. Люди ехали организованно, билеты взяты по пропускам. Но Первый секретарь обкома партии СОАССР Аккацев дает указание местным органам МВД оцепить станцию Беслан, не допустить разгрузки эшелона и отправить его обратно. Людям не дали даже выйти из вагонов, встретив их автоматами и штыками. Тем же эшелоном вернули в Казахстан.

Можно себе представить, что перечувствовали люди. Сколько недоумения, горечи, недоверия, злости, накапливалось в их душах! Аккацев объяснил свою акцию тем, что ему некуда девать своих людей, которыми заселены ингушские аулы.

После возвращения Кустанайского эшелона пропуска выдавать перестали. Люди уже не танцевали от радости перед предстоящим возвращением на родину, оказавшись в ноябре под открытым небом на месте отправки. Поползли горькие слухи: "Нас не пускают осетины. Из-за них все мучения. Конечно, у них везде свои люди. И там, наверху есть свои. У нас же никого нет, за нас некому заступиться..."

Папа ездил в Пишпек ежедневно, возвращался больным. Терялся в догадках - что происходит? Мучался, не зная, как помочь народу, что делать? Может, это местный произвол? А может, происки антисоветчиков? Людей, которые стараются подорвать в народе веру в справедливость, в новую политику партии? Знают ли об этом в Москве?

В один из таких ноябрьских дней пошел холодный проливной дождь, поднялся ветер. Женщины с детьми забились в маленькое здание вокзала. Мужчины спасали подплывающие вещи, хватали сорванные ветром клеенки. Папа забрался на телеграфный столб и начал фотографировать бедствие, решив послать эти снимки в Москву, в ЦК партии. Со столба его сняли работники госбезопасности, отвели в городское отделение, засветили при нем пленку, строго-настрого запретив фотографировать подобное впредь. Сказали, что обо всем происходящем проинформируют ЦК сами. Передали протокол задержания папы в его парторганизацию с рекомендацией разобраться и наказать. Там папе вынесли строгий выговор. Это был уже прогресс - всего только строгий выговор.

Дома мы, обсуждая происшедшее с папой, поражались тому, что приходило, уже пришло на смену сталинскому режиму. Папа говорил, как были правы его друзья - профессор Дашлако Мальсагов, инженер Ахмет Льянов, Женя Зязикова, Багаудин Зязиков, Джемалдин Яндиев и другие. В самые трудные для нашего народа дни, в годы самого большого отчаяния они верили и повторяли: "Это ошибки, партия

исправит их, непременно исправит..." И теперь папа повторял, что происходит что-то не то, надо перетерпеть, все изменится.

После того, как выезд на Кавказ отменили, люди еще с неделю жили на вокзале. Потом стали брать билеты на другие направления и отдельными семьями кружным путем все-таки уезжать ДОМОЙ. Менее решительные вернулись к друзьям и родственникам и стали ждать решения своей судьбы.

Большая Советская энциклопедия. Чечено-Ингушская автономная Советская Социалистическая республика в составе РСФСР. Исторический очерк: территория Чечено-Ингушетии была заселена еще в эпоху палеолита... От эпохи бронзы - (2тыс. до н.э.) сохранились в основном погребальные памятники в горной и равнинной зонах... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года национальная автономия Чеченского и Ингушского народов была восстановлена".

Из стенографического отчета заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия) от 11 февраля 1957 года: "Центральный комитет КПСС и правительство СССР, руководствуясь решениями XX съезда КПСС, в которых с особой силой подчеркивается, что равноправие и дружба народов составляют незыблемую основу могущества и непобедимой силы советского строя, осуществили меры по реабилитации выселенных народов и исправлению допущенной в отношении их несправедливости. Президиум Верховного Совета СССР, рассматривая вопрос о положении балкарского, чеченского, ингушского и карачаевского народов, принял во внимание их законные пожелания и просьбы и решил полностью исправить допущенную в отношении этих народов несправедливость".

Итак, мы равноправные члены многонационального братства нашей Советской Родины. Отныне все, что для всех, - то и для нас. Это не желание, не мечта - это реальность, закрепленная в Конституции СССР.

Во вновь организованной Чечено- Ингушской АССР вновь организованное руководство. Начинаем жить по нормам равноправия и тут же сталкиваемся с плодами выселения.

Пришло время расплачиваться за вынужденную "мораль выживания" - "для того, чтобы выжить - ничего не стыдно. Можно врать, изворачиваться, воровать, хитрить". То, что прощалось, когда грозила гибель и помогло нам выжить в годы испытаний, стало трансформироваться в чудовищную формулу: "чтобы ХОРОШО ЖИТЬ, ничего не стыдно - можно врать, изворачиваться, торговать совестью".

У ингушей есть поговорка: "когда стадо поворачивает, хромые оказываются впереди".

Пока люди в Казахстане и в Киргизии, а вернувшиеся в землянках у своих домов ждали, когда решится их вопрос, и им (теперь уже скоро, вот-вот) вернут их дома и земли, первый секретарь СОАССР легко и быстро сговорился с новым руководством ЧИАССР председателем Президиума Верховного Совета ЧИАССР Алмазовым, первым секретарем Чечено-Ингушского обкома партии Яковлевым и председателем Совета министров республики Гайрбековым. Они сторговали без ведома народа плоскостную Ингушетию - сорок населенных пунктов, древнейших поселений ингушей, отданных Осетии, когда нас выслали. Поселения, где до исхода жила половина всех ингушей. Откуда ингуши начали свое происхождение - от аула Ангушт пошло и само название "ингуш". Та часть Ингушетии, где наш народ вместе с Россией вершил революцию, чем он непомерно, но законно гордится. Села Базоркино, Шолхи, Ангушт, Ахки-Юрт, Длинная Долина, Гадаборщево, Яндиево, Чернореченское, Камбилеевка, Джерахой-Юрт, Галгай-Юрт, Таузен-Юрт, Балта, Нижний Ларс, Верхний Ларс, Чми, Эзми, Редант, Планы, поселок Базоркинский консервный завод, хутора - Баркинхоев, Цороев, Алиев, Ахушков, Чермоев, Хадзиев, Терпугов, Цыздоев, Шадиев, Гетагазов, Патиев-первый, Патиев-второй, Барта-Бос, Ярыч, Винзаводской, Томов, Мамилов, Мельхальский, Льянов, - Алмазов, Яковлев и Гайрбеков почему-то подарили Северной Осетии.

Этот постыдный акт, исторический произвол кучки руководителей обыграли как дружбу народов, в котором фактически один народ обобрал уже обобранного. Все это представили так, будто не вернувшиеся из ссылки ингуши по-дружески подарили соседям осетинам свои кровные, родовые дома и земли потому, что эти земли находятся рядом с границами Осетии и "тяготеют" к городу Орджоникидзе.

Так была проделана и узаконена неприкрытая, с дальним прицелом политическая диверсия, направленная на то, чтобы навсегда рассорить два народа, века прожившие в согласии.

Люди в Казахстане и в Киргизии, узнав об этом, ахнули. Одни решились подождать, когда разбирутся и аннулируют акт о "дарении", чтобы им было куда возвращаться. А что разбирутся - в этом сомнений нет. Другие поехали домой. ДОМОЙ. Решили - будь, что будет. Осетины - ведь люди, не звери, поймут, войдут в положение. Время покажет...

В моей жизни 1957 год - переломный. Спецпереселенцы едут домой. Наша семья тоже на старте. Что делать со мной? В Грозном, куда рвется папа, мединститута нет. Во Фрунзе меня, девчонку, оставлять одну, когда все уезжают, невозможно. Я тоже должна ехать. Куда? А в Москву! Ура! Я еду доучиваться в Московский мединститут.

Заканчиваю во Фрунзе третий курс, для меня прощальный. Мои друзья студенты знают, что я уезжаю. Расстаемся тепло, понимая перед разлукой, как мы дороги друг другу. Меня провожают, и до меня вдруг доходит, что я навсегда прощаюсь с этими совершенно родными мне людьми. Мне не хочется в Москву. Мне никуда не хочется - мне не хочется расставаться с этой вот зеленой аллеей, подступающей к самому вокзалу, с бульваром, вообще с Фрунзе, таким красивым, зеленым, солнечным, который, как оказывается я очень люблю, в котором живут добрые, бесхитростные люди. Я мысленно пробегаю по всем его аллеям, вижу оперный - папин - театр, залитый огнями, вижу себя то в партере, то в ложе в ожидании чуда. И это чудо благодаря папе каждый вечер, стоит только захотеть. Вижу высокие мраморные колонны в большом зале, ярко сверкающую люстру, блестящий, как лед, паркет и танцующих. Мы с папой несемся в танце по залу. Он легкий, большой, надежный. Его сильная рука в вальсе отрывает меня от пола, и я лечу, лечу... Наши институтские балы на Новый год, 1 Мая и 7 ноября проходили в театре... Запомнились на всю жизнь. Родной мой, любимый, добрый город моей юности Фрунзе. Я вернулась в него через год - хоронить маму, которую положила рядом с дедушкой, ее отцом. Там, во Фрунзе осталось самое дорогое, что бывает у человека - детство, юность, мама...

В январе 1957 года после зимней сессии я поехала ДОМОЙ, в Грозный, к папе. Первый раз после выселения. Я смеюсь в кругу друзей, шучу, острю, а душа трепещет. Мы едем уже по Кавказу. В окно я увидела первые факелы. Незаметно вышла в тамбур, открыла вагонную дверь. Ворвался морозный воздух. Он был с примесью нефти. Только подъезжая к Грозному, можно почувствовать этот запах. Вспомнила, как мама во Фрунзе в первые годы ходила на вокзал почувствовать "запах Грозного": там стояли цистерны с нефтью. Потом, стесняясь, говорила "домом пахнет" и глотала слезы.

Кто-то вышел в тамбур. Кто-то из наших, за мной.

- Ты что дверь открыла?

- Дышу.

- А почему плачешь?

- Я не плачу, это снег залетел...

Грозненский вокзал. Высокий сильный папа подхватывает меня с подножки вагона на руки. Вот я и вернулась домой.

С тех пор прошло тридцать лет. Люди, оставшиеся в Казахстане в 1957 году, потому что им некуда было возвращаться, пожелавшие подождать справедливости в решении их вопроса с их домами и землями, все еще ждут. Их десятки тысяч.

Вернувшиеся ингуши тридцать лет пытаются доказать абсурдность "подарка" - они утверждают, что никогда не хотели дарить "тяготею-

щей" к ним Осетии родные очаги и могилы предков. Но пока безуспешно. Древние поселения ингушей переименованы на осетинский лад. Непробиваемая стена безразличия окружает ингушей. Геноцид против них, начатый Сталиным и Берия в феврале 1944 года, продолжается. После возвращения ингушей в 1957 году начался второй этап этого геноцида - более жестокий и бесчеловечный и ничем не оправданный. Но это уже другая история. Горькая. Горестная.

* * *

В 1972 году Ахмет Газдиев, Султан Плиев, Джабраил Картоев, Идрис Базоркин - старые коммунисты, Ахмет Куштов написали письмо "О судьбе ингушского народа" и лично отвезли его в ЦК КПСС.

Пятнадцать лет ожидания и терпения иссякли. Народ требовал действий, справедливости. В письме излагалась история - трагическая история ингушского народа с того момента в 1934 году, когда Сталин росчерком пера лишил их автономии и присоединил к Чечне, когда отнял у ингушей их единственный город Бурув-Орджоникидзе и отдал его Северной Осетии, когда вернувшихся из насильственной депортации "реабилитированных" ингушей последыши Сталина лишили родины, "подарив" ее Северной Осетии, о мытарствах ингушей, рискнувших вернуться на земли отцов, об издевательствах над ними местных осетинских властей, о безнаказанности и вседозволенности националистов Осетии, о продолжающемся геноциде.

Под этим письмом подписались тысячи отчаявшихся ингушей. Тысячи частных писем полетело в Кремль. Доведенные до отчаяния ингуши хлынули за справедливостью в Москву.

Перепуганное Чечено-Ингушское руководство посылает вослед народу секретаря обкома партии Х.Х.Бокова. Курский вокзал был заполнен ингушами. Боков пообещал собравшимся здесь, что представители власти из Москвы приедут к ним в Чечено-Ингушетию обсудить проблемы, и убедил вернуться по домам.

Народ поверил и вернулся. В январе 1973 года, в одну из пятниц на базаре в г.Назрань и в других селах было объявлено, что 16 числа на площади Ленина в Грозном должны собраться ингуши. Приезжает Суслов вручать орден республике и заодно обсудить назревшие проблемы.

Январь 1973 года был на редкость для этих краев морозным. С ночи на 16 января на площади перед домом правительства собираются старики, мужчины, женщины, молодежь. Со всех сторон стекаются люди, желающие справедливого решения своей национальной судьбы. Правительство республики дает указание перекрыть все дороги, в том числе и железную. И тогда на пути не останавливающихся поездов ложатся женщины и старики. Поезда останавливаются, люди добира-

ются до Грозного, чтобы встретиться с представителем центральной власти.

Это был очередной обман. Из Москвы никто не приехал. Из правительства ЧИАССР ни у кого не было желания говорить с народом. С самодельной трибуны на площади Ленина 16, 17 и 18 января день и ночь льется обида обездоленных обманутых людей. Горят костры, около них греются и не уходят старики и молодежь. Не смолкает боль, проклинают обманщиков, предателей...

Братья чеченцы приносят фляги с горячей едой, согревают словом и участием, прикрывают от холода физического и морального.

На исходе третьих суток с трибуны звучит объявление, что из Москвы выезжает комиссия, что надо разойтись по домам и ждать ее. И опять поверил народ. К площади были поданы автобусы, такси, стариков с почетом развезли по домам. Сомневающуюся молодежь, не желавшую расходиться без достоверных сведений, избивая резиновыми дубинками и поливая из брандспойтов ледяной водой, загнали в автобусы, вывезли за город, где выпустили, мокрых, в двадцатиградусный мороз в чистом поле. Там и оставили.

Трое суток люди только просили, взывали к совести, к справедливости, не допустили ни одного экстремистского поступка.

Началась "оценка" этого события - в прессе, на собраниях, по радио, на телевидении...

Народ расслоили, разбили на отдельные группы. Запугивали всех по-разному. Одни испугались и начали травить и преследовать своих братьев, обзывая их публично сбродом, сборищем, махровыми националистами, выискивать и придумывать разнообразный компромат на несговорчивых.

За столом, на балконе у Евлоева Умара и его жены Раечки сидим мы - старые друзья и единомышленники еще по выселению. Обсуждаем происходящее. С нами наш общий друг юности. Я знаю, что ему обещано взамен его подписи под очередным пасквилем. Ему и еще группе моих друзей. Больше всего я хочу, чтобы они устояли перед подлостью, чтобы не поддались, не продались. Я не могу выдать, что все знаю, что догадываюсь о его колебаниях, я говорю о другом, всячески стараясь укрепить позиции порядочности. Напрасно.

Через несколько дней выходит в "Грозненском рабочем" статья "Честно служить своему народу", подписанная моими друзьями. В ней говорится, что ингушский народ не реабилитирован (будто и не было XX съезда партии!), а помилован (В чем же вина его? Кто его судил? Когда?), что ингуши должны быть благодарны партии и правительству за то, что нас вернули (Куда?) и т.д. и т.п. Осуждают махровых националистов - Идриса Базоркина, Султана Плиева, Ахмета Газдиева,

Джабраила Картоева, Ахмета Куштова. Тех, кто отвез письмо в ЦК КПСС.

Папу обвешивают выдуманными грехами, начиная от далеких предков, позорят, одновременно уговаривая выступить с осуждением народа и его неправильного "поведения", угрожают: не выступишь - изничтожим. Всех честных людей преследуют, увольняют с работы, исключают из институтов, из партии, шельмуют в печати, по радио и телевидению, идет организованная травля порядочности.

Народ обнаруживает и выбрасывает на поверхность всю нечисть, выявляет совершенно новые крупные личности, достойные большого уважения. Несмотря на разочарования, возрастает надежда - народ жив, в нем много здоровых сил, он не погибнет, он возродится.

Не затихли страсти 1973 года. Ничто не изменилось в лучшую сторону. По-прежнему ингушей не прописывают на родных землях, ингушских детей в осетинских селах переводят в школы для дефективных детей, обрекая обучаться по программе дебилов. Переписывается ингушская история, в которой "доказывается", что они никогда не жили там, где жили извека. Ингушская культура никак не развивается. Все не раскрытые преступления навешиваются на ингушей. Вот садистски уничтожается семья Каллаговых - вырезали всех вместе с детьми. Сразу находят убийц, но руководство приказывает отпустить их и найти ингушей. "Находят". Под пытками - одному отбили печень, второму выбили глаз, третьего забили насмерть - создают дело. Обвиняют ингушей. Только десять лет спустя обнаруживается правда - ингуши невиновны. Но обвиняли громко, обвинения снимали тихо.

В 1981 году осетинские националисты решаются на крупную провокацию. Двадцатипятилетняя безнаказанность обещает успех дела. Два года они готовили эту акцию. Готовы транспаранты, лозунги, портреты всех "нераскрытых" убитых. Подготовлены оружие и орудия. Бутылки с зажигательной смесью, железные дубинки-штыри, люди, которым дано задание - бить, переворачивать и поджигать машины с ингушскими номерами, резать, избивать, но не насмерть ингушей. Все остальное - дело руководства. Все должно начинаться по сигналу. Сигналом должно стать любое убийство, желательно к ноябрьским праздникам.

Убитым оказался таксист. Повод - неподеленные наркотики. Это убийство и послужило сигналом. Убитого тотчас же понесли в центр города. Там устроили митинг и демонстрацию с требованием выслать, уничтожить терроризирующих осетинское население ингушей. Осетинская женщина - врач первого роддома - призывала всех врачей города уничтожать больных ингушей. Сама она обещала убивать ингушских новорожденных.

Демонстранты разбили памятник Серго Орджоникидзе, выбили окна в обкоме партии, в военном училище. Первый секретарь обкома партии Северной Осетии Кабалоев, внимая воплям с площади, по прямому проводу звонил в Кремль: "Спасите нас! Нас режут, убивают ингуши!" И удалось бы подлое дело, спровоцировали бы ингушей на резню потому, что кто же будет смиряться с тем, что тебя бьют, пыряют ножами, оскорбляют, обливают твою машину бензином и поджигают. Кто способен не дать сдачи, не защитить себя, своего ребенка, свою жену, сестру, мать? Но, к счастью ингушей, первым секретарем обкома Чечено-Ингушетии был Власов Александр Владимирович. Бывший чекист, он мгновенно раскусил замысел осетинских националистов. Уже имея авторитет среди народа, он кинулся к старикам - "Не дайте молодежи поддаться на провокацию и ввязаться в авантюру! Сдержите! Спасение ингушей сегодня в их выдержке. Мы должны сдержать наш народ!"

Неимоверных усилий стоило старикам выполнить совет Власова. Они смешались с молодежью и готовые к бою и смерти вместе со своими детьми встали в оборону.

Провокаторы с воплями неслись в Назрань - "Ингуши, мужчины, что вы сидите здесь, наших женщин, детей в городе Орджоникидзе уже убивают, а вы не идете к ним на помощь!" Но вместе с народом, рядом со стариками среди молодежи находился А. В. Власов. На своей "Волге" с ингушским номером, он, рискуя оказаться подожженным распаленной осетинской толпой, рванул прямо в ее гущу на площадь перед обкомом партии СОАССР, убедился, что ингушей там нет и нагнетание страстей одностороннее, вернулся к своим помощникам старикам и снова призвал наш народ к терпению.

Прибыли войска спецназначения.

И случилось то, что неизбежно должно было случиться - настоящие стычки, убитые и раненые. И пришло горе в дома осетин, и раздался плач осетинских матерей. Но не случилось межнациональной стычки - драки между осетинами и ингушами, которую и разжигали подлые люди, не желающие знать, что у материнского горя нет национальности.

Стихли страсти, неучастие ингушей было установлено, но для них все осталось по-прежнему. И несмотря на опыт - в 1982 году был издан новый акт несправедливости по отношению к ингушам - Постановление Совета Министров РСФСР: в целях предотвращения межнациональных конфликтов на территории Пригородного района Северной Осетии ингушей не прописывать. Иначе говоря, не допустить ингушей селиться в собственных селах.

Время идет. Началась перестройка. И вновь засуетились осетинские лидеры. Придумали. Начали путать исторически сложившиеся

границы, перестраивать районы. В черту города Орджоникидзе включаются ингушские села, расположенные за тридцать километров от города. В бывший чисто ингушский Пригородный район включаются осетинские села. Дано задание и осетинским ученым - те срочно изготавливают "доказательства" того, что ингушей здесь никогда не было. Все это тут же публикуется в периодике, на радио и телевидении, издается в книгах, произносится на всех собраниях в разнообразных коллективах - обрабатывается и вырабатывается общественное мнение, направленное против ингушей.

Поднимается вопрос о переименовании города Орджоникидзе в город Дзауджикау, не стесняясь того, что он уже точно так же переименовывался по указанию Берия в День выселения ингушей 23 февраля 1944 года.

Терпение ингушей на грани. Чем жить в такой безысходности, несправедливости, лучше умереть. Умереть за родную землю, за родные очаги, отомстить за попранное достоинство. Мужчины, а с ними и женщины готовы умереть, защищая себя и честь предков. Но старики опять - потерпите! Кончается время двух правд - сказанной и несказанной. Наступает время, когда ложь, фальшь, лицемерие, фарисейство отступают перед простой человеческой правдой. Давайте просить. Теперь услышат, исправят. Так говорят старики.

Собираются подписи под требованием ликвидировать сталинский произвол, более 55 лет довлеющий над ингушами. Вернуть ингушам их самостоятельность, автономию с центром в Бурув-Орджоникидзе, как было до присоединения к Чечне в 1934 году.

Едут ингушские делегации в Москву за правдой и справедливостью. Отвозят одиннадцать толстых томов, переплетенных в зеленые коленкоровые обложки - шестьдесят тысяч подписей. Каждый взрослый ингуш. Подпись народа, глас народа, требующий, взывающий.

Повсюду рассказывают ингуши о своей национальной трагедии. Как кончается народ, как исчезает самобытность, история, культура, язык. Как за эти 55 лет, что упразднили ингушскую автономию, мы потеряли почти все. В 1934 году в начале советской власти у ингушей было десять заводов и фабрик, десять высших и средних специальных учебных заведений, готовились национальные научные и технические кадры, был свой театр, краеведческий музей, научно-исследовательский институт, свои школы - шла бурная культурная жизнь. Ингушская театральная труппа на смотре искусств Кавказа заняла первое место. Был свой ансамбль... Сегодня ничего нет.

Идет 1-й съезд народных депутатов СССР. Необычайный съезд, возрождающий наши надежды. Он дал прорваться боли народной, сдерживаемой долголетним страхом.

Почти 80-летний Идрис Базоркин летит в Москву. До 4-х часов утра молодое мужественное поколение ингушей обсуждает со своим старшим вопросы, которые должны завтра прозвучать на съезде. Обсуждается каждое слово депутатского запроса, которое завтра после речи наших депутатов ляжет на стол президиума.

Утром мы благословляем нашего депутата Хамзата Фаргиева, учителя из Малгобека.

Приникли к телевизору. На трибуну уверенным шагом идет наш Хамзат. Впервые за 55 лет с трибуны на весь мир звучит крик о помощи нашего многострадального народа - весть о национальной трагедии, о необходимости наконец решить ингушскую проблему, ликвидировать последствия сталинского произвола в правовом государстве. Он передает депутатский наказ в руки Горбачева.

Зал молчит. Ни одного аплодисмента. На экране настороженные лица депутатов - люди впервые слышат о подобной несправедливости. Эта проблема репрессированных народов прозвучала впервые. Ее еще боятся, не знают, как реагировать.

У всех у нас, сидящих у телевизора слезы на глазах. Наконец, мы заявили о себе громко. Может, услышат! Теперь не может оставаться по-прежнему. Что-то ведь должно измениться.

Начались телефонные звонки. Полетели в адрес съезда тысячи писем от ингушей из Казахстана и с Кавказа с благодарностью, что сказали об их беде, с просьбами помочь...

Через два дня на трибуну съезда поднимается большой красивый седой ингуш. На трудном для него русском языке механизатор от земли народный депутат ингушей Мусса Дарсигов вновь взволнованно просит съезд решить ингушскую проблему и тоже отдает свой депутатский наказ Горбачеву.

Нашего Муссу Дарсигова выбирают в Палату национальностей и там при обсуждении вопроса о трагедии репрессированного народа он вновь выступает. В зале плачут депутаты, у телевизоров плачут ингуши. И опять встречи на всех уровнях. Дарсигов говорит с Горбачевым.

Проходит Второй съезд ингушского народа в Грозном. Тысячи людей перед Дворцом культуры слушают выступления, транслируемые из зала съезда. Двое суток говорят люди о своей полувековой беде. Резолюция съезда - ликвидировать 55-летний произвол Сталина, восстановить Ингушскую автономию с центром в городе Орджоникидзе. Резолюцию съезда отвозят в Москву и вручают Горбачеву Мусса Дарсигов и Исса Кодзоев. Горбачев и Лукьянов обещают рассмотреть вопрос о нашей автономии, только просят еще немного потерпеть.

Потерпеть просит Власов, наш Власов - председатель Совета Министров РСФСР в беседе с ингушскими женщинами, обеспокоенными продолжающимися провокациями осетинских националистов.

Все обещают помочь и просят потерпеть. А тем временем в "Правде" выходит подлейшая статья Грачева и Халина под названием "Кунаки всегда поладят". В ней говорится, что ингуши притязают на осетинские земли, тем более, что неизвестно еще, жили ли ингуши в бывшей Ингушетии.

Старики повторяют: терпите, разберутся.

В городе Назрани собирается стотысячный митинг ингушей, которые восемь суток стоят под проливным дождем и под обжигающим солнцем. Выступают, возмущаются, требуют. Справедливости требуют, внимания к народу. Старики время от времени просят не поддаваться на провокации, успокаивают, призывают потерпеть еще немного, совсем немного. А в основном молятся. Что нам еще остается, как не взывать к Аллаху.

Надежда на эту, уже новую, перестроечную власть уменьшается с каждым днем.

Только Аллах и молитва помогут нам.

Старики и дети в одном кругу в отсветах костров делают "зикр". Напролет всю ночь. Восемь ночей.

Мулла с трибуны читает молитву. Всем народом подхваченная, она летит к единственному, на кого еще жива надежда - к Аллаху.

Нашу боль наблюдают и слушают горы Ингушетии. Ближние - молодые - нетерпеливо кудрявятся зелеными деревьями. Они вместе с ветром возмущаются несправедливостью, гонениями, подлостью. Они готовы сорваться во все сметающем урагане.

Дальние горы молча, с достоинством стоят, фиолетовыми лесами слушая творимую людьми молитву. Они накапливают в глубине своей ярость, невидимую глазам.

И только наши седые старики, возвышающиеся над всеми нами, низко надвинув на глаза папахи, позволяют себе сверкнуть снисходительно мудрым взглядом, все повидавших на своем веку провидцев.

Терпение.

Доколе?

Горы Джайраха, март 1990

АННЕКСИЯ: КАК ЭТО БЫЛО

Свидетельствует Дзияутдин Мальсагов

24 ноября 1956 года Президиум ЦК КПСС принял постановление о восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов. В декабре из Казахстана и Киргизии в Москву была вызвана большая группа представителей нашей интеллигенции. В этой группе был и я. После многочисленных бесед и проверок в ЦК отобрали несколько человек для формирования Оргкомитета. На период восстановления республики тот Оргкомитет должен был взять на себя функции правительства и Верховного Совета. Председателем Оргкомитета стал М.Г.Гайрбеков, его заместителем назначили меня. С тем, чтобы в будущем выдвинуть на должность Председателя Верховного Совета республики, в Оргкомитет был включен Тангиев Абдул-Хамид.

В конце декабря 1956 года состоялось первое заседание Государственной комиссии по восстановлению ЧИАССР. Председателем комиссии был Анастас Иванович Микоян, членами - Маленков, Ворошилов, Сабуров, Первухин и другие.

Как-то Гайрбекова, Тангиева и меня неожиданно пригласили в Кремль к Микояну. Там шло заседание Государственной комиссии.

Микоян объявил, что мы приглашены для обсуждения границ будущей республики. С планом определения границ выступил завотделом ЦК Чураев. По этому плану с востока пять чеченских районов - Ножай-Юртовский, Веденский, Саясановский, Чеберлоевский и Шароевский должны были отойти к Дагестану, Горная зона республики - Итум-Калинский, Галанчожский, Галашкинский районы передавались Грузии, Пригородный район - Северной Осетии.

Мы с Тангиевым резко выступили против подобного определения границ республики. Мы объяснили, что Пригородный район - это сердце Ингушетии, что в этом районе находится селение Ангушт, от которого произошло само название ингушей. Если один район (Галашкинский) - отдать Грузии, другой (составляющий 40 процентов ингушской территории) - Осетии, где же будут жить ингуши?..

После Пригородного района мы перешли к восточным и южным границам.

- Как вы собираетесь восстанавливать республику, Анастас Иванович, - говорю я Микояну, - отдав пять районов Дагестану, три Грузии и один Осетии?

- Мы планируем оставить в составе республики два района от Грозненской области, - отвечает он.

- Это положения не исправит, Анастас Иванович. Люди будут против, вы же, по существу, лишаете нас родины. Так не получится никакой республики.

Тангиев Абдул-Хамид выступил очень резко и поддержал меня.

После нас выступил первый секретарь Дагестанского обкома партии и сказал, что от пяти районов Чечено-Ингушетии он отказывается, и людей своих оттуда переселит в Дагестан. Потом встал секретарь компартии Грузии и сказал: "От горных районов Чечни и Ингушетии мы тоже отказываемся". Тогда вскочил со своего места Агкацев (первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии) и заявил, что Пригородный район он просит оставить в Осетии для того, чтобы создать там очаг дружбы между ингушами и осетинами. Осетия примет всех выселенных оттуда ингушей, поселит их в районе и в городе Орджоникидзе.

Почувствовалось, что Микоян и другие готовы удовлетворить эту просьбу. Мы поняли - район отдают. Я думаю, была предварительная договоренность.

После заседания я и Тангиев поехали к жившему в Москве профессору Дешериеву. Там мы до утра готовили записку в Президиум ЦК. Утром с этим документом пришли в гостиницу, собрали нашу делегацию и, ознакомив с ситуацией, попросили подписать его. М.Г.Гайрбеков и все без исключения члены делегации подписали этот документ. Это был протест против передачи Пригородного района Северной Осетии. С ним Тангиев и я пошли в ЦК. Один экземпляр мы отдали помошнику Хрущева Шуйскому и попросили организовать нам встречу с Никитой Сергеевичем.

Позже мы узнали, что наша записка дошла до Хрущева, и он по этому вопросу заслушивал Микояна и других членов комиссии. Но они убедили его решить спор в пользу Осетии. Так было совершено преступление против ингушей, - Пригородный район был подарен Осетии.

В январе 1957 года Оргкомитет начал свою работу в Грозном, а примерно с мая начали прибывать домой эшелоны с переселенцами. Как-то ко мне из Назрани приехал мой однофамилец Мальсагов Туган и сообщил, что где-то в районе Беслана на разъезде выгрузили целый эшелон с переселенцами, которые ехали в Армхи. В чем дело и почему их не пропускают через Орджоникидзе - неизвестно.

Я переговорил с Гайрбековым и выехал на место. На разъезде толпились растерянные ингуши. Я поехал к начальнику местного

отделения железной дороги. "Почему не пропускаете людей?" - спрашиваю. А тот отвечает, что он выполняет указание обкома партии. Мы с Туганом Мальсаговым поехали в обком, к Агкацеву. Нас пытались задержать, но мы без разрешения прошли в его кабинет. Там сидели председатель Совмина Осетии и кто-то еще.

- Кто вас пустил? - возмутился Агкацев. - Я занят, подождите в приемной.

- Не знаю, чем вы заняты, но околачиваться в вашей приемной мы не намерены! Вы меня должны помнить: на заседании Государственной комиссии мы с вами встречались. Я и выступление ваше помню. Вы ведь заявляли, что собираетесь создать в районе очаг дружбы между ингушами и осетинами! Почему же вы распорядились выбросить людей под Бесланом, запретили ингушам проезжать через Орджоникидзе?!

После попытки отрицать очевидное Агкацев отдал приказ организовать отправку людей в Армхи.

- Мы не уедем, пока эти люди не будут устроены, - сказали мы. - И впредь имейте в виду, что ингушей, выселенных из Пригородного района и Орджоникидзе, вы обязаны расселить здесь же.

- Конечно, - отвечает Агкацев, - но это нужно делать планово, в четыре года.

- Нет, - говорю, - не в четыре, а в два года. Вы обязаны поселить и трудоустроить всех ингушей, которые будут приезжать сюда...

Ходят разговоры, что о передаче Пригородного района было решение Оргкомитета. Это не так. Оргкомитет никогда не обсуждал этот вопрос. Это решалось в Москве, даже на заседание Государственной комиссии были приглашены не все члены Оргкомитета, а только я, Тангиев и Гайрбеков. Я готов присягнуть, что ни один чеченец и ни один ингуш своего согласия на передачу Пригородного района Северной Осетии не давал. Более того, все подписались под протестом по этому поводу. И позже мы неоднократно поднимали этот вопрос на различных уровнях. В Москве в Партархиве должна быть стенограмма заседания Государственной комиссии, о котором я рассказал. Там же должен храниться направленный в ЦК протест нашей делегации. Можно найти там и другие документы о том же. Все последующие годы мы стояли на своем - за это многих наказали. Меня обвинили в национализме и в попытке поссорить братские осетинский и ингушский народы...

"Сердало". 14 янв. 1992 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

...Владикавказ был основан на правом берегу Терека на месте трех ингушских аулов, из которых наиболее крупным был аул Заур. Осетины же жили на левом берегу. В конце XVIII века русские военные власти для увеличения гарнизона Владикавказа привлекли туда осетин, живших в горах. В начале XIX века была восстановлена крепость у входа в Дарьяльское ущелье, и осетины возвратились на свои старые места. Позднее их выселили, и они обосновались неподалеку от Владикавказа в Ольгинской. В период советской власти Владикавказ стал центром Горской республики. В конце 1928 года Сталин предложил присоединить Ингушскую область к Осетии, но ингушам удалось доказать нецелесообразность этого. В 1932 г. город был передан Осетии. Половина ингушей проживала в селении Ангушт в 8 км от города.

...Возвратившиеся из депортации ингуши выразили готовность откупить принадлежавшие им до их выселения дома у новых владельцев. После выселения чеченцев и ингушей их дома, кроме находившихся в горных аулах, которые были взорваны или разрушены, стали предметом спекуляции и успели переменить 15 - 20 владельцев. Но осетинские власти предложили местному населению ингушам домов не продавать. По отношению к ингушам применялась дискриминация при приеме на работу, в учебные заведения. Но ничто не смогло сломить их решимости поселиться на прежнем месте...

Дальнейший ход событий показал, что присоединение Пригородного района к Северной Осетии было ошибкой, источником непрекращающегося и по сей день недовольства ингушей...

Александр НЕКРИЧ. Наказанные народы.
Нью-Йорк: Изд-во "Хроника", 1978.

ДАРСТВЕННАЯ

В Советский фонд культуры от ингушского народа

Просим принять от нас в дар старинную славянскую книгу "Патерик Печеорский" 1661 года издания, которая бесспорно является ценным памятником славянской культуры, а для ингушского народа уникальным памятником - одним из свидетельств, пришедшим из времени борьбы трех религий: язычества, христианства и мусульманства. В древности наш народ был язычником. В VIII веке начинается проникновение христианства со стороны Грузии и затем России. В XVIII веке освободительная Имамская война принесла ингушам со стороны Дагестана мусульманство, и ингуши, солидарные в освободительной борьбе горцев, в XIX веке окончательно перешли в мусульманство.

История этой книги известна в народе так: основоположником ингушского села Базоркино, или Мочко-Юрт, был Базоркин Мочко. Он был еще христианином, учился в Тбилиси в духовной семинарии и, по всей вероятности, оттуда привез эту книгу. От него она попала в тейп Кодзоевых, которые и сохранили ее по сей день, несмотря ни на какие выпавшие на их долю испытания.

Стоит сказать о судьбе могилы Мочко Базоркина. Он был вместе с женой Хамабечер Жукаевой (осетинкой) похоронен в гробу и положен в склеп в своем дворе. После депортации ингушей 23 февраля 1944 года село Базоркино было переименовано в осетинское село Чермен. Склеп Мочко вскрыт, гробы Мочко и его жены взломаны, останки Мочко и его жены политы бензином и сожжены. Затем трактором могила была разровнена - чтобы и следа от ингушей на их земле не осталось.

Книга же "Патерик Печеорский" с семьей Кодзоевых ушла в выселение. Там от всей семьи остался один Иса, сын Аюпа Кодзоева. Иса одного за другим похоронил девять членов своей семьи. Умирая от голода, Кодзоевы обменяли на хлеб застежку от этой книги, но саму книгу продать отказались, считая ее национальной реликвией, хранительницей народа. Иса сберег ее и привез назад, на родину, в Ингушетию...

В Фонде культуры СССР пока никаких ценностей нашего народа нет, и на сходе мы, с разрешения Исы Кодзоева, в надежде на полное восстановление Ингушской автономии решили подарить Советскому фонду культуры частицу своей нелегкой истории, памятник духовности нашего народа.

А К Т

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ФАКТОВ
ГЕНОЦИДА В ОТНОШЕНИИ ИНГУШСКОГО НАРОДА

14 августа 1990 г. пос. Майский Пригородного района СО АССР

О ВАРВАРСКОМ НАДРУГАТЕЛЬСТВЕ НАД КЛАДБИЩАМИ И НАДМОГИЛЬНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ

Мы, нижеподписавшиеся: председатель комиссии Народный депутат СССР ФАРГИЕВ Х.Х., члены комиссии: Народный депутат СССР Белозерцев С.В., Народный депутат РСФСР Камчатов В.Ф., руководитель группы "Поиск" Советского Комитета ветеранов войны, журналист Кашурко С.С., депутат ЧИ АССР Кодзоев И.А., член оргкомитета по восстановлению Ингушской автономии Ахильгов С.Х., председатель Экажевского сельисполкома Костоев Х.А., депутат Пригородного райсовета Тимурзиев М.А., составили акт о нижеследующем.

14 августа мы посетили кладбище в селе Базоркино (ныне Чермен), на котором покоился прах тысяч ингушей, среди которых были герои гражданской войны и заслуженные люди. Перед нашим взором предстала территория бывшего, существовавшего до депортации ингушей кладбища, полностью уничтоженного (под бульдозер) после февраля 1944 г.

Надмогильные камни с именными надписями (чурты) обнаружены в фундаменте Черменской животноводческой фермы, в 200-метровой длины подъездной эстакаде Черменского консервного завода, в стенах котельной и фундаменте весовой этого же завода. Из таких же чуртов сооружен лестничный марш.

Подобные факты имеют место на всей территории Северной Осетии, где до депортации проживали ингуши.

На консервном заводе мы услышали справедливое возмущение трудящихся таким вандализмом и непринятием мер к оскорбителям памяти умерших.

ВЫВОДЫ: а/ осудить факты умышленного надругательства над памятью ингушского народа.
б/ принять действенные меры по восстановлению разрушенных кладбищ и индивидуальных могил.
в/ изъять из строений, дорог и других мест чурты, используемые в качестве стройматериалов.

Председатель комиссии - ФАРГИЕВ Х.А.

Члены комиссии: БЕЛОЗЕРЦЕВ В.В.
КАМЧАТОВ В.Ф.
КАШУРКО С.С.
КОДЗОЕВ И.А.
АХИЛЬГОВ С.А.
ТИМУРЗИЕВ М.А.

Председатель Назрановского райисполкома ДЬЯНОВ М.Х.

А К Т

О НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ, ПРЕВРАЩЕННЫХ В ДОРОЖНЫЕ БОРДЮРЫ

18 августа 1990 г. г.Грозный
пос.Андреевская Долина

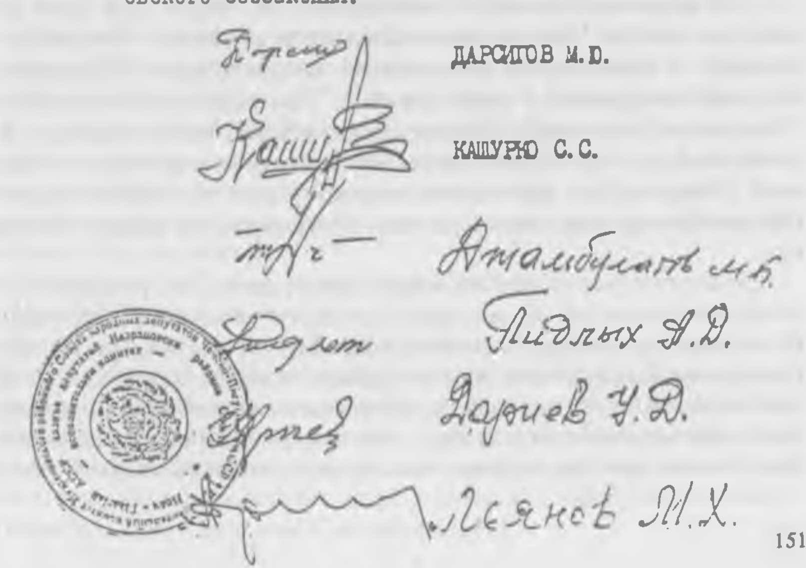
Мы, нижеподписавшиеся, член Верховного Совета СССР Дарсигов М.Ю., руководитель группы "Поиск" Советского комитета ветеранов войны Кашурко С.С., прораб управления дорожно-мостового строительства (УДМС) Джамбулатов М.Б., сторож этого управления Дариев У.Д. и работник Чечено-Ингушского обкома партии Пидлых А.Д. освидетельствовали около 6.000 надмогильных памятников (чуртов), сваленных в кучи на территории УДМС в поселке Андреевская Долина города Грозный.

На израненных серых камнях, искусно обработанных народными умельцами, хорошо просматриваются обрамленные художественными росписями надписи на арабском языке - имена умерших.

Эти скорбные изваяния веками венчали кладбищенские могилы усопших предков. Однако после насильственного изгнания чеченцев и ингушей с их родной земли, эти надгробия четыре десятилетия служили бордюрным обрамлением проезжей части 3-х километровой улицы Рабочей в городе Грозном.

При капитальном ремонте этой дороги, надмогильные святыни были вынуты (вырыты) и свезены на задворки управления дорожно-мостового строительства. Многие из этих памятников-бордюров были опознаны родственниками усопших и установлены в местах уничтоженных кладбищенских могил. Большинство же чуртов навечно останутся невостребованными, как осиротевшие из-за умерших в изгнании семей и целых поколений.

ВЫВОД: Из этих изуродованных и поруганных надмогильных памятников следовало бы воздвигнуть скорбный мемориал, гневно осуждающий убийц и насильников сталинско-бериевского беззакония.



Ахмет ВЕДЗИЖЕВ

О Р Д Е Н

Рассказ

Все в этот день было празднично и необычно: большой зал, множество людей, статная фигура генерала в президиуме и четко прозвучавшие в торжественной тишине слова указа "За образцовое выполнение боевого задания наградить орденом..." И имя Мухарбека. Затем Мухарбек, все еще не очнувшись от волнения, стоял в просторном кабинете генерала. Тот понимающе глянул на смятенное лицо Мухарбека и тяжело опустился на диван.

- Садись, солдат, рядком, да поговорим ладком. Рассказывай, как жизнь, как работа?

Давно никто не называл Мухарбека солдатом. И все в нем рванулось к тому душевному и мудрому, что он прочел в добрых, по-стариковски сощуренных глазах. Генерал положил ему на плечо сухую, в синих прожилках руку:

- Крепкий ты человек и хороший солдат. Потому что знаю - нелегкой была дорога, по которой ты с фронта возвращался домой.

- Ох нелегкой, - отозвался Мухарбек. Шел второй год, как он вернулся с изгнания в родные места.

- О том, как воевал, - знаю, - продолжал генерал. - Расскажи, что тебе пришлось пережить потом.

И медленно, с трудом подбирая слова, впервые Мухарбек начал горький рассказ о пережитой несправедливости.

- ...В сознанье я пришел уже в госпитале. Через пару дней меня навестил комбат. "Голова на плечах и грудь в крестах, - радовался он за меня. - К награде тебя представили, пляши, солдат!". После выписки меня направили в штаб дивизии. Там разговор был короткий: "Поедешь в Казахстан!". Солдатская служба научила не задавать вопросов, но в душе я подивился: солдату в самый разгар боев в глубокий тыл? Поразмыслив, решил, что посылают меня по особому заданию. Обидно было расставаться с родным батальоном, но приказ есть приказ.

Стояла поздняя осень 1944 года, когда я приехал в Оренбург. В пути я встретил земляков - их везли из Кустаная в Алма-Атинскую область. От них-то я и узнал о цели своей командировки. Никогда мне не забыть растерянные, запуганные лица стариков, женщин, детей. Они не могли понять, за что их выгнали из родного дома в этот далекий холодный край, и истощенные от голода, усталости и бездомности ждали новых бед. Многие все еще верили - не сегодня-завтра выяснится, что это

ошибка, недоразумение. Старик лет 60, высокий, сухощавый, благообразной и величавой наружности - в Гражданскую войну он был известным партизаном в Чечено-Ингушетии - сказал мне убежденно:

- Не знает об этом Сталин. Он бы всех нас вернул по домам.

В ту пору и я так думал.

В Алма-Атинском военкомате, проверив мои документы, сказали:

- Идите в НКВД.

- Для чего, я ведь солдат?

- Там объяснят.

Долго дожидался я своей очереди в полутемном бюро пропусков НКВД. Капитан, к которому меня направили, равнодушно оглядел меня и, отобрав документы, велел явиться на следующий день.

- А где мне ночевать?

- Где хочешь...

К горлу у меня подступил ком. "Послушайте, - хотелось мне крикнуть ему, - ведь я не по своей воле приехал сюда!"

Но капитан склонился над бумагами, давая мне понять, что разговор окончен. Постояв с минуту, я молча вышел на улицу. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким. На фронте мне не раз приходилось подолгу оставаться в одиночестве - в разведке, в дозоре. Но это не было одиночеством, я знал: товарищи помнят обо мне, придут на помощь, если я попаду в беду. Эта уверенность и превращала нас в героев. Здесь же все вокруг было чужим и враждебным. Не зная, куда идти, я остановился на углу шумной улицы. Мимо меня торопились прохожие - у каждого свои дела, свои заботы. "Какое им дело до меня?" - подумал я. Нехорошее, несправедливое чувство шевельнулось у меня в душе, мне казалось, что между мной и этими людьми - стена. Острое, сосущее чувство голода вывело меня из оцепенения, я вспомнил, что с вечера ничего не ел. "Нужен ты кому или не нужен, а поесть надо", - с ожесточением подумал я. Случайный прохожий посоветовал пойти на зеленый рынок. Я вытащил из кармана деньги, пересчитал. У меня оставалось две тысячи, совсем немного по тем временам. Над базарной площадью стоял такой шум, что я не сразу разобрал, где продавцы и где покупатели.

- "Беломорканал"! А ну, кому "Беломорканал"?

- Манты! Горячие манты!

- Апорт, штука - десять рублей! Сам бы ел, да деньги нужны!

Я не удержался и купил красное яблоко, до того красивое и вкусное, что душа отогрелась, но я тут же себя одернул: что за мальчишество, давай-ка съешь что посущественнее. За сто рублей купил буханку хлеба, выпил у стойки банку синеватого, заметно разбавленного водой молока, сунул в карман остаток хлеба и зашагал в город. Возле фанерной вывески "Дом колхозника" остановился.

- Сколько суток пробудете? - спросила дежурная, забирая солдатскую книжку.

- Одни.

С минуту она с любопытством разглядывала меня, словно желая что-то сказать. "Скажи хоть ты мне доброе слово, девушка, - взмолился я про себя. - Ведь я из тех краев, где умеют встречать гостей. Но дежурная отвела глаза и только сказала:

- Четырнадцать рублей. Третий номер.

"Ненадолго мне хватит денег", подумал я, пряча квитанцию. Третий номер оказался огромной комнатой, в ней свободно мог бы, как говорят ингуши, джигитовать всадник. Вдоль стен - узкие койки, до низкого потолка легко достать рукой, вокруг стола посреди комнаты сидит несколько человек в военной форме, некоторые из них без погон. На столе - баллон с вином, куски мяса и хлеба. Судя по покрасневшим лицам, баллон не первый. Я присел в сторонке на нетронутую койку. Прерванная моим появлением беседа возобновилась. Со смешанным чувством радости и боли услышал я родную речь. Один из моих земляков сидел ко мне спиной. На плечи его была накинута шинель с капитанскими погонами. По говору я узнал в нем горца, чеченца.

- Представляешь, - говорил он сидящему напротив старшему лейтенанту, - я прошу его выслушать меня, а он даже и не смотрит на меня. Сержант, говорю я ему, вам следовало бы быть вежливей со мной хотя бы потому, что я капитан, старше вас по званию. А он в ответ: "Нисколько ты не старше меня по званию". То есть как, говорю я ему, и почему вы мне тыкаете? Ведь я капитан, а вы - сержант. "А так, - отвечает он мне. - Ты не советский, ты чеченский капитан".

Старший лейтенант, побледнев, яростно рванулся с места:

- А ты?

- Спрашиваешь, что сделал я? - с усмешкой в голосе ответил капитан. - Хотел поставить его на место, только малость не рассчитал, полетел он у меня вверх тормашками.

- Такого убить мало! - воскликнул старший лейтенант-ингуш, сжимая кулаки.

- Рядом оказались наши солдаты, оттащили меня от него, - спокойно продолжал рассказчик, но по тону я чувствовал, что спокойствие это дается ему нелегко. - Все бы это кончилось для меня плохо: арестовали бы, если бы не подвернулся свой брат-фронтовик. Подполковник, в том же управлении служит. Он все и уладил. Армейский офицер своего брата в беде не оставит.

Я не выдержал и подошел к столу.

- О, - повернулся ко мне капитан, - нашего полку прибыло!

- Вы артист Рамазанов! - не удержался я, увидев прославленного в наших краях артиста.

- Бывший артист, - грустно ответил он. - Теперь - капитан. Впрочем, уже не артист и не капитан.

Печаль его ранила меня в самое сердце. Трудно было найти чеченца или ингуша, который бы не знал и не любил Рамазанова. Он был славой нашего театра, он раскрыл на сцене душу нашего народа, целый мир чувств и мыслей, без которых не было бы жизни. Сама мысль о том, что его могли оскорбить, унизить, казалась мне чудовищной. Рамазанов взглянул на меня и, казалось, прочел мои переживания.

- Спасибо, - сказал он тихо, и я почувствовал на своем плече дружеское прикосновение его руки.

- Когда прибыл? - спросил меня старший лейтенант.

- Сегодня.

- Ах, так ты новичок. А мы здесь загораем около месяца, а кое-кто и подольше.

- Что говорят нам, фронтовикам? За что выслали народ?

- За то, что мы ингуши и чеченцы, - глухо отозвался Рамазанов. - Не имеете, говорят, права жить на земле... - Он залпом допил стоявший перед ним стакан вина и повернулся ко мне: - Тебе когда велели явиться?

- Завтра утром.

- Значит, вместе пойдем. Что-нибудь, наверное, они нам все-таки скажут. Нельзя же так, без всякой причины разбросать народ по Казахстану и Киргизии. Муж в одном месте, жена и дети в другом.

- Сорвать с фронта солдат и офицеров и загнать их в глубокий тыл, - добавил я. - Что ж мы, не достойны носить оружие?

Я коснулся больного места. Подавленные, молча сидели мы за столом. В комнате слышен был только глухой, доносившийся сюда шум базара и грохот проезжавших под окном грузовиков. Неожиданно Рамазанов вскочил, стукнул кулаком по столу так, что задребезжали стаканы:

- Нет, не верю я, что можно так, одним движением пера, перечеркнуть нашу жизнь. Слышите, друзья, не верю! Не знаю, по чьей злой воле попали мы сюда, но верю - это не надолго. Выпьем за лучшие времена!

Всю ночь я не мог заснуть. Где моя семья, где родители? Эти вопросы ворочали меня с боку на бок. Меня выслали, ладно, я крепкий, выдержу, доживу до лучших времен. А старик-отец, мать, маленькая сестренка? В темноте то в одном, то в другом конце комнаты вспыхивали огоньки папирос. Никто из нас не спал в ту ночь. И в следующие. Много их было впереди, бессонных ночей.

Наутро к бюро пропусков группами и поодиночке подходили мои земляки. Лейтенант в синей фуражке встречал всех одной и той же фразой:

- По коридору налево в зал.

Легкой походкой горца прошел пожилой подполковник с седеющими усами. На груди его в несколько рядов ордена и медали. Он сел впереди меня и приветливо заговорил со своим соседом, молодым солдатом.

- Кто это? - спросил я Рамазанова.

- Подполковник Зауров.

Так вот при каких обстоятельствах довелось мне увидеть легендарного Заурова! Сам Серго направил его, героя Гражданской войны в школу красных командиров. На фронте мы, горцы, с гордостью слушали рассказы о боевых делах его полка.

Легкий шум в зале сменился напряженной тишиной - в дверях показался майор в синей фуражке, за ним с папкой в руке шел капитан. Подойдя к столу, майор некоторое время в упор разглядывал каждого из нас, как будто старался запомнить навсегда.

- Сегодня вы будете направлены к месту постоянного жительства, - начал он, наконец, монотонным голосом. -Направления уже выписаны. Сейчас капитан раздаст их вам. Прибыв на место, предъявите направление в спецкомендатуре. Вас поставят на учет, определят на работу, объяснят, что вам делать дальше, - майор сделал паузу и еще раз оглядел зал: - У кого есть вопросы?

Я не мог понять ничего. Какие спецкомендатуры?

Пошарив глазами по рядам, майор продолжал:

- Бывший подполковник Зауров, вам пока разрешено остаться в городе. На учет в спецкомендатуре вам нужно встать сегодня же.

- Прежде всего мне надо съездить за семьей, - поднялся Зауров. - Она эвакуирована из Харькова на Урал.

По лицу майора скользнула легкая усмешка:

- Семью вызовете письмом. Без разрешения коменданта ни один спецпереселенец не имеет права выезжать из города.

Я не видел лица Заурова, он стоял ко мне спиной, но сколько она рассказала мне о том, что творилось в его душе! Стройная и прямая, с развернутыми плечами, она словно надломилась. Крепкие плечи опали. Зауров медленно упал на стул.

Порывисто вскочил мой вчерашний знакомец старший лейтенант.

- Товарищ майор, я окончил военное училище, стал офицером, чтобы навсегда остаться в рядах Красной Армии. Почему я...

- Вы освобождены от воинской повинности, - перебил его майор.- Таково решение правительства. Будете жить и работать там, куда вас определят. - И еще раз окинув глазами зал, направился к выходу.

Рамазанов бросился вслед за ним.

- Вы должны меня выслушать, товарищ майор! Я артист, окончил театральный институт...

- Ну и что же? - бросил на ходу майор. - Теперь вам придется менять специальность, - и тоном человека, которому надоело повторяться, сказал: - Поедете туда, куда вас направят.

Капитан начал вызывать нас по списку и раздавать направления. Рамазанов и я попали в один колхоз.

- К месту назначения прибыть в 12 часов завтрашнего дня. Опоздавшие будут отданы под суд, - капитан сумел произнести эти слова без всякого выражения, тоном, каким на станциях объявляют время прибытия и убытия поездов.

Я подошел к столу:

- Объясните, как нам найти наши семьи?

- Вопросами розыска занимается спецкомендатура, - ответил капитан скороговоркой...

- Ты знаешь, как это называется? - бушевал Рамазанов, когда мы собрались в нашей комнате на ночлег. - Это называется произвол.

Он то метался по комнате, то, уронив голову на руки, подолгу сидел молча.

- Скажите, в чем моя вина? - как в бреду спрашивал он. - Отца моего убили деникинцы... Вырос я в детдоме... Институт, театр... Война. Начал рядовым, дослужился до капитана... Что плохого я сделал за свою жизнь? Где моя жена, дети?

Все мы были в том же состоянии - полная сумятица в голове, боль в сердце. Безжалостная, злая сила, исковеркавшая нашу жизнь, не имела для нас в ту пору ни имени, ни облика...

Колхоз куда мы попали, был в 60 километрах от Алма-Аты. В низеньком домике под соломенной крышей размещалась спецкомендатура. Жарко пылал в печи саксаул, за столом против двери сидел человек с сержантскими погонами, такой маленький, что его трудно было принять всерьез. На крохотном, не больше кулака лице пылал большой нос. "А ты не дурак выпить", - сразу понял я.

- По-моему, он у него приклеенный. Хочешь, проверю? - серьезно сказал по-чеченски Рамазанов. Мы рассмеялись. Человечек: выпрямился на своей табуретке и строго спросил:

- Чего смеетесь? Кто такие?

Мы предъявили ему свои бумаги. Над головой сержанта висел портрет Сталина, по бокам - портреты Берии и Молотова. Под портретами в рамке висело Постановление о спецпереселенцах. Я подошел ближе и прочел подпись "В.Молотов". "Может ли Сталин не знать, что делает

Молотов?" От этой мысли мне стало страшно. Рушилось то, во что я безоговорочно верил с детства.

- Изучаете Постановление? - одобрительно хмыкнул сержант. - Изучайте, изучайте, это полезно.

- Большого ума для составления этого документа не понадобилось, - как бы про себя, ни к кому не обращаясь, проговорил Рамазанов.

Заплывшие глазки сержанта сузились, как у кошки, углядевшей мышь:

- Так, так. Значит, ты не одобряешь постановление правительства? Значит, по-твоему, "правительство неумное"?

- Вряд ли мне удастся вам что-нибудь объяснить, сержант, - не скрывая насмешки, ответил Рамазанов. - Чтобы мотор работал, требуется смазка, а ее-то, - он постучал пальцем по лбу, - у вас явно не хватает.

- Эй, ты! - сержант стукнул кулаком по столу. - Не забывайся!

Рамазанов побледнел:

- Забываетесь вы, сержант. Здесь не написано, что вы имеете право говорить мне "ты", - дрожа от гнева, он двинулся на сержанта.

- Что за шум, а драки нет! - раздался за моей спиной приятный голос. Я оглянулся - в дверях стоял высокий, худой, как мальчишка, человек лет 28. Левый пустой рукав шинели был заправлен за пояс, большие светлые глаза смотрели с веселой насмешкой.

- Сержант Муха, ты опять шумишь? - спросил он, протягивая всем нам по очереди свою единственную руку. - Давайте знакомиться - председатель здешнего колхоза Царапин Тимофей Васильевич. А ты, сержант, усади нас. Мне надо с людьми поговорить.

Муха смотрел на вошедшего глазами ластящегося к хозяину щенка. Важность с него как ветром сдуло. "Уважает он его или боится?"- подумал я. Старательно, будто он дело делал, расставил сержант табуретки, и мы уселись вокруг Тимофея Васильевича.

- Работаю я здесь уже второй год, - начал Царапин, - откуда прибыл, сами догадаетесь, - показал он на пустой рукав. - Места неплохие, жить можно, только с людьми трудно. Работать в колхозе некому: остались одни женщины да дети. Прислали ваших земляков, тяжко им здесь. Климат непривычный, голодно, а приехали они, сами знаете, налегке. Местные стараются им помочь, да что у них самих-то есть? Все взяла война. Теперь колхоз рассчитывает на вас, фронтовиков... Вы, ребята, духом не падайте, - добавил он тихо - работать во время войны в колхозе - тоже подвиг.

Мы поняли все, о чем не договаривал Тимофей Васильевич. Искренность и простота сразу расположили нас к нему. Сержант Муха забрал у нас документы и, деловито сопя, выписал каждому удостоверение переселенца. Тушью в нем было выведено: "Выезд за пределы

села запрещается". "Трудно будет стереть", - подумал я. Отныне нашей судьбой распоряжался красноносый сержант Муха. Об этом напоминали нам его начальственные окрики, выданное им удостоверение и постановление, скрепленное подписью Молотова...

Прошло три месяца с тех пор, как мы приехали в колхоз. Я работал в кузнице молотобойцем, Рамазанова направили вначале в контору секретарем, но он сбежал оттуда через неделю.

- Что я, барышня, что ли, пером скрипеть? - отвечал он на наши уговоры, что там ему будет легче. - Мужиков не хватает, а они меня в контору посадили. Пусть меня назначат возить сено с гор.

Всю зиму, а она была в тот год суровая, выезжал Рамазанов с рассветом, а возвращался поздно ночью. Я видел, как ему трудно, но он умел скрыть недомогание и усталость за веселой шуткой - недаром он был артистом.

- Были в моем репертуаре монологи, были в моем лексиконе боевые команды, теперь он обогатился бессмертным "цоб-цобе!", - шутил он.

Поселились мы с ним вместе у Полины Михайловны, женщины лет 55. Незадолго до войны она потеряла мужа, единственный ее сын был на фронте. Не встреться нам эта простая добрая женщина, вряд ли мы пережили бы голодную вьюжную зиму. Чуть свет уходила она в поле собирать из-под снега колосья, терпеливо перемалывала их на ручной мельнице и, когда мы, замерзшие, падая от усталости, возвращались с работы, на столе дымилась горячая каша или - уже настоящий праздник! - сладковатая мороженая картошка.

- Ешьте, дети, ешьте, - заботливо подкладывала нам Полина Михайловна, - может, и мой сын попал в беду на чужой стороне. Дай бог, чтобы его накормила чья-нибудь мать.

Вера людей, что мы ни в чем не виноваты, было самым нужным и дорогим для нас в ту пору. Жизнь наша под крылом Полины Михайловны была бы сносной, если бы не зуд, еженощно одолевавший Муху, напоминать нам, что мы целиком в его власти. Подвыпив, Муха, являлся к нам чуть ли не каждую ночь с проверкой. В ту памятную ночь Муха вошел без стука, сдвинув на затылок фуражку, уселся посреди комнаты на табуретку. В комнате противно запахло водочным перегаром.

- Зачем пожаловал? - приподнялся на постели Рамазанов.

- Проверочка.

- Ты же был вчера?

- Был вчера, пришел сегодня.

Полина Михайловна свесила с печи седую голову:

- Сынок, - сказала он миролюбиво, - они же люди. С утра до вечера на работе, дай им хоть ночью отдохнуть.

- Люди мне тоже, - презрительно процедил Муха, не глядя в ее сторону. - Не нравится, что я прихожу, гони их с квартиры.

- Уходи, - сдавленным голосом проговорил Рамазанов.

Я видел, что он едва сдерживает себя. "Остановись!" - хотел я крикнуть ему, но не успел. Бросившись к Мухе, он смял его, как котенка. Мы с Полиной Михайловной с трудом оттащили от него Рамазанова. До утра я не спал, зная, что эта история кончится плохо.

Утром приехал спецкомендант района. Окинув нас взглядом, не обещающим ничего хорошего, он кивнул на перевязанную голову Мухи:

- Это вы вчера покушались на коменданта? - Голос у районного был сытый, свежевыбритые щеки лоснились. Муха шепнул ему что-то на ухо. - С жиру беситесь? Так отправим вас туда, куда Макар телят не гонял.

Участковый милиционер отвез нас в райцентр. "Не видать нам больше Полины Михайловны, - думал я, трясясь в кузове машины. - И с Тимофеем Васильевичем не попрощались. Нехорошо, все нехорошо.". На третий день, к моему великому удивлению, меня выпустили. Возле КПЗ ждала меня Полина Михайловна.

- А ты, верно, думал, сынок, нам уж и Мухи не осилить? - спросила она меня, как только мы вышли на дорогу, и лицо ее помолодело от лукавой улыбки. - Тимофей Васильевич, как я ему рассказала все, говорит: "Не горюй, Михайловна, привезу твоих квартирантов" - уехал в райком, выписав полпуда муки да молока литров пять, чтобы я вам передачу свезла. А Муху он разделал под орех. Изверг, ты, говорит, вовсе человеческое подобие потерял! Посиживаешь, говорит, за столом, бумагу переводишь, а люди с утра до ночи работают, чтобы тебе чего поесть было. И ты же над ними измываешься. Покажи, говорит, постановление, что им по ночам спать нельзя. Тот только лопочет что-то невразумительное. Это он с вами грозен. А перед Тимофеем Васильевичем Муха - муха и есть.

Рамазанова продержали под арестом десять суток - ни суда, ни прокуратуры для этого не потребовалось. Вернулся же он сияющий, счастливый.

- Можно подумать, что ты из санатория, - удивился я.

Рамазанов вытащил из кармана какую-ту бумажку и помахал ею:

- Не было бы счастья, да несчастье помогло! Семья нашлась, понимаешь ты, семья! Жена писала, писала в Москву, пока не отыскала меня. Живет она в Акмолинске.

Я взял из его рук бумагу. Это было разрешение на выезд в Акмолинск. Весь вечер Полина Михайловна хлопотала, собирая его в дорогу.

- Не горюй, и тебе недолго ждать, - утешала она меня, - отыщешь и ты своих. А там и на родину вернетесь. А я к вам в гости приеду...

И от сердечной воркотни нашей приемной матери на душе становилось легче.

На следующее утро мы провожали Рамазанова. Тимофей Васильевич дал ему лошадь доехать до станции, снабдил продуктами на дорогу, на прощанье обнял единственной рукой.

- Извини уж, если что не так - сам понимаешь, времена сложные. Авось доведется всретиться когда-нибудь при других обстоятельствах.

- Вы в это верите? - спросил Рамазанов.

- Верю, - твердо ответил Тимофей Васильевич.

Долго смотрел я вслед уезжающему товарищу. Вот он проехал деревню, свернул на дорогу, обогнул холм и исчез. Я остался один. Потянулись томительные, похожие один на другой дни, пустые вечера. Муха перестал являться по ночам - на меня он обращал мало внимания. Как-то мы столкнулись с ним возле кузницы.

- Ну как он, уехал? - спросил Муха, точно не зная об отъезде Рамазанова. - Его счастье, что ушел из моих рук. Я бы ему дал жизни. - И убежденный в том, что нагнал на меня страху, ушел важный, как петух.

Я смотрел ему вслед и невольно улыбался, вспоминая, как перепугался Муха в ту ночь.

Шли дни, прошел месяц, а от Рамазанова все не было вестей. Чего только не передумали мы с Полиной Михайловной, объясняя его молчание. Наконец, возвращаясь однажды с работы, я увидел спешащую мне навстречу Полину Михайловну. Запыхавшись от волнения, она вручила мне долгожданное письмо - первое за все время изгнания, весть от близких. Рамазанов сообщал, что отец мой находится под Акмолинском в селе Кийма. Как я бежал к сержанту Мухе с письмом Рамазанова, как надеялся, что он тут же выпишет мне разрешение на выезд! Но Муха только презрительно оттопырил губу, взглянув на письмо:

- Тоже мне документ - цидулка какого-то Рамазанова! - закричал он, багровея. - Не будет тебе разрешения, пока не придет подтверждения от спецкомендатуры, где состоит на учете твой отец. Подождешь, ничего с тобой не случится. - И явно подражая кому-то, был и у Мухи свой идеал, отчеканил: - У меня все!

- Послушайте, сержант, - сказал я, дрожащими руками складывая письмо, - у вас есть отец?

Муха удивленно шевельнул рыжими кустиками бровей:

- У меня? Ха-ха, сравнил! Да мой отец... - от возмущения он не находил слов.

- Что ваш отец?

- Мой отец, - Муха вспомнил, наконец, слышанное где-то выражение, - благонадежный гражданин. - Он помахал перед моим носом короткопалой рукой. - Чтобы никаких сравнений я больше не слышал!

И я решил ехать к отцу, не ожидая разрешения спецкомендатуры. Решение бежать пришло мгновенно, и я уже знал, что ничто меня не остановит, иначе я поступить не мог. "Покориться Мухе, - думал я, шагая по пустой заснеженной улице, - это предать все, что мне дорого: отца, мать, выброшенных на старости из родного дома, своих друзей, светлые годы юности, забыть о чести, о человеческом достоинстве. Такие, как Муха, хотят, чтобы мы забыли, что мы люди, что мы мечтали, учились... Забыли, что у нас есть наши горы, наши песни! Не выйдет! - повторял я исступленно, - Не выйдет, Муха!"

Своими планами я поделился с Полиной Михайловной.

- А вдруг задержат? - спросила она дрогнувшим голосом.

- А вдруг не задержат? Почему меня обязательно должны задержать? Что, у меня на лбу написано, что я... - Я не договорил.

- Да ведь пропуск везде спрашивают, - пыталась образумить меня старушка.

Но вечером Полина Михайловна принялась латать мою одежонку.

- Никак вы меня в дорогу собираете, Полина Михайловна?

Она подняла на меня печальные глаза в густой сети морщин:

- Да разве тебя удержишь? - и добавила уже веселее: - Свет не без добрых людей, сынок, может, и обойдется.

Милая Полина Михайловна! Такие люди, как она, Тимофей Васильевич, сами того не ведая, вернули мне веру в добро и справедливость. А с этой верой уже ничего не страшно, даже с волчьим удостоверением в кармане.

На другой день старушка проводила меня до околицы... Три дня я трясся на третьей полке душного переполненного вагона. Старый проводник довез меня до Новосибирска. Когда я, прощаясь, протянул ему деньги, он сердито мотнул головой:

- Спрячь, самому пригодятся.

Много на свете добрых людей! Пробираясь сквозь вокзальную толпу, я жадно всматривался в лица измученных людей, и горькое чувство с новой силой захлестнуло сердце: насколько легче была бы наша жизнь, если бы не страшная власть, данная разновеликим ничтожным Мухам. Неожиданно в голову пришла мальчишеская мысль написать ему. Минуту спустя я сидел в тесном почтовом отделении вокзала и выводил издевательски четким почерком: "Тов. сержант Муха! Когда я вышел на дорогу, меня встретил райспецкомендант. На вопрос, куда я еду, я ответил, что еду по Вашему, сержант Муха, разрешению. Райспецкомендант поверил мне. Прошу Вас лично подтвердить, что это правда, ведь это так и есть. Разве бы я решился выехать без вашего

разрешения? Со спецпереселенческим приветом..." Подумав, я добавил: "Извините, что письмо доплатное - издержался в дороге". Я развеселился, представив, как будет бесноваться Муха, читая его. А еще лучше, если бы письмо попало в руки его начальства.

Спецпереселенец мог голодать, болеть, умереть - за это никто не отвечал. Но если бы он исчез - тогда бы Муха наверняка распростился со своей должностью.

От Новосибирска до Челябинска я добрался воинским эшелоном. "Без билета, браток, путешествуешь?" - крикнули мне солдаты, заметив, как я мечусь от одного состава к другому, уламывая проводников. И едва я успел сказать: "Подвезите, ребята!" - как подхваченный крепкими руками, уже сидел в теплушке. Эх, солдатская жизнь - жестяночка, какой сладкой показалась она мне, когда я снова очутился среди едущих на фронт ребят. Поезд мчался без остановок мимо городов и деревень, ребятишки махали нам вслед руками, туманились слезами глаза женщин, и вся до капельки любовь, вся надежда страны была с нами. На время я почти забыл о своих горестях... Снова, казалось мне, вышел я победителем из поединка с сержантом Мухой.

На шестой день пути добрался я до станции Джалка. До Киймы , где находился мой отец, оставалось сто километров. Долго плутал в предрассветной мгле, увязая в снегу по колено, между базами и складами поселка в поисках оказии. На морозном сквозном ветру шинель топорщилась на мне колом, хрустел под солдатскими сапогами снег. Наконец, разыскал я базу киймовского колхоза. Возле саней, груженных зерном, стояла молодая женщина, ездовой.

- Отчего же, довезти можно, - ответила она мне, - только есть ли у вас разрешение туда ехать?

Я сделал вид, что шарю в кармане.

- Ладно уж, пропуск - это ваша печаль, а вот в шинельке я вас живым не довезу. Берите тулуп.

Она усадила меня сзади себя, на свежее пахнущее сено.

- В Кийме ваших немало, - рассказывала женщина дорогой, - только очень трудно им. Приехали без вещей, без денег, без продуктов, а зима, как на грех, до сорока градусов доходит.

Сердце сжалось у меня от страшного предчувствия. Я спросил, не знает ли она таких-то.

- Не встречала, - ответила она и оглянулась на меня. - Да что ж я наговорила такого, что на тебе лица нет! Ты о плохом не думай, думай о хорошем. Горе оно нас без приглашения найдет.

Всю остальную дорогу я ехал молча, кутаясь в необъятный тулуп. Стокилометровый путь на волах в сорокоградусный мороз был бесконечным. Изредка откидывая воротник тулупа, видел я вокруг все ту же неоглядную белую степь, производившую на меня, горца, странное

6*

впечатление. Снег переливался на солнце, и от этого блеска ломило глаза. "Солнце светит, а не греет, зря у бога хлеб переводит", - вспомнил я цыганскую пословицу. На всем пути нам встретилось только одно село. Там мы и заночевали.

На другой день к вечеру один из моих спутников тряхнул меня за плечо:

- Вот и Кийма.

В холодном блеске зимнего солнца лежало перед нами затерявшееся в степях село. Над приземистыми домами вились дымки.

- Вон в том доме направо живут ваши, - указал мне человек, встреченный в центре села.

Я скинул тулуп, распрощался и, не чувствуя от волнения ни мороза, ни пронизывающего ветра, заторопился к дому. На полпути меня окликнули по-чеченски. Я обернулся и узнал соседа. Мы бросились друг к другу и молча обнялись.

- Ничего хорошего я тебе не сообщу, - сказал он, не дожидаясь вопросов. - Отец твой тяжело болен. Мать и сестренка умерли.

Все вокруг меня закачалось и поплыло, как в тумане. Казалось, огромная тяжесть навалилась и тянет, и тянет меня к земле. В детстве, заметив у меня на глазах слезы, отец говорил сурово:

- Горцы не плачут.

А мать, прижимая меня к коленям, утешала:

- Когда-нибудь он научится не плакать.

Сейчас я ждал слез как спасения. "Мама!" - хотел я крикнуть. - Ты видишь, мама, горцы разучились плакать!"

- Возьми себя в руки,- услышал я как сквозь сон, - твой отец ждет тебя...

Он лежал в чужом доме, среди чужих людей, такой непохожий на себя от истощения и пережитых страданий. С трудом различал я знакомые черты на желтом обострившемся лице. Я сидел рядом, ожидая от него слова, взгляда. Но глаза его беспокойно, с каким-то удивлением смотрели вокруг. Мой отец умирал. И все, что я мог сделать для него - это сидеть рядом. Наконец, он остановил блуждающий взгляд на мне, смотрел долго, пристально - узнал ли? - и вздохнув, навеки закрыл глаза.

- Не отчаивайся, сынок, - утешала меня хозяйка, пожилая русская женщина. - На все воля божья.

На второй день с утра до вечера я, сын хозяйки и несколько земляков рыли могилу. Ломы и топоры со звоном ударялись о мерзлую землю...

А на третий день в дом зашел человек от коменданта.

-Следуйте за мной,- сказал он.

В райспецкомендатуре меня ждал лейтенант.

- Документы! - из-под синей фуражки гвоздили меня два холодных глаза.

Я протянул справку от председателя колхоза. Лейтенант швырнул ее в корзину.

- Что ты прикидываешься дурачком? Где разрешение спецкомендатуры?

- Я приехал, узнав, где моя семья.

- Семья, семья! - передразнил меня лейтенант. - До чего вы все любите болтать. Я спрашиваю разрешение.

- Семьи нет, - ответил я. - Отец, мать, сестра - все умерли. Отца похоронил вчера.

- Так что же ты, воскрешать их приехал?

"Волчица тебя родила или женщина?" - чесался у меня язык, но я его прикусил.

Комендат достал из ящика чистый бланк. Жирными черными буквами на нем было отпечатано: "Постановление об аресте". Со стены на меня смотрел из золоченой рамки Сталин в мундире генералиссимуса. "На все воля божья" - вспомнил я слова хозяйки. И подумал: "Но здесь-то не божья, а Сталина воля". Лейтенант положил передо мною заполненный бланк:

- Распишись...

- Хотел ты мне рассказать о себе, - сказал генерал на прощанье Мухарбеку, - а рассказал о своем народе. В самых жестоких испытаниях сохранял он ясный ум и чистое сердце. Плохое не уживается в народе, а доброе, - генерал коснулся ордена на груди солдата, - доброе за ним не пропадает...

1960

Перевод с ингушского Светланы АЛИЕВОЙ

Джемалдин ЯНДИЕВ

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

В иных краях, заброшенный судьбою,
Я странствовал от родины вдали.
Но я всегда носил тебя с собою,
О горсть моей родной земли!
Как сердце матери, своим теплом ты грела,
И я искал настойчиво и смело
Дороги, что на родину вели.
Ты жизнь мою и честь в пути хранила,
В борьбе дала мне мужество и силу,
О горсть моей родной земли!

Пер. А.ГАТОВА

ЧЕЧЕНЦЫ

Д. ХОЖАЕВ
ГЕНОЦИД
Очерк[1]

...В операции по выселению чеченцев и ингушей приняли участие 19 тысяч работников НКГБ, СМЕРШа и 100 тысяч войск внутренних сил с боевой техникой (еще в октябре 1943 года в Чечено-Ингушетию стали прибывать части НКВД).

В частности, предоставленные союзниками для войны с фашистами американские "студебеккеры", перегнанные из Ирана, были задержаны в городе Орджоникидзе для участия в выселении чеченцев и ингушей.

Для успеха "операций" против мирных жителей были проявлены вероломство, беззаконие и произвол. Еще в начале января 1944 года во все чеченские и ингушские селения, в каждую семью были определены воинские подразделения под видом подготовки к предстоящим "учениям" или борьбы с мифическими "бандформированиями", как объявили солдатам.

Горцы приняли солдат как своих сыновей, отдавая им все - пищу, одежду, не желая верить уже разносившимся слухам о выселении, передаваемым часто гостеприимным хозяевам солдатами и офицерами.

...Ранним утром 23 февраля 1944 года на всех площадях и на окраинах селений на горцев были наведены автоматы и пулеметы: оглашали приказ ГКО, обыскивали и отправляли на железнодорожные станции. Затем начиналась вторая часть "сценария": во все дворы заходили солдаты, вооруженные автоматами, во главе с офицером или сержантом, которые давали на сборы 10 - 15 минут и выгоняли беззащитных стариков, детей и женщин из домов, больных сбрасывали с больничных коек. За проявление недовольства - расстрел! За попытку к бегству - расстрел! За неправильно понятый приказ - расстрел! Об этом объявляли по-русски, хотя **многие языка не понимали** (выделено ред.-сост.). Города, села, дороги были забиты солдатами: видимо, "второму фронту", открытому здесь против мирного населения, Сталин и Берия придавали более чем серьезное значение.

На плоскости Чечни за несколько часов были расстреляны сотни людей (мужчины, женщины, дети и старики).

В горах обстановка была еще ужасней. По узким заснеженным горным дорожкам и тропам десятки километров гнали людей к авто-

[1] Печатается в сокращении

мобильным дорогам. После остановок на ночь оставались трупы умерших от холода и болезней людей. Здесь чаще, чем на равнине, пристреливали отставших, ослабевших, не понявших приказа, да и так просто -"при попытке к бегству".

Позднее стало известно и об изуверских актах геноцида в труднодоступных горных ущельях, где приказ, предписывающий очистить горы от народонаселения в течение 24 часов, не мог быть выполнен к сроку. Тех, кто не мог идти или обессилел (а это были старики, дети, беременные женщины), загоняли в кошары и, облив бензином, сжигали. Так, 27 февраля 1944 года в с. Хайбахой были расстреляны и сожжены заживо люди из нескольких селений и хуторов Галанчожского района в количестве почти 700 человек. В Чеберлоевском районе людей топили в озере Кезеной-Ам, в с. Урус-Мартан больных людей (в том числе грудных детей и беременных женщин) закопали во дворе районной больницы, в Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе - засовывали в кукурузные сапетки и, облив бензином, поджигали...

Бесконечные вереницы "студебеккеров", загруженных людьми, подъезжали к железнодорожным станциям, и под дулами автоматов "телячьи" вагоны плотно забивались мужчинами, женщинами, детьми, стариками. 23, 24, 25 и 26 февраля вагоны, забитые до отказа людьми, потерявшими рассудок от горя, разлученными со своими родными, жестоким конвейером отправлялись на восток.

На снежной дороге смерти оставались тысячи трупов, которые не разрешали хоронить. Невольничьи вагоны с людьми около 20 суток (часто без пищи и воды, в холоде) шли к местам ссылки - в Казахстан, Киргизию, Западную Сибирь...

В сильные метели и снежные бураны, в сорокаградусный мороз попали чеченцы и ингуши в бескрайние степи. "Спецпереселенцы" были определены в особый режим поселения. В первые же месяцы выселения от голода, холода и болезней погибли 70 тысяч человек.

"Материальное возмещение" за "имущество, принятое на Северном Кавказе", "милостиво" рекомендовалось "отцом народов": до 1000 руб. на семью (взамен десятков тысяч рублей, отнятых у этих семей на Северном Кавказе). Но "помощь" так и не дошла до чеченцев и ингушей через многочисленные кордоны "остронуждающихся" руководителей и комендантов спецкомендатур НКВД. Получившие же возмещение от 40 до 100 рублей, в основном члены бывшего правительства ЧИАССР, могли в то время купить на эту сумму одну-две буханки хлеба.

На спецпереселенцев также распространялась, как и по всей стране, уголовная ответственность за опоздание и неявку на работу. Опухшие от голода, больные тифом и другими болезнями люди вынуждены были, чтобы не попасть на каторгу, оставлять незахороненными тела мертвых детей и близких и идти на работу.

Чобы сохранить жизнь своим детям, матери вынуждены были продавать их за хлеб.

Большинство людей погибало от голода, предпочитая смерть унижениям. Тысячи женщин и девушек погибли еще в пути, не преступив скромности и горского этикета. Вымирали целые семьи, не унизившие себя попрошайничеством. Тысячи людей, включая детей и стариков, за колоски, подобранные на скошенном поле, арестовывались. Тюрьмы и лагеря страны заполнялись кавказцами. Десятки тысяч чечено-ингушских сирот попали в детские дома.

Изменился генофонд чеченского и ингушского народов - на смену высоким, стройным, здоровым горцам, жившим в горах по сто и более лет, рождались хилые, больные дети, огромное количество которых умирало, так и не вкусив молока ослабевших матерей.

Умирали хранители народной мудрости, тысячелетиями накопленного опыта, знатоки чечено-ингушской истории, обычаев, традиций, знатоки секретов древних мастеров по металлу, дереву и др., умирали талантливые ашуги, знатоки фольклора.

Спецкомендатуры НКВД обладали неограниченной властью над спецпереселенцами. Произвол, насилие, самодурство и садизм их работников выдавались за образец служебного рвения.

Чеченцы и ингуши были объявлены вне закона. Даже убийство спецпереселенца фактически не наказывалось. Власти делали все, чтобы подвести народ к последней черте. Сопротивлявшихся этому положению подвергали жесточайшим репрессиям...

В горах Чечено-Ингушетии войска НКВД и работники НКГБ продолжали физическое уничтожение людей, в том числе женщин и детей, сумевших избежать выселения. До 1953 года продолжали отправлять в Казахстан и Киргизию захваченных беглецов, изможденных, больных, скрывавшихся в горах...

Около 200 тысяч чеченцев и 30 тысяч ингушей погибли в выселении. Погиб каждый второй или третий чеченец и ингуш. Из 29 тысяч чеченцев-аккинцев погибли 20 тысяч человек.

В осиротевших горах Чечено-Ингушетии уничтожалась сама память о веками живших здесь народах. В дни переселения параллельно людскому к Грозному сплошным потоком двигались колонны военных автомобилей с материальными ценностями, награбленными в опустевших домах чеченцев и ингушей. Наиболее ценные по мнению охраны вещи - ковры, бурки, кавказские наборные ремни, украшен-

ное золотом и серебром оружие (кинжалы, шашки, кремневые ружья работы чеченских мастеров прошлого века), драгоценности везли в крытых брезентом автофургонах, в открытых - груз "менее ценный", но более "взрывчатый" - древние рукописи, религиозно-философские трактаты, арабоязычные книги по математике, астрономии, медицине, исторические хадисы, древние предания чеченцев и ингушей на арабском и чеченском (арабской графики) языках, светскую художественную литературу. Все эти книги и рукописи были свалены в Грозном прямо на снег у туалета в сквере, примыкающем к Дворцу пионеров. Уничтожались все эпиграфические памятники на территории, где жили вайнахи, уничтожались кладбища, сотни тысяч надгробных стел, превращенных скульпторами в произведения искусства, безжалостно разбивались на части и вывозились для строительства дорог, мостов, жилых и хозяйственных построек. Не пощадили даже стелы с античными греческими надписями. Надругательство над могилами сопровождалось разрушением историко-архитектурных сооружений: взрывались горделиво возвышавшиеся на высоких утесах и склонах средневековые боевые, сторожевые и жилые башни и замки, средневековые склепы и дореволюционные мечети, гробницы и святилища. Из 300 башен Аргунского ущелья не уцелело и 50. То же было в горной Ингушетии и в других местах ЧИАССР.

Чеченский и ингушский народы были вычеркнуты из списка народов, населяющих территорию СССР. Рьяно уничтожалась сталинистами всякая память об этих народах... Появлялись законодательные и идеологические "обоснования" сталинскому геноциду и произволу. Переименовывались все названия селений, улиц, площадей, колхозов, различных учреждений, напоминавшие о чечено-ингушском народе. Из музеев, библиотек изымались документы, книги, материалы, что-либо говорящие о "врагах народа" - чеченцах и ингушах, и сжигались. Уничтожались целые архивы.

По велению Сталина чеченцы и ингуши были объявлены "изменниками родины", и потому задним числом менялась национальная принадлежность погибших во время войны Героев Советского Союза чеченцев: И.А.Байбулатов был записан кумыком, Х.Магомед-Мирзоев - таджиком, а Х.Нурадилова умудрились записать одновременно кумыком и татарином...

Лишенные всех прав, обреченные на вымирание и ассимиляцию, чеченцы, ингуши и другие "наказанные народы" продолжали подвергаться идеологической сталинской обработке. Единственное право, оставленное спецпереселенцам, было право восхвалять мудрость, доброту и величие "вождя всех времен и народов" Сталина и его приспешников Берии, Ворошилова, Молотова, Жданова и других. Однако

люди уже знали виновника выселения. Невзирая на смертельную опасность, они пели песни об утратах, о постигшем их горе, о потерянной Родине. В одной из таких песен говорилось:

Рассветов нас лишил ты, Сталин,
Закатов нас лишил ты, Сталин,
Отчизны нас лишил ты, Сталин,
Дай Бог укрыть тебя в гробу.

Чтобы ты лишился рассветов, Сталин,
Чтобы ты лишился закатов, Сталин,
Чтобы ты лишился самого дорогого,
Как нас лишил ты земли родной.

Разве нам забыть то утро?
Разве нам забыть тот вечер?
Не забыть нам край родимый
И тот черный день над ним.

Рев скотины, вой собачий,
Плач детей и стариков,
Сколько бы на земле ни жили,
Никогда мы не забудем.

Запись и перевод научного сотрудника ЧИГОМ А.СОЛСАЕВОЙ
Живая память. О жертвах сталинских репрессий.
Грозный, 1991

* * *

После того, как арестовали отца, мать меня снарядила в дальнюю дорогу. Я был в семье самым старшим, и она боялась, что вслед за отцом заберут и меня. Так я оказался на Кавказе. Везде - и в Ереване, и в Тбилиси, и в Баку - ко мне относились как к своему единородцу, а может быть, еще и лучше. Если бы мне тогда сказали, что возможны такие события, которые произошли спустя пятьдесят лет, я ни за что бы не поверил.

На фронте национальная рознь тоже не проявлялась. Наоборот, самая крепкая дружба нередко связывала как раз таких разных по национальности людей. Особенно надежными друзьями мы считали кавказцев. Дружбой с ними дорожили.

Еще в саперном батальоне я сблизился с чеченцем Иллукаевым. Кормежка тогда подлая была, все время голодными ходили. Если Иллукаеву удавалось где-нибудь раздобыть хоть маленькую корочку хлеба, он нес ее мне. Я отказывался, мол, ты достал, сам и съешь. Но Иллукаев тоже не соглашался есть один. И тогда мы делили поровну. Мне никогда этого не забыть. Не знаю, остался Иллукаев жив или нет, может, всю войну прошел, пулей не задетый, а смерть нашел уже после победы, в сталинских лагерях...

Григорий ЛОБАС. Война, которую мы не знали:
Из дневника, прокомментированного
самим автором 45 лет спустя
Советская культура. 1990. 5 мая.

Выписка из

УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Об административно-территориальном устройстве районов Дагестанской АССР

...Перевести районный центр Ауховского района из селения Ярыксу-Аух в селение Бонай-Аул и переименовать Ауховский район в Ново-Лакский район и районный центр Ново-Лакского района селение Бонай-Аул в селение Ново-Лакское.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
Н.ШВЕРНИК
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
П.БЕХМУРОВ

Москва, 7 июня 1944 года

КРОВАВЫЙ ПЕПЕЛ ХАЙБАХА

Свидетельства выживших

Гаев: "Чтобы обучиться этикету - иди в Нашха",- говорили наши отцы. В общество Нашха входили аулы Хийла, Чармаха, Моцкара, Тийста, Хайбах... Вайнахов выселили с родины в ночь с 23 на 24 февраля 1944 года, а из этих аулов через 2 - 3 дня собрали больных, стариков, детей, одиноких путников на дорогах, отставших от своих семей, тех, кто выпасал домашний скот в кошарах, и пригнали всех в аул Хайбах. Обложив сеном конюшню, туда загнали всех. Там всех и сожгли. Многие были из этого аула.

Там погибли:
Гаев Тута - 110 лет
Гаева Сарий, его жена - 100 лет
Гаев Хату, его брат - 108 лет
Гаева Марем, его жена - 90 лет
Гаев Алаудди Хатуевич - 45 лет
Гаев Хасабек Хатуевич - 50 лет
Гаева Хеса, жена Алаудди - 30 лет
Гаевы Хасан и Хусейн, родившиеся накануне близнецы Хесы...

Семья жителя этого аула Газоева Гезамахмы:
Зано, жена - 55 лет
Мохдан, сын - 17 лет

Бердан, сын - 15 лет
Махмад, сын - 13 лет
Бердаш, сын - 12 лет
Жарадат, дочь - 14 лет
Тайхан, дочь - 3 года.
Гезамахма умер в выселении.

Гелагаева Дули, мать - 48 лет
Сосмад, сын - 19 лет
Абуезид, сын - 15 лет
Гирмаха, сын - 13 лет
Мовлади, сын - 9 лет
Зайнад, дочь - 14 лет
Сахара, дочь - 10 лет

Ибрагимова Пакант, мать - 50 лет
Аднан, сын - 20 лет
Петимат, дочь - 20 лет
Хайпати - 23 года

Чибиргова Минегаз - 81 год
Залимат, невестка - 35 лет
Абдулмажед, ее сын - 8 лет
Лайла, ее дочь - 7 лет
Марем, ее дочь - 5 лет

Газалбеков Саламбек, 16 лет. Был убит,когда переплывал реку. Его тело вытащили из реки.
Газалбеков Кавалбек - 14 лет
Дагаева Зано - 90 лет
Жамаллайла - 11 лет

Амагов Керим - 70 лет
Муса, его сын - 8 лет. Отца и сына пригнали из Чармаха.

Бакиева Дата - 24 года
Хабилаева Маций - 80 лет
Рассказавший о них сын Маций - Аллауди Хабилаев, 70 лет, проживает в Рошни-Чу. Его брат, Муса Хабилаев, хоронивший убитых и сожженных людей, проживает в Рошни-Чу, ему 75 лет.

Гаирбеков Гириха (врач) - 50 лет
Петимат, его жена - 45 лет

Аднан, их сын - 10 лет
Медина, их дочь - 5 лет.

Семью Ибрахима Берсанукаева уничтожили в Хайбахе, а он сам в 1958 году умер в с.Гехи-Чу, сразу по возвращении из высылки.

Зурипат, жена Ибрахима - 55 лет
Ханпат, дочь - 19 лет
Бакуо, дочь - 17 лет
Балуза, дочь - 14 лет
Мохмад-Ханип, сын - 11 лет
Байсари, дочь - 9 лет
Базука, дочь - 7 лет.

Семью Абухажи Батукаева (он был в Нашхе председсельсовета, ныне проживает в с.Гехи-Чу) в Хайбахе расстреляли и сожгли вместе с другими:

Хаби, его мать - 60 лет
Пайлах, его жена - 30 лет
Абуезид, его сын - 12 лет
Асма, его дочь - 7 лет
Гашта, его дочь - 5 лет
Сацита, его дочь - 3 года
Тоита, его новорожденная дочь.

Семья Косума Алтимирова:
Залуба, дочь - 16 лет
Ахмад, сын - 14 лет
Мохмад, сын - 12 лет.

Семья Кайхара Алтимирова:
Товсари, дочь - 16 лет
Абдурахман, сын - 14 лет
Муций, сын - 12 лет
И с ними - Эльтаевы Хож-Ахмад, 15 лет и Сайдат-Ахмад, 13 лет.

Саламбек Закриев свидетельствует:

"В тот день я и Гамаргаев Пийсар из пещеры на горе Ярдинкорт смотрели в сторону Хайбаха. Над Хайбахом поднялся дым. Это мы видели. Около моста Бяти, недалеко от Хайбаха, за одним человеком гнались четыре солдата. Потом они застрелили его и сбросили с обрыва в реку Гехи. После выселения, через 2 - 3 дня мы нашли труп: убитой солдатами оказалась женщина-роженица. Мы ее похоронили. Когда точно узнали, что весь народ выслали, то из разных концов ущелья мы собрались вместе со своим домашним скотом. Это были: Гаев Жандар,

Гаев Ясу, Закриев Саламбек - это я, Хамзатов Элберд из Рошни-Чу, Гамаргаев Ахмад, его отец Пийсар, Ампукаев Сайд-Ахмад, Гадаев Солта-Ахмад, Эльгакаев Рукман, Туштин Абдурахман, Жамулаев Жимай, Товсолт и другие".

Свидетельские показания Алимходжаева Селима, 106 лет, проживающего в Гехи-Чу:

"Иби - сына Довта, 20 лет, застрелили,когда он совершал намаз. Мой брат Алимходжаев Саламбек, 35 лет, работал учителем. Его застрелили, когда он шел по дороге. Его жена еще жива, зовут ее Бесийла. Живет она в Рошни-Чу по сегодняшний день. До сих пор она хранит косу своей сестры Пайлахи. Пайлаху вместе с ее детьми расстреляли и сожгли в Хайбахе. Ее труп опознали по одной несгоревшей косе. Газоева Иби застрелили конвоируя по дороге. Солдат ударил его прикладом и прикрикнул "Быстрее шагай!". Иби остановился, повернулся к нему и плюнул ему в лицо. Конвой вытолкнул его из колонны и расстрелял автоматными очередями. Было это в местечке Кханойн-Юххе. Там же он и похоронен. Через 3 - 4 дня после выселения людей из аула Муше-Чу солдаты обнаружили в опустевшем доме лежащую Зарипат. Ее расстреляли из автомата. Затем, завязав на шее стальную проволоку, выволокли на улицу, сломали изгородь и, обложив ее остатками тело, сожгли. Стальная петля сохранилась. Закриев Саламбек и Сайд-Хасан Ампукаев ее похоронили вместе с этой петлей. Она была сестрой нашего отца. Жену Закриева Саламбека Сациту, 21 года, застрелили. Грудной сын Сайхан, привязанный к ее спине, перелез и стал сосать грудь мертвой матери. В этот день убили и жену Элькагаева Рукмана Маликат, 20 лет.

Когда хоронили убитых и сожженных людей в Хайбахе, мы выставили около Галанчожского озера дозорных, чтобы предупредили, если будут подходить солдаты. Над всеми убитыми прочли посмертную молитву, эту молитву читал Гаев Жандар. Не отдыхая, несмотря на то, что тошнило от трупного запаха и кружилась голова, мы хоронили ровно два дня и две ночи..."

Свидетельские показания Гаевой Замы Ясуевны, 1940 года рождения, живет в г.Грозном:

"Когда нас выселяли из Зерха, наш отец Гаев Ясу пас отару овец в лесу, а мать ушла на мельницу. А мы, четыре девочки, были дома одни. Старшей - Арубике было 10 лет, мне, Заме, 4 - 5 лет, Совдат - 3 года, Саците - 1 год. Нас кто-то завернул в одеяла и положил на сани, запряженные быками. Я помню только, что на санях я была одна. Когда сани спустились с горы Кхордойн-лам и подъехали к кладбищу аула Безаюрт, я проснулась. Вокруг не было ни души. Было холодно. Стояла ночь, было видно чистое, светлое небо. Не было видно и быков, запряженных раньше в сани. Вокруг не было видно ни одной живой

души. Сначала я приподнялась,затем, испугавшись, завернулась в одеяло и спряталась. Рассвело, я снова приподнялась. Тогда я услышала русскую речь, голоса людей и цокот копыт лошадей. Когда они подошли, я услышала: "Это же ребенок!"- сказал один русский. И тут среди них произошла словесная перепалка. Однако один из них взял меня на руки, посадил на спину и сверху надел шинель. Эта ссора произошла из-за того, что одни хотели меня убить, а мой защитник этому воспрепятствовал. Все ругали его. Я сидела под шинелью на его спине, очень боялась и навзрыд плакала. Солдат вместе со мной сел на коня. Он старался меня успокоить и дал сухарь. Я все плакала. Тогда он снял меня со спины, надел на меня теплую телогрейку и посадил впереди себя в седло. Так мы доехали до Арш-алие. Там в грязи стояло много народу. В грязи лежали стебли кукурузы, на них стояли плачущие женщины и дети. "Чей ребенок?" - спросил солдат. Ко мне подошел брат моей матери. Русский не отдал меня ему, спросив, где моя мать. "Мать ее на мельнице", - ответил мой дядя. Этот солдат продержал меня на руках, не выпуская из объятий, всю ночь. На следующее утро, на рассвете я узнала платье моей матери. Я дико закричала: "Нана!" Мама, рыдая, ринулась ко мне. Я протянула руки в сторону матери. Русский солдат посмотрел на меня и горько заплакал..."

Свидетельства:

"Я, Батукаев Абухажи, свидетельствую. Я родился в 1912 году в с.Моцкара Галанчожского района. Сейчас живу в Гехи-Чу. Я подтверждаю, что моя семья и мои родственники в количестве 19 человек - дети, женщины,старики - были расстреляны и сожжены в Хайбахе солдатами. Это было в 1944 году. Это рассказали мне те, кто хоронил всех расстрелянных и сожженных".

"Все изложенное выше истинно. То, что это правда, я подтверждаю. В Хайбахе 147 детей, женщин, стариков расстреляли из автоматов и сожгли. Все это я, Гамаргаев Ахмад, подтверждаю. Я сам хоронил этих людей".

"Я, Ампукаев Сайд-Хасан, 1920 года рождения, подтверждаю: Алтаева Зарипат, о которой рассказывалось выше, была убита солдатами и сожжена в ауле Муше-Чу. Она была моей тетей по отцовской линии. Я вместе с Гамаргаевым Ахмадом и Эльгакаевым Рукманом и другими хоронил всех сожженных, убитых, расстрелянных. Живу в Гехи-Чу".

Поиск продолжается.

*Свидетельства собраны
Саламатом ГАЕВЫМ и Ахмадом СУЛЕЙМАНОВЫМ.*

*Перевод с чеченского
младшего научного сотрудника ЧИГОМ Далхана ХОЖАЕВА*

ИНКВИЗИЦИЯ

Рассказ очевидца

В этом рассказе вы прочтете подробности того страшного февральского утра. Автор его, Дзияудин Мальсагов, будучи первым заместителем наркома юстиции, бойцом Грозненского истребительного батальона, находился в горах и был свидетелем проводимого войсками НКВД геноцида против чеченцев и ингушей, очевидцем жестокой трагедии аула Хайбах 27 февраля 1944 года.

Хочу в нескольких словах остановиться на ситуации, сложившейся в нашей республике в период, предшествовавший выселению чеченцев и ингушей в феврале 1944 года. Осенью 42-го положение на Южном фронте было очень серьезным. Немцы остановились у берегов Терека, Матерому разведчику полковнику гитлеровской армии Геккерту удалось вместе с группой диверсантов высадиться в нашем тылу и занять выгодную позицию на горе Денин-Дук. С помощью местного населения удалось окружить диверсантов, часть которых в короткой перестрелке была перебита, остальные сложили оружие. Позже взяли в плен оставшихся. Многие наши бойцы, командиры и, подчеркиваю, представители местного населения проявили мужество и отвагу при ликвидации банды Геккерта.

В это же время в тыл проник фашистский разведывательный самолет, который в районе между Атагами и Урус-Мартаном был сбит зенитной батареей. Экипаж в количестве 5 человек скрылся. Преследование закончилось тем, что один фашистский летчик был убит, командир корабля ранен, двоих взяли в плен. Лишь одному удалось скрыться. Но на вторые сутки его задержал Идрис Арсанов (сын Баудина Арсанова) и сдал НКВД Чечено-Ингушской АССР, за что был награжден именным пистолетом ТТ.

К чему эта предыстория? К тому, что мне непонятно стремление некоторых историков скрыть действительную обстановку, скрыть имена конкретных виновников чудовищного произвола, представляющих ложную, искаженную информацию о "сложной" ситуации в республике.

В октябре 1942 года в кабинете первого секретаря Чебырлоевского райкома партии, Халима Решидова, Серов, бывший заместителем Берии, сказал, что в селении Нижалой по существу уже пятый день идет война, которую ведут войска НКВД против немецко-фашистского десанта и повстанцев, где с обеих сторон есть тяжелые потери...

Я возмутился ложью и заявил, что всего несколько минут назад вернулся из Нижалоя после недельного пребывания там, что никакой

войны, кроме десятиминутной перестрелки с бандой Шаипова из трех человек, там не было. В ходе этой перестрелки был ранен и взят в плен сын Шаипова, вот и все потери. В тот день там был упомянутый Решидов, Председатель Президиума Верховного Совета республики Тамбиев, заместитель наркома внутренних дел республики Колесников, которые могли видеть и слышать эту "войну", если бы она была. Других военных действий там быть не могло, поскольку фашистский десант был уничтожен еще в сентябре.

Тем не менее Серов передал в Москву свою ложную информацию. Другой факт фальсификации. Нарком внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Дроздов вместе с Серовым и первым секретарем обкома партии Ивановым представили Берии, а тот Сталину, заведомо ложный рапорт о том, что в нашей республике выловлено более 5 тысяч бандитов - чеченцев, ингушей. Рапорт этот сыграл немалую роль при обосновании необходимости выселения народа. Это при том, что даже по завышенным данным НКВД, число бандитов в республике не превышало 335 человек...

То было раньше. Но послушайте, что пишет в наши дни историк С.Дацагов. "...Бандиты в горах загоняли солдат и офицеров Советской Армии, пленив их, в кошары и сжигали, обложив кошары сеном...". Нет слов, чтобы выразить свое негодование по поводу этого неприкрытого злонамеренного вранья. Дацагов поставил все с ног на голову, в чем тоже угадывается попытка частичного оправдания вандалистского акта выселения. К чему все это? Неужели Дацагов верит тому, что пишет?

Я расскажу, как все было на самом деле. Нет,наверное, на свете человека, больнее меня пережившего это жуткое зрелище. 27 февраля шел крупный мокрый снег, грязь, слякоть, дорог в горах нет, а тут еще все размыло и холодный пронизывающий ветер. С самого рассвета к селению Хайбах начали собирать людей со всех хуторов Нашхоевского сельского совета и других селений Галанчожского района, которые не могли сами спуститься с гор. В основном это были больные, дети, старики и женщины. Их собирали в конюшне (не в кошаре и не в сарае) колхоза имени Берии (кощунственное и знаменательное совпадение!) под предлогом формирования транспортной колонны для отправки на равнину. Почему же среди погибших оказались здоровые мужчины, молодые люди? Хорошо помню, что многие заходили в конюшню со своими больными и престарелыми родственниками, чтобы помочь им в дороге.

Точно знаю, что в конюшне собралось не меньше 650 - 700 человек, поскольку стоял перед самым входом. Горцы заходили, ничего не подозревая. Наверное, в этот момент о готовящемся злодействе знали

всего несколько человек, те, кто отдал приказ солдатам обложить конюшню сеном, "чтобы не было холодно...".

А дальше было вот что. Когда все жители окрестных хуторов собрались, ворота конюшни крепко закрыли. Начальник Дальневосточного краевого управления НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Гвешиани отдал приказ поджигать. Я пришел в ужас от сознания того, что сейчас произойдет с этими людьми. Подскочил к Гвешиани и говорю: "Остановите людей, что вы делаете?!" Гвешиани спокойно ответил : "Эти люди нетранспортабельны, их надо уничтожить...". Я вскричал: "Я буду жаловаться маршалу Берии" (тогда мы и не подозревали, что это за человек!). И услышал в ответ: "Это - приказ Серова и Берии".

Дальше было еще ужасней. Нещадный чудовищный костер поднялся до гигантских размеров. Говорят, в экстремальных ситуациях человек способен на невозможное. Я в этом убедился. Когда конюшню объяло пламя, огромные, сильно укрепленные ворота под натиском людей рухнули, и сквозь огонь толпа обезумевших людей хлынула наружу. Гвешиани скомандовал: "Огонь!". Из десятка стволов раздалась автоматная и пулеметная очереди. Бегущие впереди, падая, заслоняли собой выход, целая гора трупов преградила путь бегущим. Никто не вырвался из огня и автоматной блокады. Ни один не спасся. Меня и капитана Громова, который тоже выступил против организованного зверства, отправили под конвоем в селение Малхасты. Нас уводили, а этот ад еще продолжался...

Не дай Бог никому пережить такое зрелище! По дороге, в хуторах, в ущельях, пещерах - повсюду лежали трупы расстрелянных горцев. Особенно много людей было уничтожено в Малхастах. Может, кто-то не захотел конвоировать их на место сбора...

На обратном пути мы с Громовым вернулись в Хайбах. Солдат уже не было. Возле конюшни возилось несколько человек. При нашем появлении они побежали в лес. Все-таки народ выслали и оставшиеся сразу попали в разряд внезаконных, бандитов. Я крикнул по-чеченски, чтобы они вернулись. Один из них, это был Жандар Гаев, подошел к нам. Он был весь в грязи, потный, глаза ввалились. Жандар объяснил, что видел, как все произошло, издалека, и после ухода солдат они - их было пятеро, в день высылки они пошли ночью за дровами и по счастливой случайности остались живы,- вернулись, чтобы предать мучеников земле по мусульманскому обычаю.

Жандар вместе с товарищами проделали нечеловеческую работу. В течение нескольких дней, долбя мерзлую землю, они закапывали трупы. К нашему приходу им удалось похоронить 132 человека. Потом, несколько лет спустя, когда мы случайно встретились в Казахстане, Жандар сказал мне, что всего похоронили 147 человек. Вот откуда эта цифра, фигурирующая как общее число погибших. Но, как я

сказал прежде, жертв было гораздо больше. С моим предположением о численности жертв согласились и члены правительственной комиссии, расследовавшей причину трагедии Хайбаха в 1956 году. Спустя 12 лет под обвалившейся кровлей конюшни члены комиссии нашли останки сотен людей, тех, кого не удалось похоронить Ж.Гаеву с товарищами. Этого человека сейчас нет в живых, но хочу, пользуясь случаем, сделать глубокий земной поклон ему и его помощникам за их мужество и отвагу, за то, что рискуя жизнью, в мороз, без сна и отдыха, они хоронили своих сожженных сородичей, братьев и сестер...

В 1945 году, чуть оправившись от потрясения, я написал письмо Сталину, которому, как и все в те годы, верил безмерно. Рассказал все, как было. Через месяц меня вызвал к себе начальник Талды-Курганского областного управления НКВД Юдин и сказал: "Если еще раз напишешь - лишишься головы!". И меня за это письмо уволили с работы.

Второй раз писал в Москву после смерти Сталина, но Берия был еще жив. Приезжала комиссия, опрашивала свидетелей. Кончилось все очередным испугом.

В 1956 году в Алма-Ату приехал первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. К тому времени я закончил юридический институт и уже успел подняться по служебной лестнице. Хрущев проводил совещание в Алма-Атинском оперном театре, и я решил предпринять третью попытку. Написал ночью письмо с подробным описанием того, что видел, слышал, кто отдавал приказы и т.д. Надо сказать, что Серов к тому времени стал уже председателем КГБ СССР, и я понимал, что добиться официального приема у Хрущева по поводу персоны Серова будет сложно. В оперный театр меня пустили как первого заместителя председателя Алма-Атинского областного суда. И тут, улучив момент, когда Никита Сергеевич во время перерыва шел в комнату отдыха, я подошел к нему и, представившись, отдал свое письмо. Никита Сергеевич вежливо ответил на приветствие, пригласил меня с собой.

Вопреки моим ожиданиям Никита Сергеевич очень внимательно прочитал мое письмо, сам начал расспрашивать о подробностях того февральского утра. Мы проговорили более часа, после чего Хрущев спросил, понимаю ли я ответственность за факты, указанные в письме. Если все это не подтвердится, трудно сказать, что меня ожидает. Вопрос настолько серьезный, что требуется немедленно создать правительственную комиссию.

Вскоре комиссия,очень авторитетная, в которой был заместитель заведующего отделом ЦК С.В.Тикунов, другие ответственные лица, начала расследование в Хайбахе. Вызвали в Чечено-Ингушетию и

меня. Комиссия работала более шести месяцев. Все подтвердилось, как я писал. Серова сняли с поста председателя КГБ СССР...

И вот представьте мое состояние, когда сегодня я читаю тенденциозные измышления С.Дацагова, или рассуждения зам. председателя Гостелерадио ЧИАССР М.М.Аушева о том, что он не сталкивался ни с одним фактом беззакония, произвола и бесчеловечности при выселении чеченцев и ингушей, не видел и не слышал о недозволенных методах, издевательствах, к которым прибегали войска НКВД...

Мне непонятно, почему Аушев и ему подобные пытаются сегодня оправдать работников НКВД, чьи злодеяния известны всему миру, чей кровавый след тянется по всей стране до Колымы и Магадана.

Надо рассказать людям правду, пусть все знают, как погибли 700 жителей Галанчожского района, как исчезли без следа председатель Галанчожского райисполкома Гугаев и шесть районных ответработников, шедших вместе с ним в Итум-Кале для соединения со своими семьями. Где пропавшие без вести люди, родственники которых по сей день ничего о них не знают?

Мы проводим кропотливую работу, ищем фашистских преступников по всему миру, возвращаем их и воздаем должное за их злодеяния. И в это же время палачей собственного народа кто-то продолжает укрывать и защищать от праведного гнева. Люди должны, имеют право знать имена лиц (людьми назвать их не поворачивается язык!), чья личная жестокость, холуйская покорность, услужливость привели к массовой гибели ни в чем неповинных людей.

Записал С.Э.БИЦОЕВ

А К Т

ОБСЛЕДОВАНИЯ МЕСТА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ, ПУТЕМ СОЖЖЕНИЯ И РАССТРЕЛА, ЖИТЕЛЕЙ БЫВШЕГО ГАЛАНЧОЖСКОГО РАЙОНА ЧИАССР ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ ВЫСЕЛЕНИИ В ФЕВРАЛЕ 1944 года.

22 августа 1990 г.

бывшее селение Хайбах,
бывшего Галанчожского района
Чечено-Ингушской АССР

Чрезвычайная комиссия – в составе руководителя группы "Поиск" Советского комитета ветеранов войны КАШУРКО С.С./председатель комиссии/, бывшего I-го заместителя наркома юстиции ЧИАССР МАЛЬСАГОВА Д.Г., прокурора Урус-Мартановского района, члена Президиума Верховного Совета ЧИАССР ЦАКАЕВА Р.У., члена оргкомитета по восстановлению ингушской автономии АХИЛЬГОВА С.Х., учителя Гехи-Чунской средней школы ГАЕВА С.Д. – 22 августа побывала / на вертолете/ в бывшем селении Хайбах, расположенном в горах на территории Урус-Мартановского района.

Произведен осмотр места сожжения и расстрела в конюшне бывшего колхоза имени Берия около 700 жителей, в том числе детей, женщин и стариков.

Заслушаны и записаны на диктофон и видеокамеру рассказы очевидцев невообразимой трагедии в горах.

Для подтверждения совершенного злодеяния против ни в чем неповинных людей произведены раскопки и обнаружены остатки сожженных и расстрелянных.

ВЫВОДЫ: I. Комиссия считает установленным факт массового уничтожения людей в Хайбахе и признает это геноцидом. Виновников этого злодеяния считает необходимым предать суду. 2.Призвать государственные и общественные организации и всех граждан оказывать всяческое содействие проводимой по указанному факту проверке.

КАШУРКО С.С.
МАЛЬСАГОВ Д.Г.
ЦАКАЕВ Р.У.

АХИЛЬГОВ С.Х.
ГАЕВ С.Д.
А. Арапиев

Магомет СУЛАЕВ

ШЕЛ СНЕГ

Отрывок из романа "Горы молчат, но помнят"

...Настала ночь. Заканчивались последние приготовления к предстоящей операции. Полковник НКВД с пятью строчками наградных планок на груди, как приметил Керим, зачитал в зале райкома, при закрытых дверях, всему районному партийно-советскому активу, правительственное постановление, по которому в наступающие сутки выселялись их соплеменники, все - от мала до велика - за "массовую измену Родине", за "неоднократные восстания", за "оказание помощи врагу", хотя все присутствующие хорошо знали, что Чечено-Ингушетия ни дня не была под оккупацией и после установления советской власти не было здесь ни единого восстания. Полковник объяснил активу, что их долг как коммунистов из коренной национальности, хорошо знающих обычаи и местность, помочь спецвойскам обеспечить на своих участках выселение без каких-либо эксцессов: "Начало операции в три ноль-ноль. За преждевременное разглашение предстоящей операции - расстрел на месте. Всем объяснить, что разрешается взять в дорогу лишь недельный запас еды и личные вещи. У кого есть оружие - сдать немедленно. Кто спрячет оружие, будет расстрелян без суда, публично. Взять под стражу лица, даже предположительно способные помешать операции. Их выселение обеспечить следом. Сейчас все, у кого есть, сдайте оружие"...

Полковник, сурово сдвинув брови, окинул строгим взглядом присутствующих. Сотрудники милиции, райвоенкомата, в том числе и Керим, словом, те чеченцы, которые по службе имели при себе пистолеты, положили их на стол перед полковником, а стоявшие рядом два офицера сложили их в ящик.

- Теперь по участкам. Каждому выполнять распоряжения офицера воинской группы, - скомандовал полковник.

Участок Керима был на окраине райцентра. Проходя через площадь, он увидел толпу аульчан, одних мужчин, в снегу, в кольце автоматчиков. Перед ними, под конвоем, стоял юноша лет семнадцати. У него обнаружили наган. Он утверждал, что нашел его и собирался сдать согласно приказу, но ему не верили. Мать его стояла здесь же, в толпе, глядя на сына в немом ужасе, все еще надеясь, что его только попугают. Офицер НКВД в кожаном полушубке, с бумажкой в руках, подошел к юноше и, став рядом, зачитал громко, чтобы все слышали: "...за ношение огнестрельного оружия с целью совершения террори-

стических актов против советских воинов в условиях военного времени - расстрелять..."

Его слова перевели на чеченский язык. Чтобы аульчане все хорошо видели, на юношу навели свет мощных фар "студебеккера". В нем четко обозначились силуэты застывших в ужасе аульчан, их сумеречные лица. Офицер приблизился к юноше сзади, вплотную, вытащил пистолет и выстрелил ему в затылок. Юноша, словно вкопанный, продолжал стоять. Мать смотрела недвижно и была уверена, что его только "попугали". Люди, стоявшие впереди, увидели, как у юноши на лбу возникло черное пятно, а остекленелые, широко раскрытые глаза смотрели в толпу пристально и вопросительно. Стрелявший удивился: "Неужели промахнулся? Ведь в упор?.." Тронул юношу за плечо, и тот рухнул в снег навзничь, Раздался душераздирающий вопль матери. Она бросилась к телу сына. высоко вскидывая руки в черных рукавах, казавшихся неестественно длинными на фоне ослепительно белого снега, медленно падавшего в свете фар. Двое военных преградили ей путь автоматами, взяв их накрест, и ударом прикладов откинули ее назад. Мать упала в снег и осталась лежать, уткнув в него лицо. Над ней наклонился старик:

- Кока, успокойся! Все от Аллаха. Мы бессильны. Надо покориться, перетерпеть... - говорил он срывающимся голосом.

Женщина беспомощно оглянулась, поднялась, посмотрела в сторону тела сына, плотно заслоненного солдатами.

- Да... да... Я перетерплю. Я не стану взывать ни к ним, ни... к Аллаху! - сказала она и тихо, незаметно растворилась в толпе.

Керим молча потрясенно стоял. Снег все валил и вскоре накрыл, как саваном, бездыханное тело юноши. Лишь черный носок его сапожка, да пожелтевший уже кончик носа еще выступали сквозь снег, как из-под одеяла...

Как ни просила Анна Львовна отпустить ее обратно в Эскиной, "к больному ребенку и свекру", ее оставили вместе с другими созванными сюда лицами не чеченской и не ингушской национальности переписывать документы, связанные с выселением. А ровно в три часа ночи она увидела из окна второго этажа, как за рекою вдруг озарился весь их аул Эскиной, словно охваченный гигантским пожаром: и райцентр, и все окрестное нагорье разом осветили сотни мощных фар "студебеккеров"...

А снег все шел и шел. В дома Эскиноя торопливо по двое, по трое входили солдаты с заранее заготовленными карточками с поименным перечнем жителей - от мала до велика. "Опасных мужчин", которые могли бы вдруг "набузить", заблаговременно созвали в аульскую ме-

четь- "для важного объявления перед маневрами" и, обыскав, содержали там под стражей. Теперь оставалось выволочь из домов их семьи - женщин, детей, стариков, построить, чтобы организованно подвести к местам загрузки. На всю эту операцию было отведено два часа. И солдаты войск НКВД, обученные и проинструктированные, что имеют дело не с обыкновенными советскими тружениками, а с изменниками Родины, действовали со всей жестокостью.

Лейтенант НКВД с мрачным лицом подошел с группой солдат и представителем райкома к домику, что стоял на северной окраине аула, и резко открыв дверь, вошел с ними, оставив троих на часах снаружи. Двое разбуженных детей - пяти и семи лет - забились в угол постели, их мать непонимающе уставилась на незванных гостей, сделала шаг им навстречу и, загородив детей, стала, как вкопанная, посреди комнаты.

- Ну, живей!.. Одевайтесь!.. Переселяем вас по решению правительства! Можете взять ручную поклажу, еду на неделю... Живей!..

Представитель райкома перевел. Женщина заплакала, за ней заревели дети.

- А как же их отец? - спросила женщина сквозь слезы.

- Он пока в мечети. Его присоединят к вам в райцентре, - объяснил по-чеченски представитель.

- А как мы... пойдем?.. С детьми?.. - Она растерянно посмотрела на лейтенанта.

- До сельсовета пешком, а оттуда до райцентра - дети на арбе, а ты рядом, пешочком... на своих на двоих! - и он весело показал это на пальцах.

Лейтенант переспросил имена, фамилии, сделал пометки в блокноте. Вывели всех на улицу. К ним присоединили семьи из соседних домов. Набралось около десяти женщин, тридцати малышей. Двинулись пешим строем до сельсовета.

- Шаг влево, шаг - вправо, застрелю на месте! - предупредил лейтенант.

Малолетних детей матери несли на руках, дети постарше тащили узлы, снег все валил. Малыши плакали. Женщины всхлипывали, иные громко взывали к Богу. Солдаты торопили их, и женщины почти бежали. Лейтенанту предстояло по пути забрать людей еще по трем адресам. Он остановился у зеленых ворот. Дернул калитку, сорвал с петель. Тут живет - он знает - учитель, сейчас он в мечети. Вышла из сакли женщина, его жена - продавщица сельмага. Из подворотни кинулась собака. Раздался выстрел: лейтенант уложил пса на глазах испуганной хозяйки. Вошли в дом с тремя бойцами и представителем райкома. Лейтенант сверил людей по списку: хозяйка... трое детей... старушка-мать.

- А где Эдисултан? - спросил лейтенант: он знал - в доме должен быть еще старший брат учителя, инвалид войны, без одной ноги.

- В той комнате...

Оттуда донесся кашель. Эдисултан лежал в постели.

- А ты что лежишь?

- Болею... Все тело горит...

- Вставай. Одевайся. По решению правительства всех вас переселяют.

- Не могу, - больной стонал.

- Знаю. На одной ноге. Инвалид. Но для таких есть арба.

- Но я болею... Не могу...

- Встать, сволочь! А то пристрелю! - взревел лейтенант.

- Не имеете права!.. У меня высокая температура!.. Даже приговоренному к расстрелу дают отсрочку до выздоровления. Я воевал!.. Не пугайте! Меня фашисты не испугали! - и Эдисултан решительно отвернулся в постели лицом к стенке.

Раздался выстрел. С воплями влетели хозяйка и старушка-мать, кинулись на лейтенанта. Двое бойцов прикладами свалили их на пол, дали предупредительные выстрелы в потолок. Лейтенант, иссиня багровый, кричал, размахивая пистолетом:

- А ну!.. Сейчас же на улицу!.. А то перестреляю всех!..

Его карьера зависела от того, насколько образцово он справится на своем участке, и он готов был перестрелять и всех остальных, лишь бы не сорвать задание.

Мать убитого сказала снохе:

- Делать нечего... Надо идти... А то убьют и детей... Эти могут...

Обе, смертельно бледные, молча собрали кое-какие вещички, одели детей и вышли под конвоем, оставив лежать в постели пристреленного Эдисултана, со жгучей болью на душе за него и за себя. Когда прибыли к сельсовету, там под конвоем стояла уже большая группа женщин, детей, стариков. Доставленных на сборный пункт, принимал по спискам старший лейтенант. Лейтенант отчитался:

- По списку все налицо. Один оказался нетранспортабельным...

Старший лейтенант кивнул: согласно инструкции, исходящей от самого Берии, всех нетраспортабельных, как и уклонившихся, следовало пристреливать на месте. По этой причине в Эскиное были пристрелены в постели еще старушка Хадижат, больная сыпным тифом, и мальчуган Сераждин, больной дифтерией...

Старший лейтенант построил переселенцев в шеренги. До райцентра было час ходьбы. Инвалидов, больных и малых детей кое-как разместили на трех одноконных арбах, пустили впереди под конвоем.

Люди шли, поддерживая друг друга, боясь упасть: уже знали - могли пристрелить. Шли быстрым шагом. А снег все валил. Старик

Сайхан, в последнем ряду, известный по селу как полоумный и полуслепой, схватясь за ширинку, бросился с дороги в сторону, на ходу расстегивая брюки. Конвоир клацнул автоматом. Сайхан дико вскрикнул, и крик этот долго стоял в ушах его слышавших, поскольку прозвучал он для сумасшедшего слишком уж разумно:

- Не нада! Не нада!.. Скажите ему, пусть меня не убивает. Ведь я больной. Все село знает, что я сумасшедший!..

Автоматная очередь оборвала его крик. Из колонны на конвоира кинулся одиннадцатилетний Сайдулла, племянник и поводырь Сайхана. Пламя изрыгнуло на него дуло автомата, приравняло его навсегда ко взрослым. Все поняли, что "этим" позволено все, что "этих" не остановишь ничем.

Дальше шли быстрее и ровнее. По прибытии в райцентр всех доставленных из окрестных аулов, собрали на главной площади перед райкомом, где стояло множество гудящих "студебеккеров" с зажженными фарами. А снег все валил, и в свете фар казался хлопьями ваты, медленно ссыпаемыми откуда-то сверху невидимой рукою...

На месте, где лежал расстрелянный юноша, возвышался пушистый белый холмик из чистейшего снега, и ни единая часть тела юноши не была уже видна, и он, казалось, не имел уже ни малейшего, даже самого отдаленного отношения к этому жестокому, несправедливому и непонятному миру. Непонятым им еще в школе остался факт из истории, когда в древнем Риме богатый рабовладелец бросал за ничтожные провинности в пруд, на съедение хищным рыбам, своих рабов, чьими трудами он жил и был счастлив. Не понимал, зачем шах, взяв силой чужеземный город, повелевал растоптать копытами коней всех младенцев на глазах их родителей, только потому, что те отказывались принять добровольно его оковы. Не понял, почему могущественный русский царь, который легко мог сделать добро своему народу, повелел расстрелять своих безоружных подданных, шедших к нему с мольбой о хлебе и справедливости. Постичь не мог, за что гитлеровцы тысячами убивали спящих детей, обмазывая им губы цианистым калием, - ведь не могло быть причиной то, что они родились от евреев. И уж тем более осталось ему непонятным то, что совершали сегодня с его народом в стране, где впервые в истории человечества установилась власть Советская - как отрицание всех былых несправедливостей, жестокостей и непонятностей, как торжество извечной мечты людей, эстафетой пронесенной через восстания Спартака, Джузеппе Гарибальди, Парижской Коммуны до победного Октября 1917 года... "Что происходит?" - был вопрос, который застыл в глазах юноши в его предсмертный час и теперь был запорошен снегом...

Людям, уже собранным с окрестных аулов на площади перед райкомом, до ночи пришлось стоять в окружении солдат на морозе, под снегом, покуда присоединяли к ним их случайно разрозненных близких и тех мужчин, которые были задержаны в мечети. Седобородые старики исступленно молились тут же на снегу, громко взывая к Аллаху о помощи, о спасении их душ, считая, что и впрямь настал судный день. Мерзнущие дети всхлипывали, иные истошно плакали, надрывно кашляя. Взрослые хватались за сердце и падали замертво. Умерших солдаты оттаскивали в сторонку и закидывали снегом...

Наконец, сбор завершили, хотя у многих так и не отыскались их близкие. Женщины заплакали навзрыд, созывая в ночной темноте родных. Начали погрузку. "Студебеккеров" не хватало, людей размещали с переуплотнением, выбрасывая из машин мешающие узлы. Через сутки после начала операции, к шести часам утра "студебеккеры" с переселенцами тронулись в путь, в сторону Грозного.

На площади стало тихо. Завыли и враз замолчали брошеные собаки. В область отрапортовали, что выселение района завершилось без эксцессов.

Анна Львовна, еще находясь на втором этаже райкома, услышала снизу пение и веселый шум. Спустилась, глянула в зал: за длинным столом, накрытым бутылками и снедью, восседали полковник и другие офицеры НКВД:

- А! Заходите! Отметим вместе успешное завершение операции! - пригласил ее полковник.

- Спасибо! Но я беспокоюсь об отце и дочке...

Анну Львовну на "виллисе" доставили в аул к своему дому. Волнуясь - не выселили ли в этой суматохе и ее близких, - вошла в дом. У стенки на своей маленькой кроватке спокойно спала Ниночка, раскинув розовые ладошки. Савва Ильич куда-то ушел. Она торопливо вышла во двор: по всему селу не слышалось ни звука и только из двух-трех труб вился дымок.

А снег все шел и шел. Повсюду было белым-бело, и только на надмогильных шестах-холламах, высоко взметнувшихся над кладбищем в память погибших в гражданской и в этой войне, трепыхаясь, как крылья пойманных птиц, пурпурно алели маленькие красные флажки: еще вчера, нет, позавчера в честь Дня Красной Армии их вывешивали школьники, ее ученики. Теперь их нет. Сердце Анны Львовны тревожно забилось, она медленно направилась к усадьбе Тавсолты. Ее встретила недобрая тишина. Под навесом валялся мешок с кукурузной мукой. Около сарая торчал всаженный в чурбан топор. Увидев ее, тоскливо замычала известная всему селу безрогая корова Тавсолты, на привязи взвыл осиротевший пес Борзиг. Она отвязала его. Пес

подбежал почему-то сперва к корове, лизнул ей ногу, а затем, как ошалелый, побежал вон со двора, поблескивая медным ошейником. Обойдя двор, Анна Львовна вошла, впервые не постучав, в дом. Пусто. На полу валялись разбросанные вещи. В разбитое окно дул холодный ветер. На стене, где много лет висел портрет Ленина, она увидела лишь светлый квадратный след от рамки, да на полу - толстую тетрадку Селиты с красивой узорчатой надписью: "Песни о Сталине". Сталин!

- Что ты наделал? Что ты наделал? - закричала она в пустом холодном доме и громко, исступленно зарыдала, схватившись руками за голову. Она дала волю долго копившимся слезам, изливая в них безутешную боль: и за мужа, что пропал без вести, и за то, что осталась одна с дочерью вдали от родного дома, и за чужих детей, ставших своими, которых она учила и которых теперь так безжалостно увезли... Она не могла понять, в чем их вина, чем виноват Тавсолты, у которого единственный сын, Дауд, ее ученик, убит на фронте?.. Неутомимая труженица Кесира?.. Ее муж Керим, фронтовик, увозимый теперь вместе со всеми своими орденами? Мысли ее перенеслись к тому, что предшествовало выселению, о чем слышала. Неожиданно, по-новому восприняла она теперь и приезд Церетели с месяц назад, прибывшего якобы собрать у населения оружие "для партизан", и визиты в Грозный самого Берии и Кагановича, якобы по "делам обороны", а на самом деле по вопросам намеченного выселения. Все, чему учили ее и чему учила детей она сама, не вязалось со случившимся сегодня. Ее взор, горевший всегда живым огоньком, теперь, потеряв упрямый блеск, светился тускло и вяло. Перестав плакать, она вытерла глаза и медленно направилась домой.

Ветер гнал по склонам изодранные тучи. Словно отец, застывший над трупом сына, в безмолвном раздумье, надвинув папаху по самые брови, потрясенные и онемевшие стояли горы Кавказа.

* * *

Многовагонные товарные составы, в которых обычно перевозили скот, теперь, битком набитые переселенцами-чеченцами, среди которых были и малые дети, и женщины, и немощные старики, и больные, шли в первые сутки, не останавливаясь, по железнодорожной ветке, предусмотрительно подготовленной (заботами Кагановича!..) из Грозного до Гудермеса, оттуда на Астрахань и далее в сторону казахстанских степей. Полмиллиона чеченцев и ингушей в считанные часы было погружено и вывезено из региона. Эшелоны, числом более пятисот, шли на дистанции невидимости друг от друга.

Тавсолта с Селитой и семья Керима оказались в одном вагоне. Но другая дочь Тавсолты - Нурседа - с мужем Расулом потерялись. Было

холодно: как-никак конец февраля. Небольшие железные печи "буржуйки", установленные далеко не во всех вагонах, выручали мало: не было топлива. Изгнанники - и стар, и млад - кутались кто во что мог. Не хватало еды. Мало удалось захватить и воды. Жестко экономили. Но делились с теми, кто не смог ничего взять с собою. Вскоре встал и вопрос: как справлять естественную нужду в переполненном вагоне на глазах друг у друга и куда девать отходы? Дети плакали. Взрослые терпели молча. На вторые сутки Тавсолта утром вырубил в своем вагоне отверстие в полу, соорудил из каких-то палок подобие шатра. Шатер заслонили от глаз занавеской на веревке - от стенки до стенки. Детям стало легче. Чтобы не стеснять женщин - мужчины сидели спиной к шатру. Ехали молча. Состав шел не скоро, останавливаясь на полустанках, но двери вагонов не открывались. Воздух в вагоне стал душным, смрадным. Исступленно заплакал чей-то ребенок. Селита подошла к нему, наощупь определила - жар. Дала пить - отказался. Приложила к его губам смоченный платочек. Малыш притих, но вскоре стал плакать снова. Врача бы, хотя бы фельдшера, но поезд шел, двери вагонов прочно закрыты снаружи, между вагонами нет сообщения. Охранники едут в особом вагоне. Селита подала матери ребенка мякиш от хлеба:

- Разжуй, дай ему: может, он голодный.

Ребенок выплюнул. Снова заплакал. Вагон, мерно стуча на рельсовых стыках, шел и шел. На третьи сутки ребенок в последний раз всхлипнул и замолк. Не слышно стало дыхания. Тавсолта, с ним двое пожилых подошли, прочитали молитву. Мать безутешно рыдала. Плакала Селита. Заплакали остальные женщины. Плач заполнил вагон.

- Будь проклят Сталин! - раздался чей-то голос.

- Аминь! - громко воскликнул Тавсолта. - Аминь!

- Причем тут Сталин: уверен, он и не знает об этом беззаконии! - вмешался Керим.

Селита поддакнула ему.

- В таком случае, если он, вождь, не знает, что творится в его стране, где он должен знать все, будь он проклят дважды! - гневно воскликнул Тавсолта.

Трупик завернули, уложили в углу. Эшелон шел и шел. Остановился. Охранники открыли настежь двери вагона. Впервые на исходе третьих суток. Ворвался освежающий воздух. Один из охранников крикнул в вагон:

- Выделите старосту. Здесь вам выдадут бесплатно хлеб и горячую похлебку в вашу тару. Торопитесь!

Керим с одним подростком, взяв пустой мешок и ведро, последовал за охранником. Ко второму охраннику подошла Селита:

- Как быть? Умер ребенок...

- Сейчас! - Охранник спешно ушел, закрыв двери вагона. Вернулся с представителями санитарной службы.

- Трупы возить не разрешается! - заявил санитарный инструктор.

- Хоронить нет времени! - сказал охранник.

Мать, у которой забрали тело ее ребенка, билась об пол, рвала на себе волосы. Вернувшийся с подростком Керим передал женщинам хлеб в мешке, и суп в ведре. Сказал в пространство:

- Из других вагонов тоже унесли... Умерших...

Двери с шумом задвинулись. Щелкнули запоры. Померк свет. Все понуро молчали. Мало кто притронулся к еде. После четвертых суток эшелон останавливался уже регулярно, на заранее определенных станциях, где открывались двери вагонов и выдавалась горячая похлебка.

* * *

Эшелон остановился вдруг не на станции, а прямо в степи, безбрежно простиравшейся вдаль и вширь, блистая на солнце подталым, еще слепящим снегом. Разрешили выйти на свежий воздух: здесь не скроешься, не убежишь - все видно. Кесира возилась в углу с Каташем. Селита, прислонясь к дверям, вдыхала свежий воздух. Из соседнего вагона спустился и прогуливался по насту вдоль эшелона молодой лейтенант - чеченец в полной офицерской форме. Такие тоже встречались в эшелонах: приехавшие из воинских частей после ранений домой на побывку военнослужащие-чеченцы подлежали выселению так же, как и их родные. Селите было странно, что лейтенант - фронтовик и при орденах, тоже переселенец, да еще подчиняется сейчас охраннику-сержанту. Из третьего вагона вышел старичок с белой бородкой, переговорил со своим охранником, и устроился по нужде, чуть поодаль, под прикрытием вагона, прямо на снегу, спустив полы бешмета до наста. Но тут же вагоны вздрогнули, эшелон загрохотал буферами. Раздался издалека, с головы поезда, окрик: "Готовьсь!.."

Лейтенант-чеченец быстро влез в свой вагон. Охранник крикнул старику:

- Эй, джигит! Марш в вагон! Быстро!

Но старик замешкался, эшелон еще раз дрогнул и медленно тронулся. Охранник, свирепея от ярости, подбежал к сидевшему в той же позе старику.

- А ну, живей, бандюга!

Старик тяжело стонал, весь в поту, красный, с надувшимися жилами на висках и на шее.

- Кому говорю! Вставай!

Старик не встал. Поезд набирал скорость. Охранник вскинул автомат, выстрелил старику в спину. Старик развалился на снегу. Видевший все это молодой лейтенант-чеченец, вылетев из своего вагона,

бросился на охранника. Тот успел уклониться и мгновенным выстрелом свалил навзничь и лейтенанта. Затем бегом догнал свой вагон и вскочил на подножку.

Селита, онемев от увиденного, отошла в угол вагона, зарыдала. Эшелон, набирая полную скорость, с четким перестуком колес, несся по безбрежной степи. Позади, на снегу, двумя черными пятнами на белом фоне, остались лежать старик и молодой лейтенант.

Поезд опять стал в степи, на полустанке. Открыли двери. Из соседнего вагона донеслись крики, плач и шум. Кто-то умер опять?.. Оказывается, разрешилась беременная, но мертвым ребенком. Его тут же, запеленав, унесла пришедшая с охранником медицинская сестра из эшелонного медпункта. Из того же вагона на глазах у всех двое санитаров вынесли старика в бреду, на носилках, и осторожно уложили в снегу.

- Вот так - и вошки замерзнут... А то пошел бы сыпняк по эшелону, - сказал один другому, и оба побежали к своему вагону. Взошли. стряхнули снег с обуви.

Поезд тронулся. На следующей станции изгнанникам снова выдали хлеб, горячую похлебку.

Пуще голода и страданий мучило недоумение: случившееся казалось настолько диким, что многие убежденно считали, что все это дело рук неких невыявленных врагов Советской власти и что обо всем этом еще не знает ни Сталин, ни высшее Советское правительство. Но вот-вот скоро узнают, и тогда эти эшелоны повернут обратно на Кавказ.

В эшелонах возникали, перелетая из вагона в вагон слухи, что, мол, правительству, наконец-то, стало все известно, и эшелон со следующей станции направят обратно домой. Эти слухи и раздражали Керима своей нелепостью, и забавляли простосердечной наивностью, и радовали - неистребимой верой простых людей в Советскую власть. Размышления Керима были прерваны остановкой. Открылись двери вагона. Весеннее солнышко... Тепло... И откуда-то совершенно неожиданно ворвалась веселая, шумная танцевальная чеченская мелодия. Керим не поверил своим ушам: "Неужели и впрямь слухи оправдались?" Выглянул, охранник махнул рукой, и он спрыгнул на перрон. По какой-то дорожно-технической причине здесь скопились и стояли еще два переселенческих эшелона. Между ними - на удобной площадке - молодые переселенцы встали в круг и затеяли танцы с музыкой под гармонь. Молодой чеченец в каракулевой папахе, в сапогах и в галифе, выскочил на середину площадки и крикнул:

- Пусть сосет вымя свиньи тот из нас, кто покажет себя малодушным в этот день!

Легко влетев в круг, он пустился в пляс. Розовощекая девушка в красной косынке, стоявшая в ряду подруг, гордо подняв голову и грациозно расправив руки, включилась в танец с молодым человеком. Керим смотрел, как завороженный. Сзади себя услышал:

- Нет, не сгинет чеченский род!

Обернулся: Тавсолта, довольный, покручивая кончик уса, улыбчиво спросил Керима:

- Зачем не танцуешь?.. Эх, будь я моложе!..

Это услышал молодой человек в галифе и, выходя из круга, подошел к Тавсолте:

- Отец! Вспомните молодость, покажите, как танцевали наши старшие.

Тавсолта, по-молодому выпрямив грудь, степенно вышел в круг, и стал лихо танцевать с тою же девушкой. Изумленно смотрели на него подоспевшие Кесира и Селита. Все, стоя, били в ладоши, пока Тавсолта, закончив танец, не вернулся на свое место. В танцах сменялась пара за парой. А дальше случилось и совсем неожиданное: парень, тот, застрельщик, подослал сватов к своей напарнице по танцу в красной косынке. Она дала согласие, он нарек ее своей женой, и тут же они договорились: как только прибудут на место поселения - станут жить семьей.

- Он, знаешь, он - настоящий мужчина! - сказал Кериму Тавсолта.

- "Пир во время чумы", - шепнула Селита на ухо Кесире.

Тем временем к чеченцу, теперь уже жениху подошли два охранника:

- Пошли с нами.

- Куда?

- В вагон-карцер. На сутки. За нарушение порядка...

Эшелон, в котором ехали вместе семьи Керима и Тавсолты, наконец-то прибыли к месту. С протяжным металлическим скрипом распахнулись двери вагона. Ворвался свежий воздух с запахами первых степных трав. Заглянул, улыбаясь, высокий, здоровенный сержант-сибиряк, их охранник.

- Ну! Доехали. Выходите! - сказал он, сам радуясь концу пути.

Все облегчено вздохнули. Стали выходить с вещами, сержант передавал их, пересчитывая и сверяя по списку, приехавшему встречать молодому казаху в военной форме с погонами лейтенанта. В сторонке стояло еще несколько человек и в военной форме, и в штатском, а поодаль, за ними, множество необычно крупных фургонов, запряженных волами, тоже непривычно для горцев крупными. Около них, лениво перекуривая, стояли возницы в лисьих шапках-малахаях. А за ними - несколько оседланных лошадей.

Когда сосчитали всех вышедших из вагона - одного не хватило. Сержант удивился: в дороге он не раз их пересчитывал. Но тут же двое чеченцев, вновь поднявшись в вагон, вынесли оттуда на руках юношу с восковым лицом, опушенным первой бородой. Он скончался в дороге два дня назад, но мать умолчала о его смерти, усадив в углу на ящик, чтобы не вызвать подозрения часового. И теперь он лежал с подогнутыми ногами и на его восковом лице застыл вопрос: казалось, он силится что-то понять. Сержант покачал головой, подошел к лейтенанту и протянул ему листок с перечнем людей. Лейтенант, казах, медленно расписался и вернул. Выгрузив людей еше и из соседнего вагона, поезд пошел дальше, даже не открыв дверей других вагонов.

Принявший переселенцев лейтенант не позволил им нести труп далеко, и старики-чеченцы решили захоронить его здесь же. Они хлопотали около покойника, лежавшего на пестром войлоке. Поскольку их торопили и не было поблизости воды, они лишь кое-как соблюли обряд омовения трупа, собрав до последней капли оставшуюся у них в бутылках воду в один медный кувшинчик. Вместе с Тавсолтой прочитали над умершим ясын. Шестеро, что помоложе, торопливо копали невдалеке могилу. Взволнованный крутился здесь оказавшийся с ними в одном вагоне, случайно отбившийся от своих близких ингуш Рашид с седеющей большой головой, с красивыми черными, но ничего не видящими глазами, известный в своих краях слепой певец. Горько причитала мать умершего, то бросаясь к трупу, обнимая его, то воздевая руки к небу. Близкие оттащили ее силой.

- Да, тяжело ей... последнего сына! Двое пропали на войне, - сказал кто-то.

- Тяжело... Но есть и за что благодарить Бога: не сбросили в пути, а довезли... Хороним по-человечески, знаем, где могила, - возразил другой.

Старики, расстелив войлоки, встали для заупокойной молитвы.

- Нет!.. Нет!.. - дико закричала мать. - Напрасны все намазы!.. - Несчастен наш народ! И Аллах нас не спас, и Сталин против!

- Он - даджал[1]! Он выслал нас сюда, чтобы без пуль извести весь наш народ! - вмешался слепой Рашид.

Покойника похоронили. В ровной бескрайней степи поднялся одинокий могильный холм. Все стояли притихшие:

- Наш первый могильный холм... Отныне нам множить их в этих

[1] Даджал - антихрист у мусульман.

степях, - вырвалось у кого-то.

- Да превратится он в карлаху[1] Сталина! - сказал Тавсолта.

Селита осмотрелась: за одиноким полустанком не видно ни домов, ни деревьев. Далеко, без края, расстелилась гладкая обветренная равнина: лишь на горизонте, на фоне синего неба, четко вырисовывался черный силуэт двух медленно идущих верблюдов. Ей, никогда не выезжавшей из дому, степь эта показалась устрашающе бескрайней и пустынной: "Как люди здесь живут?" - подумалось ей невольно.

Лейтенант-казах, подождав, пока они все закончат, решил было поторопить их, но в эту самую минуту, разрезая тишину, нависшую над степью, взвился удивительно напевный голос:

В этой далекой пустыне, где нет матери, -
Чтобы оплакать тебя, -
Над тобой завоет голодная волчица...

Один из одетых в штатское, задумчиво стоявший рядом с лейтенантом, взял его за локоть и удержал от распоряжения. Голос подымался все выше и казался глухим стоном, идущим из самых недр земли и возносящимся к небу, взывая о помощи и справедливости:

В этой далекой стороне, где нет и сестры,
Чтобы причитала по тебе,
Над тобой с криком опустится черный ворон...

Все застыли. Селита с ужасом смотрела на ворон, в самом деле всполошенно кружившихся над ними с холодящими душу криками.

Где ее настигнет темная ночь -
Там останавливается синяя птица,
Где бой гремит поопаснее -
Там останавливается храбрый молодец.

Рашид, сидя на корточках, приложив левую руку к уху, весь ушел в свою песню: он был переполнен народным горем, перехлестнувшим через край.

Где тот, кто, надев вместо бурки,
Износил это синее небо,
Что без дна разверзлось над нами?
Где тот, кто, надев вместо сапог,
Истаскал эту черную землю,
Что без края раскинулась перед нами?..

---

[1] Карлах - "холм проклятия". Одна из древних форм всенародного порицания: с проклятием в адрес особо запятнавшего себя перед народом каждый проходящий мимо бросает в одну кучу по камешку, образуя таким образом карлаху - "холм проклятия".

Перекатываясь на невидимых волнах, разносились далеко по равнине могучие звуки песни.

Перед мысленным взором Селиты вставал образ гордого юноши, чье бездыханное тело осталось лежать одиноко посреди бескрайней степи, а над ним, как теперь вот здесь, зловеще кружились вороны. Юноша мог бы, наверное, и не погибнуть, если бы похож был на нежную синюю птицу, которая останавливается сразу там, где ее настигнет ночь. Но нет, юноша не захотел пройти мимо места, где шел бой за народное дело, наоборот, он бросился туда, где шел бой за народное дело, наоборот, он бросился туда, где бой поопаснее и сложил там свою голову. Скорбная мелодия потрясла Селиту своей небывалой силой, пронзила ее сердце и показалась ей глубоко созвучной их нынешнему положению. И казахи, стоявшие здесь, знающие толк в песнях, слушали притихнув. Они, хоть и не понимали слов песни, были потрясены силой скорби, выраженной в ней.

И где тот, кто не вкусив сладости любви в этом мире,
Вкусил ее в тесном склепе могильном?

Последние слова песни, прозвучавшие как страстный призыв к людям быть счастливыми здесь, на земле, прозвенев наиболее чисто, унеслись быстро ввысь, как вырвавшаяся из рук птица, и растаяли далеко в небе...

Грозный

Дж. УМАЛАТОВ

Я ПОМНЮ...

Февраль 1944 года стал роковым для моего народа - чеченцев-аккинцев, или ауховцев, издавна живших на территории Дагестана, так же как и для наших кровных братьев - чеченцев и ингушей. Не было среди нас человека, которого не коснулось это жестокое и ничем не обоснованное выселение с родной земли. Беда смертельно ударила по всем и каждому. Мне в ту пору было уже пять лет, и я все хорошо помню и расскажу о своей семье.

Отца, Умалатова Зулумхана, забрали на фронт в начале 1942 года. Осталось нас трое - мать, старший брат Селамгирей и я. Вернее, четверо: мать, пожалевши, приютила бродячую девочку, лет шести, аварку.

23 февраля жителей села согнали в клуб и объявили, что всех выселяют, времени на сборы дают два часа.

Вещи, которые было разрешено взять с собой, люди кидали в кузов грузовика, а потом влезали туда сами. Подошла наша очередь. Солдат заглянул в список и сказал, что нас должно быть четверо, то есть с той самой девочкой-аваркой. Мать нарочно оставила ее дома, ведь аварцев не выселяли, а куда повезут всех и что с нами сделают, никому не было известно. Но объяснить это солдату не удалось. Сесть в машину, в которой находились наши вещи, он не позволил. Покуда мы ходили за оставленной аварочкой, машина ушла. Нас посадили на следующий грузовик, и когда мы добрались до станции Хасавюрт, оказалось, что все, кто уехал раньше, уже отправлены эшелоном, а вместе с ними и наши вещи. Мать ехала в ссылку, не имея ничего на руках, кроме малых детей. Благодарение Аллаху, что у нее были деньги. Без них мы умерли бы с голоду еще в дороге_ Сразу скажу, что аварочку впоследствии у нас забрали в детский дом, и судьба ее так и осталась нам неизвестной.

Привезли нас в Северный Казахстан, в совхоз Кызыл-Аскерский Приишимского района на ферму номер три.

Детская память очень острая. Начиная с сорок пятого года, ярко помню многое. Летом, после уборки урожая, мы с матерью ходили по стерне, выискивали колосья пшеницы. Дома молотили их, а зерно мололи на "рушилке" - домашней ручной мельнице. Крутить ее жернов было трудно, но это приходилось делать ежедневно. Весной тайком собирали в колхозном поле оставшуюся с осени и замерзшую в земле картошку. Кроме этой мороженой гнили, ели лебеду, крапиву и другие травы, названия которых я не знаю.

Смерть безжалостно косила людей. Помню семью, жившую в одной с нами комнате: старые Алип и Райганат с сыном. Первой умерла Райганат. Ее не в чем было хоронить, и мать отдала нашу единственную простыню. Старик Алип был абсолютно слепой, но он умудрялся ходить в лес за дровами, а сын его с рассвета и до поздней ночи пропадал на работе. Вскоре ушел из жизни и старик, саваном ему послужила наша кошма.

Следующим скончался пятнадцатилетний Мовладин, тоже живший в этой комнате. Он перед выселением приехал погостить к тете. С нею и отправился в ссылку. О судьбе родителей мальчик ничего не знал. Зимой Мовладин возил сено на быках. Одежды теплой у него не было, он простудился и заболел. Я и сейчас слышу его жалобный стон, помню, как он просил свою тетю скорей поехать домой к родителям или привезти их сюда, и как умер, глядя на дверь.

Потом умерли два маленьких мальчика, братья Камалудин и Жамалудин. Потом, тоже от простуды, - моя двоюродная сестра Яхмат, - ведь одежды, рассчитанной на лютые казахстанские морозы, ни у кого

не было. Къяхи Муртазалиев умер от голода. И еще, только за сорок пятый год, умерло много детей, имен которых я не помню.

В сорок шестом году мы по-прежнему жили несколькими семьями в одном доме. Голод не отступал. Ели хлеб из гнилой пшеницы, овса, ячменя, проса. Однажды беспризорники, которых было много в селе, принесли матери в шапках ворованную пшеницу, хорошую, чистую. Мать обменяла ее на что-то. однако вскоре явились солдаты и милиция, устроили обыск и забрали зерно. А мать долго после того таскали в комендатуру.

Летом сорок седьмого года мы услышали, что в село Андреевку к знакомым нам ауховцам приехал с Кавказа некий аварец по имени Ильяс. Аварцы могли свободно ездить по стране. А мы не имели права без особого на то разрешения выйти даже за пределы села. Но все-таки мать решилась украдкой сходить в Андреевку. Она сказала Ильясу, что в соседней Киргизии во Фрунзенской области находится на поселении ее отец, наш дедушка, который ничего о нас не знает. Матери хотелось передать ему весточку о том, что мы живы. Но Ильяс с готовностью предложил вообще перевезти всех нас в Киргизию, будто бы как свою семью. Мать доверилась ему и пошла на отчаянный риск.

И вот мы с Ильясом двинулись в город Петропавловск. Мать, в благодарностъ за помощь, дала ему тысячу рублей и сказала, что в чемодане у нее есть еще три тысячи, котрые можно истратить в дороге, если понадобится. В чемодане было все наше имущество и все состояние.

До железнодорожного вокзала мы добрались впотьмах. Ильяс велел нам взять его маленький чемоданчик и первыми идти в битком набитое людьми помещение, а наш чемодан, большой и тяжелый, он, мол, понесет следом. Я помню, как ухватился за ручку чемодана, он был мне как раз до подбородка, и крикнул маме: "Давай сами понесем!" Но Ильяс грубо оттолкнул меня: "Иди, пацан, за своей матерью!" В дверях я оглянулся и увидел, как он быстро скрылся в темноте. А к нам сразу подошел милиционер и потребовал документы и разрешение на выезд. У матери, естественно, ни того, ни другого не было. Нас забрали в милицию.

Нужно отдать должное милиционерам: они несколько часов ждали Ильяса. Мать объясняла, что вместе с нами есть человек, у которого находятся все документы. Конечно, никого в милиции так и не дождались. Интересно, что Ильяс, как позднее мы узнали, поехал-таки в Киргизию к отцу нашей матери, рассказал ему, что встречался с нами, что мы все живы-здоровы и передаем ему привет.

Нас же вновь вернули на место, на ферму номер три, а маму вызвали в район, и больше мы ее не видели до пятидесятого года.

Обворованные, не имея ничего, ни еды, ни одежды, ни денег, мы остались у чужих людей: десятилетний Селамгирей и семилетний я. Очень скоро нас безжалостно выставили на улицу, и мы превратились в бродяг. Перебивались со дня на день случайными подачками сельчан.

Когда наступили холода, нас забрал к себе дядя, брат нашей матери. У дяди была большая семья, и его жена не взлюбила нежданных нахлебников. Особенно ей не по душе пришелся мой брат. Она заставляла его работать, не покладая рук, наравне со взрослыми, а держала впроголодь. Если же случались какие-то детские проказы, то виноватым всегда оказывался он, а не ее дети, которые охотно пользовались этим. Селамгирей долго терпел, однако, едва наступила весна, ушел из дому и стал работать подпаском, помогая пасти рабочих быков в сенокосной бригаде. Если он появлялся в доме повидаться со мной, его грубо выгоняли. Мне было жалко брата, и по ночам, когда все засыпали, я тихонько впускал его в дом. Мы вместе спали на полу у входной двери. Иногда это замечали, и тогда мне сильно попадало.

Как-то раз, работая на огороде, мой двоюродный брат пожаловался отцу, что я отлыниваю от работы, хотя я старался, как мог. Дядя разозлился и замахнулся на меня палкой. Я убежал от него, и с этого времени началась моя самостоятельная бродячая жизнь.

Первую ночь я переночевал в школе, забравшись туда через окно. Рано утром меня обнаружила уборщица и прогнала, пригрозив, как следует. Следующие ночи я проводил у летних печек, построенных прямо на улице. Сельчане топили их кизяками и готовили на них еду. К ночи печка свое тепло еще сохраняла, и я, прислонившись боком к ней, сворачивался на земле калачиком. Утром, перед тем как хозяйки начинали готовить завтрак, я уходил бродить по улицам.

Однажды ночью была сильная гроза, я промок до ниточки, продрог, перепугался и, не зная куда деться, вбежал в первый попавшийся дом. Только я сунулся в сени, вышла бабка и... не прогнала меня, не обозвала вором, а пожалела. Завела в комнату, стянула все мокрое, развесила сушиться, накормила и уложила спать на мягкой кошме. За всю мою семилетнюю жизнь не знал я слаще сна и приятнее постели. Бабка дала мне даже одеяло и подушку. Утром я, разумеется, ушел, но навсегда остался благодарен этой доброй женщине.

Грозы в Казахстане случаются часто. Теперь я стал опытнее, и приглядел себе для ночевок вагончик, в котором переодевались и обедали рабочие сенокосной бригады, при которой подпаском был мой брат. Бригада работала все лето, переходя с места на место и перетаскивая вагончик за собой. Я выяснял, куда его должны перевезти, и проделывал вслед за ним по три - четыре километра пешком.

Особенно запомнилась мне одна ночь. Вагончик стоял далеко от села, на опушке леса. Я приплелся сюда засветло. Повара жалели меня

и иногда подкармливали обедом. Закончив работу, бригада уехала в село. Брат спросил, поеду ли я с ними, но я отказался, ведь там мне негде было ночевать. Когда все уехали, я побродил вокруг в поисках чего-нибудь теплого (вдруг кто-то из рабочих - так бывало - оставил свою телогрейку), но ничего не нашел и, войдя в вагончик, лег спать прямо на голом полу. Проснулся я вскоре от комариных укусов. Тучи комаров проникли в вагончик через разбитое окно и от них не было никакого спасения. Тогда я вздумал забраться в котел, в котором готовили пищу, и накрыться крышкой. На круглом глубоком дне было не до сна, но все же здесь не донимали комары. Скрюченный, полежав немного, я почувствовал еще и нестерпимый холод металлических стенок котла. Пришлось вылезти. Прыгая от холода, я с нетерпением ждал утра. Выйти впотьмах наружу было страшно: кругом по степи рыскали волки.

На рассвете к вагончику подскакал пастух, вошел, покачал головой. Ему стало жаль меня. Он отдал мне свою телогрейку и посоветовал залезть в балаган, сделанный из сена. Там было тепло, и я уснул.

С тех пор я больше не ночевал в пастушьем вагончике, а приспособился спать под плетенными из ивовых прутьев коробами, в которых перевозили разные грузы. Когда же участились осенние дожди, устроился в кабине трактора, что стоял возле кузницы. Иногда спал в сеялке, спасаясь от дождя крышкой, однако было очень холодно.

К такому образу жизни я постепенно привык, и насмешки над тем, что я чеченец, то есть самый презренный человек, уже принимал как должное.

Однажды я увидел в селе высокого, заросшего густой бородой человека в буденовке и с сумой за плечами. Штаны и шинель были разодраны, висели клочьями. За ним тянулась ватага ребятишек, дразнили его, кто как мог. Человек не оглядывался. Он был до того худ и изможден, что пошатывался на ходу. Когда он приблизился, я расслышал чеченские слова: "Умираю от голода".

Я знал всех сельских ребят. Они не обижали меня, наоборот, подкармливали, как могли: кто приносил кусок хлеба, кто огурец, кто картофелину, кто луковичку. Я объяснил ребятам, что человеку плохо от голода. Они сразу же сделались серьезными, перестали его дразнить и разбежались по домам. Не успел я усадить странника на траву, как они вернулсь с домашней снедью. Глаза изголодавшегося загорелись при виде еды, но ко рту он не поднес ничего, трясущимися руками все сложил в пустую суму. Собрались женщины, вынесли муку, еще что-то. Странник благодарно прижимал руки к груди, говорить он не мог. Тяжело поднялся с земли и пошел в обратный путь.

Старшие сказали мне после, что это чеченец Крымсултан Гоймасов, красный партизан, воевавший за Советскую власть в Чечне и

Дагестане, живет он в казахском селе Бексеит в восьми километрах отсюда. Вскоре Гоймасов умер, похоронили его в той самой драной партизанской шинели. Не во что было обернуть его тело.

Осенью я сильно заболел и пришлось снова проситься к дяде в сени. Его просторный глинобитный дом был построен на казахский манер. В сенях стояла большая низкая печь, на которой можно было лежать, как на нарах. Невыносимо болел живот. Иногда меня становилась жалко даже дядиной жене. Она нагревала кожаную шапку и бросала ее мне. Я прикладывал приятное тепло к животу, но и оно мало помогало.

Тайком приходил брат. Я в темноте тихонько впускал его в сени, а рано утром он, незамеченный, уходил. С каждым днем мне становилось все хуже. Я уже не мог вставать. Брат решил отправить меня в больницу на центральную усадьбу. Туда раз в день ездили за почтой.

Брат взвалил меня на спину и потащил к почтовой бричке. Попросить кучера подогнать ее поближе он не осмелился. Ноги Селамгирея подкашивались от тяжести, он сам был очень слаб. То и дело мы останавливались. Это заметила старая чеченка Фатима и помогла донести меня до брички. Но кучер объяснил, что без направления местного фельдшера в больницу не возьмут. А здешний фельдшер находится на ферме номер один в восьми километрах от нашего села. Что делать?

И добрая Фатима отнесла меня к фельдшеру - это за восемь-то километров! Фельдшер без слов дал направление в больницу, устроил на попутную повозку.

Врачи определили: дистрофия, сильное истощение организма. Пролежал я в больнице месяц. И как же мне не хотелось выписываться оттуда!

Вернувшись в свое село, я снова начал голодать. Наступила новая зима, и опять мы прятались от стужи в дядиных сенях. Однажды, не стерпев, я завыл. Дико, протяжно. Жена дяди выглянула из комнаты и зло потребовала: "Перестань выть по-волчьи!" Брат ответил, что я не озорую, мучаюсь от голода. Тогда она принесла ведро пшеницы и рушилку, которую с трудом крутили по двое взрослых, и велела намолоть муки, пообещав за это испечь нам лепешки.

Выбиваясь из сил, брат до самого вечера крутил жернова. Я не мог ему помогать, руки висели плетьми. Пшеницу он смолол всю, но лепешек нам так и не дали.

Когда морозы стали особенно лютыми, а температура в сенях почти такой же, что и на улице, нас впустили в дом, под нары, и даже давали иногда свои объедки.

Часов в пять меня будили и отправляли по полной темноте гнать совхозный скот, за которым ухаживал мой дядя, к незамерзающему

озеру на водопой. Это было метрах в трехстах от дома. Однажды был сильный буран, он буквально срывал с моих плеч все, что на них было. Я спрятался за сугроб от пронизывающего до костей ветра. И забылся. Нашел меня там уже без сознания, обмороженного, и принес под мышкой домой наш конюх, однорукий казах Касенов...

Писать воспоминания детства очень трудно: это целая вереница горьких, безрадостных дней. То всплывает в памяти, как приходилось ночевать на кладбище, то, как тонул в озере, то, как чуть не погиб под гусеницами трактора. Сам не знаю, каким чудом я сумел выжить. Впрочем, нет, знаю. Конечно, только благодаря добрым людям, которых во время высылки встречал все-таки много чаще, чем плохих. Я помню их и благодарен им всем.

6 января пятидесятого года в село вернулась мать. Уголок до конца холодов нам нашелся, а летом из пластов дерна построили себе землянку, в которой прожили пять лет. В пятьдесят пятом году мы все же переехали в Киргизию к маминому отцу. Там с помощью родственников и земляков построили настоящий дом, а когда был снят режим спецпоселения с народа и появилась возможность по оргнабору рабочей силы поехать ближе к родному месту, продали дом совсем за бесценок и переехали в Дагестан.

Теперь родное село было совсем близко, и, конечно, мы мечтали попасть в отчий дом, но на всех дорогах и тропах к нашим бывшим селам стояли вооруженные военные посты. Вокруг тех мест, где нас поселили, была установлена круговая охрана. Возвращение "к себе" оказалось возможным только на словах.

И по сей день мы живем там, куда нас поселили. А дома отцов, дедов и прадедов - совсем неподалеку от нас, но там живут чужие люди.

Я помню, как вместе с другими детьми пел в школе: "Широка страна моя родная..." и "За детство счастливое наше спасибо, родная страна". Пел и ничего не понимал!

После редепортации северокавказских народов наших юношей вновь стали призывать в армию, чтобы охранять и защищать большую Родину. А наша малая Родина, истерзанная и поруганная, так и осталась без охраны и защиты... Неужели навсегда?!

Перевод с чеченского
Татьяны САРТАКОВОЙ
1990

Председателю Совета Народных Комиссаров
Дагестанской АССР
тов. Даниялову

Секретарю Дагестанского Обкома ВКП(б)
тов. Алиеву

По поручению Совета Народных Комиссаров РСФСР мною проверено состояние учета, хранения и реализации имущества оставшегося от спецпереселенцев быв. Чечено-Ингушской АССР. Проверка проводилась в ряде селений и районов. Одновременно проверялось хозяйственное заселение новых районов. О результатах проверки считаю неоходимым поставить Вас в известность. Материалы проверки[1] прошу обсудить и принять меры, направленные к устранению вскрытых недостатков.

I. Об учете, хранении и реализации имущества спецпереселенцев

В связи с переселением чеченцев и ингушей перед республиканскими и районными организациями Дагестана стали две следующих задачи:

1) заселить, быстрее восстановить и освоить новые районы;

2) бережно сохранить и хозяйственно целесообразно использовать оставшееся от спецпереселенцев имущество.

К разрешению последней задачи районные организации, Наркомфин и Дагсоюз подошли непродуманно и безответственно, недооценив всей хозяйственно-политической важности этого вопроса. Прошло более полугода с момента спецпереселения, однако и до сих пор Наркомфин и районные организации не провели сколько-либо полного учета оставшегося от спецпереселенцев имущества.

Безудержное хищение и разбазаривание имущества спецпереселенцев, начавшееся вскоре после выселения, сейчас хотя и несколько и спало, но это произошло вследствие того, что значительная часть лучшего и пользующегося наибольшим спросом имущества уже растащено и приведено в негодность. Сколько, какого и на какую сумму этого имущества принято от местных комиссий в республике никто не знает. Неизвестно также на какую сумму реализовано его. Однако ясно, что в бюджет, по данным Дагконторы Госбанка на 1/УШ с.г. поступило лишь 17OO тысяч рублей. Между тем лишь на десяти складах Ново-Лакского района этого имущества (по первичным актам)

---

[1] Печатается в сокращении

находилось на 3,2 млн. рублей, а в Веденском районе, по неполным данным, на 2,7 млн. рублей. Уже судя по этим данным можно сказать, что в бюджет поступила лишь незначительная часть средств, хотя большая часть имущества со складов исчезла или приведена в негодное состояние.

Часть районных организаций партийных и советских не только не сумели организовать борьбы с расхищением имущества, но сами стали на путь преступного разбазаривания и растаскивания его.

Так, и.о. председателя Ново-Лакского райсовета Юсупов Халид приехал в Бонай-Аул налегке с одним вещевым мешком и полностью экипировался за счет имущества спецпереселенцев. У него как бывшего председателя местной комиссии проверкой обнаружена недостача 4-х ручных швейных машин, 4-х - ножных, 9 подушек, 26 паласов, 3О ковров, 6 велосипедов, 12 чемоданов, большого количества кроватей и мебели. По объяснению тов. Юсупова, это имущество им было роздано различным лицам и не оформлено расписками.

Легкое, негосударственное отношение к имуществу спецпереселенцев проявляют и лица, призванные блюсти порядок и законность.

Бывший заместитель начальника РО НКВД Ново-Лакского района Магомедов вместо борьбы с хищениями общественного и государственного имущества, пользуясь создавшейся бесконтрольной обстановкой, сам занялся хищением и присвоением государственного имущества и зерна. Из склада колхоза им. Чапаева Магомедовым взяты две никелированных кровати и около 5О-ти штук разной фарфоровой посуды. Этих кроватей в настоящее время недостает у зав.складом Абдулаева.

В селении Алты-Мирза-Юрт Магомедовым были арестованы без всякого на то основания местные жители - аварцы: Шабанов Абдула, Алиев Иби, Акаев, у которых было изъято все имущество и сдано на склад. Из этого имущества Магомедовым взят один дубовый комод, 5 пудов кукурузы и все это увезено в Хасав-Юрт.

Позднее арестованные были освобождены вновь назначенным начальником РО НКВД Гасановым, но имущество им не было возвращено.

В том же Алты-Мирза-Юрте из помещения сельисполкома, несмотря на категорические возражения председателя Сельисполкома Мудуева, Магомедов взял стенные часы и увез их.

Перечень присвоенного имущества и незаконно изъятого у колхозников Магомедовым можно было бы значительно продолжить. Подобный исчерпывающий материал на Магомедова имеется у секретаря Ново-Лакского РК ВКП(б) т. Цахаева, направленный туда прокурором района.

В прокуратуре республики имеются данные (требующие дополнительной проверки) о присвоении вещей и зерна председателем Ритлябского райисполкома Абдуллаевым и секретарем Ботлихского РК ВКП(б) Муртузалиевым.

В разбазаривании и присвоении имущества спецпереселенцев замешаны также и республиканские работники.

Председатель районной комиссии бывш. Зам. Наркомзема Даг. АССР т. Гришин (ныне зам. зав. Сельхозотделом Обкома ВКП(б) набрал со склада колхоза им. Чкалова две грузовых автомашины различных вещей спецпереселенцев якобы для столовой. Для "столовой" были взяты 21 подушка, 5 кроватей, 3 швейных машины, 12 ковров, 10 шт. кошмы, 1 сковорода, 1 сито, 3 кастрюли и др. всего по явно заниженным ценам (ковер 200 руб., кровать никелированная 250 руб., швейная машина 350 руб.) на 9525 руб. Стоимость имущества не была оплачена.

По заявлению бывшего председателя местной комиссии, ныне заместителя председателя райисполкома т. Юсупова, и райуполномоченного НКГБ т. Нажмутдинова Ново-Лакского района, секретарь Обкома ВКП(ь) по пропаганде т. Аликберов приехал и взял 3 больших хороших ковра, шифоньер, велосипед. Кроме того, около 10-ти ковров им было взято, якобы для дома отдыха.

По их же заявлению 3-й Секретарь Обкома ВКП(б) Манапов получил 3 кровати, 23 шт. различной посуды.

При проверке склада в сел. Андалалы - (Ножай-Юрт) был обнаружен длинный список в 49 наименований различных предметов домашнего обихода с резолюцией председателя райисполкома: "Выдать". Кому было выдано это имущество неизвестно, а расписка в получении неразборчива. Проверкой было установлено, что прокурор Дагестанской АССР т.Хашаев для своей семьи и семьи тещи получил в Ножай-Юрте дом, сад, огород. Под "сохранную же расписку" было получено все необходимое имущество, а также взята "безхозная" корова. Никакого отношения к переселенцам семья тов. Хашаева не имела и не имеет, в колхозе не состоит и не работает, налицо факт грубого присвоения имущества спецпереселенцев. В момент нашей проверки, 15-20 августа часть имущества была оплачена, а корова была возвращена колхозу.

Это только часть установленных фактов, перечень их можно продолжить. Узаконенной формой присвоения имущества стали "сохранные расписки". В Ново-Лакском районе значительная часть имущества разобрана районными организациями и активом под расписки, без денег.

Судья Сулейманов, например, так юридически оформил присвоение вещей: "Р а с п и с к а 1944 г. Июля 8 дня. Я, нарсудья Сулейманов,

получил от Рамазанова под сохранную для использования два паласа, один коврик, один войлок, один кувшин, один кумган, один саргаз, один газ, один лонжари, один самовар, один топор, один утюг. Вещи получил, деньги не уплатил, в чем и расписуюсь".

По четырем распискам с двух складов получил и не оплатил имущество быв. Зав. Райзо Ново-Лакского района, ныне председатель Райисполкома того же района т. Алиев, зав.оргинструкторским отделом Райкома ВКП (б) Акаев, районный прокурор Шейхов и др.

Под так называемые "сохранные расписки" бралось имущество и совершенно случайными людьми, которые, получив это имущество, бесследно исчезали. Так, в Ярынсу-Аух Ново-Лакского района некие гражданки Бысипанова, Крылова, Милешко, Аксенова, работавшие уборщицами и санитарками в больнице и, просто без определенных занятий, взяли на "хранение" большое количество посуды, 2 ковра, 2 кровати, 4 стула, зеркало, кувшины, 2 берданы и прочее и исчезли. Получив имущество на хранение со склада колхоза имени Челюскина, исчезла из Ново-Лакского района парикмахер Неженцева Мария. Также скрылся и зав.столовой Давыдов и ряд других, об исчезновении которых как держателей имущества никто не знает и разыскивать которых никто не думает.

Под расписки без оплаты раздавалось имущество и в Андалакском, Веденском, Риглябском и других районах. Большинство же колхозников-переселенцев этого имущества не получили. Указание правительства о первоочередном обеспечении семей фронтовиков в районах не выполнено. Многие колхозники-переселенцы, в том числе и семьи фронтовиков не имеют в доме самого необходимого имущества, спят на полу, едят на ящиках или тоже на полу. Подворный обход я делал вместе с вашим представителем и секретарями райкомов ВКП (б). На мой вопрос, почему колхозники не получают имущества со складов, они мотивировали отсутствием денег. Во всех районах переселенцы не знали о существовании долгосрочного кредита под поручительство Сельхозбанка. Республиканские же и районные организации не только не подумали организовать получение его, но даже не сообщили о его существовании. Между тем, немало мебели и кроватей хранятся под открытым небом, растаскивается и превращается в лом.

Широкое распространение приняло присвоение так называемого "бесхозного" скота. Бесхозным скотом бесконтрольно пользуются целый ряд организаций и отдельных лиц из райактива.

Прокурор Ново-Лакского района Шейхов для "прокуратуры" взял 4 лошади и 2 быка. Одну корову с телком. На 20-е августа весь этот скот, по его заявлению, оказался украденным.

Ново-Лакский райком ВКП (б) взял для райкома 6 лошадей. На 20 августа 3 из них был украдены.

Председатель колхоза в селении Мехельты, Андалалского района, держит у себя две бесхозные коровы.

Оперативный уполномоченный НКВД Андалалского района Бартиханов присвоил бесхозную корову. Когда ему предложили сдать ее в колхоз, он ее зарезал, а мясо продал по спекулятивным ценам.

Перечень подобных фактов можно значительно продолжить.

По сообщению прокурора Республики Зав. Райзо в Ведено Арсланов за 250 рублей приобрел в колхозе корову. Председатель райисполкома имеет две коровы. По инициативе секретаря Ритлябского райкома ВКП(б) Муслимова вынесено специальное постановление бюро РК ВКП(б) об оставлении у шести районных руководящих работников по дойной корове из оставшихся от спецпереселенцев.

Узаконенной формой присвоения скота стало создание так называемых "подсобных хозяйств". Эти "подсобные хозяйства" растут в районах, как грибы, возникая без всякого на то обоснования и надлежащего разрешения и оформления. Чаще всего они создаются РО НКВД и Райпо. РО НКВД подобные хозяйства имеют во многих районах. Рабочий и продуктивный скот для этой цели берется безо всяких нарядов, а в отдельных случаях у колхозников. Так, в селении Межгары имеется подсобное хозяйство Казбековского РО НКВД, где насчитывается (по данным прокуратуры) более 100 голов овец, быков, коров и т.д. Посеяно около 20 га кукурузы, около 12 тонн зерна роздано колхозам взаимообразно на недопустимо тяжелых условиях.

Подобное же хозяйство имеется и в Ботлихском районе, где сосредоточено более 200 голов овец и другого продуктивного скота.

В меньших размерах такие подсобные хозяйства организованы при районных отделениях НКВД Андалалского, Шурагатского и Риглябского районов.

Телеграфные указания Совнаркома Даг.АССР и Обкома ВКП(б) - о необходимости возвращения имущества спецпереселенцев было доведено до всего актива, однако, возврата этого имущества не последовало.

Приходилось буквально уговаривать и предлагать отдельным районным руководителям оплатить или возвратить имущество или скот.

Тяжелое впечатление производят склады для хранения имущества. В пустых домах нередко без окон и дверей в беспорядочные кучи свалено такое имущество, как швейные машины, самовары, кумганы, посуда. Все это покрыто толстым слоем грязи и пыли, ржавеет, ломается и растаскивается. Имущество не сортируется, бирками с указанием цены не снабжено, заведующие складами предоставляют покупателям право самолично отбирать покупаемые вещи.

Во время отбора покупатели откапывают в грудах наваленного имущества необходимые предметы, ломая и то, что было привезено в

целом виде. Продажа имущества завскладами производится бесконтрольно. Зарплата им никем не выплачивается. Квитанции об оплате приобретенной вещи колхозникам завскладами не выдаются.

Вырученные от продажи имущества деньги завскладами держат при себе, одалживают их колхозникам. При проверке завскладом Рамазанова у него на руках было 5 тыс.руб. 1О тыс. рублей с согласия Райфо было дано для пополнения оборотных средств Райпо. У завскладом Курбанова селения Кишена на руках оказалось 25 тыс.руб., которые он в целях сохранности уложил в железную банку и зарыл в землю. В результате в Ново-Лакском районе на 2О/УШ было внесено в Госбанк 81 тыс.руб. хотя только по одному (из десяти) складу Бонайаула было продано имущества на 85 тыс.руб. В Андалалском районе на 21/УШ поступило в Банк 81 736 руб. хотя только по одному складу в селении Андалалы (быв. Ножай-Юрт) продано имущества на 78 тыс. рублей.

Вопреки постановлению СНК СССР от 17 апреля 1943 г. N 4О4 Наркомфин ДАССР проявил недопустимую халатность в деле учета, хранения и использования имущества спецпереселенцев. Вместо активного выполнения правительственных указаний, НКфин ДАССР плетется в хвосте событий и не имеет даже представления о том, что делается в этой области на местах.

Так, по данным Дагконторы Госбанка на 1 августа 1944 года в бюджет (раздел 12, § 1) поступило средств от реализации имущества спецпереселенцев всего 17ОО т.р., по материалам же Наркомфина реализовано имущество только на 1 3О3 7ОО рублей.

Наркомфин располагает сведениями о реализации имущества лишь по четырем из 8 районов, причем в Ново-Лакском - на 1 августа, Веденском на 26 августа, Хасавюртовском на 1 июня, Андалалском - на 2О июля.

По Ритлябскому, Хасавюртовскому, Шургатскому районам Наркомфин не имеет никаких данных о количестве учтенного имущества, его оценке, на какую сумму передано оно торгующим организациям и на сколько реализовано. По Шурагатскому району Наркомфину известна стоимость лишь части оставшегося после спецпереселенцев имущества. Но даже те сведения, которыми располагает Наркомфин, расходятся с действительностью. Так, по первичным актам учета Ново-Лакской комиссией учтено имущество свыше 2 млн.руб. по данным же Наркомфина лишь на 814 т.р. Наркомфин не только не руководил уточнением наличия перешедшего в госфонд имущества и его оценкой, но даже не принял никаких решительных мер к упорядочению его реализации.

Наркомфин не обеспечил передачу местным органам власти, по распоряжению которых должно было реализоваться имущество, автор

учета в Райфо, лишив, таким образом, свои органы на местах возможность вести какой бы то ни было контроль за движением имущества.

Разослав районным финотделам множество циркуляров и напоминаний (12, 18, 28 апреля; 26 июля, 3, 16 августа и др.), Наркомфин проявил исключительную безрукость, не сумев добиться от Райфинотделов их выполнения. Не помогли и многочисленные командировки работников аппарата Наркомфина на места.

В своих объяснениях начальник Отдела государственных доходов пишет: "По сути дела райфинотделы на местах Исполкомами и райкомами ВКП(б) были отстранены от реализации и учета данного имущества. ...Командированным товарищам никакой помощи в работе со стороны райкомов ВКП(б) и Райисполкомов сказано не было, Все это, видимо, делалось с целью безучетного разбазаривания и присвоения имущества".

И до сих пор Наркомфин и его органы, не ведут учета и не интересуются вопросом хранения и реализации имущества спецпереселенцев и не заботятся о своевременном поступлении средств от реализации в бюджет.

Не лучше отнесся к делу приема и реализации имущества спецпереселенцев и Дагсоюз.

Воспользовавшись тем, что в постановлении СНК ДАССР и Обкома ВКП(б) от 26 апреля с.г. в состав комиссии по учету имущества не были включены представители Райпо, Дагсоюз самоустранился от приема и реализации имущества и ровным счетом сегодня он ничего об этом не знает.

Таким образом, ни Наркомфин, ни Дагсоюз не уделили этому вопросу того внимания, которое от них требовалось правительством. Они самоустранились от организации и упорядочения учета, хранения и реализации имущества спецпереселенцев, а там, где нет учета и надлежащего хранения ценностей, широкое раздолье для воров и любителей легкой наживы.

Прокуратура же не мобилизовала свои органы на борьбу с этими элементами, более того, отдельные работники ее сами подавали дурные примеры. Необходимо также учесть, что в Шургатском районе, например, до сентября месяца не было организовано народного суда. Таким образом вся работа НКВД, милиции, прокуратуры по привлечению к уголовной ответственности преступных элементов стояла на мертвой точке. Все это создавало атмосферу безответственности и безнаказанности и способствовало тому безудержному хищению и разбазариванию, что наблюдалось во вновь заселяемых районах Дагестана.

Нет заботы и контроля со стороны райсоветов, сельсоветов и правлений колхозов об охране пустующих построек, в результате чего жилые незаселенные дома и надворные постройки разрушаются и

расхищаются. В домах снимаются рамы, двери, вынимаются полы и стекла. Причем, размер подобного разрушения жилого фонда к осени, когда начнутся холода, несомненно возрастет.

II. О заселении и освоении новых районов

План заселения новых районов по Дагестанской АССР выполняется успешно. Однако освоение этих районов проходит крайне медленно. Проводимые мероприятия не обеспечивают необходимых, прочных условий для дальнейшего закрепления колхозников-переселенцев, а также для восстановления и успешного роста хозяйства в этих районах.

Нижеприводимая таблица дает частично характеристику новых районов до спецпереселения и после него. По этим данным можно получить представление о некоторых экономических показателях вновь заселяемых районов.

NN пп	Показатели	Един. изм.	До переселения	В настоящее время
1	Количество колхозов	един.	94	73
2	Количество хозяйств в них	"	236OO	16674
	в том числе оставшиеся после переселения	"	8OO	8OO
3	Посевная площадь всех зерн. культ.	т.га	56,4	23,O
	В том числе:			
	а) колхозов	"	35,2	15,3
	б) колхозников	"	21,2	7,7
4	Количество крупного рогатого скота. Всего	т.гол.	62,4	41,6
	В том числе:			
	а) в колхозах	"	11,8	28,2
	б) у колхозников	"	5O,6	13,4
5	Количество овец и коз. Всего	"	116,2	5O,3
	В том числе:			
	а) в колхозах	"	94,8	16,9
	б) у колхозников	"	33,4	21,4
6	Количество домов (дворов)	един.	236OO	236OO
	В том числе: на хуторах (разрушенных и подлежащих разрушению)	"	466O	466O

Сведения по незаселяемым Чеберлоевскому и Шароевскому районам не вошли в настоящую таблицу. В графу 5 не вошел обобществленный и личный скот 760 аварских хозяйств, переселяемых из Грузии.

Лаки и аварцы, переселенные с высокогорных мест, не были знакомы с возделыванием кукурузы и посеяли ее как пшеницу. Прополка и прореживание не производилось. В 8 - 10 аулах я лично наблюдал пожелтевшие поля кукурузы без початков.

Неудовлетворительно проходит подготовка и к озимому севу.

К весне во вновь заселяемых районах создастся крайне тяжелое положение с продовольствием.

Серьезную тревогу вызывает отсутствие в новых районах подготовки к зимовке скота, особенно если учесть, что в аулах чеченцев по существу не было колхозных дворов.

Заготовка зимних кормов проходит пока неудовлетворительно.

Учитывая, что поля буйно заросли сорняками и эффективной борьбы с ними не велось, требуется особенная тщательная обработка этих полей.

Дома и приусадебные участки за колхозниками-переселенцами закреплены далеко не везде. Границы землепользования для вновь организованных колхозов не определены и земельные угодия за ними также не закреплены (Ново-Лакский район).

В Ново-Лакском районе мы встретились с возмутительными случаями, когда дома и участки, переданные колхозникам для пользования, после того, как колхозники, вложив труд свой - отремонтировали их, обработали и засадили огороды, - отбирались и передавались другим лицам, чаще всего кому либо из руководителей. Только в одном селении Ново-Лакском (быв. Бонай-аул) мы получили 13 заявлений с жалобами на подобный произвол. Значительная часть этих жалоб - жалобы семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны...

Нехватка людей одно из самых больных мест в новых районах.

Все это говорит о том, что районы быв. Чечено-Ингушской АССР осваиваются пока крайне медленно...

III. О морально-политическом настроении переселенцев

Неблагоустроенность, вызванная переселением, низкий урожай, плохое питание, малярия и болезни, вызванные акклиматизацией - все это, несмотря на богатые и благоприятные природные условия, создает тяжелое настроение у переселенцев и тягу к возвращению на прежние места. К этим настроениям примешивается известное чувство разочарования. На прежних местах переселенцам говорили о том, что в новых районах они бесплатно получат дома, имущество, скот,

зерно и т.д. Доверившись этой ложной информации, не соответствующей действительности и противоречащей существующим порядкам, многие семьи приехали налегке.

В этих условиях собственная необеспеченность на фоне грубого расхищения имущества спецпереселенцев - порождают чувство горечи и неудовлетворения.

Немало в районах ходит темных слухов, что чеченцев вновь вернут назад, что уходя они прокляли эти места и их теперь нельзя ни обжить, ни освоить. С этими слухами не борются...

С момента переселения до конца августа в Ритлябском районе не выплачивались пособия семьям военнослужащих по вине зам.председателя Райисполкома по гособеспечению Омарова.

О чем, как не о глубоком пренебрежении свидетельствует следующий факт, вызвавший глубокое возмущение и оскорбление национальных и религиозных чувств населения.

Жена военнослужащего Гаджимурадова Патимат 20 июля с.г. скончалась в районной больнице. Для похорон она была отвезена в Турти-Хутор. Председатель Сельсовета Алиев, вместо того, чтобы организовать похороны, бросил труп в пустой сакле на краю аула. Позднее было обнаружено, что труп растерзан и растащен собаками.

Совокупность всех этих и других подобных фактов создают у колхозников подавленное чувство, чувство неуверенности и неустойчивости на новых местах, желание вернуться назад в горы на прежние места. Эти настроения особенно сильны в Ритлябском, Андалалском и Новолакском районах.

IV. Предложения

. . . .

сентябрь 1944 г. Махачкала
(подпись) ДРОЗДОВ

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

Председателю Совнаркома Даг.АССР - тов. Даниялову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

По Веденскому району было учтено и принято имущества спецпереселенцев - государственной районной комиссией по акту от 4/1У-44 г. на общую сумму - 2658 тыс.руб.

Выявлено дополнительно у населения имущество, оставшегося от спецпереселенцев и неучтенное районной государственной комиссией, на сумму 35,О тыс.руб.

По состоянию на 5 декабря 1944 г. из принятого имущества передано разным государственным учреждениям и организациям безвозмездно имущество на сумму 885,9 тыс.руб. Реализовано населению непосредственно из пищевых складов, по передаче в Райпо имущество на сумму 96,О тыс.руб.

Передано имущество в Райпо по актам на сумму - 2212,О тыс. руб., из коих продано населению за наличный расчет на сумму 948,О тыс.руб., продано колхозникам в рассрочку по обязательствам сельхозбанку на сумму 285,О тыс.руб.

Поступило средств от реализации имущества на счет союзного бюджета в сумме 9ОО,О тыс.руб.

Большие залежи имущества в магазинах РайПО объясняются отсутствием сбыта такого имущества среди местного населения - главным образом вследствие их недоброкачественности. Остаток имущества в основном составляет: швейные машины целиком неисправные, кувшины медные и домашняя мебель в основном требующие ремонта и негодные к использованию, кровати, а также посуда глиняная, стеклянная и фарфоровая.

Ревизией по имуществу, оставшегося от спецпереселенцев, охвачено 12 вещевых складов и магазинов Райпо. В результате произведенных ревизией установлена недостача имущества на сумму - 73,О тыс.руб. по 11 случаям, из коих передано прокурору дел на сумму 29,О тыс.руб.

Взыскано с растратчиков 3О,О тыс.руб. Меры о взыскании остальной растраченной суммы принимаются.

В соответствии с постановлением Совнаркома от 31/ - 1944 г. за N 52 п."в" нами проводятся мероприятия по раздаче частью имущества, пришедшее в негодность и не могущее быть восстановленным организациям и населению, о количестве розданного будет сообщено Вам дополнительно.

Для наглядности прилагаю опись имущества принятого от госкомиссии по акту от 4 апреля 1944 года.

Председатель Исполкома Веденского райсовета
(подпись)
Публикация Дж.УМАЛАТОВА

Секретно

Председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР
Товарищу Косыгину А.

По вопросу
Об учете, хранении и реализации
имущества спецпереселенцев
в Дагестанской АССР

Еще до приезда в Махач-Кала бригады Народного Комиссариата Государственного Контроля РСФСР, в Совнарком ДАССР и Обком ВКП(б) поступили сигналы о разбазаривании и хищении имущества спецпереселенцев, в отдельных населенных пунктах, присоединенных к Дагестанской АССР районов.

Командированная Совнаркомом ДАССР и Обкомом ВКП(б) в эти районы комиссия установила целый ряд фактов бесконтрольного хранения, порчи, хищения, разбазаривания и присвоения отдельными лицами части этого имущества. Отдельные из этих фактов отражены в докладной записке руководителя бригады Наркомата Государственного Контроля РСФСР тов.Дроздова.

Рассмотрев 2О сентября с.г. материалы комиссии Обкома и бригады Наркомата Госконтроля РСФСР, бюро Обкома ВКП(б): [перечень принятых организационных мер]

В результате принятых организационных мероприятий:

1. Заведен учет оставшегося от переселенцев имущества и произведена их инвентаризация за исключением 4 населенных пунктов в Андалалском районе.

2. Обревизовано большинство складов, ревизия их в Веденском и Шургатском районах заканчивается.

3. Значительно усилилась реализация имущества.

4. Произведенными ревизиями складов выявлено хищение имущества на 132,5 тысяч рублей.

Прокуратурой Дагестанской АССР привлечено к уголовной ответственности за разбазаривание и хищение имущества спецпереселенцев 132 человека, в том числе 34 человека должностных лиц.

5. Проведена большая работа по установлению к изъятию из пользования отдельных лиц и организаций и по передаче колхозам вновь выявленного, так называемого "бесхозного" скота.

6. Отобрано у отдельных лиц и организаций расхищенные, незаконно приобретенные, присвоенные и взятые под сохранные расписки 261,О тонна зерна, 443 головы крупного рогатого скота, 219 голов овец

и коз, 9 лошадей, 137 кроватей, 18 швейных машин, 98 ковров, 21 кошма, 8 сепараторов,7 каракулевых шапок и прочее имущество и продукты (мебель, посуда, картофель, крупы) на сумму по рыночной стоимости около одного миллиона рублей. Данные эти далеко не полные.

7. Улучшено хранение зерна, оставшегося от спецпереселенцев, и оно, на основе распоряжения Совнаркома Союза ССР от 8 октября с.г. за N 19659 и постановления его от 12 октября с.г. за N 1372, полностью распределено между районами для оказания продовольственной помощи нуждающимся колхозникам.

8. Приняты меры к ликвидации искусственно насажденных подсобных хозяйств и к сокращению их размеров до пределов возможного освоения с изъятием и передачей части скота колхозам. Постановлением Совнаркома ДАССР N 699 от 3 октября 1944 года значительная часть скота и сельхозинвентаря, находившихся во временном пользовании подсобных хозяйств НКГБ и других организаций, в связи с ликвидацией или сокращением объема этих хозяйств, переданы в распоряжение Наркомзема ДАССР для распределения между переселенческими колхозами.

9. Почти во всех присоединенных к республике районах закончена Госстрахом оценка жилых и прочих строений и на места командированы представители Сельхозбанка для срочного завершения работ по оформлению обязательств колхозников за полученные ими постройки.

Перехожу к изложению мер, принятых по фактам, приведенным в докладной записке тов. Дроздова.

В Ново-Лакском районе выявлены дополнительные факты оставления у себя отдельными руководящими районными работниками части изъятых у осужденных лиц вещей, причем стоимость этих вещей в большинстве случаев не оплачена.

Меры к пресечению допускаемых злоупотреблений принимаются. В отношении ряда руководящих работников райкомов ВКП(б) и председателей райсоветов депутатов трудящихся прокуратурой Республики сделаны Обкому ВКП(б) соответствующие представления.

Председатель Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР
А.ДАНИЯЛОВ

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР
Товарищу БЕРИЯ Л.П.

О положении населения районов быв. Ч.-И.АССР,
присоединенных к Дагестанской АССР

Во включенные в Дагестанскую АССР Андалалский, Веденский, Ритлябский, Шурагатский районы быв. Ч.-И. АССР и в быв. Ауховский район ДАССР в 1944 году из горных районов республики и Грузинской ССР переселено 16 74О хозяйств (61 ООО чел.) вместо 63ОО хозяйств, предусмотренных постановлением Совнаркома Союза ССР N -255-74 сс от 9 марта 1944 года и распоряжением Совнаркома Союза ССР N -5473 сс от 11 марта 1944 года.

Народы Дагестана высоко оценили решение партии и правительства о присоединении к Дагестану части районов быв. Ч.-И. АССР, разрешившее вопрос о выходе части горцев из земельной тесноты и нужды. Несмотря на трудности организационного периода, план весеннего сева 1944 года был выполнен переселенцами в сжатые сроки на 1О1%. Однако массовое заболевание переселенцев малярией, в самую страдную сельскохозяйственную пору выведшее из строя значительное количество населения, не дало возможности закрепить достигнутые успехи, привело к гибели части посевов и к чрезмерно низкому урожаю.

К концу августа 1944 года в этих районах было зарегистрировано 1О ООО случаев заболевания малярией, что отрицательно отразилось на проведении озимого сева, план которого колхозами новых районов был выполнен только на 61%.

Тяжелые материально-бытовые условия переселенцев (переселились из горных районов, в основном, маломощные хозяйства), крайняя нужда в одежде, в частности в белье, отсутствие мыла, нерегулярная работа бань и отсутствие их в ряде населенных пунктов вызвало в осенне-зимний период среди переселенцев заболевание сыпным тифом.

Совнаркомом Дагестанской АССР и Обкомом ВКП(б) во все эти районы были направлены эпидемические отряды в составе 1ОО человек медицинских работников, были развернуты стационары на 1ООО человек для госпитализации тяжело больных малярией и дистрофиков, организованы питательные пункты, завезены медикаменты и дезинфекционные средства. В этих районах и в настоящее время продолжают работать эпидемические отряды...

Совнаркомом Союза ССР оказана большая материальная помощь населению новых районов республики. Сверх выдаваемых плановых фондов, было отпущено этим районам свыше 7ООО тонн кукурузы для продовольственных нужд и на семена, 165 тонн муки, 4О тонн круп и макарон, 25 тонн сахара, 1О тонн жиров, 15 тонн сыра, 1О тонн мяса,

30 тонн хозяйственного мыла, 124 000 метров хлопчатобумажных тканей, 2000 метров шерстяных тканей, готового платья и трикотажных изделий на 825 000 рублей и 2500 пар обуви, Кроме того, в самой республике были изысканы и отправлены в новые районы до 40 тонн продовольственных товаров (масло растительное, брынза, рыба, джем, сахар), 24 тонны хозяйственного мыла и промышленных товаров на сумму около 250 000 рублей.

Совнарком Союза ССР разрешил передать переселенцам безвозмездно жилье и прочие строения стоимостью до 5000 рублей и оставшееся от спецпереселенцев не реализованное домашнее имущество на 4 млн. рублей.

Несмотря на принятые меры по ликвидации заболеваний малярией и сыпным тифом и проведение лечебно-профилактических мероприятий, и в текущем году продолжают иметь место случаи рецидива малярии и значительное заболевание сыпным тифом.

Низкий урожай 1944 года (2,5 цнт. с га) и невозможность покрытия потребности в продуктах, несмотря на оказанную помощь, привело к увеличению дистрофиков и смертности среди них.

Санитарно-эпидемическое состояние новых районов, вызванное тяжелым материально-бытовым положением переселенцев, несмотря на принятые оздоровительные мероприятия, остается неблагополучным...

Проверкой на местах установлено, что выделенные новым районам продовольственные и промтоварные фонды не всегда использовались по назначению. За время с 1 мая 1944 года по 1 мая 1945 года прокуратурой ДАССР привлечено к уголовной ответственности за разбазаривание и расхищение имущества спецпереселенцев, скота, хлеба и товаров, предназначенных для переселенцев, - 158 человек.

На основе Ваших указаний нами намечено и проводится ряд мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов в новых районах и предупреждению заболеваний среди населения и по выполнению плана развития животноводства.

Для укомлектования и укрепления новых районов руководящими работниками и специалистами, в течение апреля текущего года направлены на постоянную работу 24 человека руководящих работников и 9 специалистов. Выделено 7 автомашин для доставки товаров с пристанционных баз в районные центры. Для осуществления мер по улучшению политического и экономического положения в новых районах, а также для оказания практической помощи партийными и советскими организациями и проведения месячного сева в районы выехали 2 заместителя председателя Совнаркома ДАССР, 2 секретаря Обкома ВКП(б) и заведующий отделом Обкома ВКП(б).

Председатель Совнаркома ДагАССР А.ДАНИЯЛОВ
Секретарь Обкома ВКП(б) А.АЛИЕВ

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР
N 278 от 24 мая 1945 года

О передаче колхозам и колхозникам-переселенцам жилых домов, надворных построек и нереализованного имущества спецпереселенцев (распоряжение Совнаркома Союза ССР N -7794р от 14 мая 1945 года)

В соответствии с распоряжением Совнаркома Союза ССР N 7794р от 14 мая 1945 года, Совет Народных Комиссаров Дагестанской АССР постановляет:

1. Принять к руководству и исполнению следующее распоряжение Совнаркома Союза ССР N -7794р от 14 мая 1945 года:

"1. Разрешить Совнаркому Дагестанской АССР передать колхозникам , переселенным в 1944 году в новые районы Дагестанской АССР, жилые дома и надворные постройки со страховой оценкой до 5000 руб. бесплатно.

За дома и надворные постройки со страховой оценкой выше 5000 руб. взимать плату в размере, равном страховой оценке, за вычетом 5000 рублей, предоставив переселенцам рассрочку платежей на 5 лет с выдачей ими соответствующих обязательств Сельхозбанку.

2. Разрешить Совнаркому Дагестанской АССР передать сельским Советам депутатов трудящихся и колхозам для бесплатной раздачи семьям фронтовиков, инвалидам Отечественной войны и нуждающимся колхозникам-переселенцам оставшегося нереализованным бывшего в употреблении домашнего имущества спецпереселенцев на сумму 3996,3 тыс. рублей..."

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

Магомед МУСАЕВ
СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ
Очерк

23 февраля 1944 года. Со всех глухих уголков опальной республики на заранее подготовленных подводах и машинах людей свезли к железной дороге. Растерянных, перепуганных, ничего не понимающих в происходящем горцев заставляли лезть в товарные вагоны; набитые

битком их закрывали наглухо, и поезд отправлялся. Куда - не знал никто.

В одних вагонах, к счастью обездоленных, стояли железные печки-буржуйки, кое-как согревавшие в февральскую стужу, другие вагоны, хоть и назывались теплушками, не отапливались вовсе. В щели задувало снегом, пол покрывался ледяной коркой, люди, одетые по-кавказски легко, беспомощно жались друг к другу, ища спасения от пронизывающего до костей холода.

Дорога тянулась две недели. Все это время не кормили, на остановках не выпускали - везли, как скот. Через большие станции на полном ходу пролетали стонущие, плачущие, кричащие, взывающие к милости Аллаха эшелоны. Но Аллах был к ним глух.

От холода, голода и грязи начались болезни. Людей косил тиф, похоронить же умерших не давали. На редких остановках в пустынных степях солдаты ходили по вагонам, выносили трупы. На глазах протестующих родственников их тут же, прямо у насыпи забрасывали наспех снегом. Люди стали прятать покойников.

Я помню, как двое - сержант и солдат - искали в нашем вагоне мертвых. Подошли к сидящему в углу странному обросшему человеку, возле которого сжалась в комок худенькамя женщина. Вдруг она резко вскочила и загородила своим телом мужчину.

- А ну-ка! - грубо оттолкнул ее сержант и дулом автомата ткнул сидящего в углу.

Обросший человек тяжело завалился на бок. Не слушая криков женщины, сержант с солдатом подняли покойника за руки, за ноги и понесли к выходу. С отчаянным воплем и обезумевшими глазами женщина кинулась на сержанта. Тот бросил покойника, вскинул автомат и в упор пристрелил ее. Люди в вагоне сжались от страха, украдкой следя, как поспешно выносили оба трупа, как с грохотом закрывали на железные засовы дверь.

Неудивительно, что к месту назначения доехала только половина высланных, остальные погибли в дороге. Могилы их остались неизвестными.

Наш эшелон выгрузили на станции "52-й километр" в Северном Казахстане. Не могу забыть, как люди, выйдя, наконец, из своей тюрьмы на колесах с рыданиями бросались в объятия друг к другу, метались в поисках родственников и знакомых, оплакивали умерших. "Ва-а, что с нами будет?! Ва-а, что мы будем делать?!" - стонали и голосили женщины. У каждой на руках и за спиной плакали дети. Мужчины, как всегда не позволявшие себе уронить слезинку, с опущенными головами сразу принялись тут же, пока не отобрали, хоронить тайком привезенных покойников. Старики, опустившись на колени в снег, молитвенно поднимали руки к небу.

А вокруг стояло оцепление - недоумевающие солдаты со штыками наперевес. Что творилось в душах этих молодых парней? По глазам многих из них было видно, что им очень тяжко.

За спинами охраны шло совещание по рассортировке прибывшей рабочей силы. Представители колхозов, совхозов и промышленных предприятий внимательно присматривались к семьям спецпереселенцев, отбирая себе крепких, молодых, с каким-то багажом при себе. Понемногу толпа обездоленных людей редела. Оставались безимущие старики и одинокие женщины с малолетней ребятней.

У каждого из них судьба сложилась по-своему. Я расскажу об одной.

Семилетний Анзор со страхом наблюдал, как телега за телегой увозили куда-то работоспособных людей. Страшно было не ехать, страшно было остаться здесь, под открытым небом, на холоде и ветру. Его мать беспомощно лежала на узлах, не в силах даже присесть. Любому сразу было видно, что она тяжело больна. Анзор бежал за каждым фургоном, за каждой телегой в надежде, что их тоже возьмут с собой. Но никто ими не интересовался. Обессилевший от безуспешной беготни, Анзор прикорнул возле матери.

Бекист с тоской смотрела на спящего сынишку, она ничем не могла ему помочь. Даже погладить беспокойно вздрагивающего во сне мальчика у нее не было сил.

- Где? Где он? - встрепенулся Анзор. - Куда он делся, мама?

- Кто, сыночек? - ласково спросила мать.

- Отец! Я видел отца. Где он? - растерянно озирался по сторонам мальчик.

- Отец на войне, сынок. Это тебе приснилось.

Анзор всхлипнул и заревел.

В это время к ним подошла высокая, крупная казашка в длинной шубе, подпоясанной кушаком. На голове у нее была лисья шапка с длинным хвостом, в руке витой кнут.

Анзор тут же перестал плакать, бросился к женщине и ухватился за кнутовище. Не говоря ни слова, он с мольбой заглядывал в ее глаза.

Женщина ласково погладила его:

- Ну, маленький горец, пойдем в колхоз "Кзыл Октябрь"?

Анзор ничего не понял по-казахски. Казашка повторила то же самое на русском языке.

- А как же! - по-чеченски воскликнул Анзор и, подпрыгнув от радости, обнял свою спасительницу.

- Мама, мама! Вставай! - кинулся он к матери. - Нас берут!

Казашка наклонилась к Бекист:

- Мужа нету?

- Он на фронте, с начала войны, - ответила Бекист.

- Я, Нагима, заместитель председателя колхоза. Собирайтесь, пойдемте!

Бекист с трудом приподнялась. Нагима, видя, как ей тяжело, покачала головой:

- Сиди! Я сейчас подгоню сюда фургон.

Вскоре она вернулась, ведя под уздцы запряженного в фургон вола. Вслед за ней появился на лошади какой-то человек: видимо, председатель колхоза.

- Что это ты, Нагима-апа, собираешься делать?

- Как что? - пожала плечами казашка. - Беру эту семью.

- На что она нам нужна? - скривил губы председатель. - Мы же не собес.

- А куда им деваться? Замерзать на снегу? Видишь, женщина больна.

- Вижу. Именно поэтому они нам и не нужны. Нам рабочие руки отбирать надо. А о больных пусть думают другие.

- Ну нет, - мотнулся длинный хвост на шапке Нагимы. - Это люди, и мы люди. А ты не бойся, баскарма, я заберу их к себе.

Нагима привезла Бекист и Анзора в свой дом. Она жила с мужем-инвалидом, потерявшим ногу на войне, и с сынишкой Бескемпером, ровесником Анзора. Казахская семья тепло приняла переселенцев. Подкормили их, выходили больную.

Весной Нагима устроила Бекист на работу в колхоз, Анзора с осени определила в школу. Потекла жизнь, такая же трудная, как у всех. Такая же, да не такая...

Каждую неделю спецпереселенцам надлежало являться в комендатуру, в любую погоду в точно установленный день и час. Комендатура находилась далеко, а ходить пятнадцать километров туда и пятнадцать обратно приходилось пешком. Кроме этого выходить за пределы аула без специального разрешения запрещалось строжайше. Нарушение запрета каралось жестоко: от трех до десяти лет тюрьмы.

Бекист изводилась без вестей от мужа. На ее письма с новым адресом ответа не было. Знал ли муж вообще, какая беда постигла его семью, всех земляков? Доходили ли до него ее письма? Кто-то говорил, что всех воевавших чеченцев и ингушей отозвали с фронта и отправили в ссылку вслед за соотечественниками. А правда это или нет - кто знал?

Конечно, Бекист не могла знать, как складывалась на фронте судьба ее мужа Расу Ятуева. Он был отважным защитником Сталинграда, получил орден за эту битву. Потом форсировал Днепр. В бою был ранен и захвачен в план. От гитлеровцев он и узнал, что чеченцев насильно вывезли с родных мест. Враги предложили ему свободу и благополучие, если он перейдет на сторону немцев и с оружием в руках выступит против Советской власти, так бесчеловечно поступившей с его народом.

Мало того, что горец ответил гордым отказом. Он сумел бежать из плена, захватив при этом немецкого офицера. От офицера штаб получил ценнейшие сведения о том, что немцы зарывают в землю оружие и боеприпасы на случай своего возвращения в эти места. Разведка подтвердила, что старший лейтенант Ятуев точен в своем донесении. Наша дивизия пошла в наступление и захватила много военных трофеев. В том числе танковый парк и огромные подземные склады бое-

припасов. Однако вместо положенной награды Ятуеву готовили демобилизационный лист. Полковое командование, боевые друзья, уважая отважного офицера, решили оформить ему отпуск домой, к семье. Демобилизационный лист, о котором не сказали ни слова, они собирались послать следом по казахскому адресу.

Но Расу не доехал до Казахстана. В пути добрые люди разъяснили ему, что сразу по приезде он будет взят на спецучет в комендатуру НКВД, куда должен будет два раза в месяц являться для подтверждения, что не сбежал. И вместо героя войны он превратится в презренного спецпереселенца, во врага народа.

Расу повернул назад. Никому неизвестно, каких трудов стоило ему разыскать на передовой свою дивизию. Он хотел воевать, но командир, не ожидавший его возвращения, зачитал приказ об отчислении старшего лейтенанта Ятуева из армии до особого распоряжения. Потрясенный Расу, выскочил из командирской землянки, тут же хотел застрелиться. Друзья выбили револьвер из его руки.

В это время гитлеровцы открыли ураганный огонь по передовой, потом перенесли его в глубь нашей линии. Дивизия приняла ожесточенный бой. Все смешалось. Расу Ятуев пошел в наступление безоружным. И только в рукопашной схватке у безымянной высоты вырвал у фашиста автомат.

На высоту он прорвался первым с небольшой группой храбрецов. Много захватчиков полегло в том бою от рук Ятуева. Но перевес был на стороне врага, высотку окружили со всех сторон. Горстка ятуевских смельчаков редела. Наконец, в живых остался один Расу. Патроны у него кончились. И весь полк видел, как он бросился в рукопашный бой.

Когда наши, поднявшись в новую атаку, смели фашистов, товарищи нашли израненного Ятуева, он еще дышал. Его последние слова были: "Я честно погиб за Родину!"

После боя по приказу командира на могиле Расу поставили фанерный обелиск с надписью чернильным карандашом: "Здесь похоронен старший лейтенант Расу Ятуев, Герой Советского Союза".

Ничего этого не знала и не могла знать Бекист. От непомерной тоски, от непосильной для нее жизни, она таяла на глазах. Наконец, не выдержав, слегла. Перед смертью она подозвала сына:

- Анзор, будь всегда благодарен Нагиме-апе и Сабиру-аке, они очень добрые люди. Постарайся не доставлять собой лишних забот этой семье. Не сторонись посильного труда, сынок. Будь трудолюбивым и честным. Жди отца! Я не знаю, где он, и жив ли вообще, но в любом случае он - герой, потому что твой отец - настоящий мужчина. Будь таким, как он! И вообще - не забывай свою Родину, сынок!

Сказав эти слова, мать навеки закрыла глаза.

Хоронили Бекист на следующий день. Чужие люди несли погребальные носилки, Анзор хватался за них, словно хотел остановить, задержать еще немного в этом мире свою маму.

Он не пошел на кладбище, а только смотрел вслед удаляющимся носилкам. Они становились все меньше и меньше, и, наконец, мир опустел для мальчика.

- Все! - прошептал Анзор дрожащими губами Бескемперу, стоявшему рядом с ним. - Мамы нет, и я пропал!

Бескемпер крепко обнял друга:

- Ничего подобного! Ата сказал, что мы будем жить вместе. И что тебе не дадим пропасть.

Нагима-апа и Сабир-ака жалели Анзора, относились к нему, как к сыну. И он очень был благодарен им за заботу, но шло время, а тоска по матери не проходила. Он мало ел, плохо спал и все вынашивал мысль бежать из аула в родное село.

Однажды Анзор возвращался с ребятами из школы. Один из мальчиков, Рахим, пристал к нему:

- Ты почему не подсказал мне на уроке? Ведь ты же знал ответ! Ух, гадина! Правильно вас выселили с Кавказа! Все вы предатели!

Бескемпер, круто развернувшись, ударил Рахима портфелем.

- Не обращай ты на него внимания! - успокоил он побагровевшего от обиды Анзора. - Он дурак, и все!

Наутро, никому ничего не сказав, Анзор исчез. Нагима сбилась с ног в поисках мальчика. Она посылала многочисленные запросы, ездила сама в разные концы, но все было безуспешно.

Только много лет спустя получила она письмо от беглеца. Анзор писал, что никогда ни на минуту не забывал он доброты их семьи. Потом коротко рассказывал о себе.

Он долго скитался по стране, пока его не поймали на каком-то вокзале и не забрали в милицию. Оттуда, как бродяжку, передали в детскую колонию для трудновоспитуемых. но там пришлось не слаще, чем в скитаниях. Он убежал из колонии и попал в воровскую шайку. А шайка есть шайка, и было там все, вплоть до квартирных краж. В конце концов, он попался и отсидел в тюрьме три года. К тому времени уже была объявлена реабилитация чеченцев и ингушей, и, выйдя из заключения, он поехал в восстановленную республику. Но и там продолжалось хождение по мукам. Жить было негде и не на что. Приходила мысль о самоубийстве. А помогло чудо: совершенно случайно встретил человека, который воевал вместе с отцом, и по сильному сходству признал в незнакомом юноше сына Расу Ятуева. Фронтовой друг отца помог устроиться на работу, помог с жильем, и главное - рассказал, каким героем был отец. Это придало Анзору сил. Отец не сдался до последнего, и сын не имеет права сдаваться. И как бы ни была трудна и несправедлива жизнь - род отца, деда, прадеда не должен прерываться. Поэтому он вскоре приедет к своим дорогим казахским родственникам показать молодую жену и вместе с ней поклониться могиле матери...

Перевод с чеченского
Татьяны САРТАКОВОЙ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызывает необходимости Президиум Верховного Совета ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Снять ограничения по учету спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов внутренних дел СССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении и что они не имеют права возращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К.ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.ПЕГОВ

Москва, Кремль. 16 июля 1956 года

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР

В целях создания необходимых условий для национального развития чечено-ингушских народов, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию чечено-ингушских народов.

2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР:

а) рассмотреть вопрос о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР;

б) установить границы и административно-территориальное устройство ЧИАССР;

в) утвердить Оргкомитет ЧИАССР, на который возложить впредь до выборов в Верховный Совет АССР руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики.

3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года "О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве" и статью 2-ю Указа от 16 июля 1956 года в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее место жительство.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К.ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.ГОРКИН

Москва, Кремль. 9 января 1957 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области

В целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов восстановить Чечено-Ингушскую республику с центром в городе Грозный.

Включить в состав Чечено-Ингушской АССР: (перечень районов)

Поручить Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской АССР и Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР внести на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района с основной территорией Северо-Осетинской АССР.

Упразднить Грозненскую область, передав... (перечень районов)

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
М.ТАРАСОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
И.ЗИМИН

Москва. 9 февраля 1957 г.

Первому секретарю ЦК КПСС
Никите Сергеевичу ХРУЩЕВУ
от военкома Гражданской войны на
Северном Кавказе, писателя
КОСТЕРИНА Алексея Евграфовича

Дорогой Никита Сергеевич!

Бывшая Терская область, особенно районы нынешней Чечено-Ингушской республики мне хорошо известны и особенно дороги потому, что здесь я принимал активное участие в первые годы борьбы за Советскую власть. Именно в те годы я узнал и полюбил чеченцев и ингушей, с которыми пришлось делить горечь поражений и гордость побед.

Узнав о выселении чеченцев и ингушей из родных долин и ущелий, я переживал это народное бедствие с большей остротой, чем свое личное несчастье - тюрьму, лагерь, ссылку. А их политическую реабилитацию и воссоздание Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики воспринял как свой личный праздник и радость по причине возврата к ленинским принципам, к подлинно ленинской национальной политике. В дни 40-летия Октября я счел своей обязанностью поехать во вновь возрождаемую Чечено-Ингушетию. Мои впечатления от поездки настолько противоречивы, что не дают мне возможности рассказать о них в обычном газетном очерке. А рассказать надо!

О том, что испытали чеченцы и ингуши при выселении и в ссылке рассказывать не имеет смысла: в ЦК несомненно имеются более точные и разносторонние материалы. Меня очень поразила мало потускневшая обида, которую до сих пор переживают и ощущают чеченцы и ингуши за те оскорбления и за те физические лишения, которые они перенесли в годы ссылки. И у интеллигентов, и у простых людей, у беспартийных молодых и у пожилых свято и крепко хранятся в памяти годы борьбы с российской контрреволюцией. В те годы Чечено-Ингушетия потеряла десятки аулов, на кладбищах выросли целые рощи шестов с флажками, знаком смерти в бою с белогвардейцами. Так, например, аул Алхан-юрт только за два дня боя в апреле 1919 года потерял до 500 человек убитыми, а весь аул был разрушен и сожжен. Память о славном прошлом в те годы, когда Чечня и Ингушетия с помощью русских товарищей, под знаменем нашей партии порывала со средневековым панисламизмом и начинала развивать национальную культуру социалистическую по содержанию, - эти годы навеки вошли в душу народа. И они неискоренимы. А годы тяжелого изгнания еще более повысили значимость прошлого. Возвращение горцев на

родину было актом мудрости ленинской партии и величайшей гуманностью. Как же шло и идет возвращение изгнанников, реабилитация оскорбленных народов? Надо было подготовить русское население к предстоящему возвращению чеченцев и ингушей в свои родные селения. Эту подготовку под непосредственным руководством секретаря Грозненского обкома КПСС тов. Яковлева .начали с передвижения воинских частей в те районы, куда приезжали изгнанники. А вообще Яковлев заявляет, что возвращение чеченцев и ингушей - большая ошибка. При такой принципиальной позиции обкома, русское население не только не подготовлено к встрече изгнанников, но среди них широко разлилось и укрепилось обывательское мнение и убеждение, что вообще все чеченцы и ингуши - бандиты, воры, пособники Гитлера и прочее и прочее. Никакого противодействия этой провокационной болтовне ни партийные, ни советские организации не давали и не дают.

Не было проведено и организационных мероприятий по встрече изгнанников. Ехали десятки тысяч семей - мужчин и женщин, стариков и детей и никакой встречи организовано не было. Их встречали только усиленные воинские части и усиленные милицейские мероприятия. А в результате народ нес новые жертвы - повысилась смертность, особенно детская.

С чечено-ингушской массой, разбросанной по Казахстану и Киргизии так же на было проведено разъяснительной работы. Обком, руководимый Яковлевым, выполняет решение XX съезда партии и ЦК КПСС таким образом, чтобы создать базу для дальнейшего межнационального конфликта. Так, ряд ингушских селений - Базоркино, Ангушта и др. - остались в границах Осетии. Зная о давней ингушско-осетинской вражде, почти погасшей в 20-е годы, - это значит провоцировать новый взрыв старой межнациональной розни. Чеченцев пытаются расселить на территории Ингушетии - это значит посеять рознь там, где ее не было во времена царизма. Чеченцев также пытаются подселить к казакам Сунженской и Терской линии - то есть опять-таки разжигается полузабытая вражда казаков и чеченцев, то же самое происходит на границах с Дагестаном. Там ряд селений заняты аварцами. К моменту прибытия чеченцев аварцы не были выселены. Чеченцы поселились семьями около своих домов на снегу, а затем за собственные деньги покупали у аварцев свои же дома. Все велось и ведется так, чтобы вызвать эксцессы со стороны изгнанников и против партийно-советских мероприятий и против тех, кто заселил их селения, - осетин, грузин, аварцев, русских. И эти эксцессы были и есть, к сожалению, и будут, если не изменится практика обкома партии по отношению к изгнанникам, если руководящие работники полностью не поймут подлинно ленинской национальной политики.

Организация Чечено-Игушской республики удачно совпала с подготовкой к празднованию 40-летия Октябрьской революции. Восстановив историческую правду первых лет революции в бывшей Терской области, роль чеченцев и ингушей в становлении Советской власти, обком партии нашел бы превосходный материал для цементирования дружбы между русскими, чеченцами, ингушами и другими народами региона. Именно в силу дружбы между ними в первые годы революции была разгромлена и русская и панисламистская контрреволюция с ее представителями... Однако в подготовке к 40-летию обком партии шел по обычной гладко утоптанной бюрократической тропе: с оглядкой как бы чего не вышло, на верхи - о чем или о ком разрешено говорить, о чем или о ком нельзя. Я - активный участник революционной борьбы на Кавказе - еще в феврале текущего года послал в обком повесть о первых годах революции в районе Грозного и, главное, просил указать, в каком виде требуется мое участие в подготовке к 40-летию. Обком молчал три месяца. Я вежливо напомнил о своем предложении. И еще два месяца молчали. Тогда я попросил ЦК партии напомнить обкому о необходимости соблюдать хотя бы простую вежливость. Только после этого обком сообщил, что повесть включена в план 1958 года, а о моем участие в подготовке к 40-летию Октября по-прежнему ни слова. И в то же время все грозненские организации широко пользовались услугами наглых спекулянтов этой святой темой. В результате усилий этих, с позволения сказать "ветеранов революции" (Кучину в 1918 году было 12 лет, Михайлик - эсер, Привалов - рядовой самообороны...) в Грозном создана пьеса "Это было в Грозном" и в дни 40-летия поставлена в Грозненском драмтеатре. И содержание пьесы и ее постановка - свидетельство позорного отношения обкома партии к истории революционной борьбы в Грозном и прилегающих к нему районах, непонимание сложности борьбы в условиях бывшей Терской области, незнание и непонимание той партийной работы, которая велась здесь под руководством Кирова, Орджоникидзе, Анисимова, Гикало, Асланбека Шарипова и многих других, сложивших свои головы за дело социализма. Это незнание, нежелание понять прошлое, бюрократическое отношение к решениям XX съезда партии привело к тому, что ряд действий обкома партии оскорбил национальные чувства и достоинство чеченцев и ингушей. Так, все горцы знают, что их выселение с Кавказа последовало по распоряжению Сталина и проведено Берией.

Хорошо помнят чеченцы и высказывания старого "покровителя" Кавказа времен царской России генерала Ермолова. Он сказал: "Я добьюсь того, чтобы на Кавказе не осталось ни одного чеченца!" И пытался это сделать. Сотни тысяч чеченцев и сейчас живут в Турции и Сирии. Уважая чувства глубоко оскорбленного народа, надо бы его

имя и некоторые другие убрать с улиц и площадей города хотя бы просто в музей. Нет, сброшенный в 1918 году памятник Ермолову был опять восстановлен, а в дни 40-летия улицу "Красных Фронтовиков" переименовали в улицу Сталина, был уничтожен памятник Асланбеку Шарипову, стала безымянной площадь имени Гикало, исчез памятник партизанского отряда. Я спросил у секретаря Назрановского райкома партии, известно ли ему, когда возникла ингушская организация коммунистической партии и кто был ее основателем. Он этого не знает. Не знают и в обкоме партии и не стремятся узнать, вовсе не интересуясь историей нашей борьбы. Но нельзя вырвать из памяти народа страницы его славного прошлого как нельзя вырвать имена героев народа - народ слагает о них песни и легенды. Чечено-ингушский народ и те русские, которые с ними вместе боролись за справедливую жизнь, помнят свое прошлое и очень его ценят. Я спросил секретаря обкома Фоменко, ведающего отделом пропаганды, известна ли ему могила Асланбека Шарипова и в каком она состоянии. Он посоветовал мне обратиться в ... музей краеведения. Я поехал в горы, и там простые горцы провели меня на могилу первого чеченца-коммуниста, погибшего еще в 1919 году за Советскую власть. Могила заросла бурьяном... Группа чечено-ингушских работников, глубоко заинтересованная в восстановлении исторической правды, выдвинула ряд предложений для увековечивания исторических имен, дат и мест. Обком партии обычным канцелярским путем передал их на рассмотрение оргкомитета ЧИАССР, а оргкомитет в свою очередь положил их в долгий ящик и в дни 40-летия не установил ни одной мемориальной доски под предлогом, что эти вопросы надо согласовывать "с центром"... Боязливость, оглядка на "центр", работа по шаблону, по штампам характерна для обкома и оргкомитета, характерна, потому что, когда простые люди Чечни и Ингушетии узнали о приезде в Грозный бывшего помощника товарища Гикало, первого военкома Чечни, то стремились повидаться с ним, хотя бы просто пожать ему руку. А председатель оргкомитета тов.Гаирбеков не пожелал даже принять меня для беседы по ряду вопросов, связанных с национальным достоинством чеченцев и ингушей, материальным устройством возвращенных и пр. Так мне хотелось бы его спросить:

1. Что делает оргкомитет для ликвидации такого дикого положения? Приезжий покупает за собственные деньги свою же саклю у того, кто поселился в ней на все готовое бесплатно.

2. Почему исконно ингушские селения Базоркино и другие остались в Осетии?

3. Почему казаков сунженских станиц, переселившихся вглубь Чечни, оставляют на месте, а возвратившихся чеченцев заставляют

селиться в их станицах? Это что, особый вид национальной политики и метод быстрейшей ассимиляции чеченцев?

4. Почему оргкомитет не мог взять на себя такую "великую ответственность", как, например, в дни 40-летия на месте бывшей слободы Воздвиженской, исторической во многих отношениях, поставить обелиск с мемориальной доской?

И еще много раз почему, но Гаирбеков не пожелал выслушать эти вопросы, возможно, потому, что на них трудно ответить без краски стыда за свою роль в реабилитации собственного народа, нормальное устройство возвращенцев. Я же должен отметить, что возвращающиеся чеченцы и ингуши у всякого непредубежденного человека вызывают чувство глубокого уважения к ним. Их любовь к родным местам - землям, долинам и ущельям - может служить прекрасным образцом любви к своей родине, к истории своего народа, к своим памятникам и могилам. Многие возращающиеся везут кости умерших в изгнании родственников, чтобы похоронить их в родной земле. По приезде мужчины и женщины становятся на колени и целуют родную землю, вознося молитвы за тех, кто разрешил им вернуться к могилам предков. Первое дело, за которое принимались возвращенцы, - это приведение в порядок могил дедов и отцов. А бывший председатель ревкома селения Алхан-юрт Абдулла Денилханов первым делом взял под охрану поставленный в ауле и уже полуразвалившийся памятник погибшим в 1919 году... Так как большая часть домов была разрушена, то чеченцы и ингуши принялись за новое строительство. Количество новых домов и качество постройки, учитывая , что со дня приезда семей прошло всего полгода, вызывает восхищение. В культурном росте за время высылки Чечено-Ингушетия, конечно, отстала, но уже и то, что сохранилось, и те новые стремления, которые уже выявляются среди старшего и младшего поколений, дают основания считать: чеченский и ингушский народы - вольнолюбивые и смелые, трудолюбивые и одаренные - при умном и чутком руководстве быстро залечат свои раны и внесут драгоценный вклад в культурный фонд народов страны Советов.

1957

Иван Минтяк

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОГНЯ

Вайнахская повесть[1]

Февраль метлой повертывал,
Морозами трещал -
Февраль сорок четвертого
Беды не обещал,
Был чист, как миг явления
Молитвы на уста,
Но салтий[2] у селения
Возникли неспроста,
И встали у Долаково,
У въезда в Ведено,
Осаживая всякого:
"Быть шуму не должно!
Никто чтобы до времени..." -
Все тропы из села
Рубил солдат Лаврентия
Шлагбаумом ствола...
Вершины светом веяли,
Как было испокон,
И этим светом верили,
Что есть и н о й закон!
Но - рядом где-то всхлипнули...
У башни Борз-пашу
"Эй, накости!! - окликнули, -
Иди, чего спрошу.
Скажи, у вас грибы солят?
И шепчет погодя, -
В ближайших день вас выселят,
На то приказ вождя.
Встречать такой безбожности
Не доводилось мне.
Готовься по возможности
И передай родне, -
И - громко: По-над горочкой
Простор небес да тишь! -

---

[1] Печатается в сокращении
[2] Салтий - солдат в чеченской речи.

Коль нет грибов - махорочкой,
Быть может, угостишь?
Сейчас в таком моменте я..."
К чему он это вел?
Тут офицер Лаврентия
К солдату подошел.
Схватил, как сытый нищего:
- Приехал, милый! Ша... -
И больше сообщившего
Не видел Борз-паша...

Письма шли в аулы,
Похоронки...
Горы оккупировала мгла -
И на студебеккеры,
Трехтонки
Шла погрузка -
Спецпогрузка шла...
В тот же год от очагов и прахов,
Выполняя Сталина приказ,
Увозили не одних вайнахов,
А почти весь Северный Кавказ.
- А за что?
- За что? Скажи, а долго
Ты себя вопросом утруждал?
А за то, что ожидал Адольфа,
Словно гостя дорогого ждал...
- Это - ложь! Воды чистейшей ложь!
Только ложью горы не зальешь,
Эшелоном их не увезти.
И тебе отплатится. Учти!..
Был солдат Лаврентия со шрамом,
Видно, из охраны лагерей,
Матом брал на бога, и тем самым
Подгонял: - А ну, давай, быстрей!
Лишнего не брать - лишь то, что нужно,
Там получишь, привезут куда... -
Тут детишки подбежали дружно
К Борз-паше: "И мы с тобой, дада"...
- Ну-ка, не задерживай погрузку...
Вышла женщина: "И мила ву?"
- Ты умеешь говорить по-русски?
-Да. Я русская. Я здесь живу.

- Что ж, мадам, судьбу благодарите:
Можете остаться. Вы не в счет...
- Слушайте! О чем вы говорите?
Время все учтет и перечтет!
Время все переоценит. Знайте!
А пока - всего один совет...
- Вы нам здесь морали не читайте,
Отвечайте - едете иль нет?
Настя обняла дочурку Седу
И - солдатам: "Будьте же людьми...
Проклиная, отвечаю: еду!
Еду вместе с мужем и детьми..."
Грузовик будто хотел угнаться
За другими, что ушли вперед...
В пятьдесят седьмом вернется Настя
И останки мужа привезет.
Привезет в том самом чемодане,
В коем вещи т о й зимой везла.
А в платке березовой Рязани -
Лист чинаровый и горсть земли...

Отстали гор отроги,
Пошел Урал, Арал...
Родившийся в дороге -
В дороге умирал.
Скрипел вагон в заплатках.
В пути умерших всех
На остановках кратких
Закапывали в снег,
И звали самых ловких
На этот скорбный труд -
Состав на остановках
Ждал несколько минут.
А если кто обряда
Свершить не успевал -
На снег широкий падал,
Сраженный наповал.
- За что? - в ответ команда:
- Живым не оставляй!..
- За что? - в ответ команда:
- Стреляй его! Стреляй!..
Усопшие в дороге

Лежали вне земли,
Их берегли не боги -
Их волки стерегли
И пастью всей глодали
Тех, кто лежал, отстав.
А волки снова ждали
Очередной состав
И выли...
Бег лет бесповоротен -
В Арысь ушли они,
Тюльпаны вдоль полотен -
Как вечные огни..,

* * *

Я жил тогда в деревне под Кизляром.
Мне восемь лет -
И в детство мое, в тыл,
Оседланный Лаврентьевским эскаром,
В деревню "черный ворон" прикатил.
Остановился возле сельсовета,
Сам председатель отдал ему честь.
Сказал солдат Лаврентия: - Ты, это,
Народ организуй мне. Дело есть...
Народ собрался -
Детвора,
Старухи
И прочие - кто мог приковылять.
Тут - дед Макар:
- Товарищ! Ходят слухи,
Что будут нас отседа выселять?
- Не выселять - всем ехать предлагают
В Бамут,
В Закан...
- А где это?
- В Чечне.
Оттуда в Казахстан все убегают,
А горы позарез нужны стране.
Я вам скажу: в горах не жизнь -
Малина,
Она, уверен, будет вам мила.
В горах есть все:
И масло,

И овчина,
Для детворы - орех и мушмула.
Есть и кизил,
Халва и кукуруза,
А для охоты - всякой дичи тьма.
Чечня - обетованный край Союза...
- И все, что перечислил, задарма?
Взглянул солдат Лаврентия на деда,
Дед сдвинул вместе ноги-калачи:
- А никуда не двинусь я отседа.
Мне здесь неплохо, на родной печи!
Хотя, конешно, голодно и стужно,
дак ведь зима...
- А ты полегче, дед!
Иначе будешь говорить, где нужно.
Там разберутся - там не сельсовет...
Поедешь!

* * *

Непросто жить, судьбой припертым,
Не видя звезд родной земли...
Альви с войны в сорок четвертом
В аил казахский привезли -
И там, как нечто на уроке,
Узнал он, что его дада
Расстрелян был еще в дороге,
А нану съели холода...
А до Москвы не докричаться,
Поскольку слушающих нет...
Скрипя зубами отмечаться
Он будет все тринадцать лет
В комендатуре поселковой -
Свет опрокинулся вверх дном...
- Что я, в тюрьме средневековой?
Я же в Отечестве родном...
- Иди! Иди! Чего уперся?
Болтать с тобою недосуг...
Но - пел ашуг про Лиду Лорса -
И люди плакали вокруг...
Слезой багровою диск солнца
Сползал на белый снег степей...
О том, как дружба познается,

Писал яздархо Саидбей.
Писал не Сталину в угоду,
А написал ему - тогда:
- Ты имя своему народу
Другое дай...
- Другое?
- Да! Любым, но только не чеченцем
Пусть будет главный персонаж...
- Скажи, а змей орлом быть может?
А черное - бывает белым?
А ласковым - бывает кнут?..
Другое имя?
Под расстрелом
Менять не стану
Я не шут!
Я - сын вайнахского народа!
Верните рукопись.
В ответ:
- Впервые вижу сумасброда,
Что не желает выйти в свет...
Роман не вышел - выйдет позже,
Когда вернется Саидбей,
Когда Москва ослабит вожжи -
И стаи горных голубей
Займут ущелья, не робея, -
И в Казахстан тогда Альви
Отправит книгу Саидбея,
Как символ веры и любви.
Он Джамиле ее отправит;
Что повторяла:
- В свой черед
Придет весна и все исправит,
Все, что потеряно - вернет...
Цветы степные вспоминая,
Писал Альви:
- О, Джамиля!
Ты для меня - сестра родная,
И мне мила твоя земля.
Пусть было горько, но судьбе я
Обязан встречею с тобой...
И эта книга Саидбея
Тебя хранит пусть в час любой..."

* * *

Весна! Свершилась перемена
И местожительств, и цветов...
Альви ромашки у Чермена
Поштучно целовать готов,
Как целовал тогда тюльпаны
И руки доброй Джамили -
То шли в глаза, то отступали
Степные дали той земли,
Что поначалу не скрывала
Вражды, пускавшейся на месть,
Потом - кормила, врачевала
И согревала всем, что есть:
И тесной юртой Бурумбая,
И тайной лаской Джамили,
И саксаулом, что, срубая,
Зимой, в костре едином жгли...
Вертелась под иглой пластинка...

В Чермене праздник и весна!
Альви встречала осетинка,
Годами матери равна.
Встречала, взглядом вопрошала
И яблоками угощала:
- Вкуснейшие...
Каков финал?
Альви те яблоки узнал,
Он скрыть волнение старался,
Но вспоминал - а как иначе -
Как он на яблоню взбирался -
Вот эти яблоки с нее!
С нее, растущей в центре сада!..
Воды немало утекло
И встрече радоваться б надо,
Но слезы душат...
Как саду подтвердишь родство?
Альви взял яблоко и вышел:
Был отчий дом и - нет его...

Грозный, 1988

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕПРЕССИИ

Чеченцам - ауховцам, или аккинцам, - возвращающимся на родину в Дагестан, на местах выселения вручались удостоверения по оргнабору и направления на работу и поселение в различные села Дагестана вроссыпь. Иначе возвращение запрещалось. Настрадавшиеся люди готовы были на что угодно, лишь бы выехать поближе к родным местам. Со временем они рассчитывали, поскольку ограничения в передвижении сняты, вернуться к очагам предков. Между тем, Ауховский район был ликвидирован и не восстановлен после Указа и в родные места въезд для них остался закрытым.

Возвращение приносило новые унижения и переживания. Радость гасла, как только поезда прибывали на станцию назначения. Ауховцев встречали воинские части и усиленные милицейские посты. Правительство Дагестана 16 июля 1958 года издало специальное постановление о введении паспортного режима специально для чеченцев Ауховского (Ново-Лакского), Казбековского и Хасавюртовского районов... Частично это Постановление было отменено в Москве в 1963 году, но продолжает действовать по сей день. Согласно ему чеченцев не пускали в Хасавюрт, прибывших возвращали обратно. Иные проезжали до Баку и нелегально въезжали в Хасавюрт. За это их арестовывали, судили , лишали свободы. Известны факты, когда жители Хасавюрта были оштрафованы за то, что пускали чеченцев на квартиры.

Чеченцы, населяющие Дагестан, не пользуются правами, предоставленными народам СССР Конституцией. Попытки чеченцев обратиться в высшие органы власти и в ЦК КПСС остаются безответными. Уже после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года в Дагестане по отношению к чеченцам принят ряд мер по подавлению и пресечению их прав. Во всех справочниках и научных трудах чеченцы-аккинцы отсутствуют: они либо вычеркиваются. либо упоминаются как пришлые, как слишком малочисленные, приписанные к другим национальным образованиям. Например, в книге "Дагестан" (М., 1986) к коренным народам Дагестана относятся: аварцы (25,7%), даргинцы (15,2%), кумыки (12,4%), лезгины (11,6%), лакцы (5,2%), табасаранцы (4,4%), ногайцы (1,5%), рутульцы (0,9%). агулы (0,7%), цахуры (0,3%), таты (0,4%). Среди прочих названы русские (21,7%), азербайджанцы (4%), чеченцы (3%). То есть чеченцы, издревле живущие на земле современной Дагестанской АССР в нынешнем Хасавюртовском районе, попали в число пришлых.

По сей день с нас не снято обвинение-причина выселения. Оно состоит в следующем: фронт в 1942 году подошел близко к Хасавюрту и был пущен слух (а затем и сфабриковано фальшивое дело) о том, что в чеченском селе Акташ-Аух готовится прием немецкого десанта, в связи с чем арестовано более 40 человек, пятеро из них расстреляно, а остальные получили большие сроки, домой не вернулся никто. В селе Аух-Юрт арестовали 36 человек, из которых 20 расстреляли, остальные не вернулись. Дела всех без исключения сфабрикованы и несостоятельны, но до сих пор руководство Дагестана оперирует списками этих лиц в доказательство виновности аккинского населения. Иначе говоря, до сих пор утверждается "справедливость" сталинской репрессии в отношении народа.

Дж.УМАЛАТОВ, 1991

* * *

Указы Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР" выполнялись на местах "с поправками". В частности, Совет Министров Дагестанской АССР от 16 июля 1958 года принял Постановление "О переселении из Киргизской ССР и хозяйственном устройстве чеченского населения в республике", в котором объяснялось о введении и строгом соблюдении особого паспортного режима в отношении возвращающегося чеченского населения. Для этого было разработано специальное Удостоверение для возвращающихся на родину, по которым их не пустили в родные села. Вот его форма, по-новому закрепляющая ограничение прав чеченцев:

СОВЕТ МИНИСТРОВ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

Отдел переселения и организованного набора рабочих

N ... "..."........1960 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано гр-ну ___________________________
в том, что ____ разрешается переехать из ______________ССР,
_________________________области, _______________района,
селения___________ на постоянное местожительство и подготовки жилья своей семье в составе ________ человек, возвращающейся в Дагестанскую АССР, Хасавюртовский район, селение _______
Настоящее удостоверение действительно в течение 40 дней со дня выдачи.

Зав. отделом переселения и организованного набора рабочих
Совета Министров Дагестанской АССР МАГОМЕДОВ

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года "О награждении орденами и медалями работников Наркомата Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности"

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года "О награждении орденами и медалями работников Наркомата Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г., N 17) отменить.

Москва, Кремль
4 апреля 1962 года

А. СОЛЖЕНИЦЫН
ЧЕЧЕНЫ И ДРУГИЕ

... Охрана стала расстреливать эти шары.

Тут пришли в Техотдел зэки-чечены и предложили делать змеев (они на змеев мастера). Этих змеев стали удачно клеить и далеко выбрасывать под посёлком...

По змеям тоже стреляли, но они не были так уязвимы к пробоинам, как шары. Нашёл скоро противник, что ему дешевле, чем гонять толпу надзирателей, запускать контрзмеев, ловить и перепутывать.

Война воздушных змеев во второй половине XX века! - и всё против слова правды...

В поселке были ссыльные чечены, но вряд ли тех змеев клеили они. Чеченов не упрекнёшь, чтоб они когда-нибудь служили угнетению. Смысл кенгирского мятежа они поняли прекрасно и однажды подвезли к зоне автомашину печёного хлеба. Разумеется, войска отогнали их.

(Тоже вот и чечены. Тяжелы они для окружающих жителей, говорю по Казахстану, грубы, дерзки, русских откровенно не любят. Но стоило кенгирцам проявить независимость, мужество - и расположение чеченов тотчас было завоёвано! Когда кажется нам, что нас мало уважают, - надо проверять, так ли мы живём.)...

А вот ещё глуше - Тасеево Красноярского края, двести пятьдесят километров от Канска. Туда ссылались немцы, чечены, ингуши и бывшие зэки...

Были ссыльно-поселенцы (по суду), были административно-ссыльные (без суда), но и те и другие - всё счётные единицы, со своими фамилиями, годами рождения, статьями обвинения, фотокарточками анфас и в профиль, и только мудротерпеливые, нисколько не брезгливые Органы умели из песчинок свить верёвку, из этих разваленных семей - монолиты ссыльных районов.

Но насколько же возвысилось и ускорилось дело ссылания, когда погнали на высылку спецпереселенцев! Два первых термина были от царя, этот - советский кровный. Разве не с этой приставочки спец начинаются наши излюбленные сокровеннейшие слова (спецотдел, спецзадание, спецсвязь, спецпаёк, спецсанаторий)?..

И вот указал Великий Отец применять это слово к ссылаемым нациям...

Система была опробована, отлажена и отныне будет с неумолимостью цапать всякую указанную назначенную обречённую предательскую нацию, и каждый раз всё проворнее: чеченов, ингушей; карачаевцев; балкар; калмыков; курдов; крымских татар; наконец, кавказских греков. Система тем особенно динамичная, что объявляется народу решение Отца Народов не в форме болтливого судебного процесса, а в форме боевой операции современной мотопехоты: вооружённые дивизии входят ночью в расположение обречённого народа и занимают ключевые позиции. Преступная нация просыпается и видит кольцо пулемётов и автоматов вокруг каждого селения. И даётся двенадцать часов (но это слишком много, простаивают колёса мотопехоты, и в Крыму уже - только два и даже полтора часа), чтобы каждый взял то, что способен унести в руках. И тут же сажается каждый, как арестант, ноги поджав, в кузов грузовика (старухи, матери с грудными - садись, команда была!) - и грузовики под охраной идут на станцию железной дороги. А там телячьи эшелоны до места...

Стройная однообразность! - вот преимущество ссылать сразу нациями. Никаких частных случаев! Никаких исключений, личных протестов! Все едут покорно, потому что: и ты, и он, и я. Едут не только все возрасты и оба пола: едут и те, кто в чреве, - и они уже сосланы тем же Указом. Едут и те, кто ещё не зачат: ибо суждено им быть зачатыми под дланью того же Указа, и от самого дня рождения, вопреки устаревшей надоевшей статье 35-й УК ("ссылка не может применяться к лицам моложе 16 лет"), едва только высунув голову на свет, - они уже будут спецпереселенцы, уже будут сосланы навечно. А совершеннолетие их, шестнадцатилетний возраст, только тем будет ознаменован, что они начнут ходить отмечаться в комендатуру.

И то, что осталось за спиною - распахнутые, ещё не остывшие дома, и разворошённое имущество, весь быт, налаженный в десять и в двадцать поколений, - тоже единообразно достаётся оперативникам карающих органов, а что государству, а что - соседям из более счастливых наций, и никто не напишет жалобы о корове, о мебели, о посуде.

И тем последним ещё довышено и дотянуто единообразие, что не щадит секретный Указ ни даже членов коммунистической партии из рядов этих негодных наций. Значит, и партбилетов проверять не надо, ещё одно облегчение. А коммунистов в новой ссылке обязать тянуть в два плеча - и всем кругом будет хорошо...

Куда же ссылали нации? Охотно и много - в Казахстан, и тут вместе с обычными ссыльными они составили добрую половину республики, так что с успехом её можно было теперь называть Казэкстан. Но не обделены были и Средняя Азия, и Сибирь (множество калмыков вымерло на Енисее), Северный Урал и Север Европейской части...

Организация высылки настолько поднялась за минувшие годы от времён корейских и даже крымско-татарских, ценный опыт настолько был обобщён и усвоен, что счёт не шёл уже ни на сутки, ни на часы, а всего на минуты. Установлено и проверено было, что вполне достаточно двадцати - тридцати минут от первого ночного стука в дверь до переступа последнего хозяйкиного каблука через родной порог - в ночную тьму и на грузовик. За эти минуты разбуженная семья успевала одеться, усвоить, что она ссылается навечно, подписать бумажку об отказе от всяких имущественных претензий, собрать своих старух и детей, собрать узелки и по команде выйти...

Впереслойку расселенные, друг другу хорошо видимые, выявляли нации свои черты, образ жизни, вкусы, склонности.

Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. Всех бесповоротнее они отрубили свою прошлую жизнь... Они стали устраиваться не до первой амнистии, не до первой царской милости, а - навсегда...

Горячо схватились за работу и греки... На казахстанских базарчиках лучший творог, и масло, и овощи были у греков.

В Казахстане ещё больше преуспели корейцы...

Другие нации, тая мечту возврата, раздваивались в своих намерениях, в своей жизни. Однако в общем подчинились режиму и не доставляли больших забот комендантской власти.

Калмыки - не стояли, вымирали тоскливо. (Впрочем, я их не наблюдал.)

Но была одна нация, которая совсем не поддалась психологии покорности, - не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это - чечены.

Мы уже видели, как они относились к лагерным беглецам. Как одни они изо всей джезказганской ссылки пытались поддержать кенгирское восстание.

Я бы сказал, что изо всех спецпереселенцев единственные чечены проявили себя з э к а м и по духу. После того, как их однажды предательски сдёрнули с места, они уже больше ни во что не верили. Они построили себе сакли - низкие, тёмные, жалкие, такие, что хоть пинком ноги их, кажется, разваливай. И такое же было всё их ссыльное хозяйство - на один этот день, этот месяц, этот год, безо всякого скопа, запаса, дальнего умысла. Они ели, пили, молодые ещё и одевались. Проходили годы - и так же ничего у них не было, как и в начале. Никакие чечены нигде не пытались угодить или понравиться начальству, - но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны. Презирая законы всеобуча и те школьные государственные науки, они не пускали в школу своих девочек, чтобы не испортить там, да и мальчиков не всех. Женщин своих они не посылали в колхоз. И сами на колхозных

полях не горбили. Больше всего они старались устроиться шофёрами: ухаживать за мотором - не унизительно, в постоянном движении автомобиля они находили насыщение своей джигитской страсти, в шофёрских возможностях - своей страсти воровской. Впрочем, эту последнюю страсть они удовлетворяли и непосредственно. Они принесли в мирный честный дремавший Казахстан понятие: "украли", "обчистили". Они могли угнать скот, обворовать дом, а когда и просто отнять силой. Местных жителей и тех ссыльных, что так легко подчинились начальству, они расценивали почти как ту же породу. Они уважали только бунтарей.

И вот диво - все их боялись. Никто не мог помешать им так жить. И власть, уже тридцать лет владевшая этой страной, не могла их заставить уважать свои законы.

Как же это получилось. Вот случай, в котором, может быть, собралось объяснение. В Кок-Терекской школе учился при мне в девятом классе юноша-чечен Абдул Худаев. Он не вызывал тёплых чувств,да и не старался их вызывать, как бы опасался унизиться до того, чтобы быть приятным, а всегда подчёркнуто сух, очень горд да и жесток. Но нельзя было не оценить его ясный отчетливый ум. В математике, в физике он никогда не останавливался на том уровне, что его товарищи, а всегда шёл вглубь и задавал вопросы, идущие от неутомимого поиска сути. Как и все дети поселенцев, он неизбежно охвачен был в школе так называемой общественностью, то есть сперва пионерской организацией, потом комсомольской, учкомами, стенгазетами, воспитанием, беседами, - той духовной платой за обучение, которую так нехотя платили чечены.

Жил Абдул со старухой-матерью. Никого из близких родственников у них не уцелело, ещё существовал только старший брат Абдула, давно изблатнённый, не первый раз уже в лагере за воровство и убийство, но всякий раз ускоренно выходя оттуда то по амнистии, то по зачётам. Как-то однажды явился он в Кок-Терек, два дня пил без просыпу, повздорил с каким-то местным чеченом, схватил нож и бросился за ним. Дорогу ему загородила посторонняя старая чеченка, она разбросала руки, чтоб он остановился. Если бы он следовал чеченскому закону, он должен был бросить рож и прекратить преследование. Но он был уже не столько чечен, сколько вор, - взмахнул ножом и зарезал неповинную старуху. Тут вступило ему в пьяную голову, что ждёт его по чеченскому закону. Он бросился в МВД, открылся в убийстве, и его охотно посадили в тюрьму.

Он-то спрятался, но остался его младший брат Абдул, его мать и ещё один старый чечен из их рода, дядька Абдулу. Весть об убийстве облетела мгновенно чеченский край Кок-Терека, - и все трое оставшиеся из рода Худаевых собрались в свой дом, запаслись едой, водой,

заложили окно, забили дверь, спрятались, как в крепости. Чечены из рода убитой женщины теперь должны были кому-то из рода Худаевых отомстить. Пока не прольётся кровь Худаевых за их кровь - они не были достойны звания людей.

И началась осада дома Худаевых. Абдул не ходил в школу, весь Кок-Терек и вся школа знала, почему. Старшекласснику нашей школы, комсомольцу, отличнику, каждую минуту грозила смерть от ножа, - вот, может быть сейчас, когда по звонку рассаживаются за парты, или сейчас, когда преподаватель литературы толкует о социалистическом гуманизме. Все знали, все помнили об этом, на переменах только об этом разговаривали - и все потупили глаза. Ни партийная, ни комсомольская организация школы, ни завучи, ни директор, ни районо, - никто не пошёл спасать Худаева, никто даже не приблизился к его осаждённому дому в гудевшем, как улей, чеченском краю. Да если б только они! - но перед дыханием кровной мести так же трусливо замерли до сих пор такие грозные для нас и райком партии, и райисполком, и МВД с комендатурой и милицией за своими глинобитными стенами. Дохнул варварский дикий старинный закон, - и сразу оказалось, что никакой советской власти в Кок-Тереке нет. Не очень-то простиралась её длань и из областного центра Джамбула, ибо за три дня и оттуда не прилетел самолёт с войсками и не поступило ни одной решительной инструкции кроме приказа оборонять тюрьму наличными силами.

Так выяснилось для чечен и для всех нас - что есть сила на земле и что мираж.

И только чеченские старики проявили разум! Они пошли в МВД раз - и просили отдать им старшего Худаева для расправы. МВД с опаской отказало. Они пришли в МВД второй раз - и просили устроить гласный суд и при них расстрелять Худаева. Тогда, обещали они, кровная месть с Худаевых снимается. Нельзя было придумать более рассудительного компромисса. Но как это - гласный суд? Но как это - заведомо обещанная и публичная казнь? Ведь он же - не политический, он - вор, он - социально-близкий. Можно попирать права Пятьдесят Восьмой, но - не многократного убийцы. Запросили область - пришёл отказ. "Тогда через час убьют младшего Худаева", - объясняли старики. Чины МВД пожимали плечами: это не могло их касаться. Преступление, ещё не совершённое, не могло ими рассматриваться.

И всё-таки какое-то веяние XX века коснулось... не МВД, нет, - зачерствелых старых чеченских сердец! Они всё-таки не велели мстителям - мстить! Они послали телеграмму в Алма-Ату. Оттуда спешно приехали ещё какие-то старики, самые уважаемые во всём народе. Собрали совет старейшин. Старшего Худаева прокляли и приговорили

к смерти, где б на земле он ни встретился чеченскому ножу. Остальных Худаевых вызвали и сказали: "Ходите. Вас не тронут".

И Абдул взял книжки и пошёл в школу. И с лицемерными улыбками встретили его там парторг и комсорг. И на ближайших беседах и уроках ему опять напевали о коммунистическом сознании, не вспоминая досадного инцидента. Ни мускул не вздрагивал на истемневшем лице Абдула. Ещё раз понял он, что есть главная сила на земле: к р о в н а я м е с т ь.

Мы, европейцы, у себя в книгах и в школах читаем и произносим только слова презрения к этому дикому закону, к этой бессмысленной жестокой резне. Но резня эта, кажется, не так бессмысленна: она не пресекает горских наций, а укрепляет их. Не так много жертв падает по закону кровной мести, - но каким страхом веет на всё окружающее! Помня об этом законе, какой горец решится оскорбить другого п р о с т о т а к, как оскорбляем мы друг друга по пьянке, по распущенности, по капризу? И тем более какой не чечен решится связаться с чеченом - сказать, что он - вор? или что он груб? или что он лезет без очереди? Ведь в ответ может быть не слово, не ругательство, а удар ножа в бок. И даже если ты схватишь нож (но его нет при тебе, цивилизованный), ты не ответишь ударом на удар: ведь падёт под ножом вся твоя семья! Чечены идут по казахстанской земле с нагловатыми глазами, расталкивая плечами, - и "хозяева страны" и нехозяева, все расступаются почтительно. Кровная месть излучает поле страха - и тем укрепляет маленькую горскую нацию.

"Бей своих, чтобы чужие боялись!" Предки горцев в древнем далеке не могли найти лучшего обруча.

А что предложило им социалистическое государство?

Новый мир. 1989. N11

Семен ЛИПКИН

ТАВЛАРЫ

Отрывок из повести "Декада"

- Дорогие товарищи, - обратился Семисотов к четырем вызванным, - прежде всего разрешите зачитать вам важный государственный партийный документ, - и негромким, невыразительным голосом прочел указ Советского правительства о массовом поголовном выселении лиц тавларской национальности из пределов республики в Казахстан. Причина выселения - предательское сотрудничество тавларов с немецкими оккупантами.

Голос генерала на мгновение окреп, когда он прочел под указом подпись Молотова, потом опять стал негромким, невыразительным:

- Операция нелегкая, особенно в условиях горной местности, она поручена солдатам государственной безопасности, и мы с честью и бесстрашием ее выполним, но нам, как всегда и везде в нашей стране, нужна помощь тружеников-коммунистов, и в первую очередь коммунистов тавларской национальности, и особенно партийных вожаков, то есть ваша помощь, товарищи. Вы должны помнить, что вы прежде всего коммунисты и коммунистами останетесь впредь, - на этом обнадеживающем месте своей речи Семисотов остановился, как бы ожидая рукоплескания, - да, прежде всего коммунисты, а потом уже тавлары. Вы должны нацелить всех жителей тавларских районов на четкое, быстрое, без излишней суеты и эмоций, неукоснительное выполнение указа Советского правительства. Операция будет проведена 21 января, в день годовщины смерти Владимира Ильича, когда люди будут свободны от работы. Каждой семье дается один час на сборы, разрешается взять по одному чемодану или другому виду тары (рюкзак, мешок, небольшой сундучок) на каждого члена семьи, включая грудных детей. В каждом селении будут ожидать жителей исправные грузовые машины под брезентом. Из труднодоступных горных аулов жители отправятся пешком или на ослах и мулах до того места, где пересядут в грузовые машины. Мы вам поможем, но вы, дорогие товарщи, не смотрите на себя, как на скопище обреченных жертв, вы должны действовать активно, потому что вы отвечаете за то, чтобы все жители ваших районов были посажены в грузовые машины. Ни одного тавлара, вне зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, занимаемой должности, прежних заслуг, ни одного воина Красной Армии, демобилизованного по инвалидности или по другим причинам, не должно остаться ни в одном селении, поселке, городе. Если глава семьи русский или гушан, или представитель другой, не подлежащей высе-

лению, национальности, а жена тavларка, то вся семья включая жену и детей не выселяется. Если же глава семьи - тавлар, а жена другой национальности, не подлежащей выселению, то семья, включая детей, должна быть выселена, но жена по своему усмотрению может остаться в республике. Документы на такого рода семьи уже подготовлены, но и вы проследите за их правильностью. Все ли ясно, товарищи, есть ли у кого-нибудь вопросы?

Какие могут быть вопросы, когда все так ясно, как снежная вершина Эльбавенда, освещенная утренним солнцем? Но у Семисотова было еще одно важное сообщение:

- Грузовые машины с населением доедут до станции Тепловская. Там люди будут погружены в вагоны. На всем пути следования их обеспечат питанием. Будет и санитарный вагон. Партийному и советскому руководству, выдающимся деятелям науки, литературы и искусства предоставят один мягкий, два купейных вагона. Свое имущество эти товарищи могут взять с собой без всяких ограничений. В дороге они получат питание повышенной калорийности. По прибытии в Казахстан они будут хорошо трудоустроены... Я понимаю ваше настроение, дорогие товарищи, по-человечески вам сочувствую, нелегко покинуть места, где родился и вырос, но еще раз напоминаю: прежде всего мы коммунисты, и слово партии, любое указание партии для нас - святая святых...

...Куруш не спал. Долго шумели на площади. Пусть хорошо грамотные по-русски Исмаил и другие вместе с мудрейшими стариками составят письмо в обком и Совнарком, на имя Девяткина и Акбашева, который хотя и не из Куруша, но тавлар, да еще из Кагарского ущелья, не могло же окаменеть на большом посту его тавларское сердце.

Крупно и низко горели звезды, заснули вершины гор, убаюканные музыкой их свечения, но в домах не спали. Как покинуть место, где жили испокон веков, жили еще тогда, когда московских хозяев не было, Москвы не было, как покинуть минарет горской земли? Алим где-то прочел, что Куруш - самое высокое из населенных мест Европы. А когда начнут переселять? Видно, не раньше лета - надо сперва отремонтировать внизу разрушенные дома. Исмаил мысленно сочинял письмо, но понимал, что пустая это затея, строитель канала Волга - Москва хорошо знал хозяев.

Заснули перед самым рассветом, а на рассвете их разбудили: гул "дугласов" задрожал над вершинами гор, на полуавтоматических парашютах "ПД-41" выбросили на неровную землю Куруша авиадесантников. Молодые чекисты врывались в дома, требовали, чтобы жители в течение одного часа уложили вещи, по одной клади на человека, включая детей. Биев и начальник десантного отряда разбили отряд на

группы, в каждой по два десантника, значит, рассчитали так, чтобы десантников было в два раза больше, чем домов: Семисотов умел считать. Среди десантников были и женщины, и не только потому, что мужчины нужнее на фронте: гуманное правительство понимало, что операция необычная, среди высылаемых большинство женщин, немало и дряхлых старух, немало больных, возможны и беременные, здесь хрупкая чекистка пригодится скорее, чем иной тяжелоатлет.

Ворвались десантники и в саклю Исмаила, парень и девушка, оба курносые, гладколицые, как бы безглазые, ибо в глазах не душа светилась, а тусклая, даже не звериная, а какая-то отчужденная от всего живого злоба.

Эти двое сперва кричали, матерились, потом поостыли, даже стали помогать, чтобы ускорить дело собирать вещи, но торопили, торопили. Наконец, три клади были уложены. Алим приладил к плечам хурджин - горскую переметную суму, в одной руке у него были портреты Ленина и Сталина, в другой - Исмаила и Айши. Маркса, как видно, он решил оставить. Десантница возмутилась:

- Что ж ты, ёшь твою двадцать, взял пять кладей? Сказано ведь русским языком - по одной клади на человека. Глупый ты парень, чего взял - картинки. Тут, может, получше вещи есть, да оставить надо, приказ.

- Я сам нарисовал, не оставлю портреты, убейте меня, а не оставлю, - закричал Алим, и в его крике слышались и детский плач и недетский гнев. Десантник сказал:

- Полина, дай хлопец визьме свои малюнки, а як дийдемо до машины, там и побачимо. А в машину малюнки покласты йому не буде дозволено.

Десантница смягчилась:

- Ладно, бери, ёшь твою двадцать.

Собрали жителей, всех до единого, как приказал Семисотов. Плач детей, проклятия женщин, жуткое молчание старцев и еще более жуткое трагическое молчание красивоглазых мулов. Начали спускаться по тропе. Через каждые пять человек - по десантнику. Впереди Биев, а замыкал высылаемых начальник отряда. На этой почти вертикально низвергнутой тропе чекисты утратили свою уверенность. Голова кружилась на тонкой нитке земли между безднами. Исмаил взял на свою долю самый тяжелый из трех хурджинов. Он, конечно, понял, уже перед рассветом понял, что речь идет не о переселении высокогорных аульчан вниз, иначе дождались бы весны, даже лета. Набрехал Биев, районный кум: весь Куруш, а может быть, весь народ, вся республика выселяется в дальние, уж не в сибирские ли, края, поэтому и обманывал Биев, боялся сопротивления курушан, хотя чего бояться, всех давно, как подкову согнули, поэтому и приказали взять всего по

одной клади на человека, поэтому-то и чекистов-десантников в Куруше выбросили.

И не только Исмаил понял огромность беды. Не потому ли, достигнув середины тропы, все, как будто по уговору, отдышась, оглянулись на мгновение наверх. Домов уже не было видно, только минарет сельского клуба, как одинокий замечтавшийся паломник на пути к Мекке, застыл отрешенно и благоговейно. Заря свободно разгорелась, и глазам открылся двуглавый Эльбавенд. Одна голова горы, казалось, венчала туловище, распятое утренним солнцем, а на другой, повязанной снежной чалмой, были опущены тяжелые ледяные веки - не хотела гора, не могла видеть великое горе своих сородичей. Исход народа? Угон народа?

Долго еще продолжало жить это мгновение в сердцах людей там, на далекой чужбине. А здесь мгновение прошло, и снова спуск. Исмаилу показалось, что племяннику, шедшему перед ним, трудно тащить и хурджин, и по две картины в каждой руке. Он хотел облегчить ношу племянника, попытался взять у него хотя бы две картины, но его хромая нога подвернулась, Исмаил упал, дышавший ему в спину десантник не успел ему помочь, и старый кузнец Исмаил Кучиев сорвался и разбился на дне пропасти, упали в пропасть и портреты Ленина и Сталина, упал и безногий Ахмед в коляске, сработанной Исмаилом. Свалился в пропасть со своей кладью и костылем однорукий, одноногий Бабраков. Свалились несколько старух и детей. Муторно стало на сердце у начальника отряда: число высылаемых не будет соответствовать числу, обозначенному в списке. К тому же один из десантников не удержался, свалился в пропасть, и все из-за этих предателей-чучмеков, чернозадых гитлеровских наймитов.

А горы стояли, смотрели, вспоминали и плакали, плакали никогда не замерзающими слезами родников. И никогда не замерзнут эти слезы. Умрут десантники, и дети десантников, и внуки десантников, а горы будут стоять, думать, вспоминать, плакать, и вовеки не высохнут на их морщинистых лицах родники слез...

Там, где обрывался разбитый грязный асфальт и не горел последний фонарь, стоял скотский поезд. Трое солдат и сержант в полушубках и валенках, всаженных в галоши, указывали военным, имеющим талоны: после третьего вагона следует свернуть налево, там выход на площадь. Внезапно половина стенки второго вагона отодвинулась, возник лаз, и капитан увидел молодую женщину в белом халате. Сержант помог ей спрыгнуть на землю, спросил:

- Что там, Зина?

- Погоди, воздуху наберу. Преждевременные роды. Нашла чучмечка время. Но ведь они здоровые, как суки. Даром, что до восьми

месяцев не дождалась, а мальчик в порядке. Не помрет, так жить будет.

- Кто эти люди? - спросил капитан, не надеясь получить ответ, понимая, какого рода войск эти солдаты. Но сержант, видимо, считал, что таинственность ни к чему.

- Не люди, товарищ капитан, а предатели, семьи власовцев. Можно сказать, оголтелые отщепенцы. С Кавказа вроде.

- Разрешите посмотреть?

- А чего, смотрите. Только недолго. Вам самому противно станет, дикие ведь, воши по ним бегают.

Капитан заглянул в лаз. Вагон, предназначенный для перевозки скота, был переоборудован для перевозки людей, но так, что людям было хуже, чем скоту. По обе стороны от узкого прохода были сделаны нары. Ни внизу, ни наверху люди не могли выпрямиться. Они скорчились в этом гноище, в грязи и вони. Былые пастухи стали отарами, гуртами. Беззубый старик в папахе, сидя на заплеванном, загаженном, с застывшими испражнениями полу скотского вагона, жадно дышал воздухом, сыро и мглисто врывавшимся сквозь лаз. В углу слева кричал новорожденный. Женщины окружили роженицу. Давно небритые мужчины молча, недвижно и грозно сидели на нарах. Их босые ноги были восковыми, как у мертвецов. "Подумать, на руках у матерей все это были розовые дети", - невпопад вспомнил капитан Анненского. Черты этих несчастных показались капитану странно знакомыми. Он сказал, наклоняясь к лазу:

- Салям алейкум. Хардан сиз? Ким сиз? Тавларлар?

- Тавларлар, тавларлар, - подтвердили мужчины, обнажая белые десны, и то была улыбка.

Для дальнейшего разговора капитану не хватало тавларских слов. Он перешел на русский:

- Почему вы здесь? В скотском вагоне?

В ответ закричали женскими, мальчишескими, старческими голосами:

- Мы и есть скот! Мы пища для русских! Нас высылают! В Сибирь высылают! Наш народ высылают! Сам ты кто, из наших мест?

- В своем ли вы уме? Разве целый народ высылают?

- Целый народ высылают! Гурджистанская собака Сталин высылает!

- И Мусаиб Кашгарский среди вас? И даже Акбашев? И все, все? А гушаны?

- Гушанов оставили. Их и наших мертвых оставили. Здесь и Мусаиб, здесь и Акбашев, только они в хороших вагонах едут. А мы, сам видишь, хуже скота. Бывало, овечка ягненочка родит, так мы нежим и мать и ребенка, а у нас женщина Сарият родила, дыхание Аллаха в ней и в ее мальчике, а воды нет для нее.

- Ведро есть?

- Найдется. Нас не выпускают.

- Дайте, принесу воды.

Капитан подумал было, что сержант-чекист на него рассердится, но тот отвернулся. Может, нарочно отвернулся. В русском человеке злоба вспыхивает, но доброту сжечь не в силах, доброта не дрова, не уголь, не керосин, а дух Божий. Капитан еще раньше приметил кран с кипятком. Он поспешил к нему, смешал горячую воду с холодной и вернулся к лазу. Какой-то мальчик - одни глаза на бескровном лице - принял у него ведро без благодарности. Капитан пошел получать продукты по талонам. Ему выдали буханку хлеба с довеском, концентрат - пшенную кашу. Довесок капитан съел, хлеб оказался кислым. Когда он приблизился к вагону, лаз уже был задвинут. Капитан обратился к сержанту с просьбой отодвинуть стенку на минуточку, он только хлеб и крупу им даст, но сержант сказал:

- Не положено.

И тихо добавил:

- Приказ. И мне влетело...

* * *

Тавларов разместили по колхозам так, чтобы всюду они составляли не более пяти-шести процентов населения. С детьми тавларов тоже получилась викторина, как говорил бывший затейник. Они привыкли учиться по-тавларски, но был приказ: изъять все учебники на тавларском языке, за сокрытие любой тавларской книги, даже букваря, - год тюремного заключения для взрослых.

Каким-то особенным холодом веяло время, и Алим постепенно охладевал к живописи. Он завел тетрадку, в которой записывал случаи из колхозной жизни, события из жизни природы, свои размышления. То были непростые размышления. Вот он, спецпереселенец, потому что родился от матери-тавларки и отца-тавларца. То, что его отец погиб на фронте, не было случайностью, в этом был смысл, но ведь его отец мог быть, скажем, грузином, а мать, скажем, гушанкой, и при такой случайности Алим остался бы на родине. Значит, его народ есть его вина. И вина немцев, высланных из Ленинграда еще до войны с немцами, есть их вина. С ними вместе высланы и русские, но у них другая вина, они враждебны пролетариату. Им лучше. Они могут повиниться, они могут дождаться счастливого дня, как дождались саратовские, пензенские, самарские, и перестанут быть виновными. А он виноват навсегда, потому что он тавлар. У Сарият Бабраковой родился в скотском вагоне мальчик, и он родился виноватым. Ему еще пуповину не перерезали, а он уже был виноват перед родиной, перед Сталиным, перед всем советским народом, потому что на крохотном тельце есть незримое тавро: тавлар. Одни народы, и среди них - соседи тавларов, виновны, другие невиновны. Но, может быть, невиновные сегодня будут виновны завтра? Как уйти от вины, если твоя вина - твой народ? Здесь, в "Мече революции", есть беременные тавларки. Их дети

еще не родились на свет, но зародыши уже виноваты, потому что виновен народ...

Из тетрадки Алима:

"Однажды, когда мы ужинали, к нам вошел сосед, плотник Кучиев, обрадовался:

- Мне повезло, во второй раз ужинать буду.

Когда тавлары едят, они вошедшего в дом к столу не приглашают, это само собой разумеется. Плотник ел молча, относясь к приему пищи с необходимой серьезностью. Поев, он сказал:

- Отправляют меня на две недели в пустыню. Будем строить бараки, говорят, евреев недалеко от нас поселяют.

Это сообщение нас не удивило, но непонятным образом взволновало. Калерия Васильевна прижала к себе Вику. Голос ее дрожал:

- Что за несчастная страна - всех сажают, всех высылают. Русских, немцев, кавказских горцев, калмыков, теперь евреев. Неужели нельзя жить нормально, работать, воспитывать детей? В тридцать седьмом арестовали моего отца. Он был беспартийным, работал начальником цеха на инструментальном заводе, политикой никогда не интересовался. Покойная мама, плача, объясняла: "Мы тебе не хотели говорить, твой дедушка был священником, его десять лет назад сослали на Соловки, погиб, наверное". Я была поражена, и вот что странно: объяснение мамы мне тогда показалось разумным, убедительным. Раз сын священника, значит, надо арестовать. Наваждение какое-то!

Плотник Кучиев поставил на блюдце чашку верх дном в знак того, что больше чаю не хочет, растопырил пальцы обеих рук на уровне щек и воскликнул своим высоким девичьим голосом:

- Ты образованная, Калерия, ты скажи мне, растолкуй, кто я! На фронте по боевой характеристике я в партию вступил, но если я авангард, то почему я здесь привязан, как к шесту жеребенок, которого собираются сварить?

- И я на фронте в партию вступила. Думала, теперь я не дочь репрессированного, не внучка священника, не прокаженная, теперь я такая же, как другие, нет, лучше других. Гордилась.

Мне запомнилось еще одно посещение плотника. Это было в самом начале марта 1953 года. Плотник вошел к нам поздно вечером. В руках у него был инструмент. Мы поняли, что он чем-то встревожен. Он сказал:

- Я к вам прямо из клуба. Ремонтируем. Радио целый день слушаем. Сталин заболел.

Сталин заболел? Как может Сталин заболеть? Как может солнце погаснуть днем? Как может мир перевернуться? Как может земля сойти с ума? Утром я пошел в контору. Коменданта нет, все какие-то напуганные. То один, то другой тавлар забегают ко мне, спрашивают о том, о сем, но, чувствую, ни о том и ни о сем хотят спросить.

И вот пришла весть. Показалось нам, что сердце слышит голос всемирного муэдзина, сзывающего со всемирного минарета все чело-

вечество на предрассветный намаз. Мы купили водки, собрались, сели за стол. Пришел и плотник Кучиев с женой и мальчишками-близнецами. Выпили. И вдруг Мурад запел. Он запел нашу старинную печальную песню:

Мы довольно терпели,
Исходили слезами...

- Не так поешь! - крикнул плотник. - Не то поешь. Веселую пой!

И он пустился в пляс. Задрожали стены кибитки и пол. Плотник плясал горский танец на земле изгнания. Сначала его движения были медленными, важными. Как бы вообразив себе длиннорукавную черкеску, он придерживал руками края рукавов пиджака. Потом выгнул руки так, что они образовали зигзаг горной дороги, и, как столб ветра, завертелся на узком пространстве между столом и стенами. Плотник вместо обычных при пляске выкриков кричал: "Подох! Подох!" Он схватил Калерию Васильевну, та смеясь отказывалась: "Не умею", - но он заставил ее хотя бы подняться с места, он кружился вокруг нее и в счастливом безумии кричал:

- Подох; Подох! Мы, Кучиевы, живем и будем жить, а он, пес, подох! Подох!

Кричал и я, хмель счастья залил мою душу, душа моя звенела, пела, плясала..."

* * *

Есть восточная поговорка: "Радость сближает, а горе соединяет". Нас соединили не скоморошные слова о том, что жить стало лучше и веселее, а голодные села, аулы и кишлаки в пору всеобщей коллективизации, не многогектарные цветники вокруг вилл управителей, а зоны концентрационных лагерей, нас соединили не государственные застолья, не песни и пляски декад, а слезы вдов и матерей тех, кто не вернулся с полей страшной, долгой войны.

Мы слились. Мы сами порой не понимаем, как крепко и кровно мы слились.

Национальное самосознание прекрасно, когда оно самосознание культуры, и отвратительно, когда оно самосознание крови.

Самосознание культуры означает, что все, созданное в мире, испокон веков во всех областях науки, искусства, литературы становится органичной частью национальной духовной жизни

Национальное самосознание крови всегда бездарно, всегда бесплодно, национальное самосознание культуры всегда талантливо, всегда плодотворно. Национальное самосознание крови есть бессмысленный и жестокий бунт бездарности против национального самосознания культуры.

БАЛКАРЦЫ

С. ЛОГИНОВА
ЧЕРЕКСКАЯ "ХАТЫНЬ"
Расследование ведет журналист

О белорусской Хатыни знает весь мир. Вокруг Черекской до сих пор возвышается "китайская стена" молчания. Поэтому даже в Кабардино-Балкарии о ней знают очень немногие. Между тем то, что произошло в конце ноября 1942 года в селениях Черекского ущелья Сауту, Глашево, Мухол, Огьары Чегет, во сто крат страшнее: в Белоруссии зверствовали враги, фашисты, здесь - свои...

Ночь та выдалась на редкость лунной и светлой. Была ли она спокойной? Настолько, насколько может быть спокойной ночь в селе, откуда все мужчины ушли на фронт, где остались одни старики, женщины, дети да инвалиды. В селе, мимо которого совсем недавно прошли, отступая дальше в горы, части родной 37-й Армии. Что-то будет, когда придет враг?

Но беда пожаловала не оттуда, откуда ее можно было бы ждать...

Зазвенели разбитые окна. Зловеще застучали в двери приклады. По спящему селу шли солдаты. Советские солдаты. Защитники. Они входили в дома и - расстреливали. всех. Без разбору. Ничего не объясняя. Не предъявляя никаких обвинений.

- Мать-инвалид и я, - рассказывает Жамилат Иналовна Бичеева, которой в ту пору было 8 лет, - затаились за печкой. В доме было темно и отворившие дверь решили, что он пуст. Тут вдруг из второй половины дома вышла на стук сноха с грудным ребенком. За ней бабушка 80 лет. Обе были убиты на месте... Позже то же сделали с моим отцом.

Кто мог, схоронился за семью засовами, в подвалах и потайных комнатах. Утром стали собираться группами: вместе вроде не так страшно.

И ведь предупреждали! Говорил знающий человек: уходите, готовится расправа. А за что? Не верили ему. Да и как можно было поверить! Чтобы свои... И за что, за что?!

И вот расправа. В течение недели людей специально отыскивали и уничтожали. Трупы старались сжигать.

Ахмат Мисиров три месяца назад как вернулся из госпиталя. Инвалидом. Шагнул навстречу, протянул паспорт и освобождение от воинской службы. Ведите, мол, в штаб. Там разберемся. Так и упал, сжимая бумаги...

"Неужели вам жалко одной пули? Застрелите меня!" - все просила родных 12-летняя девочка. На ее теле было 11 ран. Она прожила еще 13 дней.

Раненый мальчик 3-х лет, приподнявшись над трупами, попросил пить. Ответом ему был выстрел.

Мать Зулюхи Глашевой не выдержала безмолвного расстрела и мужа и попытки то же сделать с ее 17-летней дочерью. Умерла к утру, оставив семерых детей, младшего из которых еще кормила грудью...

Три подростка, пробираясь в безопасное место, напоролись на солдата. Он успокоил - "Не трону, не бойтесь", - и сказал, что село окружено.

Мухадин Байсиев, 14-летний парнишка, чудом сумел убежать и укрыться в доме, входная дверь которого вместе со стеной была замаскирована кизяками. Здесь семеро суток прятались 30 человек, сидели без воды и пищи.

Старшую сестру, двух братьев и саму Халимат Мисирову мать втолкнула во внутреннюю комнату без окон над погребом. Дверь успела замазать глиной, сровнять с землей. Оттуда ребята слышали, как в дверь дома сильно стучали, как ее открыл отец. Вошедшие стали копаться в вещах. Людей (около 60 человек) повели под навес. Плакали напуганные дети. Потом раздались выстрелы. Халимат зажимала рот, чтобы не вскрикнуть... Ночью выбрались через дымоход. Убежали в горы. Без обуви, без теплой одежды.

Когда солдаты ушли, уцелевшие стали возвращаться на пепелище. Трупов было так много, что их не успевали опознать и предавать земле. Это которые не сгорели вовсе. От других оставались сережки, лоскуток платья, обгорелые кости в кучке пепла. Это собирали в матерчатый мешочек.

Послали гонцов в соседние селения. Там, где солдаты не побывали, недоумевали, шли помогать хоронить. На возвратившихся после такой "работы" страшно было смотреть- люди были сломлены...

В обычной ученической тетради - список расстрелянных в Сауту. 323 имени. 30 лет его составлял учитель из с.Верхняя Балкария Хусей Османович Бичеев. Сам он видел, что происходило - жил в селе напротив, за рекой. Позднее искал свидетелей, собирал факты. Вчитайтесь в эти страшные строки.

Темиржановы - всего 81 человек: Рахимат - 44 года, Махмуд - 47 лет, Сенсабий - 3 года, Фатимат - 1 год, Зарыят - 35 лет, Абукерим - 5 лет, Жамилят - 3 года, Салихат - 1 год, Индрис - 75 лет...

Мисировы - всего 116 человек: Мухайн - 6 лет, Абидат - 4 года, Муса - 62 года, Фатима - 50 лет, Рамазан - 2 года, Мустафа - 5 лет, Батырбий - 85 лет...

В ночь с 28 на 29 ноября в родовом селении Глашево было расстреляно, по последним данным, 76 человек. Из них 33 женщины, 21 ребенок до 16 лет, 2 инвалида Великой Отечественной войны. Трое вскоре умерли от ран, остальные старики. Смотрю список жертв села Глашево: Акбиче (мать) - 35 лет, Маржанат (дочь) - 6 лет, Иллаука (дочь) - 4 года, Нажабат (дочь) - 5 лет, Багалы (дочь) - 3 года, мальчик и девочка (близнецы) - по шесть месяцев...

"Сау тур!" - говорят балкарцы при встрече. "Будьте живы"! Как переводится название селения Сауту, я не знаю. Может, вообще не переводится. Но, согласитесь, от проведенной аналогии становится жутко.

Я хорошо понимаю человека, сказавшего, что он просто не может в это поверить. И больно. И горько. И страшно.

А можно ли хоть как-то оправдать такое зверство?! Нет! Никакими ссылками на войну, на, якобы, имевшиеся здесь бандитские выступления (есть такая "оправдательная" версия). Нет! Иначе - чем мы лучше фашистов, нравственным превосходством над которыми мы гордимся?!

Да и в списках погибших я не нашла и десятка мужчин, которые хотя бы по возрасту могли бы быть заподозрены в разбое.

И не ожидала ли все ущелье участь Сауту и Глашево?

...Там, где раньше располагалось селение Сауту, - ныне развалины. А у дороги стоит памятник. "Путник, остановись! Почти память зверски расстрелянных, а затем сожженных верными псами сталинского геноцида - войсками НКВД в ноябре 1942 года... 1989 года. От Балкарии".

Памятник установлен народом. Официальной оценки событий нет до сих пор. Не то что газетной публикации - ни одного сколько-нибудь серьезного обсуждения. Нигде. Никогда: Даже при закрытых дверях.

Тема сразу же попала в разряд неприкасаемых. Никто не смел и упомянуть об этом преступлении властей. А руководство республики все эти годы больше занимал падеж сотни голов скота, чем геноцид целого народа. Да и до сих пор документы, касающиеся этой трагедии, относятся к "особо секретным". Почему? Кому это выгодно?

Не берусь расставить все точки над i. Этим наконец-то (через 48 лет!) занялась специальная комиссия Верховного Совета КБАССР. Надо думать, рано или поздно назовут имена всех причастных к этому чудовищному преступлению.

г. Нальчик

Радес КУЛИЕВ

Я ПОМНЮ ...

В ночь с 7 на 8 марта 1944 года к нам домой пришли солдаты и приказали собираться. На сборы дали 30 минут. Наш отец в это время был на фронте (Ленинградском), маме было 32 года, бабушке - 60 лет, моему брату - 4 года, а мне около 9 лет. Разрешили взять с собой часть постельного белья, продукты, одежду. На грузовых автомобилях "Студебеккер" привезли на грузовую станцию Нальчик, велели садиться в товарные вагоны. В нашем вагоне было 70 взрослых и детей. Мужчин практически не было. Погрузка шла под наблюдением солдат внутренних войск. Назначили старосту вагона, который должен был обеспечивать нас питьевой водой, кипятком и хлебом.

Никто не знал, куда нас везут. Старшие говорили, что нас утопят в море. Вспоминается, как нас полдня двигали взад-вперед по длинному мосту. Как выяснилось через много лет, - это был новый мост через Волгу, и, двигая наш эшелон по нему взад-вперед, его таким образом испытывали на прочность.

Недели через три состав остановился в степи, и нас выгрузили. Здесь нас распределили по разным колхозам. Наша семья попала в колхоз Кызыл-Тау Ивановского района Фрунзенской области Киргизской ССР. Местное население - русские, украинцы, дунгане, уйгуры - было "подготовлено" к встрече с нами: нас представили им как предателей, изменников родины, дикарей. Мы сразу почувствовали это, нас обзывали и оскорбляли на каждом шагу. Мы, дети, никак не могли понять, за что нас обижают, и плакали. Через несколько дней нас всех - взрослых, стариков и детей - выгнали утром на работу в поле, и так продолжалось до 1951 года. Убирали бахчевые культуры, но в основном работали на рисовых плантациях: все босиком. Рисовые чеки, кишащие змеями, голод, малярия, - в первые два-три года умерло больше половины детей и стариков.

В 1951 году в полученном мною паспорте на странице "Особые отметки" был поставлен штамп, говорящий о том, что мне разрешается проживать только в пределах села Новопокровка Кантского района Фрунзенской области. Без разрешения комендатуры запрещалось выезжать, каждую субботу надо было отмечаться... Мне не разрешалось учиться ни в вузе, ни в техникуме, меня, и таких, как я, не принимали в военные училища, в аэроклубы ДОСААФ, не призывали на военную службу. Всего этого и не было в селе, где я жил; но и живших в городе в институты и техникумы не принимали, выставляя на вступительных

экзаменах неуды по указанию свыше. Любые преступления, случавшиеся в районах проживания спецконтингента, как нас называли, приписывались именно нам. Выезд из села в город Фрунзе наказывался шестимесячным тюремным заключением, а за пределы республики - 10 - 25 годами лагерей без суда.

Мой отец Хаджимуса Кулиев, гвардии старший лейтенант, награжденный боевыми орденами и медалями, нашел нас в 1946 году и автоматически был поставлен на спецучет. Точно так же поступили с его двоюродным братом, поэтом Кайсыном Кулиевым, прибывшим во Фрунзе одновременно с отцом

Мне с большим трудом удалось поступить в медучилище, мечты о летном училище пришлось оставить - меня не приняли даже в аэроклуб на отделение пилотов, пробился только в парашютную секцию. Только после возвращения на родину в 1957 году я смог учиться дальше. Квартиру нам в Нальчике не возвратили, компенсацию мы никакую не получили, большой дом с садом и огородом в селении Кашкатау, который принадлежал моей бабушке, мы не получили. В переселении бабушка умерла от голода, тогда же умерли ее брат, племянница с дочерью, ее сестра, мой дедушка... Трое сирот попали в детдом, выжили двое...

Москва, 1990

22.III.1944 г.
Л.БЕРИЯ

СПРАВКА

О ходе перевозок балкарцев по состоянию
на 16 часов 17 марта 1944 года

Погружено 14 эшелонов, находятся в движении 14 эшелонов (Оренбургская железная дорога - 9 эшелонов, Ташкент - 5 эшелонов). Всего погружено в эшелоны 37 773 человека. Переселенцы направляются во Фрунзенскую область - 5446 человек, Иссык-Кульскую область - 2702 человека, Семипалатинскую - 2742 человека, в Алма-Атинскую - 5541 человек, Южно-Казахстанскую - 5278 человек, Омскую - 5521 человек, Акмолинскую - 5219 человек, Джалал-Абадскую - 2650 человек, Павлодарскую - 2614 человек.

Заместитель начальника 3-го Управления НКГБ СССР
ВОЛКОВ
Начальник отдела перевозок НКВД СССР
АРКАДЬЕВ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР

В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской АССР многие балкарцы изменили родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на кавказских перевалах, а после изгнания с Кавказа войск противника вступили в организованные немцами банды для борьбы против Советской власти, Президиум Верховного Совета СССР постановил:

1. Всех балкарцев, проживающих на территории КБАССР, переселить в другие районы СССР. Совету Народных Комиссаров наделить балкарцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Земли, освободившиеся после выселения балкарцев, заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР.

3. Кабардино-Балкарскую АССР переименовать в Кабардинскую АССР.

4. Включить в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР Юго-Западную часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, изменив в связи с этим границу между РСФСР и Грузинской ССР на этом участке следующим образом: от перевала Бурун Таш, что у северных склонов горы Эльбрус, линию границы на восток по реке Малка до высоты 2877, далее на юго-восток по реке Ислам-чай через высоту 3242 у перевала Кыртык Ауш, на юго-восток по реке Кыртык западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Месхетия.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М.КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.ГОРКИН

Москва, Кремль. (8) апрель 1944 г.

ХРОНИКА

Москва. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил представление Верховного Совета Кабардинской АССР о частичном изменении границ отдельных районов и переименовании некоторых сельских советов. Хасаньинский сельский совет Советского района переименован в Пригородненский и селение Хасанья переименовано в Пригородное. Яникоевский сельский совет Чегемского района перименован в Ново-Каменский, селение Яникой - в Ново-Каменка. Лашкутинский сельский совет Эльбрусского района переименован в Зареченский и селение Лашкута - в Заречное. Былымский сельсовет Эльбрусского района переименован в Угольный, селение Былым - в Угольное.

Жемталинский, Зарагижский сельские советы Урванского района Аушигерский, Герпегежский сельсоветы Нальчикского района перечислены в состав Советского района; Белореченский, Пригородненский сельские советы Советского района перечислены в состав Нальчикского района, Лечинкаевский, Чегемский 1 и Чегемский П, Шалушкинский сельские части Нальчикского района перечислены в состав Чегемского района; Малкинский сельский совет Зольского района перечислен в состав Нагорного района, Заюковский сельсовет Баксанского района перечислен в состав Эльбрусского района и селение Александровское Нальчикского района перечислено в черту города Нальчика. (ТАСС)

Кабардинская правда. 1944 г. 5 авг.

НАГРАЖДЕНИЕ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ РАБОТНИКОВ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОФИЦЕРСКОГО, СЕРЖАНТСКОГО И РЯДОВОГО СОСТАВА ВОЙСК НКВД

За успешное выполнение специального задания (за выселение балкарцев. - ред.-сост.) правительства и проявленные при этом мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 года награждены 109 человек - работники Народных Комиссариатов Внутренних дел и Государственной Безопасности, офицерский, сержантский и рядовой состав войск НКВД, из них по Кабардинской АССР:

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Эрипсоев Титу Машевич

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ

1. Афанасенко Владимир Алексеевич - майор государственной безопасности
2. Боготов Назыр Исуфович - милиционер
3. Хапов Таукан Машевич - подполковник государственной безопасности

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Айбазов Галим Ибрагимович - капитан государственной безопасности
2. Артемьев Александр Петрович - старший лейтенант государственной безопасности
3. Архипов Иван Власович - капитан государственной безопасности
4. Бобрицкий Самуил Бенционович - старший лейтенант государственной безопасности
5. Васин Федор Терентьевич - капитан государственной безопасности
6. Евгажуков Николай Матович - секретарь Баксанского РК ВКП(б)
7. Канкулов Даниял Асланбекович - старший лейтенант государственной безопасности
8. Карданов Хажимуса Хажумарович - майор государственной безопасности

9. Кармоков Магомед Машукович - пред. колхоза им. Кирова сел. Заюково

10. Котенко Иван Иванович - капитан государственной безопасности

11. Литовко Иван Павлович - капитан юстиции

12. Мещеряков Павел Андреевич - капитан государственной безопасности

13. Муравьев Леонид Сергеевич - младший лейтенант государственной безопасности

14. Нартоков Мухамед Гузерович - лейтенант государственной безопасности

15. Паранич Владимир Дмитриевич - капитан государственной безопасности

16. Попов Семен Антонович - майор государственной безопасности

17. Сижажев Хусейн Татимович - капитан государственной безопасности

18. Хакяшев Хангери Юсупович - старший лейтенант государственной безопасности

МЕДАЛЬЮ "ЗА ОТВАГУ"

1. Абдулин Насыба Нигматулович - младший лейтенант государственной безопасности

2. Бжихатлов Темирхан Герандукович - колхозник

3. Гутова Чамсир Хасетовна - секретарь парторганизации колхоза "Первое мая" сел. Баксаненок Баксанского района

4. Желдашев Хусейн Заурбекович - пионер-колхозник

5. Еременко Илья Николаевич

6. Закуроев Тип Сафарович - колхозник

7. Зубко Пантелей Трофимович

8. Каворин Леонид Федорович - старший лейтенант государственной безопасности

9. Колесников Макар Михайлович - младший лейтенант милиции

10. Крутовский Филипп Васильевич - старший лейтенант государственной безопасности

11. Кулаев Владимир Агубеевич - старший лейтенант государственной безопасности

12. Мосин Александр Степанович - ветфельдшер Нальчикской райбольницы

13. Ошроев Касым Таибович - секретарь парторганизации сел. Дейское Терского района

14. Сижажев Мустафа Асланбекович - колхозник

Кабардинская правда. 1944. 13 сент.

Кязим МЕЧИЕВ

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ МОЙ НАРОД

Вслушайтесь и правильно поймите
Вы слова печальные мои:
Ненависти в сердце не берите,
Гиблой избегите колеи.

Главный так решил. В чужие дали
Повелел переселить народ.
Разве виноватых здесь искали?..
Не было в веках таких невзгод!

Без одежды зимней и без пищи,
Стольких потеряв, бредем во мгле,
Ну, а там, на отчем пепелище,
Мертвые не преданы земле.

Губит нас корысти вражьей сила.
Суд неправый, и не жди добра,
И к земле невинных придавила
Наговоров темная гора.

Мы вошли в товарные вагоны,
Мы стальных путей узнали зло,
Но однажды выправят законы,
И терпенье наше не ушло.

Вижу: потускнели наши лица,
Мы слабеем, тучи все темней.
Если это бедствие продлится,
Разве светлых мы дождемся дней?

Стала жизнь, как рубище, дырява,
Сделалась безвкусною еда,
Беды - и налево и направо,
Нищие, уходим в никуда.

Силы сердца иссякают ныне,
Ни в руках нет мощи, ни в ногах.
Маются бездомные в пустыне,
Жизни радость превратилась в прах.

Враг на землю наступил родную,
Истребить решил нас и стереть.
Все равно старался он впустую -
В собственном огне ему гореть!

Честный труд - спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.

Свой народ прошу - с бедою споря
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут.

Казахстан, 1944
Перевод с балкарского Михаила Синельникова

ВЫДЕРЖАТЬ!

Все рушится. Все падает во тьму
Под черным ураганом выселенья
О дай, Аллах, народу моему
В годину эту страшную терпенья.

Я много пожил, много повидал.
Клеймил насилье, славил свет свободы,
А он померк. И черный день настал,
И огласил предгорья стон народный.

Я пожил, я немало видел бед,
Но что они в сравненьи с той, что ныне?
Изгнанник я. И вот под старость лет
С родным народом маюсь на чужбине.

Уже тускнеет свет в моих глазах,
Но через все страданья и сомненья
Лишь об одном молю тебя, Аллах:
Народу моему пошли терпенья.

Слух пропадет и голос у меня,
Завоет пес мой, чувствуя тревогу,
И люди деревянного коня[1]
Мне снарядят в последнюю дорогу.

---

[1] Деревянный конь - погребальные носилки.

Но жив пока, пока могу дышать
Под тяжким гнетом горестных событий,
Я не устану братьям повторять:
- Вы ненависти в сердце не копите!

На скачках проверяют скакуна,
Пройдем же сквозь хулу и сквозь проклятья.
От горя, как от скверного вина,
Не обезумьте - к вам взываю, братья!

Народ наш не был баловнем судьбы,
И голод донимал нас и набеги.
Но не свернули с праведной тропы,
И, дай Аллах, нам не свернуть вовеки.

И головы летели наши в прах,
Когда мы с неприятелем сшибались,
И пламя гасло в наших очагах,
Но мы всегда народом оставались.

Знавали и нашествия чумы,
Знавали наводненья и лавины,
Но горской чести не роняли мы.
Свидетели - и горы, и долины.

Наш край родимый, как он далеко!
И хлеб изгнанья в нашем горле комом.
Да, выдержать такое нелегко.
Не выдержать - покрыть себя позором.

Возьми слова Кязима, брат, возьми
И выстой в жизни под безумным гнетом.
Пока нам хватит силы быть людьми,
Мы на земле останемся народом.

Я слову своему не изменял
И завещаю верность правде строгой.
На том стою, пока меня
Не понесут кладбищенской дорогой.

Казахстан, 1944
Перевод с балкарского Игоря ЛЯПИНА

Алим ТЕППЕЕВ

ТЯЖКИЙ ПУТЬ

Трагедия в 2-х частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Чуть брезжит рассвет. Слышна тихая печальная музыка. Это знакомая нам с детства мелодия, и она не только вызывает грусть, но и пробуждает надежду. Доносится мелодия как бы издалека, через силу и звучит медленнее, протяжнее, чем обычно. Под эту музыку произносятся стихи Кязима[1].

Мир - тяжкая тропа, где скорбь и горе,-
По той тропе чьи ноги не прошли?
Мир - это взбаламученное море,
И чьи в нем не тонули корабли?

Мы по морю плывем средь многоводья,
Не зная, где корабль потонет вдруг.
Мы падаем с коня, хотя поводья
Стараемся не выпустить из рук.

Каким бы, мир, ты ни был горьким морем,
Тебя мы любим, ты - наш отчий дом.
Пускай тропа в снегу - мы с бурей спорим,
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

Отрезок степной дороги освещается утренней зарей. Тяжко опираясь на палку, по дороге идет Кязим. На нем залатанный бешмет, на ногах грубые чабуры[2].

Одна, правда, вещь на нем дорогая - это пояс с накладками из черненого серебра. Через плечо висит сума, похожая на нищенскую. Видно, что она пуста.

КЯЗИМ. Еще бы месяц протянуть. Один месяц... а там плоды начнут созревать, ячменный колос наберет силу... *(Подходит к краю глинобитного забора - дувала, приваливается к нему плечом, отдыхает.)* Несчастный Кязим! По самым тяжким дорогам мира гоняла

[1] Кязим Мечиев - великий балкарский поэт. Умер в Казахстане от голода в 1945 г. 86 лет от роду

[2] Чабуры - самодельная обувь из сыромятной кожи.

тебя безжалостная судьба. Еще недавно у себя дома, в Шики, думал, что все горести позади, все испытания прошел, а не знал, что самаястрашная беда впереди. *(Слышит тоскливый женский голос, настораживается.)* Ветер воет? Женщина плачет?

МИСИРХАН *(за сценой)*. Ахмат! Сыночек мой! Еду тебе приготовила, постель постелила. Где же ты? Вернись, душа моя! Садись на своего ослика, да подгони его как следует...

КЯЗИМ *(идет на голос)*. Похоже, не в себе бедная женщина. Или голос беды тебя, старик, преследует? Стоны согбенных, что слышал ты в Арабистане? О бедный стихотворец! Разлилась печаль по всем людским жилищам...

МИСИРХАН *(за сценой)*. Эй, кто в доме?

КЯЗИМ. Женщина не в себе... А все мы в себе? В разуме своем? Тот, кто изгнан из дома своего, надолго ли самим собой останется? Как бы тут всем родом с ума не сойти... *(Замечает босую женщину на краю дороги, делает два-три шага в ее сторону.)* Сестра моя...

Женщина, вернее, тень ее, исчезает.

МИСИРХАН *(за сценой)*. Ой, чтоб дороги железные были глубокой водою потоплены!

КЯЗИМ Каменное терпенье, аллах, нам ниспошли! Терпенье народу моему горемычному.

МИСИРХАН *(за сценой)*. Гитлер проклятый, Сталин треклятый! Ахматик, душечка, никому не верь!

КЯЗИМ. Вот несчастная! Погубить себя решила. Аллах... Думал я, что люди только в Талды-Кургане маются, только там они - пьяные от обиды. А вот и здесь таких вижу...

МУЖСКОЙ ГОЛОС *(за сценой)*. Да не каркай ты у моего порога. Услышат - не тебе одной плакать. Иди к железной дороге и там что хочешь кричи!

МИСИРХАН *(за сценой)*. Может, сюда он приходил, мальчик мой белолицый? Шесть лет ему... Ослика своего ищет...

МУЖСКОЙ ГОЛОС *(за сценой)*. Уходи, уходи! Спятила, так не шляйся по чужим дворам!

МИСИРХАН *(за сценой)*. Значит, и здесь его нет... О бог великодушный, услышь меня! Смой дороги железные бурным потоком! *(Голос как бы отдаляется)*

КЯЗИМ Дитя потерялось у женщины. Еще одна потеря на скорбном нашем пути. Несчастная мать...

Садится на берегу арыка. Снимает чабуры, делает омовение, затем, расстелив свой бешмет, начинает намаз. Слышится музы-

ка. Кязим что-то шепчет, напевает, но вот и отчетливо звучат слова:

Спокойна совесть наша, и душа свободна
От помыслов коварных, низких.
Сам пророк, измученный тоской,
От голода и жажды изможденный,

Он не роптал, не проклинал судьбину,
А людям повторять не уставал,
Что вера истинная все преодолеет,
Что справедливости пребудет торжество.

Завершив намаз, он еще некоторое время сидит на расстеленном бешмете.

Такие знойные края... Как будто в песках Арабии... Однажды и там аллах призывал было меня к себе. Да срок мой, видно, не настал еще в то время. А теперь я утомлен, как никогда в жизни. Два дня в пути, полон рот горячего песка... Бывало, выходил я в дорогу в поисках добра и правды. А теперь просто ищу сородичей в этих чужих степях. *(Черпает воду ладонью, пьет.)* Люди здесь умирают от голода, от злого солнечного жара, от плохой воды... *(Надевает чабуры, пытается встать, но, не удержав равновесия, садится снова.)* В глазах темнеет. Аллах, не дай упасть, пока не найду горемычных моих друзей! *(С трудом встает и уходит.)*

С мотыгами на плечах появляются Забитхан и Асият.

АСИЯТ. Несчастная Мисирхан! Бродит, не зная покоя...
ЗАБИТХАН. Одним видом своим у людей душу выворачивает. А люди и так измучены!
АСИЯТ. Сколько ей, интересно, лет?
ЗАБИТХАН. Она еще совсем молодая, но горе согнуло ее и состарило. Пропавший мальчик был ее первым и единственным ребенком. *(Устало опускается на берег арыка.)*
АСИЯТ. И умереть требуют не дома, а на работе.
ЗАБИТХАН. Пусть бы опрокинулся этот негодный мир! Если б в тот день поезд не тронулся так неожиданно, мальчик бы не пропал. И Мисирхан жила бы сейчас, как все. А теперь смотреть на нее жутко. Глазами увидишь - в землю зарыться хочется, ушами услышишь - оглохнуть хочется.
АСИЯТ. Неужто никто не смог ей помочь?

ЗАБИТХАН. В суматохе и не заметили, что мальчика нет в вагоне. А когда крик его услышали - все готовы были с поезда в степь броситься... А солдаты с автоматами стояли... Поезд не остановился. Мисирхан билась, чуть не вырвалась, а поезд все быстрее, быстрее... Тут она, бедняжка, голову запрокинула и упала, как мертвая. А солдаты с автоматами...

АСИЯТ. А что солдаты? У них служба такая...

ЗАБИТХАН. До сих пор слышу крик ребенка. Ведь остановка у нас была в такой степи, что три дня скачи верхом - ни жилья, ни жалкого коша не увидишь. А мальчик бежал за поездом, и тоненький его голосишко перекрывал грохот железных колес. *(Слезы душат ее, и она падает ничком на землю. Асият склоняется над ней, брызгает ей в лицо водой.)*

АСИЯТ. Забитхан, возьми себя в руки... О-О... Что же делать?.. Забитхан...

ЗАБИТХАН *(открывает глаза).* Не бойся, Асият. Сейчас у меня все пройдет.

АСИЯТ *(достает из кошелки деревянную чашу).* Попей воды. А потом я тебя домой провожу.

ЗАБИТХАН. Глупая. Как это - домой среди бела дня? Да лучше на работе околеть, чем попасть к бригадиру в лапы! Пошли.

АСИЯТ. Нет, тебе надо немного полежать.

ГОЛОС МИСИРХАН *(издали).* Ахма-а-а-т...

ЗАБИТХАН. Пошли, Асият. Если бригадир увидит нас здесь, благословлять не станет. Вспомни, что он сделал с бедной Кылычхан.

АСИЯТ. А Мисирхан все еще ходит на станцию. Когда гудит паровоз, она начинает кричать и метаться. А еще, говорят, ложится на рельсы.

ЗАБИТХАН. Люди жалеют ее больше, чем умерших.

АСИЯТ. А где ее родственники?

ЗАБИТХАН. Тот, кто потерял рассудок, теряет и родственников, душа моя. У такого человека своя стезя, свой камень. И никто ему не может помочь. Для этого надо быть пророком. Пошли скорее.

АСИЯТ *(глядит на дорогу).* Айна с мужем идут. Подождем их?

ЗАБИТХАН. Аллах! Чем же мы им отплатим за доброту? Человечность киргизов, участливость казахов... Награда нам за все наши беды.

АСИЯТ. Да, я знаю, что Айна - киргизка, а Шабданбай - казах. Одна нога деревянная - протез называется - как только землю пашет!

ЗАБИТХАН. И жилье они нам дали, и скудным хлебом своим делятся. Как бы я иначе спасла от голода пятерых детей моего погибшего сына?

Входит Айна и за ней - Шабданбай, который опирается на палку. В одной руке у Айны мотыга для рыхления свекольных гряд, а в другой - тыквенный сосуд с жармой - кукурузной похлебкой, смешанной с айраном.

ШАБДАНБАЙ. Нездоровится, Забитхан?

АСИЯТ. А хочет идти на работу.

ШАБДАНБАЙ. Вернитесь домой, отдохните. Я скажу бригадиру.

АСИЯТ. Да, надо вернуться. Мы вам потом поможем.

ЗАБИТХАН. Нет, уж лучше умереть на работе, чем вызвать гнев начальника. Мне уже легче. Другим тоже несладко приходится.

Все уходят. Солнце набирает высоту. Вдали видна свекловичная плантация. Слышится казахская песня. В глубине сцены - приземистый глинобитный домик с двумя дверьми, выходящими прямо на улицу. Двора как такового нет - никакой ограды и никаких других строений. С правого края поля у дороги начинается дувал, вдоль которого растут сливовые деревья. Перед домом - узкая железная кровать. Возвращается Кязим. Подходит поближе к дому, осматривается.

КЯЗИМ. Семью Жунуса нашел. Забитхан, мою племянницу, сам выдавал замуж в Холамский Карасу. Бедный Жунус... *(Стучит палкой в дверь.)* Эй, кто дома? В этих местах, как и в горах у нас, двери тоже не запираются на замок. *(Возвращается к дувалу.)* Гоняют людей на работу еще затемно. Побуду здесь. Кто-нибудь появится - спрошу. *(Ложится на чахлую траву и тут же засыпает).*

Входит Мухтар с вещмешком за спиной. На нем полинявшая гимнастерка, на груди - ордена и медали. Левая рука, видно, после ранения - на перевязи. Увидев старика, лежащего у арыка, подходит поближе.

МУХТАР. Аксакал! *(Кязим не отвечает. Мухтар снимает вещмешок, присаживается рядом.)* Эй, алан[1]!

Кязим открывает глаза, силится встать.

КЯЗИМ. Сейчас... Погодите... Бог даст...

МУХТАР. Я помогу.

КЯЗИМ *(приподнявшись и опершись спиной о дувал).* Давно ли в пути, джигит?

---

[1] Алан - обращение к мужчине у балкарцев и карачаевцев.

МУХТАР. Семью вот искал. Теперь, слава богу, нашел. Здесь мои родные, в этом казахском селе.

КЯЗИМ. Сейчас тут нет ни одной живой души. Подождать придется. Все с позаранку в поле. А ты рассказывай, рассказывай.

МУХТАР *(несколько смущенно).* Мог бы еще повоевать, но вот... Уволен!

КЯЗИМ *(после паузы).* Кто у тебя из родных?

МУХТАР. Мать. И еще дети старшего брата.

КЯЗИМ. А старший брат?..

МУХТАР. Погиб в боях под Москвой. И сноха... Ты знаешь, наверное, аксакал, как на подступах к Нальчику копали противотанковые рвы... Все население республики участвовало. Вот и сноха тоже. Потом в самом рву...

КЯЗИМ. Знаю, джигит. *(Вздыхая и как бы предлагая не продолжать.)* Те рвы не остановили танков. Зато гитлеровские изверги заживо похоронили в них множество мирных людей, которые не знали, что копают себе могилу.

МУХТАР. А их детей сюда, значит... И ты, аксакал, из этого села? Ой, из тех, кого определили в это селение?

КЯЗИМ. Нет, я тоже в поисках сородичей. У бедной моей сестры детей было много. Пусть твой век будет долгим, но мой зять уже закончил свой путь.

МУХТАР. Аксакал! *(Всматривается повнимательнее.)* А ты мне кажешься знакомым. Точно, я где-то встречал тебя.

КЯЗИМ. Не знаю, где ты мог меня видеть. Я стар, а тут еще все-все горести земные сплошной железной цепью опутали мои и без того хромые ноги.

Это звучит как случайно сложившиеся стихи. Мухтар смотрит с удивлением, будто начинает о чем-то догадываться. Помогает старику встать на ноги, но тот снова бессильно опускается на землю. Мухтар достает из мешка буханку хлеба и нож. Разрезает хлеб на две части и отдает. Кязиму половину.

МУХТАР. Бери, аксакал.

КЯЗИМ *(смотрит на хлеб, будто впервые держит в руках такое чудо).* Джигит, такой дар - это словно вернуть душу покойнику. Итак это все хочешь отдать мне?

МУХТАР. От души, аксакал.

КЯЗИМ *(отламывает кусочек, подносит медленно ко рту, жует. Остальное заворачивает в платок и прячет в суму).* Все думал: вот увижу детишек в доме у родичей, а что подарю им? Теперь есть для них гостинец. Аллах пусть будет доволен тобою, джигит.

МУХТАР. Ты бы поел как следует, аксакал.

КЯЗИМ. Ничего, вкус хлеба во рту на целый день останется и голод обманет. Да и кто ныне досыта ест?

МУХТАР. Ты, аксакал, наверное, должен знать: за что же преследует нас такое проклятье?

КЯЗИМ. Если ты, солдат, не знаешь, то откуда мне знать, темному старику.

МУХТАР. "Темному старику..." Теперь, кажется, я вспомнил, где мог тебя видеть.

Входит М и с и р х а н. Она босая, голова ее повязана черным платком. Увидев Мухтара, пятится назад, лицо ее светлеет на миг, затем мрачнеет снова. Она подбегает к Мухтару, хватает его за руку.

МИСИРХАН. Где тебя носит, Мухтар? Или не знаешь, что Ахмат потерялся?

МУХТАР. Мисирхан?! *(Озадаченно смотрит на Кязима.)*

МИСИРХАН. А где ты оставил Мажира?

МУХТАР. Мисирхан, что с тобой? Погоди...

МИСИРХАН *(плачет).* Что ты мне обещал, когда уходил на фронт? Нет, ты вспомни! *(Обращаясь к Кязиму.)* Он - учитель. Он уходил на войну вместе с моим Мажиром. И еще обещал: не бойся, скоро сломаем хребет Гитлеру и вернемся с победой - и Мажир, и я. Где ты оставил Мажира? Почему пришел один? Разве учителя лгут?

МУХТАР. Ты... Погоди... А Ахматик... где он?

МИСИРХАН. Как не стыдно, Мухтар! Ты все позабыл. В тот день, когда поезд тронулся... что ты делал тогда, Мухтар? Первый друг Мажира... Почему не остановил эшелон? Солдаты меня держали, а ты стоял и смотрел. *(Отшатывается от Мухтара и опускается на колени. Мухтар удерживает ее.)*

МУХТАР. Ахмат вернется. И Мажир вернется. Ты только держи себя в руках. Ведь ты была первая девушка в нашем ауле. Кто только не любовался тобой.

МИСИРХАН. А фашисты волокли меня по земле и в подвал бросили под райкомом... Проклятые...

МУХТАР. Давай лучше Ахмата искать.

МИСИРХАН *(силясь собраться с мыслями).* Увидел бы ты, каким парнишкой стал Ахмат. *(Встает.)* Отойдем в сторонку. Неудобно перед стариком. Когда Мажир вернется... *(Мухтар отводит взгляд, опускает голову.)* Когда Мажир вернется, ты не говори ему про то, как Ахмат потерялся, хорошо?

МУХТАР. Ну... Может, они вместе и приедут...

МИСИРХАН *(неожиданно достает белую рубашку).* Это рубашка Ахмата. Когда отец вернется, Ахмат выйдет ему навстречу в этой беленькой рубашечке... *(Слышится паровозный гудок. Забеспокоилась.)* Ои, поезд! Ахмат наверняка приезжает с этим поездом. *(Убегает.)*

МУХТАР *(возвращаясь к Кязиму).* Когда мы уходили на фронт, Мисирхан заканчивала учительские курсы. А в этом году и ее мальчик должен был пойти в школу.

КЯЗИМ. А ее муж? Что с ним?

МУХТАР. Погиб в Польше. В том же бою я сам был тяжело ранен.

КЯЗИМ. А потом?

МУХТАР. Потом... Рвался я на родину, в Карасу. Приехал туда... Видел ли ты, дедушка, обезлюдившие селения? Выли бродячие собаки. Выл ветер в пустых проемах дверей и окон, в оседающих кровлях. Холодные очаги... Плесень на стенах... Бурьян во дворах... *(Приникает к груди Кязима, плачет.)*

КЯЗИМ. Теперь и твоя обувь истерта дорогами изгнанника...

МУХТАР. Дедушка! Что же мы такое натворили? Какую вину нельзя отмыть даже кровью, пролитой на войне? Как мы стали врагами своей земли, врагами дома своего родного? За какую тяжкую провинность расплачиваются у нас и старики, и дети малые?

КЯЗИМ. Джигит! Мы были народом и жили на своей земле. Как и у всякого народа, у нас были и свои добродетели, и свои прегрешения; и свои герои, и свои пройдохи; было у нас и мудрое, и дурное. Как и у всякого народа. Но еще ни один народ не становился врагом той земли, на которой веками жили его предки. Ты повидал мир, может быть, ты слышал где-нибудь о таком народе?

МУХТАР. Нет, не слышал.

КЯЗИМ. И не услышишь.

МУХТАР. Так что же из этого?

КЯЗИМ. По злому навету иной раз страдает один человек, два, ну, три человека. Но если страна, в которой возможно объявление врагом целого народа, не ужаснется содеянному, не спохватится вовремя, то... Я не пророк, предсказывать, какие беды грянут, не берусь, но... Нет, не могу. Я не пророк, я несчастный, нищий старик.

МУХТАР. Не говори так.

КЯЗИМ. Нищий - не тот, кто собирает подаяния, а тот, кто лишен родины, кто изгнан.

МУХТАР. Кто же сделал нас нищими?

КЯЗИМ. У нас была красивая земля. Чистые реки, богатые леса... Чудесные горные луга... Останется ли все это без хозяина?

МУХТАР *(с раздражением).* Все наши земли пустуют. Я не видел там ни одного человека.

КЯЗИМ. Не торопись, джигит. Иные межи проведут, иные названия дадут. Когда многие хорошие люди были объявлены кулаками и высланы, разве не нашлось потом кому занимать их дома? Когда попираются святые правила человечности, то несправедливости и насилию нет конца. Но пройдет время - и придет судья... *(Не желая продолжать эту тему.)* А ты не поднимался выше по Безенги? В Шики?

МУХТАР. Поднимался! Вот когда по-настоящему ценишь красоту своей земли... Перед расставанием.

КЯЗИМ. Счастливый.

МУХТАР. Хотя бы детей, женщин берегли в дороге?

КЯЗИМ. Гнали нас, как скотину. Восемнадцать дней и ночей соленые ветры обжигали наши лица, не разбирая, где женское, где детское.

МУХТАР. Дети... Мажир поручил мне судьбу своего сына...

КЯЗИМ. Незавидной будет и твоя судьба, учитель.

МУХТАР *(закидывает вещмешок за спину).* Пойду. Мать порадую. И тебя, аксакал, прошу пойти со мной. Будь гостем моей матери.

КЯЗИМ. А ты, джигит, до сих пор не назвал себя. Но это я виноват, надо было самому спросить.

МУХТАР. Я сын Жунуса. Алибиева Жунуса. Ну а зовут меня, ты уже слышал - Мухтар.

КЯЗИМ. Негодный! Так ты же мой племянник. *(Радостно обнимает Мухтара.)* Забитхан моим именем клялась, ближе меня никого не считала. Кажется, вот в этом доме живет, только сейчас тут никого нет. На работу, как каторжников, гоняют...

МУХТАР. Я узнал тебя, Кязим, хотя видел только довоенный портрет. Больше по разговору узнал.

КЯЗИМ. Что делать. Если бы вместо нас наши изображения старились! Да выживали бы из ума. Да что обо мне. Вот аллах над Забитхан смилостивился. Какого сына ей вернул! Увидел бы тебя Жунус. Не дожил. Кто мог подумать семь лет назад, что человек, открывший первую школу в селе, учебники создавший, получит за свои труды такую "благодарность"! Ай, мубарик[1]! - Ты хоть что-нибудь узнал об отце?

---

[1] Мубарик - незабвенный (об умершем.)

МУХТАР. Нет, Кязим. Не знаю, где он похоронен. Да и меня, сына врага народа, отовсюду гнали, не дали продолжить учебу.

КЯЗИМ. Знаю. И несчастная Забитхан носила на себе заклятье. Но веру терять нельзя. *(Про себя.)*

Революция будет буранной,
Всколыхнет она все живое.
Сокрушит, сметет, поборет
Всех кто ее не приемлет...
Всех, кто дурнее и злее,
Всех, кто ее добрее...

МУХТАР *(после паузы)*. Какое счастье, Кязим, что ты уцелел в те годы. Какое счастье, что сегодня жив твой голос.

КЯЗИМ. Лучше бы в те годы, Мухтар... Не пришлось бы мне видеть сегодня неслыханное надругательство.

Оба молчат. Тяжелая пауза.

МУХТАР. Больше не могу, Кязим. Загляну в дом.

КЯЗИМ. Иди, двери открыты. *(Мухтар заходит в дом. Кязим достает хлеб. Нюхает.)* Как пахнет! Воистину запах хлеба - это запах жизни. *(Входит М а д и н а с ведром в руке.)* Добрый день, доченька.

МАДИНА. Пусть будет добрым и ваш день. Спасибо.

КЯЗИМ. Из этого села?

МАДИНА. Нет, мы живем на другом берегу реки. Там уже Киргизия.

КЯЗИМ. Не живет ли на вашей стороне многодетная женщина - дочь Бекки Мечиева?

МАДИНА. Дочь Бекки Мечиева? Нет, такой женщины там нет. Дедушка, а вы на знаете, куда пошли хозяева этого дома?

КЯЗИМ. Про того, кто приехал, знаю, а про тех, кто ушел, не ведаю. *(Это он говорит несколько лукаво, видимо, догадываясь, что девушка ходит сюда справляться о Мухтаре.)*

МАДИНА *(роняя ведро)*. Приехал?!

КЯЗИМ *(утверждаясь в своей догадке)*. Солдат вернулся к матери живым.

МАДИНА *(в замешательстве: то ли бежать куда-то, то ли оставаться на месте)*. И... и руки-ноги у него целы?

КЯЗИМ. Вполне. Одна рука, правда к шее подвешена, но это дело временное.

МАДИНА *(смущаясь еще больше)*. И ордена у него есть?

КЯЗИМ. Вся грудь так и сверкает.

МАДИНА. Вы говорите - солдат, но это тот, который раньше учителем был?

КЯЗИМ. Учителем. Наверное, он и тебя учил, доченька? Учил, а?

МАДИНА. Еще как учил!

КЯЗИМ. Только ли тому, чему в школе учат?

МАДИНА. Ах, дедушка! *(Снова смущается.)*

КЯЗИМ. Вот негодник! Придется его поругать как следует. А как тебя зовут?

МАДИНА. Мадина. Мы тоже выращиваем свеклу по ту сторону реки. Если с поля оттуда смотреть, то можно увидеть в этом дворе мать Мухтара.

Открывается одна из дверей дома. Появляется Мухтар. Мадина исчезает.

МУХТАР. Что за жизнь у них, если в доме такое убожество. *(Снова уходит в дом.)*

КЯЗИМ. Ай, Кязим! Отарой, оставшейся без пастуха, назвал ты однажды свой народ. О том печалился, что тревога его безгласна, а боль глуха. Теперь вон каких надежных пастухов приставили к твоему народу. А ты, бедняга Кязим, все недоволен. Будто ложку после горького зелья лизать приходится. Но хватит скулить, ты посмотри на эту девушку: жизнь продолжается. И никакие напасти не устоят перед ее любовью.

Появляется запыхавшаяся А с и я т. Увидев Кязима, вздрагивает.

АСИЯТ. Кязим!

КЯЗИМ. Глупенькая! Что ты так кричишь?

АСИЯТ. Утром, когда шли на работу, я тебя видела издали, но не узнала.

КЯЗИМ. Чья ты дочка.

АСИЯТ. Харуна. Кушжетерова Харуна из Гюдюргю. Я сирота. Вместо отца и матери у меня одна гармошка. Да и то играть на ней почти не приходится. *(Заглядывает в дом через открытую дверь, отскакивает в испуге.)* Ой, кто там?

КЯЗИМ. Это Мухтар. Беги, сообщи Забитхан. Суйюнчу - подарок за добрую весть получишь. Сын вернулся.

АСИЯТ *(порывается бежать, но останавливается).* Все равно до темноты ее не отпустят. Бригадир ездит верхом вокруг поля. Того, кто вздумает отлучиться, - плетью. Так лупит, что лучше помереть на

работе. И управы на него нет. Он и своих бьет, не только переселенцев. Меня он с поручением в село послал, а я вот забежать решила, на детишек посмотреть.

КЯЗИМ. Эй, Мухтар!

Появляется М у х т а р.

АСИЯТ. С возвращением, Мухтар Жунусович! *(Мухтар и Асият обнимаются.)* Вот теперь я поиграю на гармошке.

КЯЗИМ. И правильно, доченька! Надо играть. Хоть и пережила Забитхан множество бед, но крыша ее дома еще не совсем обвалилась.

МУХТАР. Удивительная ты девушка, Асият. В свое время игрой на гармошке ты от двоек спасалась.

АСИЯТ. А вы совсем не изменились, Мухтар Жунусович.

МУХТАР. Да, нет, я уж состарился. *(Шепотом.)* С Мадиной видишься?

АСИЯТ. Конечно. И всякий раз, как заговорим о своем бывшем учителе, так ее лихорадка трясти начинает.

МУХТАР. Ну, мало ли таких, как я...

АСИЯТ. Про вас еще в школе все знали. А вы из-за Мадины весь наш класс любили.

МУХТАР. Ладно, ладно, будет тебе.

КЯЗИМ. Наверное, нам надо идти в поле. Забитхан до вечера здесь не появится. А с детишками все в порядке?

МУХТАР. Возятся в соломе, как волчата. Пошли, Кязим.

АСИЯТ. Вы идите, я догоню. На детей только взгляну.

К я з и м и М у х т а р уходят. Асият, заходит в дом. Появляется М а д и н а, тщательно причесанная. За нею - Ш у р а.

МАДИНА. Хорошо, что ты живешь рядом со мной, а работаешь здесь. Я могу сюда часто приходить.

ШУРА. Я рада.

МАДИНА. В каждую свободную минуту душа рвется на этот берег: хоть что-то узнать...

ШУРА. Вот и узнала наконец. И даже увидела. А он знает, что ты живешь тут поблизости?

МАДИНА. Он ведь только сегодня приехал.

ШУРА. Везучая. Он у тебя красивый?

МАДИНА. Не знаю. Солнце - красивое или нет? Когда оно есть - светло, а когда нет... Если бы не комендант здешний, я бы отсюда и не уходила.

ШУРА. А что комендант? Не человек, что ли?

МАДИНА. Он у них страшный. Знаешь, как его боятся! Мы фашистов не так боялись... Другое дело - комендант из нашего киргизского селения. Лицо свое прячет, будто ему стыдно перед нами. А этот... За людей выселенцев не считает. Травиг, как диких зверей. Недавно я наткнулась на него нечаянно, так с перепугу в речку бухнулась, в чем была.

ШУРА. А не преувеличиваешь?

МАДИНА. Шурочка! Здешний комендант хуже жандарма. Точно тебе говорю. Ни сострадания, ни совести у него нет. Но теперь Мухтар приехал. Пусть попробует, изверг, обидеть.

ШУРА. Он у тебя смелый?

МАДИНА. Умный и смелый. *(Подходит к дому, поправляет постель на кровати, садится.)* А знаешь, я по сей день называю его Мухтаром Жунусовичем. Никак не могу иначе. *(Встает, подходит к дороге, вглядывается в даль.)* Вот встречу его и скажу: "Привет, Мухтар Жунусович!" А он сначала растеряется немного, даже покраснеет - такое у него бывает, и не сразу ответит. Но скоро опомнится, примет строгий вид и скажет: "Что ты тут ходишь, Мадина Казиева?" И легонько дернет за косу.

ШУРА. А ты уверена, что он любит тебя?

МАДИНА. Не знаю, как тебе сказать... Если бы не любил, то разве прислал бы письмо с фронта? Коротенькое, но как много вложил в эти два десятка слов. *(Решительно встает перед Шурой, как отличница, готовая отвечать без запинки урок.)* И еще я вот что ему скажу: "Мухтар Жунусович! Довольно! Я вам не Мадина Казиева, а просто Мадина. Мадиночка. Вполне взрослая девушка. Прекратите таскать меня за косы и извольте открыто признаться, что вы меня любите".

ШУРА. Вот дурочка! Но, вообще, правильно...

МАДИНА *(вспомнив о суровой действительности).* Я и в самом деле дура! Нашла время и место для пустых мечтаний. Лучше сматываться отсюда, пока здешний жандарм не увидел, да топать на свою свеклу. Моя доля теперь - это гектар поля. Как и у других женщин. Разрыхляй, разрежай, выпалывай, поливай. Вот этот гектар и полюби до потери сознания. Копай свеклу, очищай от ботвы, грузи и вези на завод - и в зной, и в слякоть, и в бездорожье, не думая о голоде и холоде. Вот и вся твоя жизнь. И вся любовь.

ШУРА. Ну, что ты вдруг раскисла? Может, все еще хорошо сложится. Не отчаивайся.

МАДИНА *(успокаиваясь).* Да, конечно, конечно, главное - он жив и вернулся с войны.

ШУРА. Ладно, мне на уроки пора. После школы я приду к тебе и помогу до вечера. *(Уходит.)*

Немного постояв, собирается уходить и Мадина, но тут раздается какой-то шум в доме, открывается дверь и появляется Асият.

АСИЯТ. Ах, это ты! В такое время?

МАДИНА. Да , я... казанок... мотыгу...

АСИЯТ. И еще... Мухтара...

МАДИНА *(испуганно оглядывается).* Как бы ваш комендант...

АСИЯТ. Ладно, не притворяйся. Телка спасается от слепней, ищет укрытие.

МАДИНА. Где? У Забитхан нету никакой телки.

АСИЯТ. Скоро ее двуногая телка станет четырехногой.

МАДИНА *(сбитая с толку окончательно).* Ничего не понимаю.

АСИЯТ. У Мухтара две ноги. И у невесты две.

МАДИНА. Асият, ты можешь мне сказать: что ты тут делаешь?

АСИЯТ. А меня пригласила мать Мухтара. Она говорит, что я ей очень нравлюсь, и предложила ждать Мухтара вместе.

МАДИНА *(упавшим голосом).* Вместе? Вместе с тобой?

АСИЯТ. Да. Мать Мухтара так хочет. И чтобы я и Мухтар...

МАДИНА. Ладно, я пойду. Видно, мотыгу я забыла в другом месте.

АСИЯТ. Значит, ты сюда ходила, как домой? Я скажу Мухтару, чтобы он завел собаку.

МАДИНА. Будь счастлива, Асият. Тебе не придется собак на меня натравливать. *(Уходит.)*

АСИЯТ. Почему влюбленные такие глупые? Хотя мне тоже хотелось бы почувствовать себя такой же... *(Бежит за Мадиной, возвращает ее.)* Шуток не понимаешь, дурочка! Аллах да не разлучит вас до конца жизни! Пошли, я сведу вас с Мухтаром. *(Уходят.)*

Появляется Мальчик. Он пытается влезть на сливовое дерево, но ничего не получается. Тогда он находит у арыка какую-то сучковатую жердь, приставляет ее к дувалу и забирается на ограду, с которой можно дотянуться до ветвей с плодами. Он срывает незрелые сливы и торопливо ест. Подходит комендант. Мальчик спрыгивает на землю и хочет убежать, но, споткнувшись, падает, роняет на песок сливы. Комендант хватает Мальчика, ставит на ноги и цепко держит.

КОМЕНДАНТ. Не дрожи, щенок. Говори, ты видел тут нездешних?

МАЛЬЧИК. Нет.

КОМЕНДАНТ. Врешь!

МАЛЬЧИК. Нет.

КОМЕНДАНТ. Я тебя в колонию отправлю, гаденыш, чтоб не лазал по чужим садам.

МАЛЬЧИК. Не хочу колония.

КОМЕНДАНТ. Ведь ты же вор!

МАЛЬЧИК. Нет.

КОМЕНДАНТ *(отталкивает Мальчика, и Мальчик падает на пыльную дорогу).* Детеныш волка - тоже будущий волк. *(Озабоченно прохаживается взад-вперед.)* Колхозный амбар обчистили. Кто это сделал, если не они? *(Снова трясет Мальчика.)* Говори, щенок, кто залез в амбар?

Мальчик не встает, зажмурил глаза и больше не издает ни звука.

Стоит зазеваться - и пулю получишь в спину. Переселенцы... Бандиты, вот кто они! *(Уходит.)*

Мальчик опасливо поднимает голову, встает на четвереньки, собирает рассыпанные сливы, ест их и плачет. Хочет подняться на ноги, но, видно, закружилась голова - и он снова падает, теряя сознание. Возвращается Кязим.

КЯЗИМ. Такая боль в ногах... Хожу по земле, как конь с разбитыми копытами. С поля прогнали меня, даже поздороваться с людьми не дали. Увидел только, как под беспощадным солнцем копошатся мои соплеменники. Вот такой же подневольный труд видел я сорок лет назад в Арабии. И глаза у людей такие же, глаза, потухшие от голода и жажды. Чем же помочь несчастным? Я могу лишь за них молиться. *(Увидев лежащего в пыли Мальчика, торопливо подходит к нему.)* Мальчик! Еще один лишенный крова. А может, какая ядовитая гадина его ужалила? *(Мальчик открывает глаза.)* Ай, дите...

МАЛЬЧИК. Дедушка... Я иду к своей маме...

КЯЗИМ. А где твоя мама?

МАЛЬЧИК. Мама... Она пошла за лепешкой.

КЯЗИМ. А-а... Так ведь она уже принесла тебе целых полбуханки хлеба! Вставай, малыш. Бедняжечка ты мой...

МАЛЬЧИК. Правда? Значит, мама моя нашлась?

КЯЗИМ *(догадываясь о беде).* Нашлась. Конечно, нашлась. *(Помогает Мальчику встать, садится с ним рядом у арыка, приподняв за плечи и слегка прижимая его к себе.)*

МАЛЬЧИК. Мама болела, давно уже в постели лежала. Она говорила мне, что надо побольше спать, тогда кушать не так сильно хочется и можно быстрее вырасти. Говорила, а сама плакала. А потом я проснулся, а ее в постели не было. Наша соседка Айна сказала: "Не

плачь, мама пошла искать тебе лепешку. Как найдет, так сразу же и вернется".

КЯЗИМ *(про себя).* Аллах, за что же ты мстишь обездоленному народу? Ты ведь и так его малым сотворил, в скалах поселил, камня дал больше, чем земли! Но мы этим были довольны, не роптали, не выпрашивали у тебя новых милостей. Но ты отнял у нас и то немногое, что мы имели... *(Достает из сумы полбуханки хлеба, подаренные ему Мухтаром.)* А вот, малыш, и хлеб, который принесла твоя мама!

МАЛЬЧИК. Моя мама! Где она?

КЯЗИМ. Она принесла хлеб и пошла дольше. Она вернется, а ты постарайся стать настоящим джигитом.

МАЛЬЧИК *(берет хлеб из рук Кязима).* Давай хлеб! Это мама принесла. *(Хочет спрятать хлеб за пазухой, но рубашонка у него рваная, ничего не получается.)*

КЯЗИМ. Ты съешь пока небольшой кусочек. Не торопись кушать все сразу, а то... мама не вернется.

МАЛЬЧИК. А остальное тоже мне будет, ты у меня не отберешь?

КЯЗИМ *(вытирая глаза платком, в который был завернут хлеб).* Как я не ослеп до сих пор? Ешь, мальчик! Откусывай понемножку и ешь. Весь этот хлеб - твой.

Мальчик ест.

МАЛЬЧИК. У меня и братик был.

КЯЗИМ. А что с ним?

МАЛЬЧИК. Он какой-то странный стал, мой братик.

КЯЗИМ. Младший?

МАЛЬЧИК. Ага. Живот у него раздулся, и он ничего не ел. Айна хотела ему дать жармы, а он отвернулся и глаза закрыл.

КЯЗИМ. И что же... Что дальше?

МАЛЬЧИК. Его унесли куда-то. Айна плакала и говорила, что у меня нет больше братика. И мама никак не возвращается.

КЯЗИМ. А ты будь настоящим джигитом, терпи. Скоро вырастешь большим и сильным. Телят уже сейчас сможешь пасти.

МАЛЬЧИК. У нас нету телят. А соседке я на огороде помогаю. И сегодня обещал...

КЯЗИМ. Вот и молодец. Иди помоги. А хлеб сразу весь не ешь.

МАЛЬЧИК. Ладно. *(Уходит, но тут же возвращается.)* Дедушка, ты коменданту не попадайся, хорошо? Он злой. *(Уходит.)*

Кязим в горестном волнении хватается то за голову, то за грудь. Тихо поет зикир.

Язычники, дети степей,
Поклонялись огню,
Чтили воду, как божество.
Но потух огонь и иссякла вода,
И дороги степные ведут неизвестно куда.

КЯЗИМ *(идет под дерево за дувалом, ложится на траву.)* Надо здесь подождать, пока не вернется Мухтар.

Темнеет. Слышится топот копыт. Пятно света ложится на лицо спящего Кязима. Топот конницы то приближается, то удаляется. Потом становится тихо. И вот звучит песня о Солтанхамиде.

Он в бою с коня свалился,
Обагряя кровью прах.
Показалось: дождь пролился,
С кровью смешанный, в горах.

Был он с Кировым в сраженье,
Смело ринулся в борьбу.
А вернулся к нам в селенье
В позолоченном гробу.

Свет падает теперь и на человека в бурке и белом башлыке, стоящего возле Кязима.

СОЛТАНХАМИД. Я, сын Калабековых, Солтанхамид, был чегемцем. Очень любил смотреть в лунную ночь на наш аул с горы Илькарги. В тот день, когда в своей груди остудил пулю, выпущенную в Кирова, мне исполнилось тридцать три года. Чегем был полон скорби, а я, мертвый, полон гордости. Прошло время, и в ауле слышались победные возгласы и веселые песни. Потом пришли вести о большой войне, на которой чегемцы сражаются мужественно, не щадя своих жизней. А как же иначе! Предательство и трусость испокон веков осуждались в горах. Нынче же на кладбище никто не приходит. Не ведаю, где мой народ. Оттого и не спится в могиле. Не разверзлась земля, не опрокинулась скала Капчагай над чегемскими аулами, так куда же исчезли мои сородичи?

Кязим, как будто в ознобе, пытается сильнее укутаться в свой бешмет, но не отвечает пришельцу.

Когда нет рядом живых, и мертвым нет покоя.

С Кязимом происходит что-то странное, будто он не сам встал, а кто-то поднял его на ноги и тянет за собой по скользящей дороге.

Кязим... Хаджи Кязим...

КЯЗИМ *(замедляя шаг.)* Нет ли вестей от моей бедной сестры?

СОЛТАНХАМИД. Кязим, погоди... Не узнаешь меня?

КЯЗИМ. Голос твой мне знаком *(Поглядывает на него.)* Кто ты? Что ищешь?

СОЛТАНХАМИД *(подходит очень близко к Кязиму, но Кязим пытается не допустить его приближения).* Все еще не узнаешь, хаджи? *(Поет.)*

Ни угрозы, ни злословье
Не сломили смельчака...

КЯЗИМ *(вдруг оживляется и поет с ним).*

Конь его, обрызган кровью,
Прискакал без седока...

СОЛТАНХАМИД. Кязим, бог щедр, я нашел тебя! *(Хочет обнять земляка, но Кязим все еще сопротивляется.)*

КЯЗИМ *(продолжая отстраняться от него).*

Смелого исполнен духа,
Пал в бою Солтанхамид, -
Пусть же будет легче пуха
Та земля, где он лежит.

СОЛТАНХАМИД *(снимает бурку и хочет укрыть ею Кязима).* Входи в бурку, Кязим. Там тебе будет тепло.

КЯЗИМ *(палкой своей отбрасывает бурку от себя).* Бедный, ты же погиб тогда? Уходи, я не готов умереть.

СОЛТАНХАМИД *(весело).* Я был абреком. А абреку нет смерти, Кязим!

КЯЗИМ. Ты был святым мучеником. И погиб как смельчак. Я доволен тобою, но оставь меня.

СОЛТАНХАМИД. На могилы наши никто не приходит. Мы забыты. Нам вдвойне нелегко.

КЯЗИМ. Ну, все мы теперь мухаджиры. Странники. Вы счастливые, вы лежите в своей земле.

СОЛТАНХАМИД. Кязим, как ты говоришь! Что может быть несчастнее, чем кладбище, оставшееся без людских жилищ рядом? Ты же мудрец, Кязим, вразуми и успокой меня. Мертвые готовы разрыть свои могилы...

КЯЗИМ. Были же ученые парни, большевики. Их спроси.

СОЛТАНХАМИД *(обиженно).* И их не вижу на земле.

КЯЗИМ. Под землей легче найдешь. Тебе они ближе. Оставь меня.

СОЛТАНХАМИД. Не могу понять, Кязим. Твой голос всегда звучал уверенно, спокойно. Теперь же ты раздражен, растерян. Помнится, ты писал: "Советская власть - Это ствол золотой, Кто враг этой власти - Тот враг моих гор..." Так ты учил нас.

КЯЗИМ. И теперь я повторяю это. Это было правильное слово.

СОЛТАНХАМИД. Как же тогда?

КЯЗИМ *(выйдя из себя).* Что ты заладил, Солтанхамид! Как же ты тогда, как же ты тогда... Иди лежи в своей могиле. Что ты ходишь среди живых!

Некоторое время оба напряженно молчат.

СОЛТАНХАМИД. Кязим, ты знаешь, я не был малодушным. Умирая, просил близких, чтоб не лили из-за меня долгие слезы. Но пришли дни, когда впору и самому плакать. Где мой род? Где аулы в Чегеме? Если увезли живых, почему мертвых тоже не переселяют? Как мне лежать в своей могиле, Кязим?

КЯЗИМ *(силясь одолеть волнение).* От горя не знаю, что говорю. Понимаю, не от праздности ходишь, мучая свои мертвые кости.

СОЛТАНХАМИД. Что за суд такой? Что за насилие? Ты, знающий, что было, что будет, сказавший, что Советская власть - это ствол золотой, скажи, что стряслось на родной земле?

КЯЗИМ. Не в Советской власти дело, это знаю. И ты знай, Солтанхамид! Ты отдал жизнь за нее. И вправе спросить меня, почему все это случилось, покуда жива Советская власть? Да, власть Советов - это золотое дерево. Но ведь плодами могут воспользоваться и грабитель, и палач, и пророк. Дерево не всегда может распознать, где праведник, а где злодей. Дело дерева - давать плоды.

СОЛТАНХАМИД. Кязим, ты не обижайся, но эта твоя проповедь похожа на то, что плохой сон хочешь по-хорошему истолковать. Что за власть, которая не знает, кто и с каким намерением приходит к ней и лезет на ее высоты?! Лучше уж скажи, что золотое наше дерево попало в руки злоумышленников.

КЯЗИМ. Так не может быть, Солтанхамид. Так не должно быть. Но то, что есть какой-то великий обман, это... правда.

СОЛТАНХАМИД. Тогда какая же это власть народа? Если обманщик какой-то или даже стая злоумышленников могут целые народы ошельмовать и обездолить? Если другие большие народы, глядя на все это, терпят? Такова разве была цель революции?

КЯЗИМ. Говоришь,народ...

СОЛТАНХАМИД. Я говорю о больших народах.

КЯЗИМ. Вот и моя боль в этом. Чего не ведаю, о том не говорю. Колдовство какое-то. Кто-то напоил народы каким-то бражным зельем, травой усыпляющей и лишил их способности видеть, слышать, рассуждать здраво. Если не так, то почему, когда арестовывали и уничтожали таких сынов народа, которые составляли его гордость и честь, все молчали? И ты сам, Солтанхамид... Пока насилие не обожгло твою собственную печень, ты спокойно лежал в своей могиле. Или же думал, если что совершается вдали от твоей земли, не может достичь твоего кладбища? Или же там, где попирается честь одного человека, там не может пострадать честь народа? Или же рука, которая поднимается на честь и достоинство одного человека, может удержаться от соблазна погубить целый народ? Ты в восемнадцатом году прикрыл собою посла народов Кавказа Кирова... Это был поступок горца, джигита. Но ведь и его потом убили! Скажешь, и тут Советская власть виновата? Мы, наверное, поспешили объявить о своей решительной победе. Так бывает в горах, когда бушуют паводки. Дождь перестал, а потоки долго еще грохочут, переворачивая и передвигая камни. *(Подумав.)* И теперь... Если хочешь, чтобы твой народ выжил и, дождавшись суда над насилием, снова наладил свою жизнь, не враждуй с Советской властью, а защищай ее, как прежде. Не меньшая опасность над нею нависла, если ее именем народы уничтожаются.

СОЛТАНХАМИД. Как всегда, далеко смотришь, Кязим. Это я вижу. Но все сомневаюсь. Власть, которая однажды поддалась, покорилась воле злоумышленников, может ли она вернуть доверие к себе? Быть той властью, которая нужна вам? Нам-то все равно теперь...

КЯЗИМ. Отчего же не лежишь, если все равно? Никому не все равно. Ни живым, ни мертвым. Так что внемли моим словам, как прежде.

СОЛТАНХАМИД. Не знаю. Я в глубоком сомнении. *(Уходит.)*

КЯЗИМ *(словно сквозь сон).* Вернет она свою славу. Обязательно вернет. Теперь же... не те семена в ее пашню бросают. Никак не выходит из головы старинное стихотворение. Свободу обрели рабы. И в лес пошли, чтоб жертвенный огонь возжечь. Большое пламя развели и... лес они сожгли. Астофируллах... И лес они сожгли... *(Вздрагивает.)* Что я болтаю! Аллах, зря ли я поверил в свет справедливости? Вся жизнь моя из одних сомнений и заблуждений. *(Идет в сторону свекловичных полей.)* Бедная Забитхан, не сразу узнала меня. Люди боят-

ся оторваться от работы даже для того, чтобы поздороваться с человеком.

На дороге появляется М и с и р х а н. Увидев Кязима, стоящего с пустой сумой на боку, она принимает его за нищего. Она уже не помнит, что давеча его видела.

МИСИРХАН. Бог свидетель, ничего у меня нет. Я бы дала тебе что-нибудь, бедный человек. Но ты не стой здесь. Здесь тебе никто не поможет. Иди в другие аулы.

Таща тележку, на которой лежит надорвавшаяся Забитхан, бредут Ш а б д а н б а й и А й н а. За ними, толкая тележку сзади, идут А с и я т и Ж а н т у г а н.

ШАБДАНБАЙ. Ассалом алейкум, старый человек.

КЯЗИМ. Алейкум салам. Ай, горемычная Забитхан! Не вынесла...

АСИЯТ. Как только ты ушел, Мухтара тоже прогнали. И она... Свалилась на грядки. Надорвалась.

ШАБДАНБАЙ *(Кязиму).* Работа и недоедание доконали женщину.

АСИЯТ. Забитхан, открой глаза. Вот Кязим. Открой глаза. Ты же именем Кязима клялась... Погляди, он тут.

ЗАБИТХАН *(не разбирая слова Асият).* Воды! Капельку воды...

КЯЗИМ. Бедная! Сейчас бы тебе глоток из холамской Карасу.

АЙНА *(мужу).* Поторапливайся. Что будем делать, если вдруг умрет на улице?

АСИЯТ *(из арыка зачерпывает в пригоршню воду и подает Забитхан).* Не успела нарадоваться приезду Мухтара. Открой глаза, Забитхан.

АЙНА. Надо найти лекаря. Тяжелая, надо поспешить.

АСИЯТ. Я разыщу Мухтара и пошлю его за доктором. *(Убегает.)*

ШАБДАНБАЙ *(Кязиму).* Останься у нас, старый человек.

КЯЗИМ. Благодарю. Но сюда должен вернуться мальчик.

Шабданбай и Айна продолжают путь, таща тележку. Жантуган задерживается.

ЖАНТУГАН. Из балкарских братьев?

КЯЗИМ. Да, балкарец я.

ЖАНТУГАН. Назови имя, бедный странник.

КЯЗИМ. Имя мое Кязим. Кязим из рода Мечиевых.

ЖАНТУГАН. Боже праведный! Да ты Кязим-хаджи и есть?!

КЯЗИМ. Да, совершил хадж, слава аллаху.

ЖАНТУГАН. Хаджи Кязим! Кто поверит, что слепой певец Карачая Жантуган выйдет из песчаной степи прямо на Кязима! У проклятого выселения есть и хорошая сторона.

КЯЗИМ. Лучше бы не видеть нам эту хорошую сторону.

ЖАНТУГАН. Хаджи Кязим! Точно глаза мои свет увидели! Бог дал тебя Карачаю и Балкарии в награду за их малочисленность! Верный голос обоих народов! *(Вдруг разволновался.)* Какой день для бедных наших сословий наступил. Кязим!

КЯЗИМ. Крепись, певец! Певцу не подобает малодушным быть.

ЖАНТУГАН. Кому плакать, если не нам! Ты хромой, я слепой! Нет никого, кто бы поддержал и вел наши народы в этот час.

КЯЗИМ. Тех, кто мог вести наши народы, уже нет с нами. *(Горестная пауза.)* Но... если будет народ, то найдутся и ведущие. У меня есть достойный ученик. Кашу[1]. Я молюсь за него и жду.

ЖАНТУГАН *(вытирая глаза).* Не стыди, хаджи.

КЯЗИМ. Аллах да пусть не стыдит. Много песен твоих слышал, Жантуган. Народ, который имеет таких певцов, не может сгинуть. Не будь малодушным, карачаевец! Только на эжиу[2] приглашай молодых людей.

ЖАНТУГАН. Песни мои тяжелые... А молодых беречь надо. Я не боюсь, что могут отнять у слепого? Не могут же сделать мои глаза снова незрячими.

КЯЗИМ. Я родился от матери... вместе с костылем. Думал, и ты...

ЖАНТУГАН. Нет, белого света я лишился в тридцать восьмом.

КЯЗИМ. В тридцать восьмом? Как же?

ЖАНТУГАН. Ты ли об этом спрашиваешь, Кязим? *(Помолчав, читает наизусть.)*

Батыр, воскликнувший первым:
"Живи, Советская власть!" -
Сам с жизнью расстался
У нас на глазах.

Лучшие люди объявлены
Врагами заклятыми.
Кто же в борьбу вступил
С ленинским заветами?!

---

[1] Кашу - имеется в виду Кайсын Кулиев.
[2] Эжиу - сопровождение песни у балкарцев, припев.

Ликующий гул барабанов
Звучал в честь джигитов-горцев,
Тех, что теперь исчезают,
Как на рассвете звезды.

Ты знаешь, бедный Кязим.
Как свет мешается с мраком,
Как ночь наступает в душе,
В запекшейся крови обуглено сердце.

Правдолюбец несчастный,
Ты воешь в тоске одиноко.
Ты знаешь, Кязим, кровавая
Месть ищет пути и к тебе.

Вот что я запомнил из твоего стихотворения. Помнится, переписывали его, передавали из рук в руки, словно души свои передавали. Спасибо, Кязим, за верные и правдивые слова. Так было.

КЯЗИМ. И сегодня не могу понять, что за время было такое. Как будто народы были заговорены какой-то кривой молитвой. Они славили бога все иступленней, а бог не переставал их карать.

ЖАНТУГАН. Просыпались, не зная, какой тамгой[1] заклеймят, вернемся ли в свой дом. Я сидел в темной одиночке три с половиной месяца. А когда открылись двери темницы, солнце ударило в глаза и навсегда лишило своего света. обвиняли меня, будто пел против колхозов. В те годы, что сам человек не знал про себя, о нем знало гепеу. Ладно, Кязим, и без того горестей много, зачем бередить рану. Пошли к нам, если не боишься, что у слепого Жантугана ничего нет. Постелим солому, отдохнем...

КЯЗИМ. Благодарю. Мальчику обещал подождать здесь. Он скоро вернется. Да и Забитхан... Она моя близкая. Надо быть рядом с нею.

ЖАНТУГАН. Тогда не стыди, пойду. Дома дети, что-то надо добыть, хотя бы траву какую.

КЯЗИМ. Иди, земляк.

Ж а н т у г а н уходит.

Удастся ли мне соединить Мальчика и обездоленную женщину? Добрым бы делом было - обезумевшую от горя мать спасти, да Мальчика осиротевшего пристроить.

---

[1] Тамга - знак, тавро.

Снова появляется босая Мисирхан. Сейчас у нее в руках пара самодельных детских лыж - сарже. Она подходит к арыку, ставит сарже и садится. Рвет траву, ест. Кязим уходит в тень, наблюдает.

МИСИРХАН. Погляди, Ахматик, на свои сарже. Ты думал, они потерялись? Нет, глупенький, я их сберегла. Да и как не сберечь! Это единственное, что ты захватил из отцовского дома. Как только вернешься домой, будешь кататься. Кататься? *(Вскакивает.)* Вон с того склона - и вниз. Только и слышно будет, как полозья шумят. Зуу! Зуу-у-у-у! Бог даст, я отсюда смотреть буду. *(Вспомнив.)* Нет снега! Как же кататься? Ладно, Ахматик, до снега три месяца осталось, не огорчайся. А пока будем с тобой ходить в школу. Когда будешь сидеть на уроках, я буду в окно заглядывать, хорошо, жеребенок мой? *(Обнаруживает в арыке небольшое бревно, вылавливает его из воды, ставит к дувалу стоймя, внимательно разглядывает.)* Как ты похож на Ахмата! *(Обнимает бревно.)* Какое теплое твое личико! Как в день рождения...

Появляется Н и щ и й.

НИЩИЙ. Во имя бога... За прощение в преисподней...

КЯЗИМ *(выходит из тени)*. Что может нищий выпросить у нищего! О, жизнь...

НИЩИЙ. Во имя аллаха.. За всепрощение...

КЯЗИМ. Откуда ты, бедный человек?

НИЩИЙ. Я кавказский турок. Теперь я нищий... Виноградники у меня были. Теперь я нищий.

КЯЗИМ. Что делать. И цари становились нищими.

НИЩИЙ. Голодный я. Бог не дает, у людей нету.

КЯЗИМ *(ищет в карманах)*. Где-то был, кажется, рубль. Может, продадут тебе ломтик хлеба или кружку похлебки. На, бери, божий человек.

НИЩИЙ *(берет рубль)*. Аллах пусть поможет и тебе. *(Собирается уходить.)*

МИСИРХАН *(до сих пор стоявшая поодаль, удивленно глядя на нищего, теперь как-то неестественно подалась вперед)*. Возьми меня с собой! Веди и меня, ты, нищий, знающий дороги! Научи и меня собирать милостыню.

НИЩИЙ *(отталкивает Мисирхан)*. Исчезни! Исчезни, дочь сатаны! *(Быстро уходит.)*

КЯЗИМ *(удерживая Мисирхан)*. Погоди, дочка. Погоди, успокойся.

МИСИРХАН. Он горец?

КЯЗИМ. Нет, доченька, не горец.

МИСИРХАН. Он же по-балкарски говорит?

КЯЗИМ. Он турок. Мы все турки, говорим на одном наречии. И здесь люди говорят по-нашему. Все мы из одного племени, из одного корня и одной веры. Дети этой несчастной земли.

МИСИРХАН *(подумав, нерешительно).* И мне говорят: "Повесь суму на плечо и иди по аулам".

КЯЗИМ. Нет, доченька. Женщине нельзя собирать милостыню.

МИСИРХАН. Почему тогда говорят?

КЯЗИМ. От безысходности. Если же возьмешь суму и пойдешь по дорогам - задержат. Подожди. Добро всегда идет навстречу терпению. *(После паузы.)* Твой сыночек вернется... Но он...

МИСИРХАН *(насторожившись).* Что он?

КЯЗИМ. Он очень изменился за это время. Может, и не сразу его узнаешь.

МИСИРХАН. Ой, дедушка... пусть он изменился совсем. Иногда во сне так и вижу... очень изменившимся. Иногда и похож на отца. Встанет предо мной, как Мажир... А другой раз точь-в-точь киргизчонок.

КЯЗИМ *(желая отвлечь).* Трава выросла. Плоды созревают. А милостыню собирать не ходи.

Слышится гудок паровоза. Мисирхан быстро подхватывает сарже, прячет бревно.

МИСИРХАН. Погоди, Ахмат, я уже бегу. Если и с этим поездом ты не приедешь... Я спрячу твои сарже так, что год их будешь искать. *(Убегает.)*

КЯЗИМ. Пойдет на железную дорогу, побежит к поезду. И будет у каждого вагона искать сына. Будет она кричать: "Ахмат, Ахмат!" И все люди ее поймут и оттого, что не в силах помочь, будут стыдливо опускать голову перед нею. А она пойдет вслед за ушедшим поездом.. После этого, говорят, долго не возвращается. Ай, чтоб земля разверзлась перед людскими бедами! Как помочь, как сделать так, чтобы бедный Мальчик и бедная женщина приняли друг друга? Помоги, боже! Одной опора нужна, тепло родной души, другому - материнская ласка, забота. Может, и получится, ведь законы тяжких времен иные, чем законы благополучных лет...

Возвращается М а л ь ч и к.

Долго ты пробыл у Айны. Помог ей?

МАЛЬЧИК. Да, дедушка. Отдал и половину своего хлеба.

КЯЗИМ. Ты настоящий мужчина. Как тебя зовут?

МАЛЬЧИК. Меня зовут Жашчык. Так и назвали - Жашчык.

КЯЗИМ. Жашчык.. А что, если я назову тебя иначе...

МАЛЬЧИК. Как?

КЯЗИМ. Ну, скажем, Ахмат. Очень мужское, достойное имя. У тебя будет новая жизнь и новое имя. Все должно изменяться...

МАЛЬЧИК. Почему?

КЯЗИМ. Знаешь ли ты, дитя... Если женщина долго ищет хлеба, она очень сильно меняется. И имя ее меняется, и лицо. А как это будет выглядеть, если твоя мама изменится, а ты нет?

МАЛЬЧИК. Не знаю.

КЯЗИМ. А как ты зовешь мать?

МАЛЬЧИК. Мою маму?

КЯЗИМ. Ну, да, свою маму?

МАЛЬЧИК. Келин. Когда мы жили все вместе, то бабушка, и дедушка, и все в доме называли ее Келин. И мы с братиком тоже.

КЯЗИМ. Жашчык... или Ахмат, ты помнишь свои сарже?

МАЛЬЧИК. Какие сарже?

КЯЗИМ. Ну разве ты не катался с горки на сарже?

МАЛЬЧИК. На Кавказе, что ли? Катался. Хорошие у меня были сарже.

КЯЗИМ. Я видел их.

МАЛЬЧИК *(хватается за ворот кязимовского бешмета)*. Где?

КЯЗИМ. В руках у твоей матери.

МАЛЬЧИК. Неправда. Мои сарже остались на чердаке.

КЯЗИМ. А теперь они здесь. Мать твоя поехала и привезла их.

МАЛЬЧИК. И Келин очень изменилась?

КЯЗИМ. Сказал же. Ходила в поисках хлеба и изменилась. Теперь боится возвращаться домой, а вдруг, говорит, мой сыночек Ахмат меня не узнает. Вот какие дела.

МАЛЬЧИК. Так и сказала - Ахмат?

КЯЗИМ. Я забыл тебе сказать. Мать с самого начала тебя так и называла. Это дедушка с бабушкой звали тебя так ласково - Жашчык.

МАЛЬЧИК. Почему ты не сказал моей маме, что я не буду плакать! После того как умерла бабушка, а потом дедушка, все другие умерли в доме, она все время ходила в черном платке.

КЯЗИМ. И теперь... И теперь она ходит в черном платке.

МАЛЬЧИК. Дедушка... дедушка... ты...

Возвращается *А с и я т*.

АСИЯТ. Хорошее лекарство нашли. И доктор скоро придет.

КЯЗИМ. Иди, сыночек, собери нам вон на том бережке щавеля.

Мальчик уходит.

Доченька, я хочу тебя просить об одном.

АСИЯТ. О чем?

КЯЗИМ. Мне необходимо одно дело, богу угодное, совершить. И ты будь мне помощницей. Подтверждай все, что я буду говорить при Мальчике.

АСИЯТ. Хорошо, Кязим.

МАЛЬЧИК *(возвращается с пучком щавеля).* Вот, дедушка.

КЯЗИМ. Давай съедим его. Бери и сам *(Ест.)*

МАЛЬЧИК. Много не ешь, дедушка. От травы живот набухает.

КЯЗИМ. Правда?

МАЛЬЧИК. Сначала вроде хорошо, только потом в животе все время урчит.

КЯЗИМ. Асият, говорят, мать этого мальчика побывала на Кавказе и вернулась. Правда ли?

АСИЯТ. Да. А что?

КЯЗИМ. Я видел в ее руках такие сарже... Даже мне захотелось кататься на них.

АСИЯТ. И я видела. Такие красивые.

КЯЗИМ. Она поехала и привезла их, потому что очень любит своего сыночка, Ахмата.

АСИЯТ. Ахмата?!

КЯЗИМ. Да, Ахмата! Это дедушка с бабушкой звали мальчика Жашчык, а мать звала Ахмат. Его настоящее имя Ахмат. Да, Асият... Правда ли, что здешний комендант заставляет людей менять свои имена?

АСИЯТ. Правда. И меня заставляет. Только не знаю еще, какое имя выбрать.

МАЛЬЧИК. Назови себя Халимат. Когда вырасту, я женюсь на девушке, у которой имя Халимат.

КЯЗИМ. Ахматик, сыночек мой, я живу давно, я пророков видел.

МАЛЬЧИК. А это кто, пророки?

КЯЗИМ. Это умные и добрые люди. Они мне сказали: в беде люди меняются. Матери и дети. И ты очень изменился. Каким ты был, когда нас везли сюда, теперь уже и не вспомнить.

МАЛЬЧИК. Как назовут теперь мою маму...

Кязим и Асият переглядываются.

АСИЯТ. Твою маму назвали...

КЯЗИМ *(перебивая ее).* Очень сильно тут заболела бабушка одна, Забитхан. Моя родственница. Так что пойдем, полечим ее.

А с и я т, К я з и м и М а л ь ч и к входят в дом. Появляется М у х т а р. По тому, как закатаны его штанины, а сапоги он держит под мышкой, видно, что он только что перешел реку вброд. Мухтар садится, начинает неловко, одной рукой накручивать портянки, с таким же трудом надевает сапоги.

МУХТАР. Бедная мама. Надежда только и держала ее, держала до тех пор, пока один из сыновей не вернулся. Все вытерпела, все вынесли. А как только увидела меня, все оборвалось. Знает, что дни ее сочтены, и потому заставляет меня жениться, пока жива. Что же делать? Нет ни угла своего, ни земли своей, и рука подвешена к шее. Куда я приведу Мадину? Но мать говорит: "Та, которая собирается с тобою жить, не станет спрашивать о твоем благосостоянии..." Легко сказать! Но ведь она не о себе беспокоится. Хочет увидеть сына, начавшего новую жизнь. *(Опускает с перевязи руку, пробует ею двигать.)* Когда же ты, проклятая, работать начнешь! Ой, ой, мать моя! *(Снова подвешивает руку.)* А какая Асият умница! До чего все быстро устроила.

А с и я т показывается из дверей дома.

АСИЯТ. Ну что с доктором?

МУХТАР. Должен быть с минуты на минуту. Шура за ним поехала на мотоцикле вместе с директором школы. Хорошая у тебя подруга.

АСИЯТ. Да, это прекрасный человек. И учитель из нее будет замечательный. Ничего не боится. Кстати, она дружит с Мадиной.

МУХТАР. Скоро и я вернусь в школу. Будем работать вместе с Шурой.

АСИЯТ. Зайди в дом, Мухтар. Мать уже давно зовет тебя. *(Пропустив Мухтара в дом, Асият закрывает двери за собой.)*

Входит М а д и н а с чарыками в руках. Видно, что она тоже перешла речку вброд.

МАДИНА. Надо же! Поделила речка свои берега между двумя республиками! Решай теперь свои проблемы с комендантами из Казахстана и Киргизии... Но ведь не будут же в самом деле арестовывать девушку только за то, что вышла замуж на другом берегу реки? А Мухтар до того воинственно настроен... Говорит, Сталину буду писать, как будто у Сталина других дел нету, кроме как читать Мухтаровы письма. Я уверена, что вождю даже не сообщили о нашем выселении. Я считаю, это дело рук шпионов Гитлера. Вон, Абдрахмана Солтанова арестовали. И только за то, что написал товарищу Сталину.

Эти сволочи, конечно, боятся, вдруг он обо всем узнает. Воин, орденоносец. Арестовали, и все. Как будто мало было того, что выселили из родных мест. Не посмотрели ни на какие заслуги. Если Мухтар не будет вести себя осмотрительно, и с ним поступят так же. А он хоть бы слушал меня. Напишу и напишу. *(Оглядывается. Вспомнила, что босая, что полы платья подобраны к поясу.)* Ой, мой позорный день! *(Опускает полы, надевает чарыки. Приводит себя в порядок.)* Нет, конечно, хотя и горячится, писать он не станет. Должен ведь понимать, что никакого толку от этого не будет!

В дверях появляется М у х т а р. Мадина прячется за дувалом.

МУХТАР. Еще не пришла. И доктора нет. *(Печальный, садится на травку.)*

Мадина подходит сзади. Хочет руками закрыть его глаза, но, постеснявшись, отходит чуть назад.

МАДИНА. Как мать?

МУХТАР. Плохи наши дела, Мадина.

МАДИНА. Не падай так духом, Мухтар Жунусович! Поболеет и встанет.

МУХТАР. Она уже никого не узнает.

МАДИНА. Я принесла ей медвежье сало. Дала хозяйка дома, где мы живем. Такая добрая киргизка. Очень, говорит, помогает.

МУХТАР. Спасибо, Мадина. Но теперь... Она уже завещание сделала. И Кязим очень кстати приехал. Она и сказала в минуту облегчения: "Я умираю, а ты, хаджи, помолишься за меня. Еще, - говорит,- у меня остаются обездоленные мои внуки, сироты. Им необходима женская забота. И Мухтару тоже - чтоб он скорее оправился от ран войны. Так вот, хаджи, пусть мои десять пальцев станут десятью тобою обиженными людьми в судный день, если не поженишь Мухтара в сию же минуту. В сундуке у меня есть два хороших платка. Один отдашь той, кто омоет меня, второй пусть повяжут снохе моей".

МАДИНА. Ой, мой день!

МУХТАР. Такие вот дела.

МАДИНА. Это невозможно.

МУХТАР. Почему? Ты... ты...

МАДИНА. Комендант не разрешит.

МУХТАР *(вскакивает).* Если он нам помешает, я его убью! Хуже, чем есть, не будет.

МАДИНА. Погоди, Мухтар. Садись. *(Взяв за руку, усаживает его на травку.)* Ты так похудел, Мухтар. Как тебя ноги держат...

МУХТАР. Завещание матери... И Кязим требует поспешить.

МАДИНА. Что я могу сказать? Так я мечтала о настоящей свадьбе! Когда в нашем селе девушки выходили замуж, я ходила на их праздники... все смотрела. Думала, и у меня будет веселый и щедрый той. А когда ты ушел на войну, все ждала, когда ты вернешься героем, с орденами на груди, и мы сыграем такую свадьбу... Теперь... Как же теперь будут выходить замуж наши девушки? Ни игры на гармошке, ни свадебных песен, ни веселых танцев...

МУХТАР *(не зная, что сказать, в отчаянии бьет кулаком о дувал).* А-а-а-й!

МАДИНА *(подходит к нему).* Ладно, Мухтар. Не в свадьбе дело. Мать бы выздоровела, а остальное - мелочь.

МУХТАР. Кязим просил, чтобы я договорился с тобой, то есть, ну... с невестой, в смысле...

МАДИНА. Так быстро! Странно все это. Необычно. Когда народ в таком отчаянии, вроде бы и совестно такое дело затевать.

МУХТАР. Когда я лежал в госпитале, боялся не смерти, а что умру, не увидев тебя. Мой брат погиб на войне. Пятеро его детей остаются мне в наследство. Мать чудом уберегла их от голода, от болезней. И я, как видишь, не тот крылатый парень, какого ты знала. Война смяла мои крылья. И не могу я обещать, что вскоре устрою тебе вольготную, беспечную жизнь. Да ты и не поверила бы такому обещанию. Перед тобою только лишь одна моя правота - моя любовь к тебе. Если выйдешь за меня, то выйдешь только за эту мою правоту. Если ты не расплескала прежнее чувство. Ты помнишь ту нашу встречу? Я готовился уходить на фронт...

МАДИНА. Да. Я сказала: "Любую беду примем вместе..."

МУХТАР. Настал такой час, когда надо решать: или - или.

МАДИНА. Прямо сегодня?

МУХТАР. Кязим сказал, не такое нынче время, чтобы засылать сватов и договариваться. Надо спешить.

МАДИНА. А комендант?

МУХТАР *(вспыхнув).* Опять комендант! Что он, и над судьбой нашей поставлен?

МАДИНА. Не забудь, я живу в Киргизии!

МУХТАР. Велико расстояние, другой берег реки!

МАДИНА. Я за себя не боюсь, но если с тобой что-нибудь случится - я не переживу.

МУХТАР. Девушкам ведь разрешают и за иностранца выходить.

МАДИНА. Мы не иностранцы, мы выселенцы. Враги! *(Плачет.)* И у меня гектар свеклы...

МУХТАР. Будем вместе работать. Недалеко ведь. Я и ночью могу поливать и твой, и материнский участки... Без тебя мне трудно, Ма-

дина. Без тебя и с войны б не вернулся живым. И теперь, в этот тяжкий час... будь же рядом, единственная! Слышишь... *(Неожиданно прижимает ее к груди, жадно целует.)* Ты возвращайся домой. Готовься. Матери скажи. Я же... Шабданбай пошел телегу просить. Кязим знает, как все делается.. С тобой вместе пусть будет Шура. Все не так мрачно, Мадина, не плачь! Будем верить.

МАДИНА. Как странен этот мир. Еще вчера я глядела на дорогу, не зная, вернешься ты живым или нет. А сегодня... *(Прижимается к груди Мухтара.)* Солнце, кажется, слишком ярко меня освещает. Я боюсь.

Слышится шум мотоциклетного мотора.

Едут. Доктора везут. Хоть бы он помог твоей маме.

МУХТАР. Пошли, я переведу тебя через реку. У нас очень мало времени.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На узкой железной кровати, поставленной вдоль стены во дворе, лежит З а б и т х а н. Перед нею на низких табуретках сидят К я з и м и Ж а н т у г а н. А й н а, занимаясь стряпней, появляется и исчезает. Шабданбай, также в заботах о свадьбе, приходит и уходит. Рассветный час. К стене прислонен костыль Шабданбая.

КЯЗИМ. Сами еле перебиваются, а бедным переселенцам помогают. Такие люди. Вот мы свадьбу затеяли, так они... Шабданбай и барашка добыл откуда-то. И телегу достал с лошадьми.

ЖАНТУГАН. Истинный человек останется человеком всегда. Наше счастье, что мы сюда попали.

ЗАБИТХАН *(приподняв голову)*. Поглядели бы на дорогу, не идут ли? Голос беды мне слышится.

АЙНА. Не видно никого.

ЗАБИТХАН. Чтобы душа моя высохла, хотела как лучше, да к худшему привела. На погибель сыну, спасшемуся от большого пожара, дело это затеяла.

КЯЗИМ. Успокойся, горемычная, лежи. Не так быстро все решается. Когда девушку умыкают, возникают тысячи сложностей.

ЖАНТУГАН. Всякое может быть: дело не простое.

КЯЗИМ. Не так рано они уехали, что начинать беспокоиться. Телега колхозная никак не освобождалась, да и потом не все пошло по гладкой дороге.

Слышен скрип колес.

ЖАНТУГАН. Суровый вожак у здешнего колхоза. Рассказывают, раньше его никто в селе не встает. А потом он взбирается на крышу конторы и оттуда следит, как люди идут в поле, подгоняет их криком.

КЯЗИМ. Много лет вожаки только криком и делают дела.

Прибегает М а л ь ч и к.

МАЛЬЧИК. Дедушка, тебя кто-то спрашивает.

ЖАНТУГАН. Хаджи, чую, кто-то умер.

МАЛЬЧИК. Он приехал издалека. Он солдат.

КЯЗИМ. Так зови его сюда, что стоишь. *(Мальчик убегает.)*

ЗАБИТХАН. Что он сказал? Радостную весть?

ЖАНТУГАН. Да, Забитхан, он пришел с радостной вестью. Говорит, уже перешли реку.

ЗАБИТХАН. Дайте мальчику что-нибудь за радостную весть. *(Ищет под подушкой.)* Был припасен для этого белый башлык... Приберегла для вестника о возвращении Мухтара. *(Ничего не находит.)*

АЙНА *(выходя из комнаты, протирает губы Забитхан краем полотенца, поправляет ее постель.)* Бедняжка, позабыла, что давно уже поменяла башлык на хлеб. *(Уходит.)*

ЗАБИТХАН. Ладно, наверное, в сундуке остался. Когда невестка освоится в доме, разыщет и подарит.

Входит М а л ь ч и к, за ним К а ш у.

КАШУ. Салам алейкум, мир дому вашему.

КЯЗИМ. Алейкум салам! И пришедшему мир. *(Встают с места и Кязим, и Жантуган.)* Никак не признаю, джигит.

КАШУ *(обнимает Кязима).* Кязим! Нашел тебя живым-невредимым! Слава алаху милосердному, нашел живым. Как я боялся, что не увижу тебя больше. Теперь я счастлив! Снова увидел тебя и твою улыбку!

КЯЗИМ. Да неужели предо мной Кашу?!

КАШУ. Тот, кто забудет тебя, тот и род свой позабудет. Позабудет имя своего аула! Садись, Кязим. *(Очень бережно усаживает его на место. Здоровается с Жантуганом.)* Не обессудьте: Кязим - мой учитель. Не видел его с тех пор, как началась война.

ЖАНТУГАН. Кязим всем нам учитель. *(Садится.)*

КАШУ. Как житье-бытье, Кязим? Жива ли Канитат, супруга ваша? Сыновья? Дочери?

КЯЗИМ. Живые живы, джигит, а мертвых похоронили. И мы пережили то, что переживают другие народы. *(Жантугану.)* Гость наш - талантливый стихотворец. Меня перегонит.

КАШУ. Кязим, ты останешься для всех нас недостижимой вершиной! Идти, стремясь к этой вершине , - вот наша счастливая доля. *(Вдруг потускнел, опустил голову.)* Но теперь... Теперь отрезали наш язык, зашили наши уста. Во салам, во калам[1]!

КЯЗИМ. Не одобряю, джигит, эти твои слова. Огорчил ты меня ненароком. Если так будет говорить стихотворец, то что останется другим людям? Как быть народу? Вот этот мальчик... Нельзя так говорить, покуда один-единственный мальчик будет жив. Те, кто отрезал наш язык, сами останутся с отрезанными, те, кто загнал народы, сами будут загнанными. Нет смерти верным словам, как нет смерти народной правоте. Ты, Кашу, не поддавайся малодушию. Помню, горяч был. Увы, сегодня не горячность, а терпение необходимо. Ты к терпенью призывай, от Бога терпенье проси!

КАШУ. Кязим, ведь и ты сочинял песню усатому. Я тоже постарался не отстать. Теперь, как об этом вспомню, глаза кровью наливаются.

КЯЗИМ. Песнетворцы во все времена, я думаю, одинаковы. Они воспринимают надежду как правду.

КАШУ. А ему не стихи следовало посвящать, а проклятья!

ЖАНТУГАН *(испуганно оглядываясь вокруг).* Погоди, друг. Будь осторожен. Пока усатый на своем месте. Даже чий, продуваемый ветром в степи, кажется мне его ушами.

КАШУ. Что нам теперь терять? Нет ничего такого у нас, с чем было бы жаль расстаться. В той стране, где, как последних уголовников, изгоняют народных поэтов, терять уже нечего. *(В гневе достает партбилет из кармана.)* Имея такую книжицу в кармане... я... Если и этот документ ныне ни во что не ставится...

КЯЗИМ *(живо, как-то молодо вскочил).* Не ведаешь, что творишь, Кашу! Положи документ в карман! Ишь ты! Один он пострадал в мире! Положи книжечку в карман, успокойся.

ЖАНТУГАН. Еще в поезде, когда ехали сюда, Кязим написал... Все тут у нас теперь знают эти слова:

Когда отрезан к дому путь и дом разрушен,
Не ненависть зови в союзники свои.
Зови терпенье, веру, силу,
Чтоб испытание с честью перенесть.

---

[1] Во салам, во калам - конец, завершение.

КАШУ *(пристыженный).* Не судите, боль моя тяжела. *(Прячет партбилет в карман.)*

КЯЗИМ. Ну какие из нас судьи!

ЖАНТУГАН. Я и свет в глазах потерял. Пятеро моих братьев сложили головы на войне. Здесь похоронил отца и мать... И то я не говорю, что мне нечего терять. Человек и в день последний не теряет надежду. И не должен терять. А общее горе должно нас еще крепче сплотить, сделать выносливее и человечнее.

ЗАБИТХАН. Не видны ли они на дороге?

КЯЗИМ. Иди-ка, Ахмат, погляди.

Мальчик бежит посмотреть на дорогу.

КАШУ. Вижу, какие-то приготовления у вас?

ЖАНТУГАН. Свадьба! Парня женим. Повезло фронтовику.

ШАБДАНБАЙ *(появляется из-за дома, приветствует Кашу. Обращаясь к Кязиму.)* Барашка пригнал. Зарезать?

КЯЗИМ. Да, время. скоро должны прибыть.

МАЛЬЧИК *(прибегает).* Идут.

КАШУ *(посмотрев на дорогу).* Ну и джигиты! На уши коней флажки повесили, как в лучшие времена в горах. Можно подумать, что на Кавказе мы.

ЗАБИТХАН *(пытается приподняться).* Говорите, на Кавказе? Кязим, я шум дождя слышу. Это в наших горах дождь идет?

КЯЗИМ. Да, в Холамском Карасу идет дождь. Лежи, бедная, успокойся. Сбылась твоя мечта.

Слышится скрип колес, ржание лошадей. Тут же звучит орайда - свадебная песня. Кязим, Жантуган, Айна, Шабданбай встают. Кашу идет навстречу молодым. Мальчик выбегает на дорогу.

ЗАБИТХАН. Айна, доченька, подними меня. Хочу посмотреть, как выглядит моя невестка. *(Айна приподымает Забитхан.)*

Участники свадебного шествия заполняют двор. На ногах у Мадины самодельные чувяки, но голова покрыта старинной дорогой белой шалью. Рядом с нею идет Шура - золотоволосая русская девушка. Мальчик входит вместе с ними и восторженно глядит на всех.

КЯЗИМ. Добро пожаловать, добрые гости! Пусть к радости будет ваш приход. Хотя в тяжкий день соединяете души свои, пусть ваша

женитьба станет началом лучшей, справедливой жизни. Пусть глаза врага не зарятся, глаза друзей не осуждают.

ШУРА. Здравствуйте! Мир дому вашему! Принимайте невестку.

КАШУ *(Кязиму.)* Русская девушка приветствует дом, желает добра.

КЯЗИМ. Пусть и она будет счастливой. *(Айне.)* Будь, доченька, хозяйкой дома. Принимай гостей.

ЩАБДАНБАЙ *(подходит к Забитхан).* Поздравляю с невесткой. Пусть вместе со счастьем она войдет в твой дом.

ЗАБИТХАН. Спасибо, светлая душа. Пусть если не от меня, то от Аллаха вернется к тебе твое добро.

КЯЗИМ *(подойдя к постели Забитхан).* Подведите сюда невестку. Не такое время, чтобы долго ее прятали да соблюдали обычай.

Мадину подводят к Забитхан. Забитхан при помощи Айны приподнимается выше и обнимает ее.

ЗАБИТХАН. Я довольна. За всех за нас Аллах пусть тебя одарит счастьем. Будь домовитой, везучей. Не обижай сирот. *(Ослабевает и ложится снова.)*

КЯЗИМ. Теперь ведите в дом.

Мадину уводят.

ЗАБИТХАН *(Кязиму).* Тебя послал ко мне Бог. Умру - ты свершишь по мне жаназу[1]. Я спокойна. Но не покидай молодых, пока не закончится все как положено. Твой пропавший родственник очень любил веселье. Так ты вели им, чтобы сыграли той повеселее. И не останавливай праздник, если я даже умру.

КЯЗИМ *(обращаясь к Жантугану.)* Жантуган, хотя глаза твои и не видят, но певец всегда останется певцом и душой праздника. Возьми в руки торжество и сделай так, чтобы бедная моя родственница позабыла о болезни и бедах. Вот и Асият тоскует по игре на своей гармошке.

ЖАНТУГАН. Хорошо, Кязим. Мы сходим за Асият. *(Берет за руку Мальчика и уходит.)*

Кязим остается у постели Забитхан. Опасливо озираясь, входит Мисирхан.

МИСИРХАН. Какие-то люди сюда пришли... Дедушка, не было ли с ними мальчика... Ну, такой белолицый, красивый мальчик. Похожий

---

[1] Жаназу - ритуальная посмертная молитва.

на летающую птицу. Мне сказали, что он сошел с поезда. Никак не могу понять, куда он мог запропаститься?

КЯЗИМ. Подходи сюда, Мисирхан, будь нашей гостьей. Входи в дом. Там молодые люди, свадьба.

МИСИРХАН. Если я мальчика не найду, то... кто снимет шаль невестке? *(Уходит на обочину, кричит.)* Ахмат! Ой, Ахма-а-ат! Дурачок, ты что забыл, где твой дом? Заблудился, находясь рядом. Ты сюда иди, в этот дом. Здесь невестка. Шаль ее надо снять. Вот я и приготовила для тебя палочку, которой ты снимешь белую шаль невестки. Видишь, палочка какая, на тебя самого похожа. Такая же ровная, легкая.

КЯЗИМ *(идет к ней).* Доченька! Мальчик твой... здесь. Но я все боюсь, что ты вдруг не узнаешь его.

МИСИРХАН. Оу! Как это я могу не узнать Ахмата!

КЯЗИМ. Если б ты помнила его, не стала бы сравнивать Мальчика с этой палочкой. И не говорила бы, что он белолицый, такой тоненький, как эта палочка. Сколько времени прошло с тех пор, как он заблудился в пути. Он вырос. Ты молодая и, быть может, не знаешь того , что в беде мужчины быстро растут.

МИСИРХАН. Я все это знаю, старый человек.

КЯЗИМ. У мальчиков изменяются лица, волосы...

МИСИРХАН. Лицо у него изменилось?

КЯЗИМ. Да, изменилось, доченька. И лицо изменилось. В поисках тебя столько степных раскаленных дорог он прошел...

МИСИРХАН. Чтобы я жертвою его стала!

КЯЗИМ. Даже голос изменился.

МИСИРХАН. Пусть бы руки-ноги были целы. Чтобы душа его живая была. А так пусть изменяется.

КЯЗИМ. Ну тогда жди, сыночек твой вернется. Молись, покуда идет свадьба. А когда он прибежит к тебе, закричит: "Мама!" и обнимет, значит, ты встретишься со своим Ахматом. Если же не случится так, то выйдет ошибка. Простишь, доченька, выжившего из ума нищего старика. *(Берет ее под руку и подталкивает к дому.)*

Входят А с и я т с гармошкой и Ж а н т у г а н, ведомый М а л ь ч и к о м.

АЙНА *(у дверей).* Ой-вой, гармошка!

КЯЗИМ. Проходи, доченька, проходи. Пусть много дней у тебя будет веселых, и чтоб не расставалась ты со своей гармонью.

АСИЯТ. С тех пор как нас привезли сюда, мечтаю что-то веселое сыграть, чтобы радость была. Неужели и... танцевать будут?

КЯЗИМ. Если Жантуган сам пошел за тобой и привел тебя с гармошкой, наверное, он не зря все это затеял.

АСИЯТ. А другие бранят меня, говорят: до свадебных ли гуляний... Иные даже проклинают меня. А я что... от горя и играю. Не знаю, кто прав, а кто не прав.

КЯЗИМ. Ты об этом не думай, доченька. Сменяются день и ночь, сон и явь. Но и плач не будет плачем, если нет надежды на праздник. Все меняется, вслед за бедой приходят мир и радость. Но сначала поиграй здесь, пусть Забитхан немного забудется.

АСИЯТ. Как хорошо! *(Тут же стоя начинает весело и громко играть.)*

Из дома выходит Кашу, делает несколько танцевальных движений.

КЯЗИМ. Помню, как ты однажды станцевал в Шики. На свадьбе у Шаваевых... Еще не разучился?

КАШУ *(через открытую дверь в дом)*. Эй, карс! Хлопайте живее!

Звучат карсы - хлопанье в ладоши. Танцуют Кашу и Асият, из-за дома с ножом в руке появляется Шабданбай, затем Айна - ее руки в муке. Оба с восторгом смотрят на танцующих.

КЯЗИМ *(после того, как станцевали Кашу и Асият)*. Ну, теперь свободны. Играйте, танцуйте. Пусть невестка не грустит и не скучает.

Все, кроме Кязима, расходятся. Айна и Шабданбай уходят по своим делам. В доме звучит музыка. Танцуют.

Кязим, опираясь подбородком на рукоять своей палки, сидит в глубоком раздумье у постели Забитхан. Потом вздрагивает, как от неприятной мысли, оборачивается к больной. И в этой позе вдруг застывает, точно превратившись в камень. Танцы в доме усиливаются. Кязим собирается с мыслями, берет себя в руки, выпрямляется. Появляется Шабданбай. Он еще издали замечает неладное поспешно ковыляет к постели Забитхан.

ШАБДАНБАЙ. Что случилось?

КЯЗИМ. Пролилась последняя капля воды, которая была в этом мире предназначена для нее...

Увидев из открытой двери комнаты приумолкших Кязима и Шабданбая, Айна что-то уронила, подбежала к ним. Кязим сурово

предупреждает жестом, чтобы она не шумела.

Закрой ей глаза, доченька.

АЙНА *(не соображая и не осознавая еще случившегося).* Ой-вой!

ШАБДАНБАЙ. Молчи же! Тебе сказано, закрой ей глаза.

АЙНА *(тихо подходит к Забитхан, закрывает ей глаза, подтягивает одеяло).* Не дождалась, бедная.

ШАБДАНБАЙ. Что будем делать, аксакал?

КЯЗИМ. Покуда идет свадьба, покойница - наша гостья. Такие случаи не раз бывали в горах. Проводим гостей и предадим ее земле. А пока никто ни о чем не должен знать.

ШАБДАНБАЙ. Как же так?

КЯЗИМ. Так. Покуда не завершим дело молодых, никто не должен знать о случившемся.

АЙНА. Ой, странный, неподатливый мир! Какой она была... *(Еле сдерживая душащий ее плач, закрывает лицо руками).*

КЯЗИМ. Доченька, постарайся и эту нашу беду пережить.

ШАБДАНБАЙ. Тогда поставим кровать ее в нашей половине дома.

КЯЗИМ. Это правильно.

ШАБДАНБАЙ *(Айне).* Держи кровать. Держи с той стороны.

Айна и Шабданбай поднимают покойницу вместе с кроватью и несут в другую половину дома. Через открытую дверь видно, как они ставят кровать с Забитхан.

КЯЗИМ. Я прошу вас вести себя как ни в чем не бывало. Очень обижусь, если вдруг выдадите горе.

ШАБДАНБАЙ. Ладно. *(Уходит вместе с Айной.)*

Кязим плотно закрывает двери, переставляет к порогу свой низенький стульчик и садится перед дверьми так, чтобы никого туда не пропустить. Через некоторое время танцы прекращаются. Слышен песенный наигрыш гармони. Звучат голоса "Жантуган! Жантуган!" Голос Жантугана: "Тогда слушайте. Только не для свадьбы эта песня..." Поет.

Ай, горы Кавказа, где вы остались!
Глядя вдаль, о, люди, рыдайте!
Начну рассказ о гонимом Карачае,
Плачьте все, кто меня услышит,

Народ, обреченный на скорбную участь,
Слезы кровавые проливает.

Широкие двери вагонов тюремных
Цепями кандальными перекрыты.

Врагу испытать бы такую обиду,
Миром не виданную в веках!
За один божий день, за один краткий миг
Ни души не оставлено в Карачае.

Быки томятся с неснятым ярмом,
Дичают кони на лугах зеленых.
Нас, горемычных, везут, как скотину,
Не разбирая ни малых, ни старых.

В узких проулках брошены
Золотые нагрудники и пояса.
Отцы - в тюрьмах, парни - на фронте,
Жены и дети - в пути.

Не разобрать, кто жив, кто умер,
В тесных и темных клетках-вагонах,
Ай, смелые парни - сила народа -
Горят на войне, как поленья в огне.

Это бедствие нам наслали
Кровожадные Гитлера бестии.
Горцев, от голода мрущих,
Принимают казахские степи.

Глядя на нас, горестно тают
Снега киргизских вершин.
На каторжной стройке канала
Гибнут дочери Карачая.

Ручеек, прорезающий скалы,
Пусть кровавым потоком станет.
Тот, кто обрек нас на горе такое,
Пусть трупом неузнанным станет.

Наши собаки воют тоскливо,
В осиротевших аулах зверея.
До скончания дней не найдется бальзама
Для ран, что у нас на сердце.

С тех пор и трава не растет
На родных наших горных лугах.
Ай, потеряв друг друга в дороге,
Плачут и дети, и матери.

Нареку я кавказским названьем
Гору любую на нашем пути.
Это насилье не останется в тайне,
Пока не умрет Советская власть.

Как овец, нас в отару сгоняют
Злобные коменданты, майоры.
Неправое дело, товарищ Сталин,
При жизни своей исправишь?

Злой силой гонимых по злому указу,
Аллах справедливый, спаси!
Давший нам жизнь на зеленом Кавказе,
Не отнимай ее в желтой степи.

После песни и в доме, и во дворе воцарилось тяжелое молчание. Потом, словно с силой оторвавшись от заколдовавшей его стихии песни, Кязим встает с места. Видно, как слезы текут в бороду. Он хочет поблагодарить Жантугана. Из дома выходят Кашу, за ним Жантуган. Кязим, не совладав с волнением, садится на свое место.

КАШУ. Такая песня! И я тешу себя тем, что пишу стишки! Вот поэзия. Талант народа беспределен. Сам сочинил?

ЖАНТУГАН. Нет. В карачаевском селении Сартюз жил знаменитый певец Абугали Узденов. Песню эту сочинил он.

КАШУ. А кто может остановить песню? Нет, никто. А народ, создающий такие песни, разве этот народ пропадет? Нет, никогда! Мне стыдно за недавнее свое малодушие.

ЖАНТУГАН. Неужели Кязим уснул? Сидит, как неживой. *(Подходит к нему).* Кязим... Как себя чувствует больная?

КЯЗИМ *(совершенно не двигаясь, как заговоренный).* Изменений нет. Было душно, жарко, в дом отнесли...

ШАБДАНБАЙ *(появляясь из-за дома).* Мясо сварилось.

КЯЗИМ. Аллах милостив, не пришлось совершить некях без курманлыка. Жантуган, благослови молодых, заключи их брак. Нельзя, чтобы беда заставляла нас позабыть обычай.

ЖАНТУГАН. Дело привычное. *(Уходит в дом.)*

Шабданбай выносит низенький круглый стол, ставит перед Кязимом.

ШАБДАНБАЙ. У вас не принято есть за досторконом[1]. Если нет стола, вы неуверенно себя чувствуете. Вот и нашел. Пусть жертва будет к добру. *(Уходит за дом и приносит войлок для сиденья. Снова уходит и возвращается с большим подносом мяса).*

КАШУ. Кязим, мне пора. Если разрешишь, я пойду. Дорога дальняя.

КЯЗИМ. Отведаешь от курманлыка, пойдешь. Садись.

КАШУ. Мы там хорошо поели, как до войны. Я еще приду, Кязим. Я повезу тебя в город Фрунзе. Это очень красивый, добрый город. Там живут замечательные киргизские писатели. Есть у них и такой поэт, как ты, - Токтогул. Великий был шайыр[2], но и его гнала судьба по свету.

КЯЗИМ. Живы будем, все будет хорошо. А сейчас садись. Не отпущу, пока не отведаешь от курманлыка.

ЖАНТУГАН *(выходит из дома).* Такой брак над ними совершил, так соединил их руки и сердца, что вовек им не расстаться.

КЯЗИМ. Садись, Жантуган. Садитесь все. А там, в комнате новобрачных, накрыли на стол?

АЙНА. Да, Кязим. Там же со стороны огорода двери есть.

ШАБДАНБАЙ. В казахских кибитках мало богатств, но дверей всегда много.

ЖАНТУГАН *(беря кусок мяса).* Аллах, дай нам такую долю, чтобы сердца наши, сегодня сжатые тяжкой болью, забились свободно, чтобы со дня брака этих молодых людей для гонимого нашего племени путь домой открылся, чтобы тот, кто обрек нас на страдание, сам в огне страданий горел тысячи лет. Дай нам силу преодолеть поклеп и суд неправедный, увидеть своих гонителей слабыми, опозоренными, а счастливыми - тех, кто сегодня заботится о нас, как о родных и близких! Нас немного, и нас рассеяли по азиатским степям, но дай нам силу взрастить каждое наше зерно. Парням нашим быть стойким в этот час, дочерям нашим не потерять красоту и терпенье.

КАШУ. Девушки наши что надо!

ЖАНТУНГАН. Насильников пусть раскаяние постигнет, кара низвергнет их таким образом, чтобы они сами себя били, да не умирали скоро. Чтобы мы вернулись на родные нагорья, а они друг за другом последовали в долгокипящий адский котел!

ВСЕ. Аминь!

МАЛЬЧИК *(прибегает с улицы).* Сюда идет комендант.

---

[1] Досторком (кирг.) - кусок ткани, на котором собирают еду, иначе застолье.
[2] Шайыр - поэт.

Все застывают. Входит комендант. Он в чине майора. На боку пистолет.

КОМЕНДАНТ. Кто хозяин дома?
ШАБДАНБАЙ. Я.
КОМЕНДАНТ. Кто из переселенцев проживает здесь?
КЯЗИМ. О чем он спрашивает?
ШАБДАНБАЙ *(не отвечая Кязиму).* Живут здесь балкары. Колхозники.
КОМЕНДАНТ *(к Кашу).* Ваш пропуск?
КАШУ. Я не состою на учете, товарищ майор.
КОМЕНДАНТ. Документы!
КАШУ *(подает паспорт).* Пожалуйста.
КОМЕНДАНТ *(рассматривает документы Кашу, недовольно возвращает их).* А кто в доме?
КАШУ. У нас свадьба, майор. Радостный день. Садитесь за стол.
КОМЕНДАНТ. Я спрашиваю, кто в доме?
КАШУ. Вы, я вижу, служака, каких поискать!
КОМЕНДАНТ. Да, я на службе. И прошу мне не мешать. *(Шабданбаю).* Выведите из своего дома нарушительницу.
КАШУ *(встает перед комендантом).* Какую нарушительницу?! Девушка вышла замуж. Радоваться этому надо.
КОМЕНДАНТ. Отойдите. *(Грубо толкает Кашу.)*
КАШУ *(в гневе).* Тейри[1], чтобы ты женился на своей матери, нас тоже сюда не потому выслали, что мы не умеем толкаться! *(Схватив костыль Шабданбая, стоявший у стены, замахивается на коменданта. Кязим и Жантунган едва успевают удержать его. Дальше во всем продолжении этой сцены они так и держат его).*
ШУРА *(вышла из дома на шум).* Что здесь происходит?
КОМЕНДАНТ. Девушка в Киргизстане не явилась на расписку. При розыске оказалась в Казахстане. Таким образом грубо нарушила переселенческий режим. Я должен ее арестовать.
ШУРА. Товарищ майор! Свадьба! Пожалуйте в дом! Поздравьте молодых.
КОМЕНДАНТ. Гражданка! Не вмешивайтесь не в свои дела. *(Шабданбаю).* Прошу вывести из своего дома беглянку. Она будет осуждена без суда и следствия.
КАШУ. На это вы мастера - судить без суда.
КОМЕНДАНТ. Кто это "вы"?
КАШУ. Такие сволочи, как вы, майор!
КОМЕНДАНТ. С вами разберется трибунал.

---
[1] Тейри - верховное божество в мифологии балкарцев.

ШУРА. Вы шутите, майор? Это беззаконие!

КОМЕНДАНТ. Нарушен спецрежим переселенцев. Ваша подруга прекрасно знает, что нельзя без разрешения перейти из одного селения в другое. Знакома с постановлением, подписанным товарищем Молотовым.

Кашу вырывается, хочет что-то сказать, но ему не дают говорить.

ШУРА. Но вы... Вы не позволите себе этот... этот бесчеловечный, позорный поступок!

КОМЕНДАНТ. Почему же? Я нахожусь на службе.

ШУРА. Но здесь свадьба. Особый случай. Вы... вы майор Советской Армии. Вы сознаете, что творите?

КОМЕНДАНТ. Вполне! С врагами народа надо поступать так, как учит товарищ Сталин.

ШУРА. Неужели вы... забыли, что вы... человек?

КОМЕНДАНТ. Бросьте! Я комендант.

ШУРА. Тогда арестуйте и меня. Сначала меня, а потом ее.

КОМЕНДАНТ. Вы ответите за сочувствие к врагам народа.

ШУРА *(в слезах)*. Какого народа? Такого, как вы?

КОМЕНДАНТ. Хотя бы! За чистую душу, что ли, загнали их в казахстанские пески!

Никто не замечает, как Мадина выходит из дома и тихо идет туда, где должны стоять лошади коменданта.

МАЛЬЧИК. Я позову Мухтара.

МАДИНА *(тихо)*. Нет, не надо. Умоляю тебя, не зови.

ШУРА *(бежит к Мадине, обнимает ее)*. Мадиночка, родная, я буду с тобой. Я не отдам тебя этим бездушным зверям. *(Остается рядом с нею)*.

КОМЕНДАНТ. Вы арестованы и будете осуждены за нарушение переселенческого режима.

ШУРА. Боже мой! *(Плачет.)*

До этой минуты Шабданбай стоит, глядя на происходящее в его дворе как бы со стороны. Но когда Шура заплакала, а комендант направился к Мадине, грубо остановил его.

ШАБДАНБАЙ. Я демобилизованный солдат! Был однажды ранен. Я сражался с фашистами. И здесь никому не позволю обижать и без того обиженных. Таких дезертиров, как ты, гнать надо! *(Неожиданно*

берет коменданта за ворот и выталкивает на дорогу. Комендант, растерянный действиями инвалида, сначала не может даже сопротивляться, но через секунду берет себя в руки и вытаскивает пистолет из кобуры).

КОМЕНДАНТ. Я застрелю тебя, как укрывателя врагов народа!

ШАБДАНБАЙ. Стреляй, сволочь! *(Поднимает штанину, показывает протез.)* Стреляй!

МАДИНА. Я знала, что так будет. Ой, аллах, какой позор! Мальчик, найди Мухтара, отвлеки его, чтобы он вдруг не пришел сюда.

Мальчик убегает.

КОМЕНДАНТ *(убирая пистолет в кобуру).* Здесь дело посерьезнее, чем я думал. Оно не обойдется арестом одной беглянки. Ладно, разберется милиция. *(Быстро уходит.)*

ШУРА *(оставив Мадину, бежит за комендантом).* А когда разберутся... Когда разберутся с вами тоже... тогда вы застрелитесь! Если хоть на секундочку совесть проснется, вы застрелитесь!

КОМЕНДАНТ. Комсомолка, наверное! *(Уходит.)*

Из дома выходит М и с и р х а н. Она глядит на накрытый, но оставшийся нетронутым стол, хочет взять что-то со стола, однако удерживается. Потом, как бы пряча свое лицо от каждого, кто сейчас стоит во дворе, подходит к Мадине, горестно, виновато смотрит на нее. Отворачивается.

МИСИРХАН. Гитлер проклятый, Сталин треклятый! Ахмат, мальчик мой, не верь никому! *(Уходит той же дорогой, что и комендант.)*

КЯЗИМ. Теперь вам придется искать защиту в другом месте. Если есть в нашем мире еще хоть один человек, который может встать за справедливость... Издевательство над святым девичьим счастьем - позорнее и бесчеловечнее, чем глумление над целым народом... Всем вам аллах пусть подарит долгую жизнь, но Забитхан умерла. Надо успеть ее похоронить. А ты, Кашу, уходи, пока не нагрянула милиция с комендатурой. Уходи и ищи правду, если она еще есть где-нибудь.

КАШУ. Кязим! Я пойду, если даже придется идти по раскаленным штыкам. Пойду. Я Тихонова подключу, Фадеева. Я иду, Кязим. *(Уходит.)*

Воцаряется гнетущая тревожная тишина. Темнеет. Откуда-то тихо доносится забытая мелодия то ли гармони, то ли свирели. Чем гуще сумерки, тем слышнее музыка, и, кажется, она приближа-

ется именно по той дороге, по которой укатила повозка коменданта. Луч надежды засветился в той стороне, в которую уходит Кашу в поисках правды. А музыка постепенно переходит в энергичный походный марш. Слышны теперь и конский топот, и громкие отдаленные крики. Зазвучала и песня.

Земля разверзнется, и вспыхнет пламя,
Но революция не знает страха.
Какая армия в целом мире
Сумеет поспорить с нашей силой!

Никто никогда у нас не отнимет
Свободу, в боях добытую.
Против красных отрядов
Не устоят вражьи банды.

По земле шагаем, по воде плывем
И в небо орлами взлетаем,
Тучи метких пуль посылаем врагу,
Громом пушечным мир сотрясаем.

Топот копыт и песня отдаляются. Светлеет. Кязим стоит посреди двора. И вдруг - цокот подков, поблизости одинокий всадник. Входит М а г о м е т, сын Кязима. Одет в полувоенную одежду, на боку сабля, в руке - плеть.

МАГОМЕТ *(про себя).* Стоишь на чужом дворе... Высохшим деревом стоишь...

КЯЗИМ *(глядя в землю).* Арестована невестка наша... Мухтар, Шабданбай арестованы... Русская девушка ушла за ними. А мы с Жантуганом похоронили бедную Забитхан. Слепому и хромому досталось только погребение.

МАГОМЕТ. Отец, где народ?

КЯЗИМ *(не двинулся с места, не удивился, хотя и узнал сына).* Бедный мальчик... ни разу не показывался за все это время... С тех пор, как скосили тебя в Дагестане...

МАГОМЕТ. Тогда мы были как живые... Нас помнили. И об этом звучали твои песни. Наверное, в наших аулах шло большое строительство, потому что мы слышали громкие веселые голоса... Ныне же аулы стали безмолвнее наших кладбищ...

Кязим отворачивается от сына; Магомет замечает, что отец взволнован.

А помнишь... когда прокладывали дорогу от Нальчика к Безенги? Ты однажды пришел к строителям и прочитал стихи. Вечером посадили тебя на переднюю телегу, повесили флажки и - с песнями в аул. Теперь... Увечными ногами ковыляешь по раскаленным пескам в поисках близких... Как же мне лежать в могиле?

КЯЗИМ *(поворачивается к сыну, гладит рукой его лицо).* Сын! Когда ты упал с коня... долго ли мучился от смертельной раны?

МАГОМЕТ. Нет, отец. Я погиб за справедливую жизнь. За такую жизнь, о которой ты мечтал и которую искал. Я гордился тобою, ведь ты не останавливал меня, а благословлял мой путь. В тот день на площади, когда ты выступил перед уходящими в бой отрядами, ты говорил: "Берите оружие на радость живым". Ты понимал, что в руках у нас оружие свободы, а не оружие убийства и кровопролития. И погиб я, не жалея о том, что пошел по этому пути. И не проклинал смерть, не сожалел. Мы знали, что умираем за народное дело. А теперь... За что мы погибли? Я нашел тебя в этих степях и хочу спросить об этом. Зря, получается, мы погибли? Зря, если наша праведная кровь не смогла защитить народ от бесславной гибели! Что случилось, отец?

КЯЗИМ. Неразумный! Поверил, что мутная вода никогда не очистится, не отстоится...

МАГОМЕТ. В чем твоя вина? За что ты выслан из родной земли? За то, что благословлял Советскую власть?

КЯЗИМ. Земля везде одинаковая. И здесь люди живут, хорошие люди.

МАГОМЕТ. И в такой час ты, отец, ищешь утешение! Ты не был лицемером.

КЯЗИМ. Нужно терпенье. Нас только терпенье спасет в этой беде.

МАГОМЕТ. Терпеть злодеяние? Так почему ты не призывал к терпению, когда люди страдали от гнета царя, князей? Ведь страдали на своей земле?!

КЯЗИМ. А против кого сегодня пойдешь? Тех, против кого надо было бороться, ты уже поборол.

МАГОМЕТ. Значит, все было зря, отец? Ты ошибался, когда верил, что все люди, все народы будут равны! Нас обманули?

КЯЗИМ. Не знаю.

МАГОМЕТ. Если и ты не знаешь, тогда у кого спрашивать? У кого будет спрашивать народ? Скажи, отец.

КЯЗИМ. Народ? Народ найдет, у кого спросить, если он останется народом.

МАГОМЕТ. Меч, который ты выковал для меня, еще со мной. Тот меч, который ты закалял для революции. *(Вытаскивает саблю из ножен, поднимает вверх).* За правду и свободу я поднял его однажды! Я подниму его еще раз за поруганную честь моего народа.

КЯЗИМ *(в отчаянии).* Вложи меч в ножны! Тогда нужен был меч - и я ковал[1] мечи! Теперь наше оружие - терпенье. Я вам только терпение завещаю. Ты слышишь, малодушный, терпенье!

МАГОМЕТ *(горячась).* Ты это говори камням, отец! Камням говори! Говори это камням в Шики! Это они могут терпеть такое!

КЯЗИМ. Камни? Ты очень молодым отбился от рук. Не успел достаточно набраться ума.

МАГОМЕТ. Вздор, значит, говорю?

КЯЗИМ. Не мужское слово это. Думаешь, камень выносливее человека? Очень ты меня огорчил, сынок. Довольный тобою, я сочинил песню о тебе. Не побоялся, что люди могут пристыдить меня за это. Могли ведь сказать: Кязим с ума спятил, о собственном сыне песню сочинил. Но ведь утешал себя мыслью, что ты не за себя, а за справедливость отдал молодую душу. Теперь сожалею об этом. В такой день ты мечом размахиваешь! Пустые слова говоришь.

МАГОМЕТ. Что мне делать? Я не могу лежать в своей могиле...

КЯЗИМ. Не учился, необразованным остался, вот в чем беда. Просил тебя: учись. Но голова твоя горячая другим была занята. И вот неведомы тебе извечные мирские законы. Испытание, беда не дается ни одному народу избранно, и не испрашивает судьба согласия народа на тяжкое испытание. Малый народ или большой, он не заговорен от горя и страданий. Но разве тот народ, который не умеет в беде туго затянуть пояс и крепче стиснуть зубы, может считать себя народом?

МАГОМЕТ. Каково теперь, когда дают по шее! Странные у тебя ныне назидания.

КЯЗИМ. Это верно. Нельзя терпеть, когда по шее дает враг. Это дело труса, раба. Но ведь злое наваждение в том, что по шее тебя ударил не враг. Унижение тебе приносит та власть, которую установил сам и в которую веришь. Тот, кто играет мечом в своем доме, тот никогда не испытывает радость победы.

МАГОМЕТ. Пусть и в своем доме, если испытываешь такое унижение, которое даже враг не способен учинить.

КЯЗИМ. Ты знаешь разве, кем завязан этот узел?

МАГОМЕТ. Если бы знал!

КЯЗИМ. Да, не знаешь. И я не знаю. Чтобы узнать, надо терпеть. Придет время. А оно мудрее, отважнее всех других судей. Оно поставит все на свои места. И ты спрячь меч свой. Один раз ты поднял его, достаточно. Тогда ты защитил свой народ, его будущее. Если поднимешь вновь, то погубишь его.

МАГОМЕТ *(вкладывает саблю в ножны, подходит медленно к отцу, в волнении обнимает его).* Смерть настигла меня на чужбине.

---

[1] Кязим Мечиев был кузнецом.

Я боюсь, что и ты останешься вдали от своих скал.

КЯЗИМ. Я сказал, земля - везде земля... А кто в этом мире не претерпел тяжкую долю? Души наши будут вместе.

Наступает темнота. Когда снова становится светло, Кязим стоит на своем прежнем месте. Магомета здесь будто и не бывало.

Астофирулла... Астофирулла... Аллах, ты могуч. Все свершилось, иссякла и моя вода. Думал, Солтанхамид случайно явился ко мне во сне, зря я себя обманывал. Теперь пришел и Магомет. Они ходят по мою душу. Ну, да о чем жалеть, немало жил, немало повидал. Доволен жизнью. Хотя она и заставила не раз волком выть, горькую свою чашу испивать. Было бы только кому глаза мои закрыть.

МАЛЬЧИК *(прибегает).* Дедушка, я до конца села добежал, у людей спрашивал, даже у Асият спросил. Нигде никто ничего не знает.

АЙНА *(выходит из дома с чашей в руке).* Скушайте жармы.

КЯЗИМ *(взяв чашу из руки Айны).* Пусть Аллах и тебя одарит, доченька. *(Протягивает чашу Мальчику).* Пей, Ахмат.

МАЛЬЧИК. Нет, дедушка, сначала пей ты.

КЯЗИМ. Сначала должен пить тот, кто младше. Обычай таков.

МАЛЬЧИК *(быстро берет чашу, жадно пьет).* Пить еще?

КЯЗИМ. Пей, пей.

МАЛЬЧИК *(оставив на дне чаши еще немножечко, хочет предложить Кязиму).* Дедушка, ты очень голоден?

КЯЗИМ. Совсем нет, Ахмат. Я совсем не голодный.

МАЛЬЧИК. А что ты ел?

КЯЗИМ. Ты не видел, я покушал. Пей, пей.

МАЛЬЧИК. Нет, дедушка. Теперь пей ты. Мне хватит. *(Передает чашу Кязиму.)*

КЯЗИМ *(выпив то, что было на дне чаши).* Богатой будь, доченька. Ты заботишься о бедных сиротах. Аллах да пусть вознаградит тебя.

АЙНА *(взяв обратно пустую чашу из рук Кязима).* Шабданбай не возвращается. Что с ним стало, отец?

КЯЗИМ. Аллах пожалеет тебя. Неужели нет в этом мире ни одного мужчины, кто преградил бы дорогу злу? Они ведь только радости хотели, справедливости... Вот и получили на всех... И Шабданбай, и невестка, и Мухтар... Да, видно, и горячий Кашу угодил туда же.

АЙНА. Как теперь мне прокормить сирот? Шабданбай хотя и был безногим, он был мужчиной. *(Уходит в дом).*

КЯЗИМ. Теперь мы отправимся в путь, Ахмат! Возьмемся за руки и пойдем. Мы с тобой найдем то, что ищем. Пока я жив, будем вместе, а когда умру, пойдешь сам.

МАЛЬЧИК. Ты не умрешь. Я не хочу, чтобы ты умер.

КЯЗИМ. Мир велик, и дорога вечна. Пошли, малыш.
МАЛЬЧИК *(решительно взяв за руку Кязима).* Пошли, дедушка.

Темнеет. Слышится вой ветра. Где-то поднимается песчаная буря. Плачет заблудившийся журавль. И стихи, которые звучат вдогонку Мальчику и Старику, кажется, тоскливо напевает ветер.

Душа моя - птица,
Она устремится в небо.
А тело мое войдет в землю,
В темное чрево могилы.

Примет меня земля,
Мое тело станет землей.
Но птицу души моей
Узнают строгие судьи.

Услышат слово мое,
Оценят песню мою.
И скажут: "Простим прегрешенья
Мученику-Кязиму..."

Признание светлым лучом
Проникнет в темень могилы.
Все то, что сказал я в жизни,
Было чистого сердца словом.

Но если я и оттуда
Увижу народные беды
И кровоточащие раны,
То вновь я умру и в раю...

По степному бездорожью, охваченному песчаной бурей, идет К я з и м, тяжело опирающийся на свою палку. Рядом, цепляясь за его рваный бешмет, шагает М а л ь ч и к.

МАЛЬЧИК. Давай вернемся назад.
КЯЗИМ. Нет, Ахмат. Нет, дитя мое. Нам нельзя возвращаться назад.
МАЛЬЧИК. Как воет ветер! Видишь там песчаные горы впереди?
КЯЗИМ. Вижу, сынок. Надо идти.
МАЛЬЧИК. Я больше не могу.
КЯЗИМ. Не бойся, дитя, Мы дойдем.

МАЛЬЧИК. Ты мне обещал, что вернется моя мама. Дедушка, почему ты меня обманул? Я знаю, она умерла.

КЯЗИМ. Ай ты, глупый мальчишка. Малодушный человек. Разве ты не видел умерших? Ты даже помогал нам рыть могилу, когда хоронили Забитхан. Как же иначе? Ты же мужчина. А других умерших ты видел?

МАЛЬЧИК. Видел.

КЯЗИМ. А когда умерла мать?

МАЛЬЧИК. Нет, как умерла мать, я не видел. Во сне много народу собралось. А когда проснулся, никого не было.

КЯЗИМ. А потом?

МАЛЬЧИК. Я побежал на кладбище...

КЯЗИМ. Ну, нашел там могилу матери?

МАЛЬЧИК. Нет. Там свежих могил было много.

КЯЗИМ *(обняв Мальчика).* Не бойся, малыш. Мама твоя жива. Она вернется.

Мальчик прижимается к Кязиму и тут же на ходу засыпает. Кязим останавливается, садится.

Уснул, бедняжка. Аллах, какая судьба мне была предписана! Говорили, Аллахом избранный я ребенок. Значит, своих избранных он так мучает из любви? Заставляет испытать адские муки здесь, в этом мире? Гореть... Гореть... Гореть... Когда у меня был сон? Когда была явь? А правда? Когда была правда, а когда ложь? Аллах, сколько дорог я прошел, сколько бед испытал, чтоб разобраться, где начинается справедливость, а где набирает силу насилие? Сколько стран исколесил, сколько книг прочитал... И эта дорога... Последняя, стало быть... Как воет ветер... И засыпает песком глаза мои... Дойду ли до крепости, где заключена справедливость? *(Через некоторое время).* Пятеро сирот остались на попечении одной казахской женщины. А мужа с деревянной ногой арестовали... И если не вернется Мухтар, какова будет ее судьба? И как она взвалила на себя эту ношу... Без содроганий, без ропота... А я ищу крепость, где заключена справедливость... Аллах, что за мир ты создал? Как ты смешал горе с радостью, величие с низостью... Для чего? Как-то я писал, давно это было: "Народы не приемлют вражду между собой..." А что такое народ-враг? И Кязим - враг народа? И есть ли среди людей пророк, который мог бы мне это объяснить? Или же... Или же все это снова не явь, а сон? Если присмотреться, то правда во сне и приходит. А наяву - смерть, беды, насилие... Но есть ли различие между злом прежним и нынешним? Аллах, ведь правду изрекала слабая русская девушка! А комендант... немолодой, видевший жизнь человек, кичился тем, что был при оружии! Торже-

ствовал над беззащитными людьми. Аллах, где же твоя сила? Твой праведный гнев? *(Обняв Мальчика, прилег на обочину дороги).*

Свет то вспыхивает, то гаснет, точно мерцание далекой звезды. Воет ветер, и вновь слышатся стихи.

Серый камень сорвался с утеса,
В мрачной бездне остался лежать...
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять...

Я молю тебя, господи, ныне,
Лучше в камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати...

Появляется Н и щ и й. Он идет, с трудом преодолевая сопротивление ветра. Оттого, что он очень ослаб, его нищенская сума кажется тяжелой. Увидев издали лежащих на обочине Мальчика и Старика, он сначала принимает их за степных шакалов и настороженно поднимает свою палку. Но лежащих можно принять и за серые камни, потому что они неподвижны. Постояв, Нищий шагает к ним, а когда приблизился, Мальчик проснулся.

МАЛЬЧИК. Тише, дедушка спит.
НИЩИЙ. Я передохну рядом с вами. Вы куда путь держите?
МАЛЬЧИК. Мы? Мы идем освободить заключенных.
НИЩИЙ. Заключенных?
МАЛЬЧИК. Ну да. Мухтара, Мадину, Шабданбая... Всех!
НИЩИЙ. Всех не сможете.
МАЛЬЧИК. Почему?
НИЩИЙ. Потому что их много.
МАЛЬЧИК. Пусть. Мы дойдем до крепости, где живет справедливость. Освободим ее, а она уже освободит всех.
НИЩИЙ. В крепости справедливости живут только нищие.
МАЛЬЧИК. Неправда! Там живут большие люди. Если б не так, дедушка меня туда не вел бы.

Нищий взглянул и узнал Кязима.

НИЩИЙ. Он добрый человек. Его рубль спас меня от голода.
МАЛЬЧИК. Нищие только по дорогам бродят.

НИЩИЙ. Подрастешь, поймешь. *(Нищий ложится рядом с Кязимом).*

Мальчик продолжает стоять, подставив грудь ветру. Кажется, он оберегает сон спящих. Снова в вое ветра слышатся стихи.

Каменной глыбой страданья сдавлено сердце,
Беды мои тяжелы, как скалы на склоне Шики.
Буду и здесь я лежать, от тревог не свободный,
Горькое горе людское будет раны мои бередить.

Пользы нет от молитв и смиренья,
И могилу мою занесут чужбины пески.
Вам, живым, завещаю: живых берегите,
Справедливость и честь возродятся, поверьте.

Вой ветра как бы переходит в женский плач. Вдали появляется неясная тень. Мальчик то выпрямляется, напряженно вслушиваясь, то сгибается под напором ветра.

МИСИРХАН *(она еще не видит Мальчика).* Ахма-а-а-т! Ой, чтоб залиты были водой железные дороги!

Мальчик медленно отступает, спотыкается и садится на землю. Просыпаются Кязим и Нищий. Они встают и, узнав женщину, переглядываются.

КЯЗИМ *(нагнувшись к Мальчику, который в эту минуту путается в его ногах).* Ахмат, встань. Вот, пришла твоя мама!
МАЛЬЧИК *(медленно встает, как бы вырастает из земли).* Где?
КЯЗИМ. Слушай.

Женщина то появляется, то исчезает, словно гонимая ветром.

МИСИРХАН. Гитлер проклятый, Сталин треклятый! Ты не забудь, Ахмат, ту песню, которую учил на Кавказе...
КЯЗИМ. Слушай.
МИСИРХАН. Ахма-а-т! Я боюсь, в степи много шакалов...
КЯЗИМ. Узнал?
МАЛЬЧИК. Келин! Ой, Келин! Мама!

Появляется М и с и р х а н. *Мальчик рвется к ней, но Кязим его удерживает.*

КЯЗИМ. Ты же мужчина, если ты так будешь кричать, она испугается. Вдруг и ума лишится. Пусть она идет сюда.

Мисирхан узнает сначала Нищего. Она машет руками так, словно хочет избавиться от скверны. Мальчик прижимается к Кязиму. Потом она узнает Кязима. Лицо ее светлеет. Кязим тихо толкает Мальчика к ней. Мальчик с криком "Келин! Мама!" бросается к Мисирхан и обнимает ее. Мисирхан опускается перед Мальчиком на колени.

МИСИРХАН. Каким большим ты стал, Ахмат! *(Начинает исступленно целовать его руки, лицо, волосы).* Почему не приехал сразу?

МАЛЬЧИК. Теперь я ни на шаг от тебя не отойду, мама! Вот только мне надо с дедушкой добраться до крепости справедливости и освободить Мадину с Мухтаром, и все. Буду всегда, всегда рядом.

МИСИРХАН *(прижав его к себе).* Нет, Ахмат. Не отпущу.

КЯЗИМ. И правильно. Ты, малыш, пойдешь с матерью. А я сам доберусь. Мне уже недолго осталось...

МАЛЬЧИК. А если тебе в пути будет страшно? Нет, я пойду с тобой.

МИСИРХАН. Пошли домой, пошли. *(Кязиму).* Иди своей дорогой, старый человек. Не старайся отнимать у меня сына.

МАЛЬЧИК. Мама, а он отдал мне хлеб, который принесла ты. Он добрый, а ты ругаешь его.

МИСИРХАН. Пошли домой, пошли.

КЯЗИМ. Я благословляю вашу дорогу. Идите с богом. Прощай, Ахмат. Не обижай маму, если даже тебе будет очень трудно.

МАЛЬЧИК. Я буду ее любить.

Мисирхан уводит Мальчика. Кязим долго смотрит им вслед, молится. Вдруг хватается за сердце. Нищий поддерживает его.

КЯЗИМ. Пошли, божий человек.

НИЩИЙ *(достает из сумы фляжку, дает пить Кязиму).* Твой рубль спас меня от голода.

КЯЗИМ. Думаю, не дойти мне до крепости справедливости. Но и домой дорога мне отрезана. Как бесславно кончается моя жизнь! Лучше бы родился камнем на склонах Шики. На забор какой пригодился бы. *(Старается идти).* Помнишь ли, божий человек, спор пророка Аюба с Аллахом? Раз за разом терял Аюб все, что имел: скот свой, семью, землю, здоровье... Но не отчаивался, терпел. Доходил до такого состояния, когда нарывы своего прокаженного тела выскребал лож-

кой. Но терпел и терпением своим и праведностью одолел Аллаха. И дьявола он одолел своей правотой. Тогда Аллах вернул ему все: скотину, семью, земли его... И я спорил с Аллахом на своем веку немало, но беды, ниспосланные им, принимал безропотно. И не меньше пророка Аюба я терял. Но ничего аллах мне не вернул. Значит, неправедным был... Неправедным был я, горемычный...

Кязим не может идти, падает.

НИЩИЙ. Я снова слышу твои стихи. Ветер воет, а я слышу твои стихи. Ты о чем пел?

КЯЗИМ. Лучше спроси, о чем плакал...

Вдали слышатся голоса.

- Дороги заметены песком, где искать следы...
- Ты иди, солдат, левее, а мы посмотрим в той стороне...
- Кажется, я вижу...

КЯЗИМ. Ты молиться умеешь, божий человек?

НИЩИЙ. Коран нищего - его сума. Как же иначе собирать милостыню?

КЯЗИМ. Помолишься за меня. Похоронишь тут у дороги...

НИЩИЙ. Не спеши, старик. Слышишь людские голоса? Тебя ищут.

На краю дороги появляется К а ш у. Увидев лежащего и стоящего, он быстро идет к ним. Узнав Кязима, опускается перед ним на колени.

КАШУ. Кязим! Ты живой! *(Стряхивает песок с Кязима).* Кязим, народ тебя ищет. *(Поднимает голову Кязима, кладет себе на колени).* Кязим, ты узнал меня? Я вернулся...

КЯЗИМ. Ты освободил арестованных?

КАШУ *(помолчав, неуверенно).* Да.. Но...

КЯЗИМ. Ты не выполнил мою просьбу.

КАШУ. Я сделал все, что мог. Я был у двух наркомов внутренних дел - Казахстана и Киргизии. Обещали помочь... Но в наше время и наркомы боятся.

НИЩИЙ. Чем выше человек, тем больше и страх.

КАШУ. Я в изоляторе увидел невесту... У нее седые волосы...

КЯЗИМ. Меня похороните здесь, у дороги. Я шел всю жизнь, но не дошел до истины... Меня похороните у дороги. Надо мной будет выть ветер.

КАШУ. Ты сам станешь ветром, летящим над миром.

КЯЗИМ. Я верил, что любовь слетает к нам, подобно птице рая. Но жестокий век, не достойный девичьей любви, посмеялся надо мной. Люди ослепли и крутят мельницу зла.

КАШУ. Это тот комендант... палачи Берии.

КЯЗИМ. Тяжко умирать, видя, как народы, подобно отарам овец, покорно ждут кровавого ножа, занесенного над ним. Овцы видят своего убийцу, но покорно и безысходно ждут своего часа.

КАШУ. Кязим, пошли отсюда. Я возьму тебя на руки и понесу.

КЯЗИМ. Нет, Кашу. Я ухожу туда, откуда возврата нет. Ко мне приходили Солтанхамид, сын мой Магомет. А нынче... являлся во сне Локман-хаджи.

КАШУ. Кто это - Локман-хаджи?

КЯЗИМ. Был такой ученый добрый человек в горах. Мудрый, спокойный Локман. Он издавал первую мою книгу в Темир-Хан-Шуре, странствовал со мною по Востоку...

КАШУ. Но ведь он...

КЯЗИМ. Я давно живу во сне. Наяву у меня все наоборот: ложь - истина, зло - добро. Теперь я ухожу. Порядок мироздания нерушим: старые уходят, молодые остаются.

КАШУ. Нет, Кязим, нет. *(Словно силясь вырвать его у смерти, прижимает к себе).* Какой ты легкий, Кязим! Будто ангел, спустившийся с неба.

КЯЗИМ. Хоть и был я увечным, а по земле ходил легко. Но старость любого пригибает к земле. Вот, Кашу, давно у меня в голове гнездится такая боль... *(После трудной паузы).* У каждого народа - свой бог. Этот бог - родина. Тот, кто не поклоняется родине, не станет и святыне поклоняться. Ты будешь писать. Стихотворцу лесть только вредит. Учи свой народ единству и терпению. Терпение и единство - как два крыла, помогут вам и с малыми силами оставаться людьми и сохранить себя как народ. Не поддавайтесь малодушию, земля всюду добра.

КАШУ. Кязим! Я мечтал прочитать тебе свои военные стихи...

КЯЗИМ. Знаю, они правдивы. Я доволен тобою. И трудной своей судьбой доволен: у очага моего останется ученик, который не даст погаснуть огню. Но и тревожусь о жизни твоей.

КАШУ. Почему, Кязим?

КЯЗИМ. Она будет непростая у тебя, нелегкая...

КАШУ. Я слушаю тебя, Кязим.

КЯЗИМ. Большой человек у малого народа всегда оказывается под рукой. А того, кто всегда под рукой, трудно видеть во весь рост. Поэ-

тому будешь счастлив не славой, а тем, что всегда людям необходим. И не льсти себя надеждой на личное благополучие.

КАШУ. Почему, Кязим?

КЯЗИМ. Покуда в мире много трещин, ни один мастер не должен быть спокоен. Тебя женщины будут любить, и народ наш, и земля... Вот в чем будет твое счастье. А счастье мирного, спокойного очага - это удел других...

НИЩИЙ. Лучше отнести его в какой-нибудь аул.

КАШУ *(встает с Кязимом на руках).* Я понесу! Я всех согбенных чужбиной соберу...

КЯЗИМ. Положи меня на землю.

КАШУ. О Кязим! *(Плачет.)*

КЯЗИМ. И еще. Завет мой один... Я опекал одного Мальчика. Теперь его судьбу поручаю тебе. Женщина, потерявшая в беде ясность ума, вряд ли сможет вырастить его таким человеком, каким я хотел бы его видеть. А глаза Мальчика говорят - большое сердце в нем заложено. Ты помоги ему учиться. Пусть историком станет.

КАШУ. О Кязим! Улыбка твоя гаснет.

КЯЗИМ. Мне на моем веку долгие дороги были предписаны. Похороните меня здесь.

КАШУ. Золотая свирель моих нагорий! О, Кязим!

КЯЗИМ. Я слышу клекот орлов над Безенгийской стеной...

Кязим умирает. Нищий опускается рядом с ним на колени, закрывает ему глаза, молится. Кашу разрыдался, и плач его уносится степным ветром. Он поднимает тело Кязима на руки и уходит. За ним плетется Нищий.

Перевод с балкарского М.ЭЛЬБЕРДА

РЕЖИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

Исторический очерк

Директивы Берия устанавливали для переселенцев особый строгий режим и изоляцию - создавался искусственный барьер между высланными и местным населением. Так, между населенными пунктами, районами, областями, помимо шлагбаумов, комендатур, стояли и вооруженные посты внутренних войск, а на границах союзных республик и краев были воздвигнуты своеобразные "китайские" стены.

Все поезда, автобусы, автомашины и даже гужевой транспорт подвергались тщательной проверке, чтобы ни один переселенец не мог выехать без ведома коменданта НКВД с места поселения, даже если этого требовали его служебные дела.

Все пункты поселений были разбиты на десятидворки. В каждой назначался старший, который отвечал за наличие переселенцев и регулярно отчитывался перед комендантом. Помимо этого каждый взрослый спецпереселенец должен был в определенные сроки посещать комендатуру и расписываться в специальном журнале. На содержание контролирующего аппарата по линии Министерства внутренних дел тратились немалые государственные средства.

Если у шлагбаума комендант останавливал обыкновенный автобус с пассажирами и на вопрос "Есть ли здесь чужие?", подразумевая под "чужими" спецпереселенцев, получал отрицательный ответ, в с е пассажиры подвергались проверке. Если при этом обнаруживался спецпереселенец - его подвергали задержанию и затем штрафу, в лучшем случае, а обычно - репрессии.

Коменданты, наделенные бесконтрольной властью над людьми, нередко проявляли себя мягко говоря самодурами. К примеру, комендант селения Каракундуз Джамбульской области Казахской ССР арестовал невесту во время свадьбы за то, что она вышла замуж без его

ведома, то есть не испросив у него разрешения. А вот пример другой: 2 мая 1948 года в Карагачевой роще - месте гуляний и маевок жителей города Фрунзе, столицы Киргизской ССР - собрались друзья и родственники, среди которых были и кавказцы, в том числе спецпереселенцы. Пели родные песни, играли родную музыку, в частности лезгинку. В разгар веселья прибыл спецвзвод войск НКВД во главе с капитаном и начал проверку документов. Не выявив нарушений, капитан запретил играть лезгинку и петь, назвав это "бандитской музыкой". Подобные примеры не единичны.

Спецпереселенцы возмущались, протестовали, но все это не имело смысла. Обращались к Сталину с официальными - персональными и коллективными - письмами, прося его прекратить издевательства над людьми, исправить допущенную в отношении репрессированных народов дискриминацию. Авторы этих писем рассматривались как враги народа, как люди, выступающие против мероприятий партии и правительства, и подвергались репрессиям. Так, офицер Советской Армии, награжденный за участие в Великой Отечественной войне многими боевыми орденами и медалями, А.Соттаев за подобное письмо Сталину был осужден на 25 лет лишения свободы. За те же "проступки" были арестованы балкарцы Башиев и Караев - первый из них умер в тюрьме, второй освобожден после 1953 года.

Ограничениям и репрессиям подвергались и представители других национальностей, связавшие свою судьбу со спецпереселенцами - вышли замуж и женились. Много женщин - русские, украинки, белоруски, кабардинки, осетинки ... - "опрометчиво" вышли замуж за чеченцев, калмыков, ингушей, балкарцев, карачаевцев, немцев... В момент выселения им предлагалось отказаться от семьи, чтобы остаться на свободе. Иначе они подвергались общей со спецпереселенцами участи. Случалось, семьи разрушались, дети оставались без матерей, так как должны были оставаться с отцами. Овдовев на спецпереселении, женщина "незапятнанной" национальности с трудом освобождалась от спецучета...

Местное население перед прибытием эшелонов с переселенцами получало установку - не общаться с ними, не пускать в свои дома, не помогать им ни в чем по причине их "неблагонадежности". Это создавало для устройства спецпереселенцев дополнительные трудности. К примеру, на постоянное место жительства в Казахскую ССР в 1943 - 1944 годах было ввезено 114 484 семьи (507 480 человек), в Киргизскую ССР - 137 298 человек. Из них мужчины составляли 18 процентов, женщины - 29,1 процента, остальные были дети (52,9%). Бытовое устройство такой массы людей требовало огромных усилий, средств и кропотливой работы с населением. Самым сложным оказалось решение жилищного вопроса. На 1 сентября 1944 года на 31 000

семей приходилось около 5 000 крыш. Это в Киргизии. В Казахстане около 64 тысяч семей проживали в порядке уплотнения, остальные оставались под открытым небом. Считались устроенными семьи, живущие по 10 человек на площади в 6 - 12 кв.метров.

Материальное положение переселенцев было таким же. Запасов, как продовольственных, так и промышленных, никто не имел. Те, кто попадал в Сибирь или на север Казахстана, попросту замерзали, не лучше чувствовали себя и те, кто попадал в южные районы Средней Азии, ибо резко континентальный климат этих мест очень отличался от мягкой и теплой погоды родных гор. В результате смертность переселенцев превосходила нередко половину - умирало до 70% людей.

Необходимо понимать, что переселенцы понесли не только материальный и физический урон, но и значительный моральный: люди болезненно переносили утрату личной свободы и гражданских прав. Никто из переселенцев не мог быть избранным ни в местные, ни в верховные советы, нередко коменданты своей волей лишали переселенцев права голоса, молодежь не принимали в комсомол, в партию, не допускали на руководящие должности, на преподавательскую работу - при крайней недостаче учительских кадров на местах. Родной язык фактически запрещался, прекратилось издание книг на родном языке, а следовательно, всякое развитие национальной культуры. Об этих народах запрещено было упоминать, не то, что рассказывать об их жизни в прошлом и тем более в настоящем. Деятели национальной культуры, творческая и научная интеллигенция этих народов была поставлена вне жизни, использовалась не по назначению. К примеру, известный балкарский поэт, фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны, орденоносец Керим Отаров работал в красильном цехе Фрунзенской трикотажной фабрики, а Кайсын Кулиев - тоже фронтовик и орденоносец - длительное время не мог нигде трудоустроиться. Список этот можно продолжить.

С годами трудолюбивые спецпереселенцы получили признание местного населения, сдружились с ними, но одновременно режим ужесточался сверху. В 1948 году вышел новый Указ за подписью Молотова, утвердивший еще более строгий режим для спецпоселенцев. По этому Указу были взяты на спецучет все участники Великой Отечественной войны, принадлежавшие к репрессированной национальности. Дети переселенцев, особенно в сельской местности, фактически потеряли возможность учиться. В 1944 году в Казахстане из 50 329 детей школьного возраста обучалось немногим более 6 000. В Киргизской ССР в 1945 году из 21 015 детей училось только 6 643. Во многих населенных пунктах работали только начальные школы, семилетних было втрое меньше, а десятилеток насчитывалось единицы. А поскольку передвижение ограничивалось...

Правовая незащищенность спецпереселенцев приводила к тому, что часть местного населения чувствовала безнаказанность в издевательстве над спецпереселенцами. Нередко дело доходило до драк, убийств, провокационных оскорблений. К примеру, в июне 1946 года в селе Покровка (Ленинский район Северо-Казахстанской области) местные жители убили одного ингуша, а троих жестоко избили. Колхозники сельхозартели "Коминтерн" (Калининский район Киргизской ССР) учинили над спецпереселенцами самосуд, в результате чего были двое убиты, а третий тяжело ранен. В колхозе имени Фурманова (Петропавловский район Северо-Казахстанской области) 7 января 1946 года бывший председатель колхоза М. Рябенко, лесник В.Курченко, будучи пьяными, с криками: "Бей ингушей, бандитов, изменников родины!" - ворвались в дом колхозника С.Кодзоева, избили его и бывшего у него в гостях Торшхоева, выбили окна. Естественно, свободолюбивые кавказцы долго не терпели и начали давать сдачу, защищать себя и свои семьи, что обернулось против них же. Примеров здесь можно привести бесконечное множество. Пострадавшие спецпереселенцы во всех случаях официальными властями представлялись зачинщиками всех драк и конфликтов, бандитами и т.д. Власть имущие расправлялись со спецпереселенцами по собственному разумению - произволу не было пределов. Вот типичнейший пример. Председатель колхоза "Кем-Арык" Таласского района Осмоналиев систематически избивал спецпереселенцев, особенно издевался над женщинами, невзирая на возраст - от 80-летних старух до подростков. И все безнаказанно.

Но и добрые люди тоже были. И самое примечательное то, что сегодня бывшие спецпереселенцы, не забывшие пережитое, чаще вспоминают людей, проявивших доброту, чем тех, кто издевался над ними...

Нальчик, 1991
доктор исторических наук Х.И.ХУТУЕВ

Продолжение следует.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРАЧАЕВЦЫ

Исмаил Алиев. Шлейф бед и страданий... 7

КАЛМЫКИ

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. 39
Х.М.Ибрагимбейли. Калмыки 40
Н.Ф.Бугай. О депортации калмыцкого народа 40
На фронтах Великой Отечественной войны 41
Депортации подверглись 42
Докладная записка Берии Сталину, Молотову от 2 апреля 1944 г. 42
С.Липкин. Ты виноват: Из поэмы 43
Шел третий год войны... Рассказ старой калмычки 46
Двадцать восьмого декабря: Народная песня 50
Ф.Надь. Помнит земля сибирская... Воспоминания 51
Суровый декабрь: Народная песня 54
О.Волков. Последняя калмычка: Отрывок из повести 55
О жизни в Сибири: Народная песня 58
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. 59
Д.Кугультинов. Ушла зима... Стихотворение 60
Копия судебного Определения по уголовному делу М.П.Манжиевой 60
Д.Кугультинов. От правды я не отрекался: Стихотворение 62
Постановление ЦК КПСС, март 1956 г. 65
П.Д.Бакаев. Геноцид 66
Д.Кугультинов. Я помню прошлое... Стихотворение 69

ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ.

Вынужденному переселению... 70
Народ был в те годы перемолот... 70
Те методы... 71
А.Некрич. О руководстве депортацией 71
Заместителю НКВД Б.З.Кобулову от 18 марта 1944 г. 73
Не могу простить! 74

ИНГУШИ

Чечено-Ингушетия 77
В 1937 году 77
Телеграмма И.В. Сталину от Берии. 17 февраля 1944 г. 78
Телеграмма И.В.Сталину от Берии. 22 февраля 1944 г. 79
Н.Ф.Бугай. Правда о депортации чеченского и ингушского народов 80
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. 87
С.Чахкиев. Выйти замуж за огонь: Рассказ 88
А.Приставкин. Отрывок из повести "Ночевала тучка золотая..." 104
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 г. 106
А.Базоркина. Терпение: Воспоминания 107
Д.Мальсагов. Аннексия: как это было 145
А.Некрич. Историческая справка 148
Дарственная. В Советский фонд культуры от ингушского народа 149
Акт от 14 августа 1990 г. 150
Акт от 18 августа 1990 г. 151
А.Ведзижев. Орден. Рассказ 152
Дж. Яндиев. Горсть земли 166

ЧЕЧЕНЦЫ

Д.Хожаев. Геноцид: Очерк 169
Г.Лобас. Война, которую мы не знали 174
Выписка из Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 июня 1944 г. 175
Кровавый пепел Хайбаха: Свидетельства выживших 175
Инквизиция: Рассказ очевидца 180
Акт от 22 августа 1990 г. 185

М.Сулаев. Шел снег: Отрывок из романа 186
Д.Умалатов. Я помню... 199
Докладная записка Дроздова (сентябрь 1944 г.) 206
Докладная записка предсовнаркома Даг. АССР Даниялову 216
Докладная записка Предсовнаркома РСФСР Косыгину А. 217
Наркому НКВД СССР Берия Л.П. 219
Постановление Совнаркома Даг. АССР от 24 мая 1945 г. 221
М.Мусаев. Судьбы народные: Очерк 221
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. 227
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 янв. 1957 г. 228
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 февр. 1957 г. 229
А.Костерин. Письмо Н.С.Хрущеву 230
И.Минтяк. Возвращение огня: Вайнахская повесть 235
Д.Умалатов. Продолжение репрессии 242
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 апр. 1962 г. 244
А.Солженицын. Отрывок из книги "Архипелаг ГУЛАГ" 245

С.Липкин. Тавлары: Отрывок из повести 251

БАЛКАРЦЫ

С.Логинова. Черекская "Хатынь": Расследование ведет журналист 261
Р.Кулиев. Я помню 264
Л.П.Берия. Справка от 22 марта 1944 г. 265
Указ Президиума Верховного Совета СССР от (8) апр. 1944 г. 266
Хроника 267
Награждение 268
К.Мечиев. Многострадальный мой народ. Выдержать. Стихи 270
К.Теппеев. Тяжкий путь: Трагедия 273
Х.И.Хутуев. Режим спецпоселений: Ист. очерк 329

Продолжение следует

Замечания, пожелания и дополнения
присылайте по адресу:
115407 Москва, до востребования
Алиевой Светлане Умаровне

Художественно-документальный сборник

ТАК ЭТО БЫЛО

том II

Редактор В.С. Сдобникова, С.У.Алиева
Художественный и технический редактор А.Ю.Помпеев

Сдано в набор 15.06.91. Подписано в печать 15.02.93. Формат 60x90 1/16.
Бумага кн.-журн. Гарнитура „Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.
Тираж 50000 экз. Заказ № 891. Цена договорная.

НПО „ИНСАН" совместно с МП „Технология", 121011, Москва, Гоголевский бульвар, 6.

Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ, 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.